
И. Я. Стеллецкий
МЕРТВЫЕ
КНИГИ
В МОСКОВСКОМ
ТАЙНИКЕ

И. Я. Стеллецкий

•

МЕРТВЫЕ КНИГИ В МОСКОВСКОМ ТАЙНИКЕ

Документальная история библиотеки Грозного

Московский рабочий
1993

ББК ~~78.33~~
С79

Рецензент — кандидат филологических наук
С. Р. ДОЛГОВА

Послесловие доктора исторических наук
А. А. АМОСОВА

Стеллецкий И. Я.

С79 Мертвые книги в московском тайнике.— М.: Моск. рабочий, 1993.— 270 с.: ил.

Книга видного историка и археолога посвящена легендарной библиотеке Ивана Грозного, историей которой ученый занимался более 40 лет. В начале 30-х годов он вел поисковые работы в подземельях Московского Кремля, которые были прекращены после убийства С. М. Кирова.

В первом томе прослеживается история библиотеки, рассказывается о хранившихся в ней уникальных книгах, во втором описывается начальный этап ее поисков Стеллецким. Отсутствие третьего тома, таинственно исчезнувшего, в определенном смысле восполнено дневниками автора, которые читаются, как приключенческий роман.

Предназначена для массового читателя.

С $\frac{0503020900-52}{М 172(03)-93}$ 5—92

ББК 78.33
С79

ISBN 5—239—01341—1

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Библиотека Ивана Грозного не один десяток лет привлекает к себе внимание как широкой публики, так и ученых-специалистов. Судьбу библиотеки пытались проследить С. А. Белокуров, Н. П. Лихачев, А. И. Соболевский, Н. Н. Зарубин, М. И. Слуховский, М. Н. Тихомиров, С. О. Шмидт, А. А. Амосов и многие другие. Одни исследователи считали, что она сгорела в пожарах 1547, 1571, 1611 гг. (Н. П. Лихачев, И. Е. Забелин, Фр. Клоссиус). Другие утверждали, что она разграблена поляками в Смутное время. Третьи уверены, что она растворилась в Синодальной и других библиотеках (С. О. Шмидт, М. И. Слуховский). Четвертые — что она хранится и по сей день в кремлевских подземных палатах. К последним принадлежал Игнатий Яковлевич Стеллецкий, неутомимый искатель библиотеки, посвятивший этому делу более сорока лет.

С детства в каждом из нас живет интерес ко всему таинственному, но мало кто посвятил свою жизнь разгадыванию тайн природы и истории, как это сделал Игнатий Яковлевич. Деятельность его была разнообразной, а работоспособность фантастической. Он занимался изучением пещер, подземелий, подземных ходов, крепостных сооружений, средневековых монастырей. Спелеологические, археологические, геологоразведочные экспедиции на Украину, Кавказ и в Среднюю Азию, работа над книгами и статьями, переводы трудов французских спелеологов, съемки в кинофильмах — вот далеко не полный перечень того, чем занимался в своей жизни этот человек. У него было много противников в научном мире, а рецензенты, как правило, считали, что в его трудах больше фантазий, чем научных оснований. Забегая вперед, скажу, что ряд версий, выдвинутых Стеллецким, нашли свое подтверждение уже в наши дни. А в 30-е годы об Игнатии Яковлевиче ходило немало невероятных слухов, отголоски которых порой доносятся и до наших дней.

Используя материалы архива Стеллецкого, вот уже сорок лет хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), мы попытаемся рассказать о жизни этого необыкновенного человека.

Игнатий Яковлевич Стеллецкий родился 3 февраля 1878 года в селе Григорьевка Александровского уезда Екатеринославской губернии. Отец его Яков Стефанович, имевший звание личного дворянина, был учителем сельской школы. Мать Ульяна Федоровна, урожденная Шульгина, происходила из семьи священника. Через два года после рождения сына Стеллецкие переезжают в Кривой Рог, а затем на Харьковщину. Шести лет Игнатия отдали в церковноприходскую школу, затем была учеба в «бурсе» (Харьковском духовном коллегиуме) и семи-

нарии. Учился он охотно. Природа щедро одарила украинского паренька. Он с удовольствием изучал языки и с завидной легкостью писал сочинения, прекрасно рисовал и пел. Игнатий обладал редким даром рассказчика, причем зачастую он удивлял сокурсников историями, подсказанными его богатым воображением. Рано научившись читать, он уже не расставался с книгами, и если в детстве он отдавал предпочтение тем, которые повествовали о путешествиях и приключениях, то с годами пришла любовь к Гоголю, Пушкину, Шевченко, Тютчеву. С юношеских лет его интересовала история, загадки подземного мира. Мечтал Игнатий и о дальних странствиях.

После окончания семинарии он поступает в Киевскую духовную академию. Отрывочные сведения об этом периоде жизни есть в мемуарах Стеллецкого. Из них мы узнаем, что хорошее знание греческого языка позволило ему на третьем курсе написать диссертацию для одного из соискателей. Познакомившись с запрещенной в России книгой Н. Нотовича «Тайна жизни Иисуса Христа», Игнатий переводит ее на русский язык. Трудно сказать, откуда об этом стало известно в Париже, но французский издатель Поль Оллендорф предложил ему издать перевод (ранее книга была издана на многих европейских языках). Игнатий Яковлевич вспоминал: «Мог ли я остаться равнодушным, когда помимо всего прочего предложение Оллендорфа сулило и подкрепление скудного студенческого бюджета»*. Духовные власти не разрешили издать перевод, удалось лишь напечатать рецензию на книгу Н. Нотовича. В 1905 году Стеллецкий защитил диссертацию на тему «Преобразование учебных заведений в 60-е годы XIX столетия» (до 1941 года труд хранился в рукописном отделе Академии наук Украины). Молодому кандидату богословия предложили на выбор два места службы — Америку и Палестину. Стеллецкий выбирает Восток. С 15 октября 1905 года он начинает работу в Палестинском обществе в качестве учителя истории и географии в русско-арабской семинарии в Назарете. За два года ему удалось побывать в Египте, Сирии, Турции, Греции. Гробница Александра Македонского и библейские пещеры, мозаичная карта Палестины и подземный Иерусалим, иудейские крепости и руины Гадары — все это интересовало Стеллецкого. Работая в семинарии, он учит арабский язык, участвует в раскопках, исследует подземелья и пещеры, пишет 13 статей по истории Востока («Гадары и гадаринские пещеры», «К археологии Иудеи» и др.). Особенно увлекла Игнатия Яковлевича топографическая проверка сказаний об основании христианства. Для решения вопроса о месте рождения Иоанна Предтечи он провел раскопки в Мадебе (неподалеку от Иерихона), результаты которых заинтересовали, в частности, представителя итальянской миссии в Палестине. Но в глубине души Стеллецкий понимал, что для проведения настоящих археологических работ ему не хватает специальных знаний. Оставив службу, он в 1907 году поступает в Московский археологический институт. Его не испугало даже то, что он остался без средств к существованию. Помощь Игнатию Яковле-

* ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 233. Далее все сноски на архивные источники будут относиться к указанному фонду.

вичу оказал Д. Я. Самоквасов, возглавлявший Московский архив Министерства юстиции (МАМЮ). В этом архиве Стеллецкий занимался разбором грамот Коллегии экономии.

В период с 1907 по 1910 год Стеллецкий становится действительным членом Императорского русского военно-исторического общества и Императорского московского археологического общества (ИМАО). Он работает в церковно-археологическом отделе при Обществе любителей духовного просвещения, в Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, а также занимается благотворительной деятельностью в Совете московских приютов. По заданию Д. Я. Самоквасова и на его средства Стеллецкий проводит раскопки на Украине (Снетин) и в Подмосковье (Дьяково городище). В то же время он не оставляет работы в МАМЮ. «Архив — драгоценное хранилище ключей к бесчисленным тайнам прошлого. Здесь я нашел и ключи к знаменитой своей романтической легендарностью библиотеке Грозного... Я решил найти последнюю a tout prix*»**.

Решение это было принято не сгоряча. Игнатий Яковлевич кропотливо собрал все материалы, которые имели прямое или косвенное отношение к библиотеке, тщательно их изучил, и только тогда у него появилась твердая убежденность в существовании этого книжного собрания, убежденность, которая не покинула его до самой смерти. Будучи сторонником версии, по которой библиотека спрятана в подземном хранилище, Стеллецкий начинает изучать топографию подземного Кремля. В это же время его внимание привлекает подземная Москва — другая тайна за семью печатями. Еще в бытность свою в Палестине он заметил, что многие древние здания имеют подземелья и подземные ходы. Москва, часто подвергавшаяся нападениям, также должна была иметь подобные «тайники». На свой страх и риск он начинает обследовать подземную часть дома Археологического общества на Берсеневской набережной (дом 20, бывшие палаты Аверкия Кириллова). Во дворе дома при раскопках им была обнаружена белокаменная лестница, ступени которой уходили куда-то под Москву-реку. Но тут вмешалась графиня П. С. Уварова, возглавлявшая ИМАО: «Пока я жива, Вы в доме Археологического общества копать не будете»***.

Удрученный неудачей, Стеллецкий понял, что для дальнейших исследований подземной Москвы ему необходима поддержка какой-то комиссии или общества. В 1909 году он становится одним из учредителей комиссии «Старая Москва». При поддержке комиссии Игнатий Яковлевич нашел и обследовал подземные ходы в Донском и Новодевичьем монастырях и в ряде зданий XVI — XVII веков. В Кремль он попадает волей случая лишь на короткое время, проверяя сохранность документов губернского архива старых дел, хранившихся в Арсенальной башне. Уже первое знакомство с подземным Кремлем подтверждает некоторые догадки Стеллецкого.

---

* Любой ценой (франц.).
** Оп. 1. Д. 1. Л. 84.
*** Оп. 1. Д. 82. Л. 96.

В это же время происходят перемены и в личной жизни ученого. В 1908 году Стеллецкий обвенчался в Киеве с потомственной дворянкой Анной Васильевной Супруненко. От этого брака родились дочери Любовь (1909) и Злата (1911) и сын Донат (1917).

В 1910 году Стеллецкий защитил диссертацию на тему «Мадебская карта-мозаика Палестины в связи с вопросом о новой «Горней» и получил звание «ученого археолога». В этом же году он участвовал в раскопках в Крыму.

В последующие два года Игнатий Яковлевич неоднократно выезжал в командировки для обследования найденных подземных ходов. Изучал он крепостные сооружения Изборска, Пскова, Новгорода, Выборга. Особое внимание уделял Игнатий Яковлевич пещерным монастырям. На Археологическом съезде в Новгороде, выступая с докладом, Стеллецкий призвал археологов изучать памятники подземной старины. Призыв этот был встречен ироническими улыбками, а археолог И. К. Линдеман был невероятно возмущен предложением Стеллецкого, заявив: «Докладчик дерзает посылать археологов туда, куда раньше лишь каторжников посылали»*. Негативное отношение к подземной старине собратьев по науке не обескуражило Игнатия Яковлевича, он продолжал заниматься подземным миром, только предпочитал теперь работать в одиночку, стал более замкнутым и реже рассказывал о своих находках.

На третьем году существования комиссии «Старая Москва» между ее членами возникли разногласия. Большинство историков считали, что изучать надо Москву наземную, подземная может и подождать. Стеллецкий решает создать новое общество. Его поддержал чиновник губернского правления Н. Г. Способин. Собрав коллектив единомышленников, они объявили о рождении Общества по исследованию памятников древности. При обществе стала существовать Комиссия по изучению подземной старины. Ее-то и возглавил Игнатий Яковлевич. В «Положении о Комиссии...» говорилось: «Комиссия ставит своей задачей выявление и изучение памятников подземной старины, то есть предметов первобытной и бытовой археологии, скрытых в недрах земли временем или волей человека. Но особенно Комиссию интересуют всякого рода древние подземные сооружения, бытовые и военные, сохранившиеся в недрах территории России. В этом отношении во главу изучения ставятся Комиссией связанные с подземными замковые и крепостные сооружения, валы, городища, курганы, всякого рода пещеры, погреба, ямины, оседания и провалы почвы, клады и сопутствующие им явления: кладоискательство и «магический жезл»**»***. С первых же шагов комиссии ей оказал помощь архив Министерства юстиции. От него было направлено письмо министру внутренних дел, тот пообещал помочь в сборе материалов. И в самом деле, вскоре в комиссию стали поступать из разных

---

* Оп. 1. Д. 1. Л. 86.

** «Магический жезл» — биолокатор. Во время своих путешествий Стеллецкий встречал людей, умевших с помощью «волшебной лозы» отыскивать под землей металл и воду. Он пытался обратить внимание на это явление ИМАО, но его подняли на смех.

*** Оп. 3. Д. 154. Л. 5.

областей империи сведения, собранные статистическими комитетами. Присылали материалы и губернские архивные комиссии, отдельные исследователи. Иногда информация дополнялась планами, схемами, рисунками, фотографиями. Сведения о подземных ходах Стеллецкий всегда старался проверить лично. В короткий срок был собран обширный материал, который собирались издать в виде сборника, однако сделать это не удалось. Игнатий Яковлевич не забывал и о подземной Москве. После долгих изысканий в архивах он пришел к выводу, что «подземные ходы или тайники Москвы всегда составляли элемент фамильной и государственной тайны и в официальные документы сведения о них не заносились»*. Оставалось осматривать здания, где могли быть подземелья, проверять предания, легенды, слухи. Иногда (но очень редко) Стеллецкому удавалось встретить людей, проходивших тем или иным ходом.

Следует сказать, что работа по изучению подземных сооружений древности и по сей день связана с большими трудностями. Исследователя подстерегают обвалы и удушливые газы. Многие подземные ходы заполнены водой или землей. Иные ходы замурованы.

Для расчистки тайников требовались средства и рабочая сила. У Стеллецкого не было ни того, ни другого. Он мог полагаться только на себя, на свой опыт. Вооруженный лишь свечами да заступом, он проникал в неведомые подземелья, и день за днем перед ним открывались тайны подземной Москвы.

В 1912 году в Обществе бывших слушателей Археологического института Стеллецкий прочитал доклад «План подземной Москвы». Согласно этому плану, подземные сооружения под зданиями XVI — XVII веков, находящимися в пределах Садового кольца, связаны между собой и с Кремлем сетью подземных лабиринтов. Игнатий Яковлевич считал, что учителями русских зодчих в подземном деле были итальянские архитекторы-строители, творцы Кремля и Китай-города Аристотель Фиораванти, Пьетро Антонио Солари, Алевиз Новый, Петрок Малый. Он высоко ценил талант и мастерство этих людей, создавших уникальные памятники русского зодчества. Стеллецкий утверждал, что подземный и наземный Кремль был построен по плану «мага и чародея» Аристотеля Фиораванти. Зная из летописных источников, что в древние времена посредине Боровицкого холма проходил глубокий овраг, Стеллецкий предполагал, что на дне оврага находились выходы из неолитических пещер. По этой же версии, Фиораванти посредством подземных ходов связал пещеры между собой. Подобное сооружение было встречено Игнатием Яковлевичем в Киеве.

Здесь мы не будем рассказывать о работах Стеллецкого в Кремле в 1914 году, так как этот период описан в «Мертвых книгах...». Скажем только, что в 1914—1916 годах Игнатий Яковлевич читает лекции в Московском археологическом институте о подземных древностях и пещерах Востока. В эти же годы он собирает кладовые записи, встречается с кладоискателями, ищет сведения о кладах в архивах. Летом 1916 года он начинает поиски клада польского гетмана

---

* Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

Иеремии Вишневецкого в Лубнах (Полтавская губ.) на средства, выделенные городской управой.

В 1912 году Стеллецкий производится в титулярные советники и получает медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 года. В 1913 году он становится коллежским асессором и награждается медалью в память 300-летия дома Романовых. В этом же году он «за отлично усердную службу всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава III степени при грамоте»*.

Осенью 1916 года Стеллецкого командируют в Управление завоеванными областями Турции в качестве ученого археолога. Наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич потребовал от управления тщательной фиксации и бережной охраны памятников на территории, занятой русскими войсками. Для проведения этих работ потребовались специалисты, одним из которых и явился Игнатий Яковлевич. Прибыв в Тифлис (Тбилиси), Стеллецкий разрабатывает план экспедиции Трапезунд — Багдад, получивший поддержку генерал-губернатора М. В. Романовского-Романько и академика Ф. И. Успенского. В связи с Февральской революцией разрешения на проведение экспедиции пришлось ждать полгода. Летом 1917 года небольшой отряд, возглавляемый Стеллецким, в течение трех месяцев прошел от Трапезунда до озера Ван. Наряду со спелеологическими исследованиями и археологическими раскопками проводился поиск полезных ископаемых.

После Октябрьской революции Стеллецкий пытался пробраться в Москву, но гражданская война задержала его на Украине, где он пробыл несколько лет. Надо сказать, что Игнатий Яковлевич был человеком, далеким от политики. Главным в его жизни было любимое дело, которому он отдавал всего себя. Начав раскопки на Зверинце в Киеве, он продолжал их, невзирая на смену властей. Не обращая внимания на белых, красных, зеленых, он спокойно раскапывал скифский курган в степи, исследовал пещеры в Холодном яру, собирал памятники по разрушенным помещичьим усадьбам. В 1918 году его избирают профессором Украинского государственного университета, он читает лекции по археологии. В это же время ведет работу по описанию украинских памятников, хранящихся в русских музеях. В 1919 году по заданию Украинской Академии наук (УАН) Стеллецкий организует сбор памятников искусства и старины. С этой целью его экспедиция проходит по маршрутам Лубны — Золотоноша — Канев, Киев — Лубны, Кременчуг — Харьков. Наиболее ценные экспонаты он передает в УАН. В селах он читает лекции, создает общества по охране памятников и музеи.

В ноябре 1920 года Стеллецкий появляется в Лубнах, где два года назад им был создан музей. При музее открывается филиал УАН. Кроме Игнатия Яковлевича здесь работали профессора Е. Ю. Перфецкий и Н. Н. Павлов-Сильванский. Ими был написан ряд трудов по истории Лубен, устраивались лекции и выставки, проводились экскурсии по окрестностям города.

---

* Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об.

В 1921 году УАН командирует Стеллецкого в Андрусовку для продолжения поиска останков мамонтов, начатого археологом Андреевым еще в 1916 году. Игнатий Яковлевич раскопал останки нескольких мамонтов, костяк самого крупного был отправлен в Киев и установлен в Институте геологии в 1926 году (во время войны костяк был вывезен в Германию). В 1921 году Стеллецкий попадает в бывшее имение Давыдовых Каменку. Там он находит библиотеку, которой когда-то пользовался Пушкин, в ужасном состоянии. Описав ее, Игнатий Яковлевич передал книги в Чигиринский музей. Им же были произведены раскопки в замке Богдана Хмельницкого в Субботове. Возле апсиды Ильинской церкви археолог нашел полусгоревшие человеческие кости. Он предполагал, что это останки Богдана Хмельницкого, которые пытался сжечь гетман Чарнецкий, но историки отнеслись к этому весьма скептически. Опасаясь, что после его отъезда кости выбросят из музея, Игнатий Яковлевич увозит их с собой. В 30-е годы он получает письмо с требованием Комиссии по охране памятников срочно вернуть в субботовский музей взятые им «кости Богдана Хмельницкого».

В 1922—1923 годах Игнатий Яковлевич много занимается подземными сооружениями в Лубнах. Построены они были в средние века монахами-бернардинцами и таили немало секретов. Например, подземелье ратуши, стоявшей на горе, имело в укромном уголке подземный колодец, а также ход для бегства. В Лубнах же археолог продолжил работы по поиску клада Вишневецкого. С помощью энтузиастов им было локализовано местонахождение замка польского магната. При раскопках был обнаружен плиточный пол и сгоревший подземный ход со множеством скелетов. Ход вел в овраг к реке Суле. В нем были найдены сабли, перстни, курительные трубки и т. п. Необходимо было дальше расчищать развалины замка в поисках тайников с сокровищами, но против этой работы выступили местные власти. Они закрыли музей. Оставшись не у дел, Стеллецкий принимает решение вернуться в Москву. Сюда он приезжает осенью 1923 года со своей второй женой Марией Михайловной Исаевич.

Еще в 1919 году Стеллецкий узнал о том, что его квартира в Хамовниках реквизирована, а архив и библиотека вывезены в неизвестном направлении. Стеллецкий обращался за помощью в Наркомпрос и уголовный розыск, но поиски ни к чему не привели. Уникальные материалы по подземной старине, истории библиотеки Грозного исчезли бесследно. В сорок пять лет ученому приходилось все начинать заново. Не было жилья, работы, архива, библиотеки, не было и многих друзей, не нашедших общего языка с новой властью и эмигрировавших. Полгода Игнатий Яковлевич преподавал украинский язык в Академии Красной Армии. Затем ему удалось устроиться сверхштатным библиотекарем в Исторический музей. После дискуссии, на которой было принято решение о целесообразности поисков библиотеки Грозного (подробно о ней рассказано в «Мертвых книгах...»), Игнатий Яковлевич вновь начинает собирать материалы о подземном Кремле. Он обращается за помощью к бывшему князю Н. С. Щербатову, который проводил раскопки в Кремле в 1894 году. Но фотографии и записи у Щербатова были изъяты «под честное слово» сотрудниками ЧК. «Зараз десь

у ГПУ на почотнім місті на думку Щербатова»*,— язвительно замечает разочарованный Стеллецкий.

Не получив ответа на свои многочисленные обращения в разные организации с просьбой помочь организовать поиски библиотеки Грозного, Стеллецкий пошел на маленькую хитрость. Он заключил договор на написание книги о подземной Москве с Государственным издательством РСФСР (Госиздат). С письмом от издательства исследователь направился в ГПУ, где надеялся получить разрешение на обследование тайников Москвы, а особенно Кремля. Но сотрудник ГПУ сказал: «В Кремль мы Вас не пустим, а вся Москва Ваша... Мы его сами весь ископали»**. Однако фраза «вся Москва Ваша» не соответствовала действительности. Тайник на Большой Дмитровке, например, обследовали сами сотрудники ГПУ, что и привело к нулевым результатам. Здания, занятые правительственными учреждениями, военными организациями, банками и т. п., также были недоступны для спелеолога. Но все же Стеллецкому удалось собрать новый материал по подземной старине. Были найдены и по возможности обследованы подземные ходы в Сухаревой башне, Юсуповском дворце (палаты XVII в. в Б. Харитоньевском пер.), Симоновом монастыре. Но чаще всего он встречал ходы, которые требовали расчистки (дом Консистории, церковь Гребневской Божией Матери*** на Мясницкой ул., дом Мейендорфа на ул. Герцена и др.). А в бывшем замке Бирона на Швивой горке**** в подвале имелись свежезаложенные арки, за ними находился ход, предположительно выводящий в район Воробьевых гор.

Минуя рогатки цензуры, Стеллецкий собрал в небольшой сборник материалы по подземной Москве, но издательства отказали ему в публикации под благовидными предлогами.

В 1927 году Игнатий Яковлевич уходит из Исторического музея и много работает в Российском обществе туристов: проводит экскурсии в Москве и Подмосковье, читает лекции в разных городах. Только в Большой аудитории Политехнического музея у него при аншлаге состоялись шесть лекций. Одна из лекций даже транслировалась по радио. А. В. Луначарский шутя называл его своим соперником. Противники Стеллецкого говорили, что его выступления носят характер нездоровой сенсации, на что он резонно отвечал: «Публика Большой аудитории чрезвычайно капризна, один раз не понравилось, в другой никакой пинкертоновщиной не заманишь, да еще в газетах вздуют в хвост и в гриву»*****. Темы лекций были различны: пещеры, подземные ходы, библиотека Грозного. Общение со слушателями давало Игнатию Яковлевичу информацию о неизвестных ему подземных ходах и т. п. Так, от очевидцев он узнал о находке при

---

* Оп. 3. Д. 58. Л. 51 об.

** Там же. Л. 89.

*** Памятник XVI в., разобрана в 1926—1935 гг.

**** Ныне на этом месте находится высотный дом на Котельнической набережной.

***** Оп. 1. Д. 93. Л. 7 об.

ремонте в Яузской больнице подземелья с прикованным к стене скелетом, об иезуитских тайниках в Полоцке, о пещерах близ Ельца и т. п.

В начале 30-х годов начинается сотрудничество Стеллецкого с Московским метрополитеном. Игнатий Яковлевич знал, что при сооружении метро в Париже подземные сооружения древности были использованы наилучшим образом: в них были размещены службы метро, служебные линии и т. п. Он считал, что так будет и в Москве, но этого не случилось. Зная о подземных ходах, расположенных над первоочередной трассой метро, Стеллецкий неоднократно предупреждал о них начальника Метростроя П. П. Ротерта. Как спелеолог, он понимал опасность подобного соседства. Вот что писал он в докладной записке Ротерту в 1933 году о строящемся здании Библиотеки имени Ленина: «Грандиозное здание библиотеки имени Ленина возводится на месте, густо истонченном на известной глубине историческими пустотами. Тоннель первоочередной трассы, который имеет пройти под ним, составляет определенную угрозу архитектурному гиганту, если таинственные пустоты под ним времен Ивана Грозного своевременно не будут учтены и обезврежены»*. Несколько позже мы еще вернемся к этому предупреждению Стеллецкого. Как видим, Игнатий Яковлевич пытался реализовать свои знания. Но на душе у него было горько. «Такие чувства остро переживал, пересматривая свои 10-летние бумаги о подземной Москве, собираясь писать очередную докладную записку (П. П. Ротерту) о подземной Москве с тем, конечно, чтобы она не была напечатана. Как никогда, меня охватило раздражение, злость. С какой стати загублен мой научный век? Почему мне долгими годами зажимают рот и я ничего не могу напечатать о своих открытиях, которые, безусловно, наделали бы шум?!»**

Получив согласие Ротерта на создание музея «Подземная Москва», Стеллецкий обращается к рабочим метрополитена с просьбой передавать предметы, найденные при земляных работах в шахтах метро, в музей. К сожалению, рабочие не были в этом заинтересованы, часто они не только не сообщали о своих находках, но и разрушали найденное. «При проходке тоннеля метро через кладбище у башни Кутафьей***, встреченные погребения не могли, конечно, замедлить темпы работ. Я дежурил ночью. Один цельный гроб велел окопать. Пока осматривал другой, первый был растащен крючьями, а череп из него, с волосами, усами, бородой, вызвав огромный интерес, пошел гулять по рукам, пока не исчез бесследно. Этот случай красноречиво говорит за то, что даже личное присутствие исследователя не всегда могло гарантировать сохранность находок. Неудивительно, что погиб редчайший экземпляр захоронения — отлично сохранившийся труп, снежно-белый и мягкий, который легко было проткнуть: вместе с обломками гроба он был вывезен на свалку»****. Игнатий Яковлевич предложил Ротерту назначить награды для находчиков, но откуда взять деньги?

---

* Оп. 2. Д. 39. Л. 169.

** Оп. 3. Д. 63. Л. 13 об.

*** В XV — XVII вв. здесь находилось кладбище при церкви Николы в Сапожках.

**** Оп. 1. Д. 93. Л. 16.

Метрополитен не смог выделить даже комнаты для экспонатов музея, и все они размещались в маленькой квартире Стеллецких.

В подвалах бывшего дома Стрешневых (XVII в.) на территории строящейся Библиотеки имени Ленина Стеллецким были обнаружены ступени каменной лестницы, уходящей под землю. Игнатий Яковлевич приступил к расчистке ступеней, но ночью кто-то специально повредил свод подвала настолько, что работать в нем стало опасно. Этим воспользовались противники Стеллецкого. Группа археологов из Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры (МОГАИМК), написала отрицательный отзыв о работе Стеллецкого в метро и, не поставив в известность исследователя, разослала отзыв в разные организации. Но, очевидно, Ротерт больше доверял Сетеллецкому, так как не реагировал на отзыв. В дневниковых записях Игнатия Яковлевича есть упоминание о невыносимо тяжелой обстановке вокруг него, о том, что он неоднократно предлагал своим противникам выяснить отношения: «Если приемлем, готов служить и жизнь отдать за науку, если горбат, только могила исправит»*.

В 30-е годы Стеллецкий часто выезжает с геологоразведочными экспедициями. В 1931 году он разыскивает старинные места добычи серебра на Украине. В 1932 году по заданию Союзгеоразведки проводит экспедицию по бассейнам рек Малки, Баксана, Ингури. После этой экспедиции он создает книгу «Золотой Кавказ», которая получила положительный отзыв начальника объединения «Главзолото».

В 1933 году Игнатий Яковлевич пишет письмо Сталину с просьбой разрешить ему начать поиски библиотеки Грозного в Кремле. И он получает это разрешение. Одиннадцать месяцев он ведет раскопки в подземелье Арсенальной башни. «Везде и всюду подземелья временем и людьми приведены в состояние если не полного, то очень большого разрушения. Общей участи не избежал и Кремль, и потому нельзя обольщать себя мыслью, что достаточно открыть один ход и по нему уже легко пройти подо всем Кремлем, если не подо всей Москвой. В действительности путешествие по подземной Москве — скачка с препятствиями,. притом весьма существенными, устранение которых потребует усилий, времени и средств. Но все это ничто по сравнению с возможным идеальным результатом: очищенная, реставрированная и освещенная дуговыми фонарями подземная Москва явила бы из себя подземный музей научного и любого интереса»**. Стеллецкий мечтал о том, что подземный Кремль станет музеем, он верил, что Сталин разрешит это, как разрешил начать поиски библиотеки. Поскольку читателю еще предстоит познакомиться с дневниковыми записями Стеллецкого, повествующими о работах в Кремле, мы не будем рассказывать о результатах его работы. Отметим только одно: до самой смерти Стеллецкий был уверен, что работы были прекращены из-за «придворных» интриг, в Сталине он не сомневался.

Тридцать пятый год был во многом черным для Игнатия Яковлевича:

---

* Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

** Оп. 2. Д. 29. Л. 105.

прекращены работы в Кремле, арестованы многие друзья и знакомые. К тому же на его глазах почти ежедневно шло разрушение тех памятников, которые он пытался сохранить еще до революции. «О, Вы, далекие потомки, поймете ли Вы, как болит археологическое сердце, видя воочию, как разрушаются краса и гордость древнего человеческого творчества, кружевные церкви XV — XVII веков, таинственные, с подземными ходами, башни, как, например, Ильинская или Варварская, а вот сейчас даже Сухарева [...]. Ах, нет, не поймете, холодные и безразличные к этому. И счастливые! А нам, свидетелям и работникам двух веков, двух эпох — горе, горе...»*

В конце 30-х годов Стеллецкий был приглашен консультантом по спелеологии в Народный комиссариат обороны. Очевидно, здесь сыграли свою роль предложения Игнатия Яковлевича об использовании пещер для наступательных и оборонительных действий и об использовании подземелий Москвы в качестве газо- и бомбоубежищ. В это же время он работает с академиком А. Е. Ферсманом в спецкомиссии № 2 АН СССР. Неоднократно участвует в съемках художественных и научно-популярных фильмов**.

В войну Стеллецкие оставались в Москве. Игнатий Яковлевич имел возможность эвакуироваться, но в памяти была свежа утрата архива в 1919 году. Он принял решение остаться и уничтожить бумаги, если немцы возьмут Москву. Военные годы были полны лишений и тяжелого труда. Несмотря на свой возраст (а ему было 63 года), Стеллецкий тушил пожары и зажигательные бомбы на крыше своего дома, по ночам дежурил во дворе. После войны он был награжден медалью «За оборону Москвы». Только в 1943 году о нем вспомнили в Академии наук, и он стал получать литерную продуктовую карточку, а до этого Стеллецкие делили один обед, получаемый в столовой Союза писателей, на двоих, варили суп из лебеды и кашу из «смета»***. Голод привел к дистрофии. Квартира не отапливалась, и жить Стеллецкие перебрались в ванную комнату. В декабре 1941 года, голодный, с распухшими ногами, сидя в промерзшей квартире, Игнатий Яковлевич записывает: «Проверить упоминаемый в летописи «тайник», т. е. подземный ход из Беклемишевской башни к Москве-реке... Пройти из Спасской башни подземным ходом до храма Василия Блаженного, близ которого спуск в большой тоннель под Красную площадь, тоннель весьма загадочного назначения. Пройти из Никольской башни подземным ходом, спускающимся ниже алевизовского рва в район Китая и Белого города»****. И еще одна запись в дневнике: «Но после войны, после победы, заветный клад (библиотека Грозного.— Т. Б.) будет найден, порукой в том слово великого Сталина»*****.

---

* Оп. 3. Д. 63. Л. 10 об.

** Стеллецкий снимался в фильмах «Поезд идет на восток», «Наездник», «Суворов», «Билет в 5-ю зону», был консультантом на съемках фильмов «Пещерные города Московского района», «Москва под землей».

*** Смет — остатки муки и крупы, которые сметали щеточкой с прилавка, его выдавали в кассе взаимопомощи пенсионеров — научных работников.

**** Оп. 2. Д. 4. Л. 38.

***** Оп. 1. Д. 100. Л. 47.

Летом 1942 года Стеллецкие получили огород на Шелепихе (по Белорусской дороге). Непосильная физическая работа привела к кровоизлиянию. Игнатий Яковлевич ослеп на один глаз. После лечения у гомеопата зрение восстановилось. Зимой 1943 года его парализовало, и два месяца он пролежал в Остроумовской больнице. Вопреки мрачным прогнозам врачей Стеллецкий встал на ноги. Большой радостью было появление в 1944 году в журнале «Наука и жизнь» его статьи о библиотеке Грозного. Получив много писем от читателей, Игнатий Яковлевич принял решение написать документальную историю библиотеки Грозного. Летом 1945 года он отдыхал в санатории в Риге и обследовал подземелья ратуши. Это была последняя встреча Стеллецкого с подземным миром.

В мае 1947 года — второй паралич. Едва встав на ноги, Стеллецкий начинает работать директором библиотеки на спелеологической станции Московского университета. Но годы и болезни брали свое, порой он с трудом добирался до библиотеки.

О дальнейших событиях мы узнаем из дневниковых записей Марии Михайловны Исаевич, которая была верным другом Стеллецкого до последних дней его жизни. 18 января 1949 года Игнатий Яковлевич упал на улице и потерял сознание. В больнице сказали, что произошло кровоизлияние в третью левую лобовую извилину, ведающую речью. Несколько месяцев он был прикован к постели, ничего не мог делать сам. Из беседы Марии Михайловны Исаевич с лечащим врачом:

— Вы говорите, что он весь живой, что никаких параличей не было и нет. Так почему же он не встает, почему сам не может ни есть, ни пить, ни умываться?

— Потому, что он забыл, как это делается. Он все забыл*.

10 апреля 1949 года его перевезли домой. Постепенно вернулись все навыки. Стеллецкий стал говорить чисто и ясно, но на каком-то незнакомом языке. Только много позже Мария Михайловна узнала, что Стеллецкий забыл все языки, кроме того, который изучал последним,— арабского. (Такое заболевание носит название афазия.) Постепенно Игнатий Яковлевич привык к своему состоянию. Чужую речь он понимал прекрасно, много читал, но писать не мог ни строчки. Часто он раскладывал на столе свои рукописи, перелистывал, что-то обдумывал, брал ручку, но из-под пера появлялись какие-то «иероглифы». Отчаянию его в такие минуты не было предела. Он расшвыривал тетради, ломал ручки, хватался за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, страшно кричал. Ярость сменялась тихими слезами. Закрыв лицо руками, стыдясь за свою несдержанность, он тихо повторял одно греческое слово: «мойра» — судьба... 11 ноября 1949 года Стеллецкого не стало.

В начале войны Игнатий Яковлевич написал свое первое и последнее завещание. Всего-то богатства было буфет и шкаф, сохранившиеся еще с дореволюционных времен, да полуразвалившийся дом в Лубнах. «Похоронить меня завещаю без кремации, на родной Украине, на Лысой горе, под г. Лубнами, в разрытой скифской могиле и водрузить каменную бабу с надписью: «Спелеолог

* Оп. 3. Д. 169. Л. 70.

Стеллецкий. 1878—194...»*. Похоронен он был на Ваганьковском кладбище. Осенью 1989 года были предприняты попытки отыскать могилу, но безрезультатно. На том месте, где, по словам очевидца, еще в 1981 году находился небольшой холмик с покосившимся крестом, были новые захоронения.

Через две недели после смерти мужа Мария Михайловна передала в дар Центральному государственному архиву литературы и искусства часть документов из архива Стеллецкого. Документальные материалы она передавала сюда до 1978 года. Но есть сведения, что некоторые из них попали в частные руки. Судьба этих документов неизвестна.

Немного хочется сказать о «фантазиях» Стеллецкого, над которыми смеялись специалисты в 30-е годы. Игнатий Яковлевич утверждал, что на Украине есть золото, и неоднократно просил организовать экспедицию по проверке его сведений. Золото на Украине нашли. Стеллецкий считал, что библиотека Ярослава Мудрого спрятана в подземных палатах в Киеве. Из рассказов украинских историков нам известно о находке собрания рукописных книг при прокладке коллектора на территории правительственных дач под Киевом. Книги хранились в подземной палате. (Теперь книги находятся в Чернобыльской зоне.) Стеллецкий предупреждал о возможности постепенного разрушения зданий, под которыми находятся «исторические пустоты» (ходы, остатки старинных построек и т. п.). Трещины были найдены не только в здании Библиотеки имени Ленина, но и в зданиях Большого и Малого театров, Метрополя. Можно было бы долго приводить подобные примеры. Но мы остановимся лишь на одном. Игнатий Яковлевич утверждал, что подземная Москва еще заявит о себе всему миру. В последние годы все чаще появляются статьи, авторы которых пытаются рассказать о подземной Москве. Они с уверенностью заявляют, что в 30-е годы были найдены подземные ходы, приводящие из «дворца Юсупова» в Кремль, из храма Христа Спасителя в дом Пашкова и на Боровицкий холм. На самом же деле подземный ход из «дворца Юсупова» не был пройден до конца из-за наличия удушливых газов. Подземелье под храмом Христа Спасителя имело заложенные арки, за которыми, возможно, были ходы, но не к дому Пашкова, а к подземной галерее, обнаруженной Стеллецким на ул. Маршала Шапошникова. Авторы подобных публикаций беззастенчиво используют «осколки» плана подземной Москвы, составленного Стеллецким, но при этом имени Игнатия Яковлевича никто не упоминает. Стеллецкий составлял свой план как на основе фактического материала (у него были сведения о 350 подземных точках**, на 200 точек был описательный и иллюстративный материал), так и на основе собственных версий, чего современные авторы не учитывают.

В настоящее время изучением подземных сооружений древности в Москве занимается малое государственное предприятие «Фром». При поиске тайников используются материалы архивов, сейсмозондирование, гравиразведка, разведка георадаром, биолокационная съемка, бурение и осмотр скважин телесистемами.

---

* Оп. 3. Д. 136. Л. 2 об.

** Это были не только подземные ходы, но и колодцы, каменоломни, подземелья с заложенными арками, провалы и т. п.

Работы ведутся в бывшем доме Пашкова, в Серпуховском и Новодевичьем монастырях. Уже первые исследования в доме Пашкова привели к интересным находкам. Во дворе дома, в подвале старого флигеля обнаружен колодец, не имеющий аналогов в нашей стране. Диаметр его — 5 метров. Выложен он из белокаменных блоков. В настоящее время колодец расчищен на 16 метров от земли и щебня, которыми он был засыпан предположительно в 30-е годы XX века. После укрепления стен колодца расчистка его будет продолжаться. Считают, что он является развилкой подземных ходов. В соседнем строении в подвале найден «черный ящик» — палаты без входа. Под ними обнаружена белокаменная камера размером 2×2 метра. Возможно, что это остатки некогда стоявшего здесь дворца великой княгини Софьи Витовтовны (XV в.). Дальнейшие работы наверняка приведут к новым находкам.

Документальная история библиотеки Ивана Грозного была написана Стеллецким в 1944—1948 годах. Состояла она из трех томов, но последний том в ЦГАЛИ СССР передан не был. Местонахождение его неизвестно. Поскольку в фонде Стеллецкого хранятся дневниковые записи о раскопках в Кремле, мы попытались заменить ими недостающий третий том. В 1933—1934 годах Игнатий Яковлевич Стеллецкий вел дневник на украинском языке, часто сокращал слова. После его смерти Мария Михайловна Исаевич перевела записи на русский язык. Некоторые слова в рукописи перевода невозможно разобрать.

Из-за бесконечных болезней Игнатий Яковлевич не закончил работу над книгой. Рукопись требовала хотя бы минимальной редакторской обработки, некоторые разделы не имеют прямого отношения к истории библиотеки и ее поиску и потому опущены. Сокращению подлежали главы, где шел повтор той или иной информации (переписка Стеллецкого с читателями, с Академией наук по вопросу поиска библиотеки Грозного). Сокращены также главы, подробно рассказывающие об Иване Грозном, поскольку они состоят из фрагментов трудов известных историков и носят компилятивный характер. В то же время мы сочли нужным дать в книге материалы из приложения ко II тому книги. Этот текст дается петитом. При подготовке книги к изданию были определенные трудности. Автор использовал только опубликованные источники, но при цитировании редко указывал их. В таком случае приходилось проводить поиски цитируемых мест в трудах разных авторов и т. п. Там, где это удалось, сделаны ссылки. Курсив и пометы в тексте принадлежат автору.

В книге использованы фотографии, сделанные Стеллецким при раскопках в Арсенальной башне и церкви Вознесения в Коломенском.

Т. БЕЛОУСОВА

И. Я. Стеллецкий

МЕРТВЫЕ КНИГИ В МОСКОВСКОМ ТАЙНИКЕ

(Документальная история библиотеки Грозного)

Старой Москве в память 800-летия посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема таинственных «мертвых книг» в московском тайнике, известных под названием «библиотеки Грозного», издавна привлекала к себе внимание, главным образом западных ученых, особенно же серьезно с начала XIX в., с момента открытия в России так называемого «списка» Дабелова[1]. Нашумевшая за границей статья профессора Клоссиуса[2] об этом открытии в России прошла незамеченной. Вообще, Запад с Америкой вместе проявили гораздо больше веры в историческую конкретность идеи, чем холодные умы русских скептиков-ученых. Большинство последних высказывалось в том смысле, что если подобное книгохранилище и существовало когда-либо, то не сохранилось до нашего времени — сгорело в один из московских пожаров. За его полную сохранность до наших дней отважно ратовал среди русских ученых (в положении «рыцаря печального образа») один только академик А. И. Соболевский[3]. [...]

С первого же момента знакомства с этим интереснейшим секретом старой Москвы я понял, что квази-легендарная библиотека конкретно существует в недоступных с виду тайниках Кремля, и что ее, используя спелеологический поисковый метод, вовсе не так уж трудно извлечь.

Находясь уже, пользуясь выражением Конона Осипова[4], «при старости» и изверившись в мачехе-судьбе, десятками лет не допускающей меня путем полевых подземных изысканий открыть не имеющее цены сокровище, я решил использовать долгими годами накопленный материал и написать исчерпывающую книгу о «библиотеке Грозного», в трех томах, с альбомом уникальных фотоснимков.

Знаю, что такая книга, возможно, окажется настольной для будущих поколений спелеологов, искателей «заколдованного клада России» (Тремер[5]), «поклажи» загадочного царя Ивана Грозного. А искать ее будут и правительства и ученые, ибо не искать ее, после всего уже сделанного в этой области, совершенно невозможно.

Во введении к книге дается очерк аналогичных московским «мертвых книг» древности, начиная с угасших цивилизаций Востока.

Первый том — КОРНИ — обнимет конец XV и XVI век, второй — БОРЬБА — с начала XVII до XX века включительно, третий — РАСКОПКИ — очерк подземного Кремля с решением задачи о местонахождении знаменитого аристотелевского подземного сейфа.

Сознание, что труд сей может сослужить свою службу России и делу социалистического строительства и что он может внести свою лепту в дело осуществления первой послевоенной пятилетки, поддерживало автора при написании трехтомника. [...]

Для читателя же, мало-мальски заинтересованного этой, имеющей такие глубокие корни, тайной русской истории, скажу, не гиперболизируя: книга представит сущую находку.

АВТОР

Москва. 1946 г.

Том I

ВВЕДЕНИЕ

КНИЖНЫЕ ПРЕДКИ ЛИБЕРЕИ

Термин «либерея» взят из Ливонской хроники рижского бургомистра Франца Ниенштедта[1]. Так последний называл библиотеку, замурованную загадочным царем Грозным в московском тайнике. [...].

Московская подземная библиотека не является беспрецедентной в истории. Много библиотек, начиная с библиотек древнего Востока, находились или находятся все еще под землей, или намеренно туда запрятанные, или засыпанные неумолимым Хроносом. Немало подземных библиотек и архивов Востока вскрыто раскопками европейских ученых экспедиций, главным образом в XIX в. Большой, думается, интерес представляет сравнить эти таинственные «мертвые книги» Востока с такими же 500-летней давности в московском тайнике.

МЕРТВЫЕ КНИГИ ВОСТОКА

ТЕЛЬ-АМАРНСКИЙ АРХИВ. Тель-Амарна[2] служила резиденцией фараону Аменхотепу IV[3]. Что послужило толчком к важному открытию? Хищнические раскопки феллахов, промышлявших продажей предметов древности. Заступ одного из грабителей ударился о кирпичный свод, издавший звук пустой бочки. Свод был проломан, в отверстие виднелись какие-то ящики, загружавшие большую комнату до сводов. Ящики были набиты глиняными табличками, сплошь испещренными клинописью. Открытое в Тель-Амарне огромное собрание архивных документов [...] заключает переписку между влиятельными князьями Передней Азии и египетским двором около 1400—1360 гг. до н. э. [...]

БИБЛИОТЕКА АШШУРБАНИПАЛА. [...] Ассиро-вавилонская клинопись достигла апогея своего развития при знаменитом ассирийском царе Ашшурбанипале (669—633 гг. до н. э.). Ашшурбанипал собрал величайшую в древности библиотеку

в 20 000 табличек. [...] Столицей Ассирии при Ашшурбанипале служила Ниневия. В ней царю принадлежали несколько дворцов. Среди них один старый дворец Сеннахериба, деда царя (705—681 гг. до н. э.). Этот дворец был отведен под клинописную библиотеку, собиравшуюся Ашшурбанипалом много лет. Была ли эта библиотека подземной, трудно сказать. Лейярд[4], производивший ее раскопки, не сообщает никаких данных для суждения о том. [...]

НИППУРСКИЙ АРХИВ. Что такое Ниппур[5]? Библейский город Хална (ныне деревня Хуффар) был расположен на реке Ховар (ныне Кабара), в Месопотамии. На берегах Ховара некогда сидели и плакали иудеи, насильно выселенные из родной земли. Эта область в библейские времена называлась «земля Сеннаар». Американцы, вообще падкие до проблем библейской археологии, заинтересовались в 1880 г. Сеннааром и направили туда научно-исследовательскую экспедицию Пенсильванского университета. Таких экспедиций с 1886 г. на протяжении 15 лет было проведено несколько, под руководством профессора Гильпрехта.

Подведя итоги всему проделанному, Гильпрехт пришел к выводу, что наивысшая точка в Ниппуре должна знаменовать библейскую вавилонскую башню, а рядом с нею храм Бела[6]. К югу от последнего констатирована храмовая библиотека и тут же, несколько вправо от ворот храма,— храмовый архив и сокровищница. Библиотека и архив разрушены эламитами[7] («яфетидами», по терминологии академика Н. Я. Марра) (III тысячелетие до н. э.).

Раскопками было добыто 60 000 клинописных табличек и среди них фрагмент сказания о потопе (2100 лет до н. э.).

Размещена была эта огромная библиотека в 70 больших комнатах.

Чрезвычайно интересно, что на глубине 36 метров, в доисторическом культурном слое, было обнаружено подземное помещение с «мертвыми книгами» типа московского тайника. [...]

ХЕТТСКИЙ АРХИВ. [...] Богатейший архив хеттской клинописи открыт Винклером в 1905 г. в Богазкее. Богазкей — захолустная деревушка в Малой Азии, на месте хеттской столицы Хатти, близ Ангоры[8]. Раскопками на склонах богазкейского холма Винклер в 1905—1906 гг. открыл не только следы «кремля» в виде стен и башен, но и целые россыпи глиняных табличек с клинописью XV — XIII вв. до н. э. [...]

КАИРСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Мусульман нередко упрекали в невежестве, и напрасно. Это доказывается их любовью к книге и огромными усилиями по собиранию выдающихся книгохранилищ.

В Египте, во владениях мавров, в Испании, Сирии, Бухаре, Самарканде, как и во многих других городах и государствах, подвластных Корану, принцы и вельможи заводили у себя большие библиотеки.

Среди предшественников Ивана Грозного надо назвать серьезного его соперника в X в. Аль-Хакема, прозванного Аль-Мостажиер, халифа Коркуанского[9].

Он посылал в Сирию, Египет и Персию своих агентов для описания и покупки драгоценных манускриптов за любые деньги. Дворец-библиотека Аль-Хакема неизменно был открыт настежь для всех ученых и писателей. А библиотека была внушительной — 600 000 книг — в сорока залах! Особо ценными были драгоценные сборники автографов в богатых переплетах. В 1080 г. драгоценная библиотека Аль-Хакема была [...] растащена турецкими солдатами, солдаты тащили книги за недоданное им жалованье.

Правительство задолжало не только солдатам, но и визирю (5000 динариев). На покрытие долга визирь увез себе книг на 25 верблюдах, стоимостью 150 000 динариев (около миллиона рублей). Вскоре в бурном течении событий дом визиря со множеством книг был разгромлен. Книги варварски уничтожались. Богатые переплеты шли на обувь для невольников и солдат, а самые книги жгли на кострах, топили в Ниле или спешно расхищали, кому не лень, другие государства.

Остатки гигантской библиотеки были свалены в огромные кучи вне городских стен. Ветры засыпали их пылью и песком, образовав целые насыпи, известные под названием «книжных холмов».

В Дамаске при взятии города в 1358 г. книг оказалось столько, что победители не находили, куда их девать. Частью их свалили в протекающую в городе реку Бараду, запрудив ее, частью — за городом. Образовались насыпи, по которым пехота и конница, как говорят, проходили несколько дней.

Зато уцелевшие «мертвые книги» Востока, попав в научную обработку позднейших представителей науки Запада, помогли нам дешифровать не одну загадку седой старины.

МЕРТВЫЕ КНИГИ ГРЕЦИИ

БИБЛИОТЕКА ПТОЛОМЕЕВ. Судьба библиотеки Птоломеев[10] особенно больна сердцу истинных библиоманов. Одним из

основателей ее был Федор Киренаки[11]. Птоломеи посылали его скупать книги по всей Греции.

Когда и где в Греции появилась впервые настоящая книга?

В Афинах в VI в. до н. э. В V в. до н. э. обычным материалом для письма служили папирус и кожаные свитки, в Италии — льняное полотно. Важным стимулом для развития книжного дела в Греции и Риме послужила Александрийская библиотека[12], предъявившая огромный спрос на переписчиков и папирус. Тогда же были выработаны правила[13]. [...] Поля в свитках были обязательны, ограничивался произвол в установлении длины свитков. [...] Длина свитков для наиболее роскошных изданий допускалась до 14—16 м. Обычная же длина свитков была принята в 25 см (для папирусных свитков). Уникальным являлся экземпляр в 5 см, содержавший эпиграммы. [...] Гиперболизмом надо признать печатный экземпляр «Илиады», вмещавшийся в ореховой скорлупе. [...]

Свитки из кожи носили название кодексов (codex). Город Пергам усовершенствовал выделку кожи, обрабатывая ее с обеих сторон, откуда название «пергамент». Пергамент можно было удобно сложить и запросто носить в кармане. Кодексы дошли до нас с I в. и до III в. н. э. Для литературных (не деловых) целей кодекс стал применяться, по-видимому, с I в. до н. э. Очень удобен был кодекс в путешествии и уж прямо незаменим для юристов, отсюда и название юридических свитков — «кодексы» (Феодосия, Юстиниана). Кодекс был удобен и как учебник; он же был излюбленной формой рукописей в раннюю христианскую эпоху (книги канонические).

Таким образом, кодекс как бы отождествлялся с новой религией, тогда как папирус оставался традиционным для классической языческой литературы.

С III в. н. э. кодекс стал объектом устремлений для библиоманов, студентов и рядового читателя; тогда как свиток папирусный стал служить большим соблазном для богатых коллекционеров и крупных библиотек. Так как писался он с одной стороны, то и считался дороже кодексов. В IV в. кодекс положительно превалировал, а в V в. победил окончательно.

Форматы кодексов были самые разнообразные, от 4 × 6 см, до фолиантов в 40 см величиной. Древность, в общем, предпочитала небольшие форматы.

Уже в александрийскую эпоху греки начали украшать свои книги рисунками и иллюстрировать текст. Пергамент оказался лучше приспособленным для иллюстрирования, чем папирус. Сохранилось много пергаментных рукописей, иллюстрации

которых относятся к античным образцам. В кодексах еще нередка орнаментовка первой и последней страниц, выделение краской отдельных букв и целых строк. [...]

Переписчиков и каллиграфов при Александрийской библиотеке состояло множество, судя по многочисленности книг, переписанных для этой последней.

Рукопись могла быть какая угодно — могла приобретаться и у «частников», только бы была с именем! Вот почему анонимов и псевдоанонимов тогда появилась бездна, причем подложные произведения уже трудно было отличить от подлинных. Отсюда ведет свое начало «критика», или «искусство судить о книгах». Если рукописи выдерживали критику, их отличали особым эпиграфом.

Книги Александрийской библиотеки попервоначалу собирались только для ученых да для самих Птоломеев (с 323 до 30 гг. до н. э.), не скоро вспомнили о широкой публике и открыли залы для чтения. Александрийская библиотека гигантски выросла при Птоломеях, особенно при Сотере и Филадельфе.

Сотер (306—383 гг. до н. э.) собирал свою библиотеку целых 23 года. Особенно охотился он за Менандром, стремясь всячески переманить его к себе, обещая ему все сокровища земные, даже собственного полцарства. [...]

Преемник Сотера, знаменитый Филадельф, превзошел отца. Филадельфу иные приписывают основание первой библиотеки (во дворце) и второй (в храме Сераписа). На это возражают, что первая-де не им основана, а вторая — пополнялась постепенно.

Дворец служил складочным местом для новоприобретенных книг, там их приводили в надлежащий порядок.

Филадельф повелел скупать рукописи по всей Греции, особенно же на Родосе и в Афинах. Кстати, ошибочно утверждение, будто Филадельф приобрел покупкой всю библиотеку Аристотеля (о чем ниже).

Страбон глухо упоминает о переводе при Птоломеях египетских книг на греческий язык. Если верить Синкеллу[14], то Манефон[15] и Эратосфен[16] перевели с египетского на греческий только летописи и больше ничего. Вопрос же о переводе при Филадельфе с еврейского на греческий весьма запутан, хотя указание о прибытии в Египет 72 ученых евреев-толковников и может быть принято. Книгам, бывшим на руках у евреев-частников, нельзя доверять, так как евреи после плена вавилонского заменили свое прежнее письмо ассирийским. Еврей считал верхом счастья в течение всей жизни своей списать собственною рукою священные книги. Поэтому-то невежество и имело случай наводнить дома и базары неправильными и преисполненными

ошибок копиями. В результате среди изумительных по изяществу книг трудно было найти хотя бы одну без ошибок. [...] Впрочем, в древние времена списки были и того хуже.

С такими-то вот списками евреи и были отведены в Египет, те самые евреи, которые уже давно не знали еврейского языка и не понимали книг священного писания без специального изучения. Здесь они уже говорили по-гречески, а в своем отечестве — на сиро-халдейском языке. Тем не менее предположение, будто по всей Иудее не нашлось 72 ученых евреев, знатоков текста закона[17], не выдерживает критики.

Для получения экземпляра священных книг от 72 толковников Птоломеем Филадельфом было затрачено 50 миллионов рублей серебром. Оригинал и перевод были «навечно» положены в Александрийскую библиотеку, о чем в один голос говорят Ириней[18], Иустин[19] и Златоуст[20]. Правда, Тертуллиан[21] нашел в Александрийской библиотеке один еврейский текст, но из этого не следует, что самый перевод погиб во время пожара при Цезаре[22], так как он уже находился в синагогах и судилищах. [...]

Именно при Филадельфе комические, трагические, эпические и другие авторы были тщательно разобраны и приведены в идеальный порядок.

Какой цифре верить о числе книг Птоломеевой библиотеки?

Надо различать книги, так называемые «отобранные» (т. е. подлинные) и смешанные. Евсевий[23], Синкелл и Кедрен[24] упоминают о 100 000 «отобранных», что касается 54 800 Эратосфеновых рукописей, то они составлялись из разбора 200 000 смешанных книг Птоломея Сотера. 400 000 книг, о которых говорят Сенека[25], Орозий[26] и Манассис[27],— это цифра общего количества книг всех александрийских библиотек. Если прибавить к ним еще 100 000 «отобранных», то и получится 500 000, о которых говорят Аристей[28], Иосиф Флавий[29] и Зонар[30].

Подумать только, что это бесценное достояние культурного человечества погибло почти дотла от моря огня! «Пламя разлилось по городу и обратило в пепел 400 000 книг, которые были по порядку расставлены в ближайшем здании» (Орозий).

БИБЛИОТЕКА АРИСТОТЕЛЯ. Как уже отмечено, ошибочно утверждать, будто Птоломей Филадельф купил всю библиотеку Аристотеля. По завещанию она была передана Теофрасту[31], а потом перешла в руки Нелея Секстийского[32], который увез ее на свою родину. Пытаясь спасти сокровище, последний зарыл его в землю; в земле книги сопрели. Полусгнившие творения Аристотеля путем купли попали в руки

человека, который сам их исправил, дополнил и переписал, с собственными комментариями. [...] То же проделал и позднейший обладатель книг Аристотеля, Андроник Родосский[33]. Прочитай после того Аристотель свои сочинения, он решительно не узнал бы их. Помнить об этом важно ввиду того высокого пиэтета, каким пользовались творения Аристотеля в средние века.

Итак, Филадельф не мог приобрести не только всей библиотеки, но даже и всех творений самого Аристотеля, уже бывших тогда у Нелея и бессмысленно тлевших в земле.

Словом, на творениях Аристотеля Птоломей Филадельф был безбожно обманут. Ему продали бог весть какие книги в качестве Аристотелевых, и мы их теперь считаем за подлинные. [...]

МЕРТВЫЕ КНИГИ КИЕВСКОЙ РУСИ

ТВОРЕЦ ПЕРВОЙ БИБЛИОТЕКИ. Библиотека Ярослава I в Киеве — вот еще «мертвые книги» в земле. Библиотека эта — темный вопрос в науке, хотя никто не отрицает, что она действительно существовала; ее, как и библиотеку Ивана Грозного, видели иноземцы. Как и эта последняя, она существовала и вдруг — исчезла. Бесследно. Но нет никаких сведений о ее гибели!

Это значит, что библиотека спрятана, и спрятана хитро и надежно, в земле. Значит ли это, что найти ее — «пустое мечтание»? Нет, найти ее можно, при условии... спелеологического метода поисков.

В дни Ярослава велика была честь книге на Киевской Руси, «велика бо польза бывает человеку от учения книжного. И книгами бо кажеми и учими есми пути покаянию и мудрость бо обретаем и воздержание от словес книжный».

Ярослав сел на киевский престол в 1019 г., после победы над Святополком Окаянным на реке Альте, и заслуженно «утер пота со своею дружиною». Теперь он мог всей душой отдаться любимому книжному делу.

Летописец с уважением подчеркивает: «Сам книги читал» и не только читал, но и книги усердно собирал, не останавливаясь перед их куплей за большие деньги. «Много накупил книг, которые читал часто, днем и ночью; собрал много писцов, которые переводили книги с греческого на славянский язык и много переписали книг».

М. Любавский[34] о книголюбии Ярослава пишет: «Сын Владимира Ярослав вышел большим любителем чтения; «...книгам

прилежа и почитая е в нощи и в дни»,— говорит о нем летописец. Он набрал много писцов и переводчиков, заставляя их переписывать и переводить книги с греческого на славянское письмо, и сложил их в церкви св. Софии[35], им же созданной». «Сложил в церкви св. Софии»! Вот где ключ к исчезнувшей библиотеке Ярослава!.. Сложи и запри он ее в каком-нибудь темном закоулке или в укромной забытой палате, каких в соборе много, она, за долгие века ее поисков, конечно, уже давно была бы найдена. Но она не найдена. Доныне. Где же ее спрятал Ярослав в св. Софии? Ответ напрашивается сам собой: а где спрятали свои библиотеки Софья Палеолог и Иван Грозный, желая сохранить их для будущих поколений? В тайниках Кремля. [...]

БИБЛИОТЕКА ПОД ЗЕМЛЕЙ. Посмотрим, нет ли каких сопровождающих явлений, подтверждающих этот вывод. Прежде всего, нет ли в специальной литературе каких-либо указаний на наличие подземелий под Софией Киевской?

Ни археологи, ни архитекторы этим вопросом не интересовались и никогда на эту тему не писали.

Зато слухи, много слухов. Слухи проникали и в печать. Иначе откуда взял свои сведения аноним, писавший в «Северном архиве» (1822 г., № 1): «Между руинами XVI в. возвышается церковь св. Софии, сооруженная некогда по греческому образу с невероятными затратами и трудностями. Пол в ней мозаичный*, золото и лазурь сияли в подземных сводах и пределах; в самом здании колонны из порфира, алебастра и мрамора». Здесь здание наземное явно противопоставляется сооружениям подземным.

Подтверждение наличия подземелий под Софией находим в печати.

Автор путеводителя 1918 г. под заглавием «Киев» писал на стр. 71: «Под Софийским собором имеются обширные подземелья, которые ждут исследователя» (Кость Шероцкий).

В «Прибавлениях» к выпуску 24 Известий Археологической Комиссии, стр. 174, находим чрезвычайно интересное сообщение:

«По словам архитектора Д. В. Милеева, ему в 1908 г. рассказывал местный служитель культа, будто лет 50 тому назад (т. е. в 60-х гг. XIX столетия) возле северо-западного угла собора образовался глубокий провал почвы. Туда на веревках спускались смельчаки. Они очутились в галерее, выложенной

---

* Это подтвердилось советскими раскопками внутри храма в предвоенные годы.— Примеч. авт.

кирпичом. Кирпич совершенно сходен с кирпичом бывшей Десятинной церкви[36]. Пройдя довольно далеко по таинственной галерее, разведчики чего-то испугались и поспешно вернулись назад. С тех пор и доныне тайна подземного хода под Софией остается неразгаданной».

Милеев выяснение разгадки откладывал до времени систематических раскопок на площади Софии, но помешала ему в этом его смерть.

Что здесь неправдоподобного? [...] Найти самую точку провала не так уж трудно: стоит лишь расчистить на глубину около метра площадь в 20—30 м на северо-западном углу храма, и мы неизбежно наткнемся на засыпанный провал. На расчистку его потребуется два-три дня. Самая галерея приведет к ряду сенсаций, с гвоздем в виде библиотеки Ярослава, некогда вдруг исчезнувшей и по которой вздыхают века и поколения. [...]

Во время раскопок Милеева в ограде Софийского собора в 1909 г. были открыты три деревянных квадратных сооружения X — XI вв., а также погреб, служивший складом для стеклянной посуды. [...]

Как-то, в дореволюционное время, будучи проездом в Киеве, я осмотрел подворье храма. В бывшем митрополитанском доме я нашел выступавшие из земли наружу какие-то древние стены. Вблизи находилась так называемая «Теплая церковь». Мне сообщили, что, по преданию, из этой церкви, подо всем садом, проходил подземный ход. Так как ход, видимо, начинался где-то в церкви, то недалеко от нее он не мог залегать слишком глубоко. И я решил перерезать его глубокой траншеей сверху. Таинственный подземный ход явно не мог быть мистификацией. На него указывал еще П. Г. Лебединцев в своей работе «О святой Софии Киевской»[37].

Нужны были рабочие руки, а следовательно, и некоторые, не мои, конечно, человека дорожного, средства. Я обратился в митрополитанский дом. Митрополит Флавиан любезно отпустил сто рублей. На эти деньги нельзя было развернуться, в границах, к тому же, всего десяти свободных дней. С чего было начать? Манил упомянутый провал на северо-западном углу церковного двора: его можно было найти, но дело грозило затянуться, а я был строго ограничен временем. Решил перерезать лебединцевский подземный ход глубокой траншеей. Начатые раскопки показали, что в короткий срок до цели не добраться. Траншея в митрополитанском саду была брошена, а спешно начата другая, близ юго-западного угла собора, с целью узнать глубину культурного слоя. Глубина его оказалась до 2 м:

попадались строительный щебень, куски фресок и остатки поврежденных христианских погребений. Эта разведка показала, что найти провал на северо-западном углу собора, возможно, будет не так-то легко. Я заложил третью траншею, близ железной ограды бывшего Киево-Софийского духовного училища (ныне Исторический архив).

На глубине 3 м траншея обнаружила фундаменты зданий великокняжеской эпохи. [...] Тогда же (это было летом 1915 г.) я обратил внимание на новооткрытый подземный ход в процессе закладки дома Зивала, вне ограды собора, но неподалеку от нее. Ход был выложен кирпичом. Направление — под Софийский собор. Ход был сильно, почти на $^2/_3$ затянут илом. Ход стоило расчистить, чтобы выяснить, не перерезан ли он фундаментами больших зданий на пути к собору. Моим попыткам в этом направлении чинили злостные препятствия немец-домовладелец с архитектором. Все же место входа в тайник домовладельцем позднее было означено в виде ниши в стене вестибюля дома. [...]

Прошел год. В 1916 г. я уехал на Кавказский фронт. В Киеве прошли ливни, подмывшие мой прошлогодний раскоп близ решетки училища. Поблизости от раскопа произошел большой провал: на глубине 3 м оказался погреб. Его обследовал А. Д. Эртель[38] в 1916 г. Результаты мне неизвестны.

В советское время территория св. Софии обращена в заповедник. В 1925 г. раскопки в ограде собора производил профессор В. Г. Ляскоронский. Газеты от 20 октября 1926 г. сообщали, что «обнаружен огромный погреб с многочисленными ходами и выходами: найдено много ценных вещей, древние монеты и цинковая утварь».

Что это за погреб? Не погреб ли это Эртеля близ моего раскопа?

Из сказанного очевидно, что почва в ограде Софийского собора как бы висит на подземных невидимых пустотах. [...]

НА ЗАРЕ ПЕЧАТИ

ПЕРВЫЕ КНИГИ ЕВРОПЫ. Хотя Восток и далеко опередил христианские государства в отношении изобилия и пышности книг, но за всем тем в Европе с неутомимым рвением трудились на пользу наук.

В Оксфорде, Кембридже, Лондоне считалось до 6 тысяч переписчиков книг, а в Париже и Орлеане — до 10 тысяч.

Писцы-книгопродавцы стекались отовсюду в университетские города, где сбыт произведений их шел так успешно, как только позволяла медленность подобной работы. Библия, списанная в аббатстве Лорени, считалась чудом скорописи.

Религиозные прения начали снова разгораться, а цены на книги вместе с тем повышаться.

Необходимо было найти средство размножения книг. Такое средство было найдено — книгопечатание! [...]

Как бы то ни было, но в двадцатилетие (1436—1456 гг.) книгопечатание было изобретено, совершенно отвечая нуждам своего времени: католики и протестанты по очереди пользовались этим дивным изобретением как для нападений, так и для защиты, и потому крайне интересно следить за развитием книгопечатания в первое полустолетие по его изобретении, особенно же учитывая, что большая часть инкунабул, о которых ниже, сосредоточена в недоступных для ученого исследования подземных хранилищах Московского Кремля!

Первым открытие искусства печатания книг сделал Лаврентий Костер[39] в Гарлеме, в 1436 г.

Тайну его похитил Фауст[40], скрывшийся в Майнце. Первая книга, напечатанная Фаустом в названном городе в 1442 г., была «Alexandre Galli doctrinae»[41]. Опыты эти, однако, были далеки от совершенства, и только Гутенбергу[42] и Шефферу[43] суждено было отлить и вырезать подвижные, или так называемые переносные, буквы. Усовершенствованием не замедлили воспользоваться.

Первым вышел в 1457 г. «Balmarum codex»[44]. Майнцкая библиотека обладает почти полным собранием печатных произведений типографского искусства. Все эти книги вышли, по большей части, из маленького домика в Майнце, на площади Францисканцев. В этом маленьком домике книгопечатание проявилось во всем своем блеске.

Взятие Майнца Адольфом Наусским[45] нанесло жестокий удар книгопечатанию: работники разбежались кто куда, а сами хозяева-типографщики ушли в другие государства.

Удальрис Ган, Сувейнгейм и Арнольд Паннарис[46] устроили станки свои в самом дворце братьев Петра и Франциска Максимиссов. В 1467 г. они издали там «Цицероновы эпистолы к друзьям». Всего же в продолжение семи лет в Риме было издано 12 757 книг разных авторов.

Рекорд по распространению книгопечатания побила, однако, Венецианская республика, из типографии которой на Апеннинском полуострове вышла первая печатная книга.

Первую греческую книгу — греческую грамматику Констан-

тина Ласкариса[47] — напечатал Заро в Милане в 1476 г.

В Венеции Альдо Мануччи[48] напечатано было несколько греческих книг. В Венеции за 25 лет (1469—1494 гг.) поселилось 174 типографщика и в Венеции же искусство книгопечатания подверглось одному из важнейших преобразований: оно оставило прежние готические буквы, употреблявшиеся германскими типографщиками, и заменило их круглыми, более удобными, которые и вошли вскоре во всеобщее употребление.

Наконец, из венецианских же типографий вышли первые печатные Библии на еврейском языке, набранные теми же самыми буквами, которые раввины Иисус и Моисей употребляли уже в Carruno (1480 г.).

В первые времена по изобретении книгопечатания за типографским станком занимались просвещеннейшие люди той эпохи, как, например, Мартенс, Какстон[49], Альд, Роберт Этьен[50], Плантен[51] и др. [...] Эразм Роттердамский, Димитрий Халкондид[52], Афинский[53], Бадий Фландрский[54], Алеандр[55], Навижеро[56], Бальзони[57] не стыдились в свою очередь приходить в типографии исправлять корректуры и рассуждать о достоинстве шрифтов.

Даже царственные особы всеми силами старались поддержать и возвысить искусство книгопечатания. [...] Папа Сикст IV даровал Енсону[58] звание графа-палантина; Эдуард, король английский, сделал Какстона своим другом; Филипп II дал Христофору Плантену звание королевского архитипографщика, а Франциск I не раз посещал кабинет Ротерта Этьена, когда последний заканчивал исправление своих корректур. [...]

Тем временем майнцкие типографщики неутомимо продолжали заниматься книгопечатанием. Вскоре ими выдана была в свет книга под названием «Gasparini Barzizi pergamensis epistola»[59] (1470); потом явилось «Speculum vitae humanae»[60] сочинение Родрига, [...][61] (1475), и, наконец, напечатана Библия.

Все эти издания имели необыкновенный успех.

Карон, живший в Париже, с итальянского на отечественный язык перевел книгу «L'aiguillon de L'anardivin de saïnt Bonaventur»[62] (1473).

Один из учеников Гутенберга, Иоганн Ментелин, напечатал в Страсбурге в 1473 г. большую энциклопедию Викентия де Бове[63] в 10 томах.

Генрих Бехтермюнце из Майнца издал латино-немецкий словарь, имевший четыре издания сразу. Успех для того времени невероятный.

В Голландии первопечатниками явились в 1472 г. Иоганн

Вестфальский и Теодор Мартенс. Первый поселился в здании Лувенского университета и за 24 года напечатал 80 разных творений. Его товарищ Мартенс поселился в Аллосте. [...]

Первая печатная книга в Брюсселе вышла в 1476 г. Это была «Gnotosalitos»[64] Арнольда Роттердамского.

Первая книга в Испании (Валенсия) была напечатана в 1474 г. на испанском языке. Это дидактическая поэма «La Conseption de la sainte vierge»[65] — труд творческого коллектива 35 поэтов.

Первопечатником в Англии явился, как отмечено, Какстон, овладевший этим искусством в бытность свою в Голландии. Первая книга, напечатанная Какстоном в Вестминстерском аббатстве, была «Нравоучительная шахматная игра», перевод с французского (1475). Единолично он был переводчиком, типографщиком и издателем. Еще до этого, в бытность свою в Кельне, Какстон напечатал в 1469 г. сочинение Рауля Лефевра «История Троянской войны». Тот же Какстон напечатал «Нравоучительные правила и изречения», переведенные с латинского лордом Расселем. Всего с 1477 по 1490 г., т. е. по смерть Какстона, им было напечатано 64 сочинения, а его преемником, Винкеном де Вордом, за сорок лет — 408, причем Роберт Диксон за тот же срок напечатал 200 различных творений. [...]

Таково было развитие искусства книгопечатания в первое время по его изобретении. [...]

Писцы-переписчики печатание книг признавали ересью, «дьявольским наваждением», противники всего нового и слышать не хотели о введении книгопечатания на Руси. И в то время, когда в других странах печатные книги стали быстро вытеснять рукописные, в Московском государстве в течение целого столетия после изобретения книгопечатания не делалось никаких попыток к заведению типографии.

Между тем в других славянских землях уже принялись за книгопечатание; в 1475 г. появляется в Праге первая книга — Новый Завет на чешском языке готическими буквами, а в 1491 г. в Кракове выходит «Часослов», напечатанный [...] Швайпольтом Феолем, «из немец», «немецкого роду франком», как значится в его послесловии,— первая книга, напечатанная славянскими буквами. Затем в Угрь-Валахии в 1511 г. появляется славянскими же буквами напечатанное Евангелие (от Иоанна).

Все это были славянские книги.

Первая же русская книга вышла из типографского станка в Праге в 1517 г., и этот год в сущности следует считать началом истории русской книги в тесном смысле этого слова. Издателем этой первой печатной русской книги — учебной Псалтыри — был

доктор Франциск Скорина[66], известный ученый, астроном и медик того времени, родом из Полоцка. Названная книга — первенец русской печати — отпечатана в четверку, на 142 листах, по 22 строки на странице, с заставкой на первой странице, изображающей посредине герб Скорины.

В композиции рисунков, шрифтов, заставок и начальных букв Скорина руководствовался, между прочим, образцами венецианских и немецких печатных изданий.

Им же, с приложением своего портрета, издана Библия Русская (из 15 книг), «выложенная», как значится на титульном листе, «богу ко чти и людем посполитым к доброму поучению». Текст украшен гравюрами, «абы братие моя, Русь, люди посполитые, чтучи, могли ясней разумети».

Проникли ли первые издания Скорины в древнюю Москву, неизвестно, но что отдельные экземпляры их хранятся среди «мертвых книг» в московском тайнике, это не подлежит сомнению. Что касается юго-западной Руси, там творения Скорины были весьма распространены. Скорина также переводчик Библии на русский язык с церковно-славянского, чешского и латинского текстов. Своими переводами Скорина положил основание литературному языку юго-западной Руси.

В Несвиже (бывшей Минской губернии) Симоном Будным[67] в 1562 г. (за три года до замуровки сейфа Грозного) была отпечатана, между другими, его книга «Оправдание грешного человека» и другие книги, пока не отысканные. Они и не будут отысканы, пока не будет вскрыта таинственная подземная либерея в Москве.

Там же будут найдены [...] еврейские книги. В небольшом городке Бамберге[68] в конце XV в. напечатано было до 300 еврейских книг. Грозному было из чего стянуть в свою «книгохранительницу», быть может, не один десяток их. [...]

По какой цене ходили тогда книги? Цены на книги вообще стояли высокие, особенно на рисованные манускрипты. В XIV в. средняя стоимость тома — 450 франков, а в 1231 г.— 600 франков. Переписка стоила недорого: в XIV столетии перевод Библии (без материала) в Болонье стоил 80 болонских ливров. В XV в. еще ниже, тогда как стоимость переплета и украшений все поднималась. Дороговизна книг приводила к тому, что в книгохранилищах книги держали на цепях.

Только с XIII в. появляются книги на народных языках и выходят за стены монастырей, церквей и замков.

Латинская книга — это богословский или философский трактат, если не житие святого, хроника или Священное писание. Много латинских книг и драгоценных манускриптов хранилось в XI в. в трех монастырях бенедектинского ордена[69]. Клю-

нийском [70], Картезианском[71] и Цистерианском[72]. Клюнийское аббатство было особенно богато греческими и латинскими классиками; во всех бенедектинских монастырях находились значительные библиотеки, хотя в древнее время стоило чрезвычайных хлопот обзавестись порядочной библиотекой. [...]

За монастырями нередко тянулись отдельные ученые, греческие и римские, не щадившие ни трудов, ни денег на покупку книг.

При покупке книг тогда (XIVв.) заключались такие же контракты, как при покупке больших имений. Случалось, что та или другая книга прослывет вредной, еретической, для иных это служило причиной большого горя. [...]

ИНКУНАБУЛЫ. Инкунабулами называются редчайшие печатные книги, выпущенные в XV столетии (до 1501 г.) и являющиеся первенцами печатных изданий.

В Ленинской библиотеке имеется более 600 инкунабул.

Значительная часть этих книг попала в Ленинскую библиотеку в годы революции из частных собраний. Среди инкунабул имеются такие, которых не имеют даже самые обширные книгохранилища Европы и Америки. [...]

Публичная библиотека имени Ленина была занята печатанием научно обработанного каталога этих инкунабул. Книга скоро имела поступить в продажу.

КНИЖНАЯ ВИЗАНТИЯ

КНИЖНЫЕ ВИХРИ. Византия, успевшая за тысячелетие своего существования накопить в древности огромные книжные богатства, значительно растеряла их в последующие века, обратившись в конечном счете, можно сказать, в нищую духом. Особенно этому способствовали два исторических книжных погрома, учиненных крестоносцами (XIII в.) и турками (XIV в.).

Со времени завоевания Константинополя крестоносцами исчезли многие классические авторы. Монастыри превратились как бы в книжные островки.

Однако монастыри стояли не на должной высоте.

«Любовь к невежеству, ненависть к просвещению были господствующими качествами греческих монастырей; монахи с намерением истребляли богатейшие библиотеки, сохранившиеся с древних времен драгоценные произведения старой литературы» (Гиббон[73]).

«В половине XIV в.,— говорит Галлам[74],— в Греции не осталось ни одного человека, который мог бы понимать Гомера».

«Когда Константинополем овладели турки,— говорит Дукас[75],— то греки продавали десять рукописей Платоновых, Аристотелевых, богословских и других за одну мелкую монету». [...]

После падения Константинополя в большом количестве стали передавать на Афон книги и рукописи, уцелевшие от грабежа турок. К числу афонских монастырей, наиболее богатых рукописями, принадлежал и Ватопедский, которому достались собрания книг двух византийских императоров, бывших там монахами,— Андроника Палеолога[76] и Кантакузена [77] (в этот же монастырь поступил Максим Грек[78], десять лет питавшийся духовно его библиотекою). [...]

Тем не менее Константинополь оставался еще весьма богат книгами, издавна привлекавшими внимание ученого мира.

Древнейшим из его книжных собраний является огромная библиотека, основанная Константином Великим[79] в новой столице империи, но только при Юлиане получившая свое полное развитие. Именно Юлиан, по Зонару, поспешил собрать в своей библиотеке все произведения греческой и латинской словесности, все памятники древних муз и древней философии. Может быть, Юлиан имеет некоторые права на благодарность потомков тем, что сберег произведения древнего гения в ту эпоху, когда христиане сжигали древние рукописи и истребляли памятники древней скульптуры и всех искусств, украшавших храмы греков.

120 000 рукописей было собрано стараниями Юлиана в публичной библиотеке Константинополя. Эта библиотека, улучшенная стараниями Феодосия Младшего[80], сгорела при Василиске или получила значительные повреждения от пожара. Между драгоценными рукописями, бывшими в ней, летописцы упоминают о какой-то драконовой коже в 120 футов[81] длины, на коей были написаны «творения Гомера и история греков», но ничего больше не поясняют об этой чудесной коже.

Император Зенон возобновил библиотеку.

Число рукописей при Льве Исаврянине[82] простиралось до 36 000. Столица империи раздиралась тогда фанатизмом иконоборцев. Лев, озлобленный на ученых, занимавшихся в библиотеке, за то, что они противились его богохульствам, запер их в ней, окружил здание горючими веществами и предал огню. Древние рукописи стали жертвою богословских раздоров Византии так, как незадолго перед тем жертвою исламизма стала прославленная Александрийская библиотека. [...]

Не только новейшие писатели, но и византийские хроники часто смешивают публичную библиотеку Константинополя с тою, которая заключалась в зданиях Буколеона (императорского дворца) и называлась царскою. Порфирогенет[83], кажется, был

основателем последней, а при Комнинах[84] она получила значительное развитие.

Большие собрания рукописей хранились также у патриархов и во всех монастырях.

Царская библиотека при взятии города крестоносцами, а также за 57 лет господства последних много пострадала от пожаров и грабежа.

Летописец Дукас, свидетель конечного падения Восточной империи, с прискорбием говорит, что турки при разграблении города не знали, куда деваться с добычею «бесчисленного множества книг». [...]

КНИЖНЫЕ ТАЙНЫ СЕРАЛЯ. Однако не все классические творения, ставшие жертвой варваров и огня, были растеряны и уничтожены в ту бурнопламенную эпоху.

Лучшему из турецких султанов, Магомету II[85], приверженцу муз, наук и искусств, впало на сердце собрать и сохранить драгоценные остатки древней книжной культуры Византии. Этот правитель был выше предрассудков и фанатизма своего народа, на целую голову выше своих современников. Он питал искренний пиэтет к книге как таковой. Не от него ли пошло, что турки доныне сохраняют какое-то набожное почтение к книге вообще.

Запад между тем, в лице Николая V[86], зарился на таинственные книги Магомета II. Папа Николай V сам был основателем библиотеки, да не какой-нибудь, а Ватиканской, пополнить последнюю из драгоценного книжного развала Византии ему представлялось весьма уместным. Он даже снарядил в 1455 г. специальную комиссию ученых на Восток с этой целью [...]. Особенно он зарился на подлинную еврейскую рукопись евангелиста Матфея, которая, как было слышно, хранилась в книжных собраниях византийских императоров. За нее обещал даже выдать находчику премию первого разряда — десять тысяч венецианских червонцев!

Премия была завидной, и ученые охотники изо всех сил старались отыскать манускрипт. И нашли: он оказался в таинственном серале! Но выцарапать его оттуда не представлялось никакой возможности...

Более того: в серале оказалось такое сокровище, как полные декады Тита Ливия! Сообщением об этом обрадовали Европу три образованных путешественника XVI в.

Без сомнения, турецкие султаны могли цепко ухватиться за этого бытописателя Древнего Рима (Ливия), так как считали себя преемниками римских кесарей. Ходили даже слухи, что Тит Ливий по повелению султана полностью переводится с арабского на турецкий язык. [...]

Герцог Тосканский сулил служителю при серале за похищение этого книжного сокровища... пять тысяч испанских пиастров, а венецианский посол даже вдвое больше — и все напрасно.

В серале же, как оказалось, хранилась значительная часть знаменитой библиотеки венгерского короля Матвея Корвина[87], вывезенная турками из его столицы. Библиотека Корвина славилась исключительно ценным собранием рукописей той эпохи, непревзойденных по их внутреннему достоинству и по внешней отделке. Особенно восхищали (по тщательности отделки) миниатюры и разные украшения в тексте. Этот Матвей Корвин, сын Гумиада[88], возведенный прямо из мрака тюрьмы на отчий трон, [...] был одним из самых страстных библиоманов своего времени. [...]

Ради библиотеки Корвин шел на все жертвы, не щадя никаких средств. Не угнаться за ним было в этом отношении даже Ивану Грозному. В год он расходовал на свою любимую «либерею» 80 000 дукатов (более 400 000 нынешних червонцев). И так целых 24 года! Неудивительно, если она стала ему за это время «в копеечку»: 11 000 000 рублей на наши деньги!

Само собой разумеется, Корвин содержал в Риме, Флоренции и Венеции целый штат писцов для списывания всякого рода творений древних авторов и щедро награждал дальновидных путешественников, которые догадывались доставить ему какую-нибудь книгу из Константинополя или вообще с Востока. [...].

Весь XVI и XVII вв. в Константинополе по рукам турок ходило множество рукописей, наперебой скупавшихся европейцами, особенно если на них стояла султанская виза. Это значило: выкрадены из сераля! Многие из таких манускриптов до второй мировой войны хранились в разных европейских хранилищах.

И еще про сераль ходили слухи, будто там, в числе серальских раритетов, должны находиться также трагедии Эсхила и комедии Менандра, и жизнеописания Плутарха, не дошедшие до нас. И даже целых 40 книг Диодора Сицилийского[89] ! Их собственными глазами видел в царской константинопольской библиотеке в последние годы империи Ласкарис. Сомневаться в свидетельстве очевидца нельзя, но что весь Диодор в серале, скепсис более чем уместен.

Фома Палеолог[90] тоже [...] знал цену книгам [...]. Выбирая лично книги из царской и патриаршей библиотек для эвакуации, мог ли он не уложить в ящики, «осыпанные камнями», в первую голову Диодора с его книжными чадами и таким блестящим окружением? [...]

Книжными секретами сераля между тем продолжали интересоваться европейцы. В конце XVII в. (1685 г.) европейскими

посланниками скуплено клейменных султанской печатью манускриптов целых 185; но ни одной книги вышеназванных авторов!

Поведение европейцев возбудило подозрение турецких властей; были приняты меры. Цены на клейменые книги и рукописи неимоверно подскочили. И недаром: султан Ахмет III[91] [...] построил новое [...] книгохранилище, куда и перенес книги из сераля. [...] Постройка Ахметом книгохранилища породила слухи об открытии в серале потайной библиотеки. Ученая Европа всколыхнулась, многие устремились на новые отважные поиски утерянного. Таинственность, окутывающая у турок все, лишь пуще распаляла их воображение.

В правление Амурата[92] над книжными тайнами сераля, находясь в Константинополе, ломал голову Тодерини. Ему удалось удостовериться, что во внутренних хранилищах сераля, в особых сундуках хранились не только книги на арабском, персидском и турецком языках, но и много книг и рукописей латинских и греческих, в частности вывезенных из Иерусалима. [...] Тодерини составил полный каталог серальской библиотеки, обративший на себя всеобщее внимание. Он это сделал при помощи подкупленного ученого турка, бывшего в молодости серальским пажом и чиновником сераля. Все книги на турецком и арабском языках, в том числе Аристотель и Плиний. Но не одни только эти последние книги были переведены испанскими арабами. Известно, что в академиях Гарун-аль-Рашида[93] имелись почти все лучшие произведения греческой словесности и могли сохраниться, хотя и в переводе, еще и другие; ныне потерянные для потомства книги.

Не все, однако, книги из султанского сераля поступили в Ахметовскую библиотеку: там не оказалось ни одной из рукописей, увезенных турками из Венгрии, но ничто не доказывает, что они были истреблены. Стало быть, искать их надо в Москве. Без малого 50 лет спустя Мустафа III построил другую библиотеку-сейф а la Ахмет. О ее содержимом трудно что-либо сказать. Французская республика поручила ученому Виллоазону произвести новые изыскания над заветными тайнами сераля, но — безуспешно.

Англичанам первым была предоставлена честь проникнуть в серальские библиотеки. [...] Султан Селим был выше предрассудков, уважал Европу и ее науку. Лорд Эльгин[94] выхлопотал у Порты[95] в 1801 г. разрешение доктору Карлейлю[96] осмотреть серальские книгохранилища. В отчете очевидца, проникшего под надзором трех турецких законоучителей, мало сказано о библиотечных книгах: присутствие турок не позволило сделать опись. Все же насчитано 1292 книги, все творения арабские, персидские и ни одного греческого или латинского, или еврейского имени.

Французский посол Себастьяни настоятельно просился в библиотеки сераля, но Махмуд уклонился от его просьб, хотя из уважения к Наполеону велел отыскать в серале греческие рукописи и отдать их ему; одна оказалась отрывком из Дионисия Галикарнасского[97] (ныне в Парижской библиотеке). [...]

Рукописи, найденные в ограбленном турками дворце византийских императоров, без сомнения, показались султанам предметом высокой цены и могли остаться в недрах сераля без всякого употребления вплоть до нашего времени. Рукописи, найденные в богатых переплетах или, лучше сказать, в футлярах, в каких они обычно хранились у византийцев, иногда в ящиках, осыпанных драгоценными каменьями, могли сделаться предметом суеверного почитания турецких монархов.

Высокая цена книг происходила тогда не от одного только тщания в переписывании, но, как отмечено, еще более от самих материалов, употреблявшихся в них. Гомер [...] в царской библиотеке Византии писан весь золотом. Евангелие было в переплете из литого золота, весом в 200 фунтов[98], и было также осыпано драгоценными каменьями. Многие книги Матвея Корвина были переплетены в золотые доски; по смерти его Медичи[99] требовали от его преемника Владислава [100] 1400 дукатов (около 80 000 рублей на наши деньги) за одну Библию и 500 дукатов — за молитвенник. Пусть даже в указанных описях книг, хранящихся в двух библиотеках сераля, не значится греческих книг; из этого не следует, что их там не было и нет. Если их действительно нет, значит, они в Москве!

Но, возможно, что султаны не предназначали их для употребления правоверными. Книги, например, добытые французским послом из сераля, не были показаны ни в одном из списков.

Член французской академии Мишо во время путешествия своего по Востоку в 1830 г. имел поручение от министров Карла X — сделать новые исследования о серальских библиотеках и рукописях. Политические перевороты Франции, правда, не позволили ему этим делом заняться всерьез, но он остался в глубоком убеждении, что в серале (вернее в Москве.— И. С.) должны храниться любопытнейшие рукописи.

«Может быть, нашей (сто лет тому назад.— И. С.) эпохе, свидетельнице стремлений Турции разоблачиться от восточной таинственности, предназначено, наконец, увидеть потерянные столько веков плоды древнего гения; может быть, воскреснет какой-нибудь писатель Греции или Рима, погребенный в Стамбульском серале» (Базили К.[101]). Несомненно, воскреснет, и не один, а легион, но не в стамбульском серале погребенный, а в московском подземном тайнике! [...]

КНИЖНЫЙ ЗАПАД

В ТИХОЙ КЕЛЬЕ. Библиомания современна искусству писать книги. Во все времена существовали страстные любители и собиратели книг в том или ином сословии.

В средние века библиомания заключалась по большей части в монастырских стенах, в тиши монастырских келий. Отрезанный от общества монах прибегал к книгам, тем более, что праздность осуждалась. Поэтому хорошая библиотека составляла славу и гордость монастыря.

Зала, назначенная для хранения книг, всегда обшивалась деревом, чтобы сырость от каменных стен не доходила до пергамента и не причиняла плесени. Зала делилась на несколько частей, отгороженных деревянными перегородками. Книги распределялись по форматам и укладывались лежа, не слишком близко одна от другой, чтобы не могли портиться от тесноты или трения; таким образом, было очень легко узнать и отыскать требуемое сочинение.

Любители книг никогда не отличались исправностью в отдаче книг, и в средние века (как и ныне) очень часто случалось, что занявший книгу забывал возвратить ее в назначенный срок.

Во избежание таких беспорядков были предприняты самые строгие меры: библиотекарю строго-настрого запрещалось давать книги без письменного обязательства заемщика возвратить книгу в определенный срок, и это запрещение распространялось даже на соседние монастыри.

Когда занимавший книгу был совершенно неизвестен библиотекарю, то последний должен был брать от него в залог другую книгу, равной ценности.

Относительно редких и дорогих книг соблюдались еще более строгие правила. Библиотекарь не мог выдавать их без особого разрешения настоятеля. Нет сомнения, что эти правила были общие всем монастырям, потому что они беспрестанно пользовались взаимно своими библиотеками. Те же правила соблюдались еще в XIV столетии, в то время, когда знаменитый библиоман Ришар де Бюрри[102] написал очаровательную книжечку «Филобиблион»[103]. Он говорит в ней, между прочим, что библиотекарь, прежде чем одолжить книгу, должен удостовериться, что в вверенном ему собрании есть другой экземпляр того сочинения; и даже в таком случае не должно выдавать ее, не взяв в залог другой книги равного достоинства.

Все рукописи, изготовлявшиеся в монастыре или вне его, были также в ведении библиотекаря, который не мог принять

на себя никакого распоряжения, не испросив предварительно разрешения настоятеля.

Экземпляр книги переходил из монастыря в монастырь, и каждое братство, имевшее счастье добыть экземпляр, спешило снять с него список для обогащения собственной своей библиотеки; нередко даже, при ссуде редкого сочинения, поставлялось в условие заемщику, чтобы при возвращении его была приложена к оригиналу верная и хорошая копия. Это было нечто вроде вознаграждения за ссуду.

Богослужебные книги были по большей части в лист, и монахам дозволялось брать их с собою в келью; книги же малого формата, из опасения, чтобы они не затерялись, нельзя было выносить из покоев. То же самое правило распространялось на книги редкие и дорогие.

Больные братья могли получать из библиотеки книги для развлечения; но как скоро в лазарете зажигались лампы, все книги следовало возвратить до следующего утра в библиотеку.

Эти правила существовали даже в самых древних монастырях. В IV столетии, например, устав св. Пахомия[104] предписывал самую тщательную заботливость в сбережении книг. Каждый брат имел свою книгу, а каждый монастырь — свою собственную библиотеку, что вместе составляло очень значительное собрание книг.

Религиозная нетерпимость того времени особенно преследовала все творения язычества. Библиотекарь должен был сличать разные списки одной книги с подлинником, так как церковные законы не допускали в них ни малейшего изменения. Одним словом, на книгохранителя возлагались обязанности, требовавшие точности и познания. Библиотекари не получали содержания, но при капитулах[105] назначалось им иногда денежное вознаграждение за труды: одному, в X в., — значительные земли; другому, в XII в., — небольшая ежегодная плата со всех членов братства; третьему, в XIV в.,— 43 шиллинга 4 пенса в год.

Брат-библиотекарь был, по большей части, отчаянный любитель книг. Потомство должно быть очень благодарно этим людям за услуги, которые они оказали литературе средних веков, тем более, что некоторые из них сами были хорошие писатели и летописцы.

Монастырский общий письменный покой состоял из обширной залы со множеством косых столов и скамеек, расставленных так, чтоб в ней могло поместиться как можно более писцов. Один из монахов, который лучше был знаком с переписываемой книгой, сам писал и в то же время диктовал другим; таким образом изготовлялось несколько списков разом и число

рукописей умножалось быстрее. Но это случалось редко, а по большей части каждый работал отдельно.

В письменном покое соблюдалась глубокая тишина и молчание. Это правило было написано по всем стенам, для строжайшего соблюдения. [...] В важном сочинении ничтожная описка уже важна: следующие переписчики, желая ее исправить, только увеличивали ее. Поэтому переписывать Священное писание могли только монахи степенных уже лет, и списки их перечитывались и сверялись по два и по три раза. Только таким мерам предосторожности обязаны мы тем, что имеем Священное писание в первоначальной его чистоте. Библия, творения святых отцов и писатели классической древности дошли до нас в верных списках.

Бывали монастыри, в которых кроме нескольких хороших латинских Библий [...] были еврейские рукописи и переводы и несколько экземпляров Евангелия в подлинниках и переводах. Не должно забывать, что переписка Библии требовала искусства и времени и была сопряжена с значительными расходами.

И в самом деле, любо было смотреть на эти толстые томы в тяжелых переплетах с застежками, на эти лоснящиеся пергаментные листы с изящно расписанными картиночками.

Не должно удивляться ценности, которая придавалась в то время Библии, и суммам, которые платились за некоторые списки.

Короли и богатые вельможи ценили Библию как редкую и дорогую вещь. Проклятие и отлучение угрожали тому, кто покушался похитить эту драгоценность.

[...]

Часть I
ВЕК РЕНЕССАНСА
Царевна София

Глава I
ПОСЛЕДНИЕ

СЕМЬЯ ПАЛЕОЛОГОВ. Последние — это семья царского дома Мануила II Палеолога (1350—1425), императора византийского.

Династия Палеологов была живуча и долговечна; она правила

Византией без малого 200 лет. Это и неудивительно в империи, которая сама просуществовала свыше тысячи лет.

Византия стоит как-то особняком в истории. Она обладает своим собственным резко выраженным лицом, но лицом застывшим, как бы окаменевшим. У византийцев, по характеристике Гиббона, «безжизненные руки», держащие мертвые богатства предков, «вялые умы», за десять веков ни одного открытия. Их история кажется сухой и бесстрастной, что, однако, не мешало их царскому трону почти постоянно стоять в потоках крови. Единственной, по-видимому, их немеркнувшей страстью была ненависть, ненависть к католической церкви, перенесенная на иностранцев и все западное. Эту свою непримиримость к «латынам» передали они по наследству и русскому народу. [...]

В общем и целом, историю Византии ученые как бы обходили стороной. На это жаловался и такой горячий ее адепт, как Ф. И. Успенский[1], когда предсказывал: «Мы весьма медленно усвояли себе заимствованную культуру, в этом нельзя слагать ответственность на греков. Когда через сто лет (т. е. в 1988 г.— И. С.) будет праздноваться тысячелетие просвещения России христианством, тогда, надеюсь, будут популярней византийские занятия: ученые будут доказывать, что XX столетие открыло в Византии клад, обогативший русскую науку, давший ей национальное содержание. В изучении Византии заключаются насущные потребности русской науки и нравственный долг русского народа». [...]

Среди Палеологов находим ряд библиофилов и людей пера. Перу, например, Михаила Палеолога принадлежит автобиография и устав монастыря Димитрия Солунского; Мануилу II Палеологу — подлинное педагогическое сочинение.

Владельцы крупных библиотек, императоры византийские Андроник Палеолог и Кантакузен, посвятив себя Афону, передали ему, как отмечено, и свои собрания книг.

Император Мануил II, отец последнего византийского императора, был большим книголюбом: он не только сохранил отцовское книжное наследие, но и самолично приумножил его.

Свою страсть к книгам Мануил II передал и сыновьям своим, особенно младшему, Фоме Палеологу.

Всего сыновей у Мануила было четверо: двое старших царствовали, Иван VII, женатый на московской княжне Анне и принявший унию на Флорентийском соборе,— 22 года, его брат Константин XI (Последний) — всего шесть лет. Он пал смертью героя при защите своей столицы и империи: обезображенный до неузнаваемости труп его (признан по золотым бляхам на порфире) был найден в проломе городской стены.

Младшие сыновья — Димитрий и Фома — были всего только удельными князьями (деспотами) в Пелопоннесе (Греция).

Когда уже совершенно неизбежным представлялось крушение империи и гибель столицы, Фома Палеолог находился в отцовском дворце, без устали работая над подготовкой к эвакуации наиболее ценных реликвий из царской и патриаршей библиотек.

Отобранные им книжные и рукописные раритеты были размещены в добротных ящиках, числом (на основании данных, о которых ниже) до 300 штук.

ПО МОРЯМ, МОРЯМ... Вместе с семейными реликвиями [...] Фома погрузил сундуки-ящики с книгами на корабль и отплыл в свою деспотию. Была тайная надежда отсидеться там. Но тревожно было вокруг: турки с каждым годом придвигались все ближе; шесть лет ящики с книгами оставались нераспакованными.

Неожиданно турки овладели половиной Мореи; надо было опрометью бежать. Это было в 1459 г. Спешно погрузив на корабль семью и книжные ящики, Фома [...] почти без денег, отплыл на о. Корфу, под покровительство венецианцев, заривщихся на Морею, как выгодный для их торговли географический пункт. Оставив затем семью на острове, Фома с грузом ящиков отправился в Рим [...].

Фома Палеолог торжественно вступил в Рим 7 марта 1461 г. Свиту его составляли 70 всадников и 70 пехотинцев. [...] Папский прием состоялся в зале, называемой papagallo. Оттуда кардиналы проводили Фому до его временных покоев. 15 марта папа (это был Пий II[2]) после богослужения вручил Фоме золотую розу: такой чести удостаивались только немногие государи[3]. (Роза — маленькое растение с золотыми листьями, украшенными сапфирами.)

В традициях Рима и Ватикана было всегда проявлять участие к чужому несчастью: низложенные государи неизменно встречали там царственное гостеприимство. Поэтому Фома был помещен на папское иждивение в Санто-Спирито [...]. Это обширное здание, основанное саксами еще в VIII в., имело церковь, школу и странноприимный дом. Ежемесячная пенсия в 300 золотых была назначена Фоме, лишенному всяких средств. Кардиналы от себя прибавили еще 200. Этого было довольно для скромного образа жизни. Венеция предлагала Фоме вдвое больше, но — безуспешно. [...]

Многие думали о нем, как об императоре будущей Византии,

отнятой у турок. Великодушный и щедрый характер Фомы располагал в его пользу соотечественников.

Навсегда покидая свою резиденцию в Патрасе, Фома взял с собой православную реликвию, чтимую городом,— главу св. Андрея. По настоянию папы Пия II он отдал главу Риму: святыня была помещена в соборе св. Петра навсегда. Стечение народа было громадное; старожилы не помнили ничего подобного. Перед храмом кардинал Виссарион[4] произнес свою большую речь, с ним рядом стоял кардинал Исидор[5], старый и больной. Пий II ответил в кратких словах с пожеланием крестового похода.

У Фомы хранились и другие реликвии культа: рука Предтечи и клобук с драгоценными камнями; рука Крестителя была потом продана Сиене за 1000 дукатов. А покамест — император Византии был гол как сокол. До такой степени, что, прибыв с грузом в Рим, послал просить папу о мелочи — расплатиться... с подводчиками! А их было много — целых 70. И все повозки, груженные ящиками. А что в них — никто не знал (Пирлинг[6] выудил этот драгоценный факт из венецианских и флорентийских архивов). Папа послал Фоме для оплаты обозных 700 дукатов.

Очевидцы полагали, что сундуки с царским добром [...]. А на самом деле это были ящики с драгоценным грузом: с книгами и рукописями византийской царской и патриаршей библиотек! Если положим ориентировочно на подводу четыре ящика, а в ящике минимум десять книжных единиц, получим в среднем огромную библиотеку в 2800 греческих и иных книг и рукописей. [...]

Водворившись лично и разместив драгоценные книжные сундуки в отведенном ему, как отмечено, поместительном [...] здании, Фома стал ждать прибытия в Рим из Корфу своей жены и троих детей (Зои, Андрея и Мануила, старшая Елена была уже замужем за сербским королем Лазарем II).

Однако проходили месяцы, а о семье ни слуху ни духу; Фома уже считал своих детей погребенными на дне морском. Отсюда тоска и тяжелая болезнь, в 7—8 дней унесшая его в могилу (2 мая 1465 г.). Иные считали его жертвой чумы. Его останки были погребены в склепе св. Петра. [...]

ДВУЛИКИЙ ЯНУС. Перед смертью Фома избрал кардинала-грека Виссариона душеприказчиком и опекуном своих детей, изъявив, по мнению Ф. И. Успенского, согласие на воспитание их в католическом духе. Дети Фомы прибыли на другой день после смерти отца. Виссарион всячески заботился, чтобы обезопасить детей Фомы от чумы, свирепствовавшей тогда в Риме. По

соглашению с папой, он до октября направил их в Синьен, в замок епископа, бывшего секретаря Виссариона.

Относительно воспитания юных Палеологов существует один источник: программа занятий и жизни, составленная Виссарионом 9 августа 1465 г. Сам Виссарион происходил из бедной и незнатной греческой семьи и достиг положения благодаря только своим личным достоинствам и талантам. Пришлось ему жить на Западе: узнал он латинян, цену денег, личных дарований.

Язык программы, данной им педагогу принцев, по имени неизвестному, отличается своей резкостью. [...] Виссарион держал принцев, как говорится, в ежовых рукавицах. Как-то в пути, во время молитвы о папе, принцы покинули церковь. Виссарион поставил им ультиматум: либо следовать его советам, либо покинуть Запад!

Решительным было влияние Виссариона на судьбу Софьи[7], вокруг которой отныне для нас весь исторический интерес. В каком направлении? По категорическому утверждению академика Ф. И. Успенского, «не может быть сомнения, что после смерти отца в 1465 г. Софья воспитывалась в римском обряде».

Но почему же в таком случае Софья, очертя голову, объявила открыто себя православной, едва вступив на русскую землю? Названный академик на этот счет в сильном смущении: «Не должен ли был Виссарион, снаряжая Софью в Москву, дать ей секретные наставления о вере» или не был ли план воспитания «фиктивным, мистификацией»? Сам Пирлинг не доходил до такой мысли, хотя, по его словам, «душа великого кардинала целиком обнаруживается в этом документе»[8], т. е. в программе занятий и жизни юных Палеологов.

Выходит, что Янус-Виссарион, научая Софью правилам католической церкви, в то же время внушал ей оставаться преданной вере отцов. Ф. И. Успенский приводит и мотив — «питал надежду на политическое возрождение Византии» с помощью восточного православного царя.

Пирлинг, однако, другого мнения, заявляя категорически: «Зоя была католичкой, явно придерживавшейся римского обряда»[9].

ЖЕНИХИ ЗОИ. Виссарион находил Зою (так она звалась до вступления на русскую землю) достойной ее знаменитых предков, ласковой и прекрасной, умной и осторожной. Он мечтал о царском венце для нее.

Зое было лет 12, но красота ее уже гремела. Для сына Людовико Гонзаги[10] искали невесту. Людовико собрал сведения о ее отце, тот оказался нищим. Жена Людовико решительно

выступила против «невесты без копейки». Сам он был того же мнения: не по средствам взять невесту-бесприданницу.

Смерть отца и неудачный крестовый поход папы Пия II мешали пристроить Зою. Тут — темный пункт в истории Палеологов.

В 1466 г. папа Павел II сватал Зою богатому князю Караччиоло[11]. Дело ограничилось одним обручением. Почему? История умалчивает. Фамилия Караччиоло — знаменитейшая в Италии. В Греции она имела обширные владения. Об этой помолвке свидетельствует очевидец обручения.

Третий претендент, сомнительного происхождения, Иаков Лузиньян[12], незаконный сын кипрского короля и гречанки из Патраса. Молодой человек был красив собой, умен и образован, но его умышленно зачислили в воинство Христово, сделали епископом. Первое известие об этом браке идет из Венеции. Папа, Виссарион и другие одобрили этот брак, как политический, но вдруг, в 1467 г., в мае, переговоры были резко прерваны... Почему? Ищите женщину! Явилась соперница, Екатерина Корнаро[13], красавица, которую наперебой изображали Беллини, Тициан, Веронезе. Вдруг флюгер повернулся, потянуло ветром из Москвы. Там великий князь Иван III, овдовев, высматривал новую жену [...]. Узнал он о царевне греческой веры в Риме, высматривающей жениха. Открыто заслать сватов было как будто не к лицу: лучше сперва узнать, что и как. Для этого нужен был человек доверенный и ловкач на редкость... Такой в Москве отыскался: заурядный на вид Фрязин, Иван Фрязин, иностранец латинской расы, по паспорту — Жан Баттиста Делла Вольпе. На него пал выбор великого князя, его-то последний и решил тайно послать в Рим на смотрины и разведку.

Вольпе, родом из Виченцы, происходил из старинного семейства немецких выходцев. Один из членов этой фамилии, Тревизан Вольпе, владел в окрестностях Виченцы прекрасной обширной виллой, где не отказались бы жить князья.

Вольпе был авантюрист, лукавый и увертливый, с покладистой совестью, любитель смелых предприятий и крайне неразборчивый в средствах. В 1469 г. он уже проживал в Москве и был вхож в Кремль, чеканил монету для великого князя Ивана III. Как чеканщика москвичи его очень ценили. Неизвестно по каким мотивам, но Вольпе перекрестился в Москве. Антонио Джислярди был племянником его и верным помощником [...].

Около середины 1468 г. в Риме появилось два посла от Вольпе: родственник его Николо Джислярди и грек Юрий. По какому праву простой чеканщик великого князя послал послов и что привело их в Ватикан? Об этом умалчивают римские

источники. Известно только, что папа Павел II велел выдать 9 июня 1468 г. 41 флорин на путевые издержки послам Жана Вольпе, обитающего в Москве. На другой же день послы получили деньги. Таким образом, инициатива принадлежала Москве, а условия, при которых сношения происходили, совершенно исключительные.

Известно, как трудно было иностранцам, находившимся на службе у царей Московских, уехать из России. Когда они покидали ее даже на короткий срок, им ставились всевозможные препятствия. Если Вольпе так свободно сообщался с заграницей и даже снаряжал послов — это значило, что великий князь действовал с ним заодно и что в виду имелись серьезные, пока прикровенные цели.

Вскоре в Москву вернулся посланец великого князя грек Юрий с ответом, а русский неизвестный компилятор, не разобравшись, решил, что Юрий — посланец Виссариона, якобы инициатора по брачному делу. Летописец писал, что 11 февраля 1469 г. один грек, по имени Юрий, явился в Москву послом от Виссариона. Византийский кардинал писал великому князю Ивану III, что в Риме живет православная христианка по имени София, дочь бывшего морейского деспота Фомы Палеолога. Из отвращения к латинству она уже отказала двум западным государям — королю Франции и миланскому принцу. Но великому князю нечего опасаться чего-либо подобного: если он пожелает взять княжну в супружество, ее не замедлят отправить в Москву. [...] Что касается подробностей у летописца, то они не выдерживают критики.

Прежде всего, Зоя не принимала еще имени Софии. Затем, ни Людовик XI, женившийся вторично в 1452 г. на Шарлотте Савойской, ни Галеаццо Сфорца[14] не претендовали на руку царевны-сироты.

Кроме того, Зоя, по выражению Пирлинга, «настолько мало ненавидела латинцев, что согласилась на брак с королем Кипра»[15]. Пирлинг не считает возможным допустить, чтобы прямой и правдивый Виссарион отрекся от латинства перед Москвой, хотя и допускает, что «была у него задняя мысль: супруг Зои мог стать защитником против неверных; могущественным заступником Византии»[16].

Русские люди должны были радоваться браку Ивана с греческой царевной. Ведь и Владимир[17] имел супругою гречанку, и император Иоанн VIII, дядя Зои, был женат на москвичке. Тут была польщена национальная гордость. По русской летописи брак вызвал всеобщее сочувствие.

Был назначен посол — ехать в Рим, смотреть невесту и при-

везти ее портрет и продолжить сватовство. Посол — тот же Вольпе [...].

О первом путешествии Вольпе в Рим кроме русской летописи упоминает папская (Павла II) грамота от 14.X.1470 г. Летописи сообщают, что царевна немедленно дала свое согласие на брак, а папа просил прислать несколько «бояр» — забрать невесту. Вольпе получил от папы пропуск, действительный на два года. Польскому королю Казимиру IV папа послал грамоту с просьбой пропустить в Рим русских послов.

Джислярди вернулся с ответом касательно Зои и с папским пропуском... до «окончания веков». Вернулся и Вольпе с ответом от папы. В Кремле собрался совет, принявший все римские предложения. Здесь явно следовали заранее обдуманному плану. Оставалось только ехать за невестой в Рим. Великий князь отправил с послами письма кардиналу Виссариону и папе Калликсту. Папа Калликст умер, не дождавшись послов. Послы дорогою выскоблили имя Калликста, надписав имя Сикста IV.

В первых числах мая 1472 г. Вольпе встретился в Болонье с престарелым Виссарионом, ехавшим во Францию, чтобы увлечь последнюю в крестовый поход. [...] (Сикст IV, севши на папский престол, тотчас возглавил антиоттоманскую лигу, побуждая европейские дворы двинуться в крестовый поход против турок.)

24 мая 1472 г. послы Ивана III во главе с Вольпе прибыли в Рим, чтобы заключить брачный договор с дочерью бывшего пелопоннесского удельного князя, во время оно жившего в Риме на иждивении апостольского престола. В ожидании приема папой послы жили в доме на Монте Марии, с высоты которого был виден весь город. Тем временем шли розыски о вере русских. Все же брак принципиально был одобрен.

Глава II
КОРОЛЕВА РУССКАЯ

ПОМОЛВКА. Помолвка была совершена в соборе Петра и Павла. Потом состоялся прием у папы. Послы присутствовали на секретном заседании консистории[1]. Тут они представили незапечатанную грамоту великого князя на небольшом пергаментном листке с подвижною золотою печатью. На грамоте значилось несколько слов на русском языке: «Князь Белой Руси Иван, ударяя себя в лоб (бия челом.— И. С.), шлет привет великому Сиксту, римскому первосвященнику и просит оказать доверие его послам». Послы поздравили папу с восшествием на престол и поднесли подарки: мантилью и 70 собольих шкурок.

Папа хвалил князя за то, что тот принял флорентийскую унию и выразил желание на брак с христианкой, воспитанной под сенью апостольского престола. Была выражена благодарность за подарки. Папа назвал невесту дочерью апостольского престола и святой Коллегии, так как она долгое время воспитывалась на средства церкви. Потом папа выразил пожелание, чтобы помолвка была совершена в базилике главы апостолов. Так писал Маффеи[2]. В его писании грубый ляпсус: флорентийская уния никогда не была принята в Москве. Уния 1449 г. была поддержана в польском Киеве, который в 1458 г. признал главенство папы.

Собственно обручение состоялось в Ватиканском соборе. Принцессу окружало избранное общество: королева Боснии Екатерина, изгнанная турками, и ее окружение — единственные славянские женщины, находившиеся при обручении будущей московской царицы. Медичи были представлены Клариссой Орсини.

Знатнейшие патрицианки Рима, Флоренции и Сиены явились в храм. Кардиналы прислали своих представителей. Однако имя епископа, совершившего обряд, история позабыла!

И ни одного грека на торжестве! Невестка императора Константина (дяди Зои) Анна провожала ее к алтарю.

Во время торжества обручения произошел досадный инцидент. При обмене колец Вольпе, застигнутый врасплох, должен был признаться, что не привез перстня для невесты, так как в Москве-де нет такого обычая. Его извинения показались подозрительными, явились сомнения в его полномочиях. На следующий день Сикст IV в присутствии всей консистории сетовал на то, что посол действовал без формальных полномочий своего царя.

К самой виновнице торжества Сикст IV до самого конца относился отечески-великодушно. Казалось, дело близилось к развязке. Да и пора было: ведь от начала сватовства до самого бракосочетания прошло целых четыре года!

ПОРТРЕТ. Что представляла из себя на вид знаменитая царевна? Этот вопрос всего сильнее, конечно, интересовал самого жениха. Необходим был портрет невесты. [...] Вольпе, посланный великим князем в 1472 г. за портретом, все же извернулся: он из Рима «царевну на иконе писану привезе». Интересный портрет этот не сохранился до нашего времени, а любопытно было бы сравнить его с тем противоречивым, какой дошел до нас в письменных отрывках.

Разнобой уже в отношении роста: по одним данным — она невысокого роста, по другим — выше среднего.

По Виссариону, Зоя была красавица, достойная своих знаменитых предков: ласковая и прекрасная, умная и осторожная. [...]

Другие указывают на черты хитрости и злости в ее характере. Но, кажется, особой приметой ее внешности была исключительная полнота.

Бойкое перо одного гуманиста, Луиджи Пульчи[4], набросало нам портрет византийской принцессы. Флорентийский поэт оказался чересчур суровым по отношению к Зое. Его Дульцинея, красавица, жена Лоренцо Медичи[5], сделала требуемый этикетом визит невесте Ивана. Пульчи воспользовался этим случаем, чтобы дать волю своему злому остроумию. «Я тебе кратко скажу,— писал он своему другу Лоренцо Медичи,— об этом куполе или, вернее, горе сала, которую мы посетили. Право, я думаю, что такой больше не сыщешь ни в Германии, ни в Сардинии. Мы вошли в комнату, где сидела жирная, как масленица, женщина. Ей есть на чем посидеть... Представь себе на груди две большие литавры, ужасный подбородок, огромное лицо, пару свиных щек и шею, погруженную в груди. Два ее глаза стоят четырех. Они защищены такими бровями и таким количеством сала, что плотины реки уступят этой защите. Я не думаю, чтобы ее ноги были похожи на ноги Джулио Тощего. Я никогда не видел ничего настолько жирного, мягкого, болезненного, наконец, такого смешного, как эта необычная betania. После нашего визита я всю ночь бредил горами масла, жира и сала, булок и другими отвратительными вещами»[6].

Пульчи нарисовал не портрет Зои, а карикатуру. Едкость насмешек вызывалась грубо-материальной причиной. Дело в том, что во время визита беседа затянулась. [...] Несмотря на поздний час, гостям не предложили ни закуски, ни вина... [...]

Упомянутая Кларисса Орсини (жена Лоренцо), более опытная в оценке красоты, не колеблясь, признавала принцессу прелестной. Многие летописцы придерживались того же взгляда. Среди безжалостных насмешек поэта, настроенного сатирически, можно уловить лишь одну реальную, живую черту. При утонченных дворах Италии, среди женщин Возрождения — изящных, остроумных и нежных — тучная и тяжелая гречанка была не на месте. Судьба Зои предназначила ее Северу.

Но одной карикатуры на человека историку мало. К сожалению, сведения наши о Софье так скудны и отрывочны, что трудно восстановить ее облик. [...] Перед нашими глазами мелькает неясный силуэт. Софья была дочерью Палеологов времени

упадка. Кровавые семейные распри, лишения и несчастья, может быть, ожесточили ее характер и развили наименее благородные влечения ее сердца. Она променяла изгнание на трон и очутилась в совершенно чуждой для нее среде. Русские невзлюбили Софью. Она была, по их мнению, женщиной гордой и надменной, притом необыкновенно коварной интриганкой. Зато Софья открыла заповедные двери терема. Она давала аудиенции иноземцам и снаряжала посольства к венецианской сеньории[7]. Все это были неслыханные доселе новшества. Великий князь становился все более недоступным, уединяясь в своем величии, становясь все более самодержавцем и решая почти все дела в «спальне». Злостную причину всего этого усматривали в давлении Софьи на великого князя.

Зато она утешала «старую» Москву в другом отношении: она была искренно православной! Она ревностно исполняла все внешние обряды православия. Судя по летописям, Софья едва ли не изведала чудес. Удрученная нехваткой сына, Софья отправилась на богомолье в Троице-Сергиеву лавру[8]. Там, в экстазе видения, ей удается вымолить желанную милость.

Другим доказательством благочестия Софьи могут служить советы, которые она давала своей дочери Елене, бывшей замужем за католическим государем[9]. Вообще, Софья постоянно являлась горячей защитницей православия.

ПРИДАНОЕ. Вопрос о приданом Софьи Палеолог стоит в истории чрезвычайно своеобразно. С одной стороны, она нищая сирота-бесприданница, а с другой — обладала неслыханным в мире по ценности «приданым». Но фактическое положение «царевны-бесприданницы» сказалось болезненно на ее личных переживаниях, ожесточило ее и с тем большей легкостью бросило в берлогу царственного медведя в глуши московского Залесья. Бесприданница! Из-за этого расстроилась ее первая партия с итальянским маркизом, то же, по всей видимости, случилось и с королем кипрским...

Виссарион особенно остро воспринимал эти удары судьбы, едва ли не более болезненно, чем сама Софья. Кардинал самоотверженно хлопотал о ее приданом: готов был заложить свое движимое и недвижимое и все, чем владели ее братья, Андрей и Мануил.

Папой на приданое сироте было ассигновано шесть тысяч дукатов помимо подарков.

Своим приданым сама Софья считала Византию и византийскую царскую библиотеку. Имела ли она право так считать? Ведь был в живых ее старший брат Андрей, последний представитель

мужской линии династии и, после смерти отца,— законнейший наследник византийского трона, и сам он считал себя наследником престола отца.

Пирлинг готов лишить его этого права на том основании, что Андрей не пытался вернуть это право оружием и даже не прибегал за помощью к европейским дворам. И мудро делал! Он понимал реальное соотношение вещей. На его глазах складывался проект крестового похода против турок (отца с папой) и как он бесславно рухнул. Андрей оказался до конца реалистом, он понимал, что, при всех правах, византийский трон — «синяя птица», и предпочел использовать свои права иначе: он продавал их европейским честолюбцам и оптом и в розницу.

«Андрей пустился в торговлю,— говорит Пирлинг,— стал разъезжать по Европе, чтобы продавать свои наследственные права на звонкую монету. Последняя Андрею была тем более нужна, что Ватикан стал снижать ему пенсию»[10]. Поэтому, можно думать, когда царская греческая библиотека была в Риме и в его полном распоряжении, он выбрал из отмеченных ящиков более ценное, чтобы торговлею с рук поддерживать свой скудный паек. Такой была в его руках и хризобулла[11] на пергаменте с пурпуровой подписью и золотой печатью. Хризобулла была в его руках в 1483 г. Можно только догадываться, что он специально [...] приезжал в Москву, чтобы погреть руки в отцовских сундуках, которые сам же и устраивал в подземном аристотелевском сейфе в Московском Кремле. По тому же, надо думать, делу приезжал он в Москву и в 1490 г.: доступ в подземную библиотеку ему был беспрепятственно открыт! Ведь это он с отцом спас ее от погрома турок, на радость человечеству; ведь это он один (Софье было не до того) заботился о благополучной доставке бесценного сокровища в Москву; ведь это он с Фиораванти[12] (отцом и сыном) и с юным Солари[13] размещал ее в новом, добротном, каменном подземном мешке! Ему ли было не рыться в ней свободно за «хризобуллами» разного рода?

Но и другое важное дело влекло его в Москву — сестра и ее неизменные претензии на византийское наследство. [...]

«Смотрела ли Софья Палеолог на Византию, как на свое приданое,— спрашивает Пирлинг,— и внушила ли эту мысль своему супругу?»[14] Несомненно, но только теоретически: фактическими правами на Византию она не обладала. Но была возможность приобрести это право: перекупить у брата первородство за «чечевичную похлебку» звонкой монеты. Может быть, она сама и вызывала его дважды с этой целью в Москву.

Андрей, во всяком случае, не прочь был поторговаться с сестрой. Ведь он уже дважды продавал свое первородство

(королям французскому и испанскому), почему не поделиться им с родной и честолюбивой сестрой. Для этого надо было лично ехать для переговоров в Москву. В Москве, как отмечено, был он трижды. В первый раз — в 1472 г. и пробыл в Москве несколько лет, пока не прибыл и не построил подземного книжного сейфа Аристотель. Во второй раз пробыл в Москве с год (1480—1481 гг.); в третий раз пробыл шесть лет (1490—1496 гг.). «Русские летописи выказывают ему мало сочувствия; они сухо отмечают, что одно из посещений брата стоило царевне Софии немало денег»[15]. Последнее обстоятельство вызывает у Пирлинга подозрение: «Не вступил ли Андрей в сделку со своей сестрой и, как новый Исав, не продал ли он за деньги права своего первородства?»[16]

Думается, это сомнению не подлежит.

У Кремля с Византией кроме многих других была еще одна общая черта: и там и здесь могли происходить события, даже целые дворцовые перевороты, результаты которых обнаруживались, но их подробности оставались тайною.

Удивительно ли, что не только судьба права на Византию, но и конкретная библиотека византийская — эта глубокая династическая тайна Палеологов, раз попав в Москву, пребыла непроницаемою тайной вплоть до наших дней?

Какой же изо всего вывод?

Что Софья приехала в Москву не нищей бесприданницей, а царственной невестой с богатейшим приданым, какое только знал когда-либо мир.

ФРЕСКИ. Брак, так нашумевший в истории, удостоился даже особой фрески, обессмертившей его.

Об этой фреске писано уже кое-что, но неясностей в тех писаниях много, а туману еще больше.

Лично я в Риме фрески не изучал, фотоснимка с нее, изданного в томе XV «Записок Московского археологического института» за 1912 г., в трех просмотренных экземплярах этого тома, в Ленинской библиотеке не оказалось, и сделать что-либо в этом смысле названная библиотека не могла. [...]

Привожу поэтому высказывания писавших о фреске, представляя читателю самому выбирать вариант, который ему представляется наиболее вероятным.

Первым писал о фреске Ф. И. Успенский.

«В одной из римских церквей, обращенных в настоящее время в больницу, есть фресковая живопись, представляющая Сикста IV, окруженного государями, лишенными своих царств. Между представленными здесь фигурами должна находиться и Софья

Палеолог, как можно заключить из латинской надписи (в шесть строк), в которой упоминаются имена Андрея Палеолога, Леонардо Токко и Софьи Фоминичны Палеолог. [...] Фреска — это живопись, современная событиям, и потому должна представлять портреты Андрея и Софьи Палеолог и, конечно, заслуживала бы издания».

Ф. И. Успенский запросил о фреске настоятеля русской церкви в Риме, архимандрита Пимена. Тот ответил:

«В одной из палат больницы, между двух окон, на высоте 9 или 10 метров, фреска представляет папу Сикста IV сидящим на троне. Перед ним три коленопреклоненных фигуры с венцами на головах; эти фигуры должны изображать Фому Палеолога с его двумя сыновьями или его сыновей и деспота Эпирского Леонардо Токко.

На втором плане картины, позади упомянутых фигур, находятся еще мужские и женские изображения, между последними должна быть боснийская королева и Софья Палеолог. Сфотографировать фреску очень трудно, скопировать неудобно — больные. Костюмы заставляют предполагать, что фреска сделана не в XV в., а гораздо позже и, следовательно, едва ли можно смотреть на изображения, как на портреты». [...]

Отец Пирлинг в своей упомянутой книге «Россия и папский престол», книга I, пишет на странице 196:

«Фрески Санта Спирита, изображающие жизнь Сикста IV, сохранили память о щедрости этого папы. [...] Налево от прекрасного алтаря, воздвигнутого Палладио[17], на высоте свода, виднеется стенная живопись, более позднего происхождения, чем остальные картины. Изображает она Зою, склонившую колени перед папой. Рядом с Зоей художник поместил, также на коленях, ее жениха. Оба увенчаны коронами. Папа изображен вместе с Андреем Палеологом и Леонардо Токко. Он протягивает Зое кошелек».

Н. В. Чарыков лично фреску изучил, сфотографировал и, как отмечено, издал в томе XV «Записок Московского археологического института» за 1912 г. при статье «Об итальянской фреске, изображающей Иоанна III и Софью Палеолог».

«Прилагаемая фотография снята в 1900 г. по нашему распоряжению с фрески, находящейся в Риме в больнице св. Духа. [...] Больница эта была основана в VIII в. усердием короля саксов Ина для паломников-саксов, при папе Григории II. Преемники последнего, и в особенности Иннокентий III (1198—1216), заботились о поддержании и улучшении помещений больницы и сооруженной при ней издавна церкви. Однако, ко времени избрания на папский престол Сикста IV (1471—1484),

здание пришло в такую ветхость, что оно было заново перестроено, причем больница была значительно увеличена, разукрашена живописью и приведена, в общем, в тот вид, в котором она находится в настоящее время. Верхняя часть стены главной палаты больницы окаймлена фресками, изображающими наиболее значительные эпизоды из жизни Иннокентия III и самого Сикста IV, а так как брак Московского великого князя Иоанна III с Софией Палеолог состоялся при Сиксте IV, в 1472 г., то и это событие является предметом одной из упомянутых фресок — той самой, которая воспроизведена на нашем снимке и которая, насколько нам известно, впервые теперь печатается. О ней упоминает отец Пирлинг в своей капитальной истории сношений России со Святейшим Престолом»[18].

Н. В. Чарыков касается этой фрески с археологической точки зрения — относительно времени, когда эта фреска была написана.

«Как интересна была бы она, если бы она была современна увековеченному ею событию! В таком случае можно было бы увидеть в изображении Софии и Андрея Палеологов и, пожалуй, Иоанна Васильевича, портреты, а в тех одеяниях, в которые они облачены, ценные археологические документы. К сожалению, положительные данные, дополненные нашими изысканиями в архиве больницы, доказывают, что фреска была написана не ранее, как через 127 лет после отъезда Софии Палеолог из Рима в Москву.

Латинская надпись, помещенная под фреской, означает в переводе следующее: «Андрея Палеолога, Владетеля Пелопонеза, и Леонардо Токко, Владетеля Эпира, изгнанных Тираном Турок, он (Сикст IV) одарил царским содержанием: Софии, дочери Фомы Палеолога, обрученной с князем русских, сверх даров иных, помог шестью тысячами золотых»[19].

Глава III
В МОСКВУ! НА ТРОН!

ПАПА ПРОСИТ. Для какого дела Сикст IV «помог» Софье 6 тысячами золотых, о которых гласит надпись?

Для торжественного шествия в Москву — на трон!

И папа Сикст IV и кардинал Виссарион были наперебой с царевной любезны и обязательны.

Виссарион 24 июня 1472 г. вручил Софье внушительные рекомендательные письма, а папа такие же грамоты через три дня.

Самое же важное — папа выдал Софье солидные подъемные.

Архивный документ об этом от 20.VI.1472 г. Пирлингом разыскан в римском государственном архиве. Собственно, это платежный документ трех кардиналов, главных инициаторов крестового похода, на который было собрано 6400 дукатов.

Поход провалился, и походный фонд оказался свободным.

Из этих денег 4 тысячи папа приказал выдать Зое, «королеве русской», «на расходы по путешествию в Россию и на другие цели», 600 дукатов — епископу, сопровождавшему невесту в Москву. Остальные 1800 остаются в кассе[1].

По другому архивному документу от 27 июня 1472 г., Зое были выданы 5400 дукатов, а епископу 600, что составляет сумму в 6000 дукатов[2]. Деньги эти были истрачены на византийскую принцессу в интересах крестового похода. Свита Зои, по замыслу папы, состояла из греков и итальянцев, не считая, конечно, русских, возвращавшихся на родину.

Среди греков был и Юрий Траханиот[3], один из участников брачных переговоров.

Здесь же был и князь Константин, основатель монастыря, канонизированный православной церковью под именем Касьяна.

Представителем двух братьев Зои был Дм. Ралли*.

Епископа-итальянца Антонио Бонумбре сопровождали латинские монахи.

Трудно установить точно численность отправившихся в путь. В различных городах, которые проезжали путешественники, упоминается то 100 лошадей, то 50.

Известны грамоты Сикста IV к городам на пути Зои: Болонье, Нюрнбергу, проконсулу Любека, почти тождественные по содержанию.

Вот, к примеру, содержание одной из них (герцогу Модены):

«Наша дорогая дщерь во Христе, знатная матрона Зоя, дочь законного наследника Византийской империи, славной памяти Фомы Палеолога, спаслась от нечестивых рук турок. Она укрылась под сенью апостольского престола после падения столицы Востока и опустошения Пелопоннеса. Мы приняли ее с любовью и с честью, как любимую Свою дочь. В настоящее время она отправляется к своему супругу, с которым она Нашими заботами недавно сочеталась браком. Она едет к Нашему дорогому сыну, благородному Государю Ивану, великому князю Московскому... сыну покойного знаменитого великого князя Василия[4]. Мы хранили славную своим происхождением

* Из других источников мы знаем, что Софью сопровождал ее старший брат Андрей, в заведовании которого был огромный обоз (до 70 подвод) с книгами.— Примеч. авт.

Зою на лоне нашего милосердия и желаем, чтобы всюду приняли и обошлись с ней благородно. Настоящим письмом Мы убеждаем твою светлость, Государь, во имя уважения к Нам и святому Престолу, воспитавшему Зою, принять ее с кротостью и добротою во всех областях твоего государства, где она проедет. Это будет достойно похвалы и даст Нам величайшее удовольствие»[5].

ШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ. Прощальная аудиенция Софьи у папы Сикста IV состоялась 21 июня 1472 г. Папа принял Зою в садах Ватиканских, в присутствии посла Вольпе.

Момент был удобный поднять вопрос о флорентийской унии и будущем союзнике в крестовом походе на турок: недаром же он, папа, затратил все «крестоносные» деньги на Софью. Такая беседа, действительно, состоялась; об этом упоминают миланские послы, хотя и глухо.

Жизнь, однако, диктовала другое. 1472 г. скорее был годом взаимного отчуждения и охлаждения, нежели сближения.

Как раз в этом году Константинопольский Синод формально отверг все флорентийские постановления; в Москве расточались почести митрополиту Ионе[6], непримиримому врагу Рима. В довершение бед для Рима в конце этого же года (18 ноября) скончался в Равенне самый деятельный и почитаемый защитник унии, кардинал Виссарион.

Отъезд «королевы русской» был назначен на 24 июня; он состоялся в срок. Никогда еще в Риме не видели такого разноплеменного каравана, какой на этот раз выходил из его ворот.

Византийский орел, кратковременный гость на Тибре, теперь направлял свой полет на север. Шли греки в поисках счастья и почестей; туда же стремились итальянцы, чтобы чеканить монету или решать богословские вопросы; за ними и русские, уносившие с собой мечту о восточной империи. Последуем и мы за караваном от одного этапа к другому, по данным новооткрытых на Западе архивных документов, впервые изданных Пирлингом.

Первый город по выступлении из Рима был Витебра — родовое поместье Палеологов. Прибыли Палеологи из Рима в Византию при Константине Великом.

Один местный захудалый летописец так отозвался о проходе знаменитого каравана через город прадеда Софии: «...через Витебро к своему мужу проехала знаменитая своей красотой и высоким происхождением принцесса; она была взята в жены «русским королем», обещавшим за это отвоевать у турок Морею»[7].

Вторым городом, куда затем прибыла Софья, была Сиена. Сиена была предупреждена об этом рекомендательным письмом кардинала Виссариона еще полтора месяца тому назад. Виссарион писал:

«Мы встретились в Болонье [...] с посланным государя Великой России, отправлявшимся в Рим для заключения от имени своего господина брачного договора с племянницей императора Византийского. Это дело является предметом наших забот и желаний. Мы всегда преисполнены были расположения и сострадания к византийским государям, пережившим великую катастрофу. Мы сочли своим долгом придти им на помощь ради общей нашей связи с отечеством и нацией. Если невесте придется проезжать через Сиену, мы заклинаем вас устроить ей блестящую встречу, дабы ее спутники могли засвидетельствовать о любви к ней итальянцев. Это придает ей особое значение в глазах ее супруга, а вам сделает великую честь. Мы же навеки пребудем вам благодарными»[8].

Сиена между тем пребывала глухой к голосу кардинала. Это видно из того, что отцы города никак не позаботились о встрече гостей; этот вопрос возник внезапно, когда почетный кортеж вступил в город; нужны были деньги для экстренной встречи, а городская касса — пуста. Отцы города большинством голосов ассигновали 50 флоринов, а наличных денег нет. Расход пришлось покрывать налогом, который взымался у городских ворот. Принцессе было предоставлено помещение во дворце, что рядом с собором, сложенным из разноцветных камней. Беспечность Сиены представляется странной, если припомнить, что этому именно городу Фома Палеолог продал такую по тому времени драгоценность, как мощи (рука) Ивана Крестителя.

Здесь теряются следы наших путешественников, так как о приеме их во Флоренции не сохранилось никакой памяти. Это тем более загадочно, что во Флоренции того времени эллинизм был в большой моде и греки, изгнанные из Константинополя, селились здесь весьма охотно. Добавить к этому, что во Флоренции царили Медичи, которым Софья была обязана некоторым приданым. [...]

И вот 10 июля Софья в Болонье, на большом приеме во дворце. Все болонцы любовались ею. По словам болонских летописцев, она была пленительна и прекрасна. «Когда Зоя показывалась в обществе, она накидывала на плечи парчовую горностаевую мантию, прикрывавшую ее пурпурное платье. Голову ее украшала прическа, блиставшая золотом и жемчугом. Всеобщее внимание привлекал драгоценный камень, оправленный в застежку на левой руке. Благороднейшие молодые люди

составляли свиту царственной сироты. Спорили из-за чести держать под уздцы ее лошадь. Особой торжественностью было обставлено посещение Зоей церкви Святого Доминика, где покоился прах основателя ордена братьев проповедников[9]. Зоя благоговейно прослушала мессу на могиле патриарха. Эта сцена глубоко тронула очевидцев»[10].

Вольпе был гидом. Через Литву он не решился вести караван, через Венецию также. [...] Его влекла родная Виченца. Там народная молва называла его «казначеем и секретарем русского короля». Он смело направился в город своих предков, изящный и живописный.

Караван остановился в упомянутой пригородной вилле Тревизана Вольпе, двоюродного брата Жана Вольпе. 19 июля, за два часа до захода солнца, Зоя въехала в город. Ей было оказано гостеприимство во дворце. Два дня, 20 и 21 июля — в чаду празднеств и пиров. В городе в ее честь манифестация. Венецианцы прислали Зое ценные подарки и взяли на себя расходы по путешествию принцессы через их территорию.

Эти великолепные приемы были последними: более Зое не суждено было увидеть лазурное небо и вдыхать теплый и ароматный воздух родного ей юга...

Вскоре перед караваном встали исполинские Альпы с их снежными вершинами.

С Альп спускались к Риверсто и Триенту, дальше по пути через Инсбрук и Аугсбург.

Летописцы же отметили только проезд каравана через Нюрнберг — 10 августа. Тут привал на 4 дня. Городские власти преподнесли Зое дорогой пояс, женщины — бочонок вина и сласти. В ратуше состоялся большой бал, как предполагалось, с участием принцессы. Однако последняя сказалась больной и не захотела поднимать немецкую пыль своими ножками гречанки.

Два наездника перед ее окнами проделали джигитовку, и Зоя подарила обоим по золотому кольцу. В глазах нюрнбергцев Иван был могущественным царем и «жил по ту сторону Новгорода», куда ехал и папский легат, чтобы преподнести Ивану «королевскую корону» и проповедь христианства. Источником нелепых россказней был, конечно, Вольпе. Они были точным отголоском его переговоров с Римом и дали начало странным толкам, державшимся более столетия.

Наконец — Любек (1 или 8 сентября), столица Ганзейского союза[11]. Тут царевна прослыла за дочь византийского императора...

Из Любека тяжелый месячный переезд морем до Ревеля[12] (Колывани), что «выше Пскова». В Ревеле особенно трудно пришлось Андрею Фомичу, брату Софьи. На его обязанности,

как это можно положительно утверждать, лежало наблюдение за целостью и сохранностью отцовских сундуков с книгами царской и патриаршей библиотек.

Их сперва надо было выгрузить с корабля, а потом погрузить, по примеру отца, на 70 подвод. [...]

В Ревеле тевтонские рыцари[13] оказали принцессе прием от имени города.

Сухопутный переход каравана Софьи от Ревеля до Пскова оказался трудным и потребовал месячного срока; только 11 ноября Псков увидел у своих стен знатную путешественницу.

На пути к Пскову лежал Юрьев; здесь царевну встретили послы великого князя.

ШЕСТВИЕ ПО МОСКОВИИ. Наконец, наша царевна в Пскове.

«И посадники Псковские и бояре, вышедши из насадов и наливши кубци и роги злащенные с медом и с вином, и пришедши к ней, челом удариша... И приемши ея посадник с тою же честию и в насады и ея приятелей и казну...»[14]

Что за казна у бесприданницы, самое путешествие совершавшей на позаимствованные у апостольского престола «крестоносные» деньги? Что за казна, специально для доставки которой в Москву пришлось доставить из Италии свыше полусотни лошадей? Что за казна, о которой даже большинство свиты царевны не имело никакого представления, допуская лишь догадки, что там — неведомые ценности византийских царей да царский гардероб принцессы. Тогда, кроме избранных, никто и догадываться не мог, а мы-то твердо знаем, что там действительно находилась казна, какой мир не видел,— бесценное ядро древних византийских библиотек, царской и патриаршей. [...]

В Пскове Софья (ставшая так называться, как отмечено, по вступлении на русскую землю), вдруг сбросила маску, подчеркнуто-демонстративно, словом и делом заявляя себя стопроцентной православной христианкой.

Сопровождающий Софью папский вероучитель епископ Антоний был, как говорится, «выбит из седла», он только разводил руками, шепча про себя: «Прощай, хозяйские горшки...» Вверх тормашками полетели и «отеческие», но себе на уме, наставления папы и двусмысленные («секретные») внушения Виссариона. По всем церквам псковским пошла Софья «иконы лизать», усердно ставя свечи, с благоговением стала подходить под благословение русского духовенства... [...]

Папский легат Бонумбре являл собою зрелище «рыцаря печального образа» в своем парчовом облачении, в митре, перчатках и с латинским распятием в руках. Он вызывал всеобщее удивление, а когда осмелился не почтить иконы по-

православному, то вызвал негодование. Софья, однако, принудила легата подчиниться православному обычаю. С этого момента Рим был забыт и отвергнут: русское православие одержало блистательную победу.

После торжественного богослужения город устроил в честь царевны пир: хмельной русский мед лился рекою!..

Софья была искренне тронута: казалось, будущее ей улыбалось. Покидая Псков, от души благодарила псковичей, обещая им свое заступничество перед великим князем.

В Новгороде внешне тот же энтузиазм, такие же празднества, но — из страха перед Иваном: ведь тот уже протягивал руку к такой его святыне, как вечевой колокол. Но Софья торопилась в Москву — на трон!

Следы ее пути до последней остались в русских летописях.

Вот поезд Софьи уже у стен Москвы.

Гонцы донесли великому князю, что папский легат Бонумбре приказал нести перед собою латинский крыж (крест) — привилегия, предоставленная легату папой. Великий князь экстренно собрал совет: говорили разное. Одни — не обращать внимания, дескать, маловажно; другие опасались скандала, припомнился им митрополит Исидор. Великий князь — к митрополиту (тогда был Филипп[15]). Тот — решительный протест. «Манифестация латинства в сердце России! Да если он войдет в одни ворота, я выйду в другие!..»

Бонумбре предложили убрать крест. Легат уступил, [...] и торжественный въезд Софьи Палеолог в Москву, на трон, совершился мирно и достойно.

Это было 12 ноября 1472 г. Москва была уже в зимнем уборе. Софья привыкла к внешнему виду русских сел и городов, и своеобразная восточная экзотика Москвы произвела на нее скорее доброе впечатление. Боялась она только пожаров, о которых ей так много говорили.

Деревянные, под снегом, лачуги, однообразные ряды лавок и пожарища, много пожарищ... Кое-где виднелись купеческие особняки с каменными подклетами. Последние — они видела — огню пожива, книги некуда спрятать! Даже царственный полукаменный Кремль был мало утешителен*. Тревога царевны за судьбу драгоценных книг все возрастала. Разочарованный виденным, ее брат Андрей лишь подливал масло в огонь своими страхами.

---

* В XIV в. Кремль представлял собой маленький городок церквей. Тут и Благовещенский собор, самый близкий ко дворцу, и до двух десятков церквей, помещенных на небольшом пространстве, прижались друг к другу, рядом с ними монастыри, дома придворных, лавки и мастерские.— Примеч. авт.

Всюду — толпы зевак, близ соборов — давка. Митрополит ожидал ее в полуразрушенном соборе (Успенском[16]) в полном облачении, благословил и проводил в покои княгини Марии, матери великого князя. От свекрови — к великому князю — четыре года жданному супругу. Первая встреча, первая беседа о том, о сем... [...] Князь произвел впечатление: представительный, высокий, плотный, в чертах лица нечто дикое. Недаром современники прозвали его Грозным, хоть внук и побил все рекорды. [...] Но, возможно, в этот день грозный царь выражал ласку, и одинокая, в чужой среде, Софья могла питать надежду на счастье.

Из покоев Марии и князя перешли в тот же полуразрушенный собор (внутри его была устроена временная деревянная церковь). Митрополит совершил таинство и благословил супругов.

Так, изгнанная Магомедом, греческая принцесса-беженка пришла в Москву и воссела на московском троне, рядом со своим суровым князем Иваном III. Она стала «королевой русской», но до самой смерти признавала для себя только один титул — «царевна византийская».

Это был брак сугубо политический, вместе с тем подлинно исторический, он был виновником бесчисленных и разнообразных последствий. Для нас, для нашего времени, самое важное из них — Ренессанс в Москве, им созданный.

Глава IV
НА ТРОНЕ

РЕНЕССАНС В МОСКВЕ. Отблески Возрождения несли с собой в Москву иноземцы, отовсюду привлекаемые тароватостью тогдашнего хозяина Москвы.

Отбросив монголов назад, в Азию, Русь могла вдохнуть в себя живительное веяние европейского Ренессанса. Русский народ должен был сделаться учеником Европы и воспользоваться плодами ее прогресса. Рассматривая брак Ивана III с Софьей Палеолог с этой стороны, мы не можем не признать его выдающимся явлением русской истории.

В Западной Европе в это время было чему поучиться: в Италии Ренессанс был в разгаре. [...] Центром Возрождения являлся Рим. Недаром папа Николай V собрал здесь величайших художников и талантливейших ученых своего времени, основав Ватиканскую библиотеку и дав могучий толчок развитию знаний и искусства. Вечный город возрождался из-под руин. [...] Он как будто вторично переживал золотой век

Августа[1]. Дивные создания Анджелико[2], Мелоццо[3], Перуджино[4] вызывали восторг у всех, побывавших в резиденции первосвященника католической церкви. Превознося этот век, гуманисты пользовались языком Данте и Петрарки. Еще чаще прибегали они к классической латыни, которая бы сделала честь Цицерону и Вергилию. Чудесное изобретение Гутенберга и Фауста содействовало самому быстрому распространению Ренессанса. [...]

Ивана III и Софью Палеолог можно признать настоящими творцами московского Ренессанса. Но уровень культуры у нас в то время, да и в последующие века не благоприятствовал расцвету московского Ренессанса, и бесценное культурное сокровище, игрою судеб оказавшееся в Москве, веками пребывало у нас мертвым кладом, мертвым богатством, глубоко зарытым в Московском Кремле.

Нынешняя эпоха — советская — уготованная почва для пышного расцвета советского Ренессанса, имеющего стать для Запада с «Востока светом». А это, повторяю, после уже сделанного в подземном Кремле весьма возможно.

МОСКВА ГОРИТ. Ни от одного бедствия старая Москва так горько и так тяжело не страдала, как от «красного петуха». «Красный петух» был ужасным страшилищем, способным в один час истребить годами накопленное, трудами нажитое.

При первом въезде в Москву 12 ноября 1472 г. Софью поразило болезненно, как отмечено, большое количество воочию виденных ею пожарищ. Это были еще не зажившие раны страшного пожара 1470 г. Тогда, по словам летописей, «загоресся Москва внутри города (т. е. в Кремле.— И. С.), на Подоле, близ Констянтина и Елены, от Богданова двора Носова, а до вечерни и выгорел весь»[5].

Рассказы об этом [...] глубоко тревожили Софью и Андрея — куда же спрятать от огня отцовские ящики с книгами? Андрей Палеолог, как можно полагать, тщательно осмотрел все княжеские и торговые подклеты (подземных ходов и тайников в тогдашней Москве было еще мало, и по размерам они не годились) и остановился на каменном подземелье под церковью Рождества Богородицы, близ полуразрушенного Успенского собора в Кремле.

Каждую минуту можно было ожидать налета нового «красного петуха». Им (Палеологам) сообщили, что после особенно злостного пожара 1470 г. был еще пожар в год их приезда в Москву — пожар на посаде (в Китай-городе). В тушении этого пожара самое деятельное участие принимал и сам великий князь, он «и много простоял на всех местах

ганяючи с многими детми боярскими гасяще и разметывающи»[6].

Опасения юных Палеологов скоро оправдались. 12 ноября они вступили в Москву, а уже через пять месяцев, 4 апреля 1473 г., оба ужаснулись, наблюдая особенно свирепый пожар. Если тогда не сгорела их новопривезенная библиотека, то, как говорится, счастлив их бог!

«Апреля 4 день, в неделю 5 поста, еже глаголется Похвалнаа в 4 час нощи, загореся внутри града на Москве у церкви Рождества Пресвятые Богородицы* близ, иже имать придел Воскресение Лазарево и погоре много дворов, и митрополичь двор згорел и княж двор Борисов Васильевича, по Богоявление Троицкое да по житници городцкие и дворец житничной великого князя згорел, а болшей двор его едва силою отняша, понеже бо сам князь велики был тогда в городе, да по каменой погреб горело, что на княжь на Михайлове дворе Андреевича в стене городной, и церкви Рождества Пречистые кровля сгоре, такоже и граднаа кровля, и приправа вся городнаа и что было колико дворов близ того по житничной двор городной выгорело»[7].

«Все выгорело», а до старенькой жиденькой каменной церквушки огонь хотя тоже добрался, но слабо, едва повредив крышу, а заветный подвал с ящиками остался в полной неприкосновенности, неоценимое сокровище было спасено благодаря счастливой случайности! Что должна была переживать молодая чета и ее окружение, когда занялась кровля церкви Рождества! Достойно пера драматурга!

На протяжении ряда веков это был единственный случай, когда царская греческая библиотека в Москве подвергалась действительно смертельной опасности от огня. Последующие сокрушительные пожары Москвы — 1476, 1493, 1547, 1611 гг. были для нее нипочем: она уже находилась в недоступном для людей и огня каменном сейфе Аристотеля Фиораванти, этого мага и волшебника своего времени. [...]

Нет, тогда, в 1473 г., она не сгорела случайно, а в следующий, второй при Софье пожар 1476 г., она уже не могла сгореть, так как находилась в заколдованном, специально для нее сооруженном тайнике мастера и муроля[8].

Что завещал нам XV век?

Искать, искать и еще раз искать мировое сокровище, хоть и «мертвые книги», но целехонькие в заветном тайнике! Никто почти про этот тайник ничего подлинно не знал: где он, что он, кем построен, когда, зачем? Острые вопросы, ответа на которые

---

* В подвале церкви сложили книги византийской библиотеки.— Примеч. авт.

в течение веков ниоткуда не могло прийти. Тайник, задуманный после пожара 1473 г., мыслился его творцом как строжайшая государственная тайна. С годами память о нем стала быстро тускнеть и гаснуть. Многие поколения, сменявшие друг друга на протяжении трех веков, могли только смутно, будто в сонном видении, догадываться о правде, сомневаться, колебаться, спорить, писать фолианты в доказательство, что ничего не было и нет. А заколдованный тайник с шедеврами человеческого гения продолжал себе бесстрастно и безопасно существовать, ожидая... инициативы Советского правительства!

Как же мы, пытливые советские ученые, можем равнодушно обойти эту разительную тайну русской истории, отвернуться, махнуть презрительно рукой: одни, дескать, бредни, фантазия, предположения — как это еще делают ныне «иные — прочие» адепты исторической науки. [...]

Помочь полной реализации векового предприятия — точнее, извлечению из кремлевских недр библиотеки Грозного, предприятия, подсказанного чувством нового Советского правительства, и ставит себе основной задачей настоящий труд.

Но — к делу!

Глава V
МОСКОВСКИЙ ТАЙНИК

ГЕНИЙ РЕНЕССАНСА. После пожара 1473 г., первого грозного московского предостережения великой княгине Софье Палеолог, юные брат и сестра Палеологи вкупе с многоопытным в пожарном деле Иваном III думали-гадали: как быть, что делать, чтоб спасти от огня и лихих людей благополучно прибывшую в Москву бесценную царскую библиотеку, это негласное приданое царевны-гречанки. Андрей и Софья, несомненно, настоятельно доказывали Ивану III, что единственный способ спасти сокровище — это поместить его в специальный подземный каменный сейф, а Кремль превратить в неприступный, с подъемными мостами средневековый (типа Миланского) замок.

Но где взять зодчего, способного на это большое дело? Было вынесено решение — послать в Венецию дворянина Семена Толбузина звать на это дело европейскую тогдашнюю знаменитость, слава о которой докатилась до Москвы, «мастера муроля и пушечника нарочита» зодчего Аристотеля Фиораванти, которого Софья по Риму знала лично.

И вот 24 июля 1474 г. московские послы великого князя Толбузин и Джислярди выехали в далекую Венецию в поиски за «мастером муролем». Толбузин и Джислярди открыли собой

вереницу русских послов в Европе. В Венеции Толбузин принялся набирать мастеров и художников всякого рода. Он привез с собой в дар сенату собольи шкурки, а сенат от 27 декабря того же года одарил его золотою парчою в двести дукатов. Сам Толбузин получил парчовое платье, секретарь его — платье из камки, а слуги — из багряного сукна. Поиски Толбузиным в Венеции «мастера муроля, кой ставит церквы и палаты», увенчались успехом. Случайно Толбузину встретился на улице подросток Пьетро Солари, ученик Аристотеля, который и проводил посла в дом последнего. У Толбузина было мало надежды на благоприятный исход его миссии. «Многи у них мастера,— сокрушенно писал он своему патрону в Москву,— но не един избрася на Русь»[1]. В конце концов, «тот же Аристотель восхоте и рядися с ним по десяти рублев на месяц давати ему»[2]. [...]

Посольство Толбузина навсегда останется памятно истории, ибо оно подарило русских одним итальянцем, имя которого покрыто бессмертием.

Рудольфо Фиораванти Дельи Альберти, более известный под именем Аристотеля, был одним из знаменитейших художников своей родины эпохи Возрождения. Такой авторитетный судья, как Евг[ений] Мюнц, не колеблясь, называет его самым выдающимся инженером и одним из знаменитейших зодчих Италии XV в. Своеобразно выглядит на фоне этого блестящего отзыва личное мнение проф. А. С. Усова, считавшего Фиораванти за «второстепенного техника по каменной кладке»[3].

Оно стоит также в прямом противоречии с отзывом русской летописи: «Все лити хитр вельми»[4].

Аристотель впервые приобрел себе известность в Риме, где он перенес в Ватикан огромные монолитные колонны храма Минервы.

Кардинал Виссарион, бывший тогда в Болонье легатом курии, наградил отважного и хитроумного инженера-архитектора суммою в 50 флоринов. Одаренный изумительной энергией («Всегда бодр!» — девиз его жизни), Фиораванти Аристотель скоро заставил говорить о себе и Неаполь, и Милан, и Венгрию.

Наконец, он опять отличился в Риме, где папа Павел II хотел восстановить тот самый гранитный обелиск, который впоследствии был поднят по властному слову Сикста V[5].

Слава Аристотеля настолько упрочилась, что правитель Болоньи как-то отозвался о нем: «Никто не может сказать, что не знает Фиораванти в архитектуре».

Одновременно этого гениального строителя, Сольпеса средних веков, зазывали к себе и турецкий султан, и великий князь московский.

Аристотель предпочел Кремль сералю. Почему?

Потому, думается, независимо от обиды по делу фальшивомонетчиков[6],— что его самого манила благородная перспектива: ознакомившись ближе с интересовавшими его латинскими книгами заветной библиотеки, надежно укрыть ее потом для грядущих поколений в специальном подземном тайнике, недоступном на века ни для огненной стихии, ни для злой воли человека.

НА РОДИНЕ. Несколько сухих биографических данных об Аристотеле Фиораванти заимствуем из статьи К. Хребтовича-Бутенева в сборнике «Старая Москва», взятых им, в свою очередь, из редчайшей брошюры 1870 г. анонимного автора. [...]

Родиной Аристотеля была Болонья, где строителями работали его отец и дед. Отец (1390—1447) — Фиораванти, мать — Беттина Алье.

Аристотель (имя, данное при рождении, а не прозвище, как иные думают) родился около 1415 г., умер приблизительно в 1485 г. [...]

Первою женою Аристотеля была Бартоломея Гарфаньини. От нее он имел сына Андрея и дочь Лауру (родилась в 1465 г.). Вторично женился на Лукреции Поэти в Болонье, а в третий раз на Юлии, от которой имел дочь Елену (родилась в 1472 г.).

В 1436 г. Аристотелю шел 21-й год. [...] Крепостные стены родного ему города Болоньи строил Аристотель, выпрямлял и передвигал башни и колокольни в Болонье, Мантуе и Ченто; со дна моря в Неаполе поднял огромную тяжесть.

Особенно прославился он в 1455 г. передвижкой в Болонье на 65 футов в сторону башни Della Magione, высотою в 65 футов, в полной сохранности. Башня эта после того нерушимо простояла 385 лет, и лишь в 1825 г. ее разобрали без всякой к тому надобности. [...]

Пять лет (1459—1464) Аристотель работал на стройке стен Миланского замка; стена Московского Кремля почти точная копия миланской.

В 1474 г. Аристотель постоянно жил в Венеции, где и принял посольство Толбузина и договорился насчет Москвы.

Аристотель долго не раздумывал: ехать так ехать! Подальше только от родины, которая его обидела, обвинив несправедливо в причастии к делу фальшивомонетчиков. Он не отвечал обидчикам. «Лучше,— говорил он,— сомкнуть уста, чтобы избегнуть безвинного позора». Москва далеко — тем лучше! Там его ждет работа спелеолога в подземном Кремле по устройству невиданного в мире книжного сейфа! Да и заповедные книги интересовали его. [...]

Захватив с собой все необходимое, а также двух помощников: сына Андрея, 30 лет, и юного подмастерья Петра Антонио Солари (впоследствии ставшего его преемником по стройкам в Кремле), Аристотель, с группой набранных Толбузиным рабочих и техников, пустился в далекий и неверный путь, как оказалось потом — за могилой и крестом.

Покидая родину — увы, навсегда,— Аристотель переживал то же, что впоследствии и Байрон:

Корабль! Валы кругом шумят...
Несися с быстротой!
Стране я всякой буду рад,
Лишь не стране родной!
Привет лазурным шлю волнам
И вам, в конце пути,
Пещерам мрачным и скалам!..
Мой край родной, прости[7].

ЗА БЕЛЫМ КРЕЧЕТОМ. На протяжении двух лет — две исторические западноевропейские экспедиции в Россию, в Москву, но какая между ними разница! Триумфальный поход Софьи Палеолог из Рима в Москву летом и осенью 1472 г. с многолюдным караваном и с огромным книжным обозом в 70 подвод внешне носил характер какого-то переселения. Поход Аристотеля Фиораванти, выступившего из Венеции в далекий путь в разгар зимы (январь 1475 г.), наоборот, носил мирный характер скорее какой-то отборной научно-исследовательской экспедиции, самособранной, подтянутой и подвижной. [...]

Аристотель двинулся в путь не вдруг и не случайно, отнюдь не подкупленный 10 рублями «в месяц давати ему». Он заранее все обдумал и глубоко осознавал всю историческую значимость своей миссии. Он великолепно был заранее осведомлен кардиналом Виссарионом о всех перипетиях и тайных пружинах брачного дела Софии с Иваном, а кардиналом Исидором, надо думать, о том, что такое Москва вообще и ее Кремль в частности: его топография, размеры, почва, местоположение. Аристотель, таким образом, имел полную возможность заранее, еще будучи в Венеции, после договора с Толбузиным, составить глубоко и всесторонне продуманный план своих предстоящих наземных и подземных работ в таинственном Московском Кремле. [...]

Он понимал, что главная цель его вызова в Москву — не постройка какой-то церкви, которую с успехом могли в конце концов построить и псковичи, а в том, чтобы надежно, на века, спрятать бесценное византийское культурное сокровище. [...] С другой стороны, построить царский каменный дворец, безо-

пасный от огня, а также стопроцентный европейский замок, надежное убежище от наскоков татар и всяческих врагов — лестная задача!

«Научная экспедиция» Аристотеля вступила в Москву, согласно летописям, 26 марта 1475 г. В литературе вопроса существует попытка сомневаться в этом и утверждать, что Аристотель прибыл в Москву 26 апреля, что ошибочно; в конце апреля по поручению великого князя и по собственным соображениям Аристотель уже выбыл в большую полугодичную, в собственном смысле научно-исследовательскую экспедицию для изучения древнерусских памятников церковного и гражданского зодчества, быта, нравов, словом, всей тогдашней жизни Московии от Москвы до Мурманского побережья. [...]

Имея на плечах солидный груз в 60 лет, Аристотель тем не менее ни на минуту не задумался тронуться верхом в далекий и неведомый ему путь до самых пустынных Соловков на Белом море, путь в две с половиною тысячи верст. Целью отважного рейда, помимо научных устремлений, служил также белый кречет, обещанный им страстному любителю и ценителю их миланскому герцогу Галеаццо Мария Сфорца. И — удивительное дело — Аристотель раздобыл-таки трудноуловимую птицу, белого, вернее, серого кречета, и тотчас препроводил его со своим сыном Андреем в Милан, к названному герцогу. Последний успел только раз полюбоваться на эффектный полет долгожданной птицы, как был заколот кинжалом убийцы.

Тем временем шли подготовительные земляные работы в Кремле для сооружения книжного сейфа. Работы вел любимый ученик Аристотеля («подмастерье, Петрушею зовут»), молодой Петр Антонио Солари, будущий преемник «гения Ренессанса».

Весь первый год пребывания на гастролях Аристотель метался по Московии по личным и научным делам; в Москве он пробыл всего два месяца с небольшим. Он вообще не торопился с Успенским собором[8]. На первом плане у него стоял подземный книжный сейф для византийской книжной «поклажи». [...]

ПО-НОВОМУ. Наконец, в конце 1475 г. Аристотель вплотную приступил к будням своей исторической миссии в Москве, к сооружению дивного средневекового замка в глуши Московского Залесья. Прежде всего он сверил свой венецианский план замка, набросанный им наобум, по рассказам митрополита Исидора, некогда бежавшего из Москвы от гонений за принятие флорентийской унии, с подлинной топографией Кремля, бывшего теперь перед ним воочию, и внес необходимые поправки. Пока шли своим порядком неотложные работы по сооружению подземного Кремля, Аристотель приступил к постройке по-новому Успенского собора.

Прежде всего, руины собора предстояло начисто снести.

Давно тому назад, в дни Ивана Калиты, на месте нынешнего ветерана Ренессанса стояла жалкая деревянная церквушка, уступившая с течением времени место каменному храму. Стройка последнего началась в год приезда в Москву Софьи Палеолог и длилась три года. Когда уже казалось — вот-вот конец, собор неожиданно рухнул, устояла одна стена. Причина — «земля стукну»— землетрясение. Снести руины — встала перед Аристотелем первая и неотложная задача. Работы по сносу руин тянулись 14 месяцев. Наконец, 12 мая 1476 г. приступлено было к закладке нового храма.

В том же 1476 г. Аристотель отправил письмо герцогу Миланскому, в котором афишировал постройку собора, но ни слова о подземном Кремле: эти работы были строжайше засекречены! [...] Постройка собора была Аристотелю и его хозяевам как нельзя более на руку: она отвлекала внимание окружающих от грандиозных засекреченных работ по подземному Кремлю, с его звездой первой величины — книжным сейфом...

ХИТРОСТИ ЗОДЧЕГО. Аристотель взглянул на руины собора и «храма похвали гладкость». Присмотревшись ближе — «известь не клеевита, да и камень не тверд»,— авторитетно сказал. Торчала еще старая стена: велел и ее, и все долой. Летописец подметил это: и не подумал зодчий «приделывати северной стены и полати, но изнова зача делати»[9].

Но прежде, чем «зача делати», «мастер муроль» предусмотрительно построил кирпичный завод и наладил выжигание извести. Глину для завода он нашел близ Андроньева монастыря, а известь стал выжигать в неолитических пещерных городах на реке Пахре, в селах Киселихе и Камкине. Экономя время и пространство, тотчас за Андроньевым монастырем и «кирпичную печь доспе [...] в Калитникове, в чем ожигати и как делати, нашего рускаго кирпича у́же да продолговатее и тверже: егде его ломать, тогда в воду размачивают»[10].

Известь Аристотель изготовлял, с точки зрения москвичей, также по-новому: «Известь же густо мотыками повеле мешати и яко наутрие же засохнет, то ножем не мочи расколупити. Известь же как тесто густое растворяше, а мазаша лопатками железными; вместо бута велел камень ровны внутри (стен.— И. С.) класти повеле»[11]. Вместо обычных дубовых мочек велел «все железо сковав положи[ти]».

Для сноса руин придумал нечто такое, чем снова удивил москвичей и летописцев: им было чудно видеть «барана». «Баран»— таран. «Три древа поставя и концы их верхние совокупив в едино и брус дубов обвесив на ужищи посреди

и поперек и конец его обручем железным скова и раскачиваючи разби»[12]. Баран на Западе был в большом ходу. Там он обыкновенно привешивался между целым рядом бревен, но Аристотель укрепил его между тремя только бревнами, связанными вместе у верхних концов, которые, таким образом, составили треножник, а привешенный баран без перестановки был направляем на все стороны. К вершине треножника на цепи, или ужище, привешено было бревно, или баран. Конец барана окован был железным обручем, и, сверх того, самая конечность его была также окована еще особой железною шапкою. Раскачивая привешенное бревно взад и вперед, ударяли им в стены и легко разбивали и разрушали их.

И еще нечто придумал «инженер по устройству крепостей». Там, где использование барана было неудобно, он стены подпер брусьями, которые потом поджег и, таким образом, быстро повалил: «Еже три годы делали, во едину неделю и менши развали»[13]. После этого Аристотель приступил к прорытию новых, более глубоких фундаментов: «Рвы же изнова повеле копати и колие (сваи.—И. С.) дубовые бити»[14].

Рвы для фундаментов глубиною были в четыре и более метров, если верить «Ростовскому летописцу», в дно этих канав он (Аристотель) вбивал дубовые сваи. Длина их неизвестна. Может быть, такая же, как длина свай под башней Кутафьей[15]. Одну такую сваю при работах Метростроя мне удалось выхватить из глубины около 14 метров и поместить в кремлевский музей[16]. Толстая, до 20 см, она была с одного конца заострена, дубовая кора ее выглядела лохматой, высотою свая была около двух метров.

План Успенского собора в Москве свой собственный, отличный от такого же во Владимире-на-Клязьме. И. М. Снегирев[17] в 1856 г. их ошибочно отождествлял. Против этого говорит как то, что Аристотель во Владимир попал уже после того, как рвы фундаментов были выкопаны, а главное, в московском соборе четыре круглых и два четырехугольных столба, чего во Владимире не наблюдается.

АРХИТЕКТУРНАЯ РОМАНТИКА. Вместе с итальянцами в Москву была занесена идея палаццо — палат. Палаты — это каменные здания; хоромы — деревянные, с теремами, вышками, гриднями и сенями. Под храмами, башнями и палатами неизменно закладывались подземелья, погреба и спои, или склепы. Назначение последних было разнообразное: некрополь, арсенал, ход к воде, казначейство. Так поступал уже Аристотель Фиораванти при постройке кремлевских каменных соборов: Успенского в 1479 г. и Благовещенского[18], четыре года спустя. [...]

Устройство тайников Успенского собора было начато с подземных. Прежде всего из-под собора был выведен тайник по направлению к будущей Тайницкой башне[19], согласно плану*. Постройку этой башни десять лет спустя Аристотель начал самолично. Вообще, соборы, стены, башни, подземные ходы и пустоты всякого рода сооружались и возводились неизменно по плану Кремля Аристотеля; этим же планом строго руководился и Алевиз, достраивавший стены Кремля в самом конце XV в. Аристотель был отцом Кремля, а не участником в постройке какой-то его части. Поэтому будет неточно сказать, как это делает С. Ф. Платонов, когда говорит: «Пьетро Солари и другие, с участием того же Аристотеля, строили кремлевские стены и башни»[22]. С. П. Бартенев лишает Аристотеля даже какого бы то ни было «участия» в постройке Кремля, категорически утверждая, что постройка стен и башен Кремля началась только после 1485 г. (когда, предполагается, Аристотеля уже не было в живых), а закончилась в 1495 г.[23]

Выходит, что Аристотель в деле постройки в Московском Кремле был ни к чему, лишним или случайным человеком, вроде, выражаясь по-современному, летуна и прогульщика, который, кроме Успенского собора, ничего не удосужился сделать в течение по меньшей мере десяти лет.

Аристотель, как отмечено, был одним из строителей Миланского замка, кроме того, реставратором его подземелий. Он был коротко знаком с последними, не хуже строителей. Создавая подземный Кремль в Москве, Аристотель, естественно, ориентировался на Милан.

Сколько времени ушло на оборудование подземного замка в Милане, мы не знаем; но что долгие годы у Аристотеля ушли на Московский подземный Кремль, в этом убеждает личный опыт автора этих строк. Для того чтобы расчистить сравнительно небольшой сегмент засыпанного и забаррикадированного двести лет тому назад тайника, потребовалось, при самых благоприятных условиях, свыше года. Следовательно, годы и годы должны были уйти на то, чтобы в подземной целине Кремля создать подобные же пустоты, да еще выведя их за пределы наземного Кремля, под Китай-город и под Москву-реку. Вдобавок, без собственных тайников не обходилось ни одно крупное наземное сооружение в Кремле. Взять хотя бы тот же Успенский

---

* Об этом тайнике вспомнил Довнар-Запольский[20], когда писал в книге «Москва в ее прошлом и настоящем» (ч. II, с. 48), что митрополит Макарий[21], застигнутый страшным пожаром в 1547 г. за научной работой в Успенском соборе, с большим трудом спасся посредством подземного хода.— Примеч. авт.

собор — не только исторический подземный ход находился под ним, но и целый ряд тайников и сокровищниц в его стенах и даже куполах. Вот — «нижняя алтарная казна». Ее видел производивший здесь реставрацию в 1895 г. архитектор К. Быковский. В своем докладе на заседании Московского археологического общества 12 декабря 1895 г. он упомянул и о двух круглых отверстиях на высоте от пола свыше метра, открывающихся внутрь алтаря, которые были заделаны деревянными пробками. Это, очевидно, и есть та, внизу потайная казна, «хранилище драгоценностей на случай опасностей», которая была ограблена французами в 1812 г. А грабить, видимо, было что: 325 пудов хранившегося там серебра и 18 пудов золота.

А вот и казна у шеи средней главы собора. О ней упоминает летопись. Но можно ли в данном случае понимать под «казной» тайник как помещение? Мартынов говорит «да»[24], Н. А. Артлебен — наоборот — «казны помещения там быть не могло»[25].

Спор мог быть решен только личным его осмотром. Это сделали архитекторы И. П. Машков и К. Быковский. Первый видел там в 1911 г. «тайник пустой, по которому ходил»; второй также видел там «пустое пространство». «Вероятно,— догадывается он,— мы видим здесь казну, которую, по сказаниям летописи, устроил Аристотель Фиораванти при самой постройке собора. Этот круглый коридор с внутренней стороны купольной стены, перекрытый каменными плитами, мог иметь доступ через купольное окно и люк в плитяном покрытии коридора»[26]. [...]

Но аристотелевские секреты собора этим, оказывается, не исчерпываются. «В замке сводов заложены четыре угольные каменные плиты с четырехугольными посредине углублениями на 1,5 вершка[27], мерою в 2 вершка. В кладке сводов, на расстоянии от замка сводов 4 аршина [28] 3 вершка, заделаны выступающие поверх сводов железные ушки с отверстиями»[29].

Архитектурная загадка, вопиющая о разгадке, но архитекторы остались к ней холодны, как мрамор. Как было не вскрыть, используя «железные ушки»? Пустить бы туда спелеологов, картина получилась бы иная!..

С именем Аристотеля связан и Благовещенский собор в Кремле. По Забелину[30], он заложен в 1484 г. еще при жизни Аристотеля «и, быть может, под его наблюдением... Разрушив дедовскую постройку, Аристотель заложил новую, на каменном подклете».

На хорах собора найдены два тайника, закрытые каменными плитами, ведущие в помещение арок. Арки оказались пустыми. По-видимому, это те самые хранилища, про которые барон Мейерберг[31] писал еще в XVII в., что в верхнем своде церкви Благовещения хранятся сокровища. Четыре подземных тайника,

по сведениям И. М. Снегирева, связывают Благовещенский собор с Грановитой палатой[32]. [...] Против ризницы Благовещенского собора — люк в мостовой, заложенный камнем и чугунной плитой. Люк вел на белокаменную лестницу. Лестница была расчищена на 15 ступеней и вновь заложена. Лестница приводила в подземелье. Слышно было, как по своду подземелья ездят и ходят. [...] Тут все темно или неясно.

По соседству — два кирпичных сводчатых, герметически закупоренных тайника. Как в них проникнуть — печатные источники ответа не дают.

Но еще более ущемляет спелеолога тот факт, что среди подземелий между Благовещенским и Архангельским соборами существует и такое, в котором обнаружена небольшая, ниже человеческого роста, железная дверь с огромным на ней висячим замком. Но рухнул свод, и дверь оказалась засыпанной. Почему рухнул свод? Видимо, от тяжести чугунной решетки между Благовещенским и Архангельским соборами, поставленной в 1835 г. В древности тут решетки не было. Решетка снята в 1915 г., а железная дверь так и осталась манящей, дразнящей и загадочной, но не исследованной до наших дней. А ведь так просто и легко было вскрыть эти «кремлевские тайны», пользуясь простым спелеологическим методом исследования.

Еще перл: «При заложении фундамента для кремлевского дворца была найдена древняя церковь с коридорами из нее, тайниками». Об этом сообщал в 1894 г. протоиерей А. Лебедев, за 45 лет службы в Кремле наблюдавший девять провалов, из которых только два остались незасыпанными. Моментальная, во всяком случае, спешная засыпка всех провалов, без какого бы то ни было предварительного обследования их,— застарелое и тяжкое зло не только советской археологии и спелеологии. [...]

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ, ПРОСТИ! Жизнь Аристотеля в Москве для истории сокрыта. [...] По всем признакам Болонья следила за ходом работ Аристотеля в Москве и к моменту окончания им постройки собора в 1479 г. просила великого князя Ивана III (первый отклик в итальянских источниках) отпустить Фиораванти на родину в Болонью, где его ждали давно им начатые, но не оконченные работы. Совершенно не освещена в документах роль в этом деле Софьи Палеолог, которая достигла своего: несгораемый книжный сейф в глубоком подземелье был в ее полном обладании! Просьба Болоньи исполнена не была, может быть, потому, что еще не был закончен постройкой Кремль. Но в 1480 г. из Милана вторично прибыл в Москву ближайший помощник Аристотеля Петр Антонио Солари, способный быть его заместителем. Тем не менее Аристотель был задержан еще на пять лет.

Мнение западных писателей о смерти Аристотеля в Москве в 1480 г. опровергается свидетельством русской летописи о личном участии Аристотеля, уже в возрасте 70 лет, в военном походе Ивана III на Тверь в 1485 г.

К. Хребтович-Бутенев принимает годом его смерти 1490 г.

Невольно возникает вопрос: почему Иван III не отпустил Аристотеля ни по личной просьбе последнего, ни по просьбе его родины? Писали разное.

«Москва,— писал, например, А. Пыпин,— ненавидела всех, кто не был москвичом. Чужестранцы в Москве часто были казнимы смертию. Так был казнен врач Леон, который не вылечил сына великого князя, Ивана Молодого. Врача Антона, который также не смог вылечить одного царевича, зарезали, как овцу. Напуганный такими казнями, архитектор Аристотель стал проситься домой, но великий князь велел его за это схватить, ограбить и бросить в тюрьму»[33].

За что? За простую просьбу от отпуске на родину!

Иван III, однако, не всегда был крут на отпуска. Известно, например, что брат Софьи Андрей Палеолог трижды приезжал и уезжал из Москвы*; сын Аристотеля Андрей — дважды; сам Солари приезжал дважды, но в третий раз выехать из Москвы с целью — навсегда — ему уже, увы, не удалось, как и Алевизу[34]. Все три зодчих как иностранцы не смогли покинуть Москву и должны были в ней сложить свои кости. Случайность? Нисколько! Это сознательный акт московского двора, поддержанный, видимо, и Софьей Палеолог.

Этот своеобразный триумвират Московского Кремля был носителем самых заповедных его тайн, среди которых «тайною тайн» является книжный подземный сейф. Отпустить в Европу хотя одного из этой славной тройки было едва ли не равносильно заветные тайны Москвы сделать предметом злостных кривотолков. [...] В этом, думается, и только в этом raison d'être[35] насильственной гибели творцов московской твердыни в ее недрах. На костях своих зиждителей основан Кремль! [...]

Глава VI
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ АРХИТЕКТОР МОСКВЫ

«Генеральный архитектор Москвы» — это гениальный итальянец Петр Антонио Солари. [...] Однако, хотя он и «гениаль-

* Под давлением, как отмечено, скорее его сестры Софьи, которая недолюбливала брата и всегда стремилась поскорее выжить его из Москвы.— Примеч. авт.

ный», но русским историкам мало или совсем неизвестен. Как иначе объяснить, что в капитальном двухтомнике «Опыт русской историографии» В. С. Иконников о нем совсем не упоминает[1]? Впрочем, в названном «Опыте» не упоминается вовсе ни один из героев нашего труда: ни Петр Солари, ни Ниенштедт, ни Иван Федоров, ни Конон Осипов, ни Дабелов, ни Тремер не нашли себе места в его обширном «Опыте». Уже из этого видно, какую целину пришлось поднимать автору.

Академик С. Ф. Платонов в своем труде «Москва и Запад» упоминает о Солари, кажется, только раз, когда говорит: «Иные мастера-иноземцы (Антон Фрязин[2], Марко Руффо[3], Пьетро Соларио, Алевиз) с участием того же Аристотеля строили кремлевские башни и стены»[4]. В действительности Солари имеет гораздо большее значение в русской истории, поскольку фактически является одним из основных триумвиров-зодчих Московского Кремля как державной твердыни!

ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ. Петр Антонио Солари был на примете у Аристотеля Фиораванти уже подростком 14 лет. Аристотель ценил его способности и трудолюбие и увез его с собой в Москву как многообещающего сотрудника и возможного преемника.

Перед этим на родине, в Милане, Солари работал подмастерьем у своего отца, известного в свое время миланского зодчего Гвинифорте. Дед его Джиованни (ум. в 1480 г.) также был видным зодчим в родном Милане.

Биография Солари на редкость скудная фактами, к тому же крайне запутанная и противоречивая.

Умер он, говорили, холостым, а на самом деле он был женат: жена, узнав об его смерти в Москве в 1493 г., возбудила дело о наследстве. Говорили еще, будто он впервые появился в Москве в 1490 г. В действительности это был год его вторичного приезда. Если в первый свой приезд с Аристотелем вместе он строил подземный Кремль и потайной книжный сейф в нем, то теперь строил Кремль — стены и башни.

Родился он, по одним источникам, в 1460 или 1453 г., по другим — уже в 1446 г. приступил к работе.

Будучи младшим представителем славной миланской династии зодчих, он охотно помогал в работах отцу и деду, помогал и учился, впитывая опыт и знание двух поколений.

Дед строил Павийскую Чертозу[5], крепости, каналы (Навилио), средневековые замки, [...], а также цистерны всякого рода, на случай осады или засухи. Был он (дед) также главным строителем исполинского Миланского собора, а заодно и знаме-

нитого Миланского замка-крепости, мало-мало не двойника Московского Кремля.

Славен был дед, а сын, Гвинифорте, побил рекорд, хотя и был короток его век — 52 года всего.

Едва умер отец Солари (точнее, на пятый день), герцог Миланский выдал последнему диплом (на латинском языке), где содержались дифирамбы всему роду строителей Солари, в особенности же Гвинифорте, «удивительному по своему дарованию». Да и юный Солари был аттестован «не уступающим отцу по способностям». Амадео, женатый на сестре Солари, был отмечен как строитель гигантского Миланского госпиталя.

От Амадео Солари несколько поотстал: первый имел мужество рано порвать с готикой, создав свой собственный стиль в духе Возрождения; второй этого не успел или не сумел.

В Милане со смертью Гвинифорте, естественно, встал вопрос об его преемнике. А Солари, оказалось, дома нет: он в далекой Московии. Выписать! — постановили отцы города. И что же? Аристотель и даже сам суровый великий князь, вообще не охотник мирволить «летунам», отпустили его... без всяких проволочек. [...]

Двенадцать лет оставался Солари на творчески продуктивной работе в родном Милане. В это время он женился. А Москва тем временем осиротела... Сам шеф строителей после военного похода с великим князем на Тверь был, как говорят, за просьбу об отпуске на родину брошен в тюрьму, откуда, как видно, уж не нашел выхода. В опытных руках отсутствующего Солари оказалась острая нужда. Так или иначе, в начале 1490 г. Солари вторично* появился в Кремле в качестве преемника своего шефа и главного руководителя по постройке нынешнего наземного Кремля.

НАЗЕМНЫЙ КРЕМЛЬ. Аристотель и Солари, можно сказать, поделили сферы своих работ в Кремле: Аристотель взял для себя подземный Кремль, Солари — наземный. Из этого не следует, что Солари «подземного» не знал: он вместе с Аристотелем и Андреем Палеологом водворял греческий книжный багаж в подземный сейф.

В каком виде были водворены в хранилище книги — в сундуках или извлеченными из них? Думается, по типу позднейшего архива Грозного — «в сундуках до стропу»[6]. [...] Впрочем, многие ящики были при водворении вскрыты: Аристотеля инте-

---

* Вместе с Андреем Палеологом, который приехал сюда в третий раз.— Примеч. авт.

ресовали латинские раритеты, Андрея Палеолога — уникумы ценою подороже...

Максим Грек, когда перевел Толковую Псалтырь из этой библиотеки, преподнес ее великому князю со следующими словами: «Прими убо сия, да не паки в ковчезах, яко же и преже, богособранное сокровище, да возсияет всем обще»[7].

Когда подземный Кремль (а строился он десять лет) стал перерастать в наземный, Аристотель еще находился в Москве (в 1485 г.), верный своему девизу: «Всегда бодр!» [...] Возможно, он был жив еще в 1486 г. Во всяком случае, зачинателем стройки наземного Кремля был Аристотель. И начал он стройку с самой ответственной стороны и с самой таинственной башни: сторона — вдоль Москвы-реки, откуда следовали первые удары врага; башня — Тайницкая. Последнюю недооценивали в веках: она гораздо более сложна (и окутана покровом подземных тайн), чем думали и думают. Недаром же засекреченное на века подземелье — дело рук такого мастера-спелеолога, как Аристотель Фиораванти!

Летописец, который вообще не разбирался в тайниках подземного Кремля, писал по поводу этого знаменательного события: «Майя в 29 заложена бысть на реце на Москве стрелница у Шешковых ворот, а под нею выведен тайник, а делал ее Онтон Фрязин»[8]. [...]

Зачем под башней тайник?

«Тайником,— отвечает С. Бартенев,— обеспечивалась одна из самых нужных вещей во время осады — вода»[9]. Бартенев по инерции утверждает старую ошибочную установку. Он, видимо, не задавался вопросом: как практически проникнуть к воде при наличии осады Кремля неприятелем. Башня на значительном расстоянии от реки — к ней от башни по открытому берегу незамеченным было не прошмыгнуть. Стало быть, пройти подземным ходом, как из гоголевского костела в г. Дубно в «Тарасе Бульбе»[10]? Но в таком случае выход к самой реке был бы отлично виден с противоположного берега, и по нему неприятель попытался бы проникнуть в город. Такого прецедента история не знала. Следовательно, не ради речной воды был в башне тайник. Для чего же он?

Быть может, под тайником надо разуметь колодец, виденный в башне многими. Быть может, близость колодца от реки обеспечивала в нем близкий уровень подпочвенной воды? В действительности, колодец является глубоким и сухим! Когда в этот колодец спускали в пожар 1547 г. полузадохшегося в дыму в Успенском соборе митрополита Макария, «вужище»[11] оборвалось и несчастный рухнул... на сухое дно! Тайна на тайне, тайной погоняет.

Если не с плачем, как еврей к «Стене плача»[12] в Иерусалиме (картина, которую пришлось наблюдать лично), то с исследовательской тоской советского спелеолога подходил я к этой Тайницкой во время сноса ее пристройки[13], но неизменно отгонял милиционер. Муки Тантала, перевоплотившиеся из легенды в действительность!..

Вскоре после работ по сооружению Тайницкой наступил в работах перерыв (может быть, вызванный смертью Аристотеля) надолго, на целых два года. Хотя и жив был Антон Фрязин, но в 1487 г. появляется, судя по летописи, другой, некий... Марко Фрязин, который и закладывает наугольную стрельницу, называемую Беклемишевской[14]. Стена между Беклемишевской и Тайницкой ждала своего подлинного строителя — Петра Антонио Солари: его-то Москва экстренно и требовала подать из Милана. А так как была «дистанция огромного размера», то тот же Антон Фрязин закладывает в следующем (1488 г.) «стрелницу вверх по Москве, где стоала Свиблова стрелница[15]; а под нею вывел тайник»[16].

Что за «тайник» — абсолютная тайна, никогда не было покушений ни любительски, ни научно обследовать его[17].

Постройка стены с башнями вдоль Москвы-реки медленно продолжалась, и ко времени вторичного прибытия в Москву Солари этот важный отрезок стены московской твердыни был закончен.

Наконец, с Андреем Палеологом приехал из Италии Солари. На обязанности Солари лежало поставить стены и башни с трех остальных сторон Кремля — задача грандиозная, экзамен на века! Но Солари был молод, полон удали и уверенности в себе.

Превосходно изучив топографию Кремля — наземную и подземную — еще 15 лет тому назад, Солари решил начать с самого трудного, с прясла[18] между Боровицкой[19] и Свибловской башнями. Тут сливались Неглинная с Москвой-рекой. И хотя эта (самая высокая) сторона Кремлевского холма представляла собой чуть не отвесные стремнины, почва у его подножия была болотистой, а в глубине едва ли не песок-плывун[20].

В первую голову Солари вывел краеугольную Боровицкую башню, затем связал ее пряслом со Свибловой. Чтобы поставить башню на болоте нерушимо на века, надо было надежно укрепить фундамент: Солари загнал в грунт множество длиннейших свай. [...] Этот важный и трудный участок работы был закончен в год приезда (1490 г.). Летописец бесстрастно записал: «Петр архитектон Фрязин поставил на Москве две стрелницы, едину у Боровитцкых ворот, а другую над Костентиноеленскими вороты[21], да и стену свершил от Свибловские стрелницы до Боровитцкых ворот»[22].

Таким образом, одновременно с боровицким участком стены Солари вел работы и на самом ответственном, особенно изобильном всякого рода подземными тайнами участке — вдоль Красной площади. Задачей Солари здесь было особенно тщательно увязать им же строенный подземный Кремль с теперь возводимым наземным.

1491 год особенно ответственный во втором кремлевском периоде жизни славного зодчего. Здесь уже было все организовано, материалы и средства заготовлены и в паузах надобности не было.

Солари построил Набатную башню[23] и — отныне навсегда связанную с Мавзолеем В. И. Ленина — загадочную Сенатскую[24].

Очистка последней от строительного мусора, произведенная в связи с ходом работ по сооружению Мавзолея, обнаружила удивительные вещи. Башня внутри оказалась колодцем неизвестной глубины, так как и на восьмом аршине дно еще не было встречено. Уж не люк ли это общекремлевский в подземную Москву?

В 1491 г., в марте, «заложил Петр Антон Фрязин две стрелницы, едину у Фроловских ворот[25], а другую у Никольских ворот[26], а Никольскую стрелницу не по старой основе заложил, да и стену до Неглимны»[27].

Летописец задал трудную задачу: «не по старой основе...» Это значит: наметил стену вдоль Красной площади не по линии старой кремлевской стены, а отступивши на Красную площадь. Однако это «отступление» не было делом инициативы самого Солари, оно было намечено Аристотелем в его плане Кремля еще 15 лет тому назад.

«Отступить» Солари был вынужден по двум причинам: во-первых, из необходимости увязать подземные ходы из Фроловской, Никольской и Собакиной[28] башен с тоннелем под Красной площадью, тоннелем, который строил в свое время сам же Солари; во-вторых, из необходимости «накрыть» особой башней удивительный по силе родник минеральной воды, бывший на берегу Неглинной. [...]

Эту задачу Солари выполнил блестяще в 1492 г. Летописец замечает: «От Фроловские стрельници и до Никольские заложиша подошву и стрельницу новую над Неглимною с тайноком»[29]. «Стрельница новая» — знаменитая Собакина башня, важнейший ключ к подземному Кремлю и таинственному в ней книжному сейфу Аристотеля вместе!

В Крекшиной летописи [30] встречаем драгоценнейшие указания на тайны как этого шедевра итальянского средневековья в Москве, так и связанного с ним «подземного Кремника» вообще. Солари, говорится в летописи, «построил две

отводные стрельницы, или тайника, и многие палаты и пути к оным, с перемычками по подземелью, на основаниях каменных водные течи, аки реки, текущие через весь Кремль-град, осадного ради сидения». В этих скупых и туманных словах представлена целая удивительная система, раскрыта вся механика подземной Москвы.

«Отводными» назывались башни с тайниками — «отводами» к реке. «Многие палаты...» — это загадочные подземные камеры. Их зарегистрировано, но еще не объяснено наукой, всего несколько; множество ждут своей очереди подо всей Москвой. Таинственные сооружения связаны между собой подземными «путями» — магистралями или ходами, сливающимися под Кремль в узловую станцию. Ходы поделены на участки, принадлежавшие разным лицам, отсюда столь частые в подземных ходах железные двери с тяжелыми замками, или, по образному выражению летописца, «перемычки по подземелью».

Подземные реки под Кремлем «на основаниях каменных» — это секрет Арсенальной башни, заключающий целый ассортимент загадок. Великокняжеский замок нуждался в пору «осадного сидения» не только в воде вообще, добывавшейся через солариевский «тайник» из Неглинной, но и в непосредственном снабжении ею царских покоев. Природа пошла навстречу людским удобствам: под Арсенальной башней оказался обильный водой источник. Его Солари обработал в колодец. В нем вода периодически поднималась, переливалась за борта. Образовались естественные «водные течи», направленные по «основаниям каменным» (желобам или трубам) в подземных галереях, куда следует, с «отводами» в сторону[31].

В конечном счете, вся восточная сторона Кремля, сторона «приступна» была почти готова. Ее оградили раньше той, которая имела естественное прикрытие непроходимыми местами, образуемыми рекой Неглинной и кручами ее берега.

После этого опять наступил перерыв в работах по возведению самих стрельниц и стен. Чтобы продолжить работы, надо было сперва расчистить и укрепить от оползней левый берег Неглинной, а также ее правый берег на известном пространстве разгрузить от всех и всяческих построек.

Самоочищение места было связано с значительными трудностями. Дворы, церкви, монастыри прочно срослись с теми или иными участками, и снос их был прямым правонарушением, мерою весьма крутою, затрагивавшей не одни материальные интересы стародавних владетелей этих мест. Но воля самодержавного строителя была непреклонной. Летописец замечает по этому поводу, что в 1493 г. «повелением великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглимною и постави меру от стены до дворов сто сажень[32] да девять»[33].

Таким образом, жилье, где мог бы укрыться неприятель, и мешавшее свободе действий крепостного огня, было отнесено от стены на выстрел. «Того же лета повелением великого князя копаша ров от Боровитцкие стрельницы и до Москвы до реки»[34].

Этот ров, идущий вдоль линии стены, был необходим в стратегическом отношении, так как от Боровицких ворот Неглинная устремлялась в сторону, оставляя перед кремлевскими стенами

значительный треугольник свободной земли, который мог служить неприятелю для агрессивных действий.

Восточная стена оставалась незаконченной: были заложены только фундаменты Никольской башни и прясло до Собакиной; достроена последняя только на другой год после ее закладки Петром Солари. [...] Участок неприступной стены между Никольской и Угловой (Собакиной) башней, зиявший пустотой, был временно загорожен деревянной стеной: без этого Кремль являлся проходным двором. Летописец считал это важным и потому записал у себя: «Того же лета поставиша стену дровяну от Никольские стрельници до Тайника до Неглимны»[35].

Чрезвычайно характерно, что летописец нынешнюю Арсенальную Угловую башню называет без обиняков «Тайником», с большой буквы. Этим он как бы подчеркивает, что башня «Тайник» и башня Тайницкая являются альфой и омегой подземного Кремля, что таинственный сезам, раз соблаговолив открыться, откроет и книгохранилище Палеологов в подземном Кремле.

Только недолго простояла деревянная стена: она сгорела во второй (самый страшный) пожар 29 июля того же 1493 г., когда «погоре град Москва и Кремль весь».

Солари до мая этого года вел непримиримую борьбу с напористым родником в нынешней Арсенальной башне, но погасить пылавшую рядом деревянную стену, используя воду источника, он уже не мог, по той простой причине, что умер в расцвете сил (43 года), простудившись, как думают, при укрощении родника.

Второй июльский пожар 1493 г. был четвертый пожар в пятилетку (1488—1493 гг.). Софья не переставала благословлять судьбу, что надоумила ее еще 18 лет тому назад надежно запрятать ее книжное наследство [...] в потайных глубинах Московского Кремля. Сгорел и дом перед тем умершего Солари в Кремле, где огнем было уничтожено множество зданий, в том числе «и Боровицкаа стрелница выгоре и градная кровля вся сгоре и новая стена вся древянаа у Никольских ворот згоре»[36].

Если Собакина (Арсенальная) башня, каменные стены которой тщетно опалял гигантский костер, поразивший воображение современного ему летописца, тем не менее уцелела от огня, то как же могла сгореть (в один из бывших до или после этого пожаров) задвинутая глубоко в землю белокаменная палата с книгами? Остается только удивляться подобному недомыслию.

ГОЛОС В ВЕКА. Уцелевшая Собакина башня, повторяю, фокус тайн подземного Кремля!

Недаром сюда именно упорно, но бесплодно стучались века: XVIII век (Конон Осипов); XIX век (Николай Щербатов[37]); XX век (Игнатий Стеллецкий). Но только советской власти посчастливилось раскрыть все секреты этого удивительного в Москве творения итальянского Возрождения, бессмертного творения Петра Антонио Солари. И пусть Иконниковы небрегут памятью великого члена зиждительной тройки Кремля, забывая в своих трудах упомянуть хотя бы его имя; великий советский народ и культурное человечество не забудут его, пока живет, цветет Москва, стоит Фроловская (Спасская) башня, а на ней, над въездными воротами две надписи: латинская, иссеченная на каменной плите рукою строителя башни, и славянская; первая со стороны Красной площади, другая — со стороны Кремля.

Славянская гласит: «Иоанн Васильевич божией милостию великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Тверской, Псковский, Вятский, Угорский, Пермский, Болгарский и иных и всея России государь, в лето 30 государствования своего сии башни повелел построить; а делал Петр Антоний Соларий, Медиоланец, в лето от Воплощения господня 1491. К. М. П.»[38] [...]

В ПОГОНЮ ЗА МАСТЕРОМ. Умирая, Солари указал себе преемника в лице своего земляка и друга, миланца Алевиза.

Нужда в специалисте «стенного дела» была настолько острая, что великий князь уже в самый год смерти Солари отправил на Запад посольство — отыскать и привезти Алевиза. [...]

Кто они, послы? Имена их называют по-разному: у Пирлинга — Докса и Мамырев; у С. Бартенева — Мануйло Ангелов, грек, и Данило Мамырев. Пирлинг послал послов почему-то в Венецию, тогда как Алевиз... жил в Милане. [...]

Послы вернулись не одни: с ними прибыло несколько иноземцев, согласившихся поступить на службу к великому князю. Кроме оружейного мастера Пьетро, неизвестного происхождения, приехали три уроженца Милана: Алоизо Каркано[39], Микале Парпайоне[40] и Бернардино Боргоманейро[41].

Первое место среди них принадлежало Алоизо — Алевизу. В одном из документов той эпохи он именуется maestro da mura[42].

Алевиз поддерживал сношения с родней, оставшейся в Италии. Его первые письма из Москвы дышат чувством полнейшего удовлетворения. Тотчас по прибытии великий князь милостиво пожаловал миланскому зодчему восемь смен одежды. Денег у Алевиза оказалось столько, что он собирался при первом

удобном случае поделиться ими с родней (по сведениям, собранным Пирлингом в миланском архиве).

МАСТЕР НА СТРОЙКЕ. В Москве Алевизу были поручены все работы, требующие знаний гидротехники, как-то: сооружение рва, устройство шлюзов для наполнения его водой, связанное с этим образование прудов на Неглинной, исправление ее русла, укрепление берега и, наконец, постройка... стен и стрельниц. На следующий (1495) год «заложиша стену градную камену на Москве возле Неглимны, не по старой основе, града прибавиша»[43].

Солари, как отмечено, провел стену вдоль Красной площади «не по старой основе», а прихватив новую часть самой площади. Это было ему необходимо, чтобы накрыть Угловой (Арсенальной) башней минеральный источник. Натурально, Алевиз вынужден был провести свою стену частично по новой основе, чтобы сомкнуть ее с отошедшей Собакиной башней.

Кремлевская стена со стороны р. Неглинной не была укреплена другой, добавочной стеной. Топи Неглинной и крутой склон горы, на которой стена стояла, служили для нее достаточным обеспечением от нападения врагов. Но зато эта же речная вода Неглинной, которая вследствие сделанных при Иване III запруд стояла весьма высоко, просачиваясь в подстенье, и была причиной особенно частых повреждений в самой стене, почему не раз случались обвалы ее на протяжении многих сажен. По описанию середины XVII века от Боровицких ворот к Денежному двору стена каменная (алевизовская) вдоль 98 сажен осыпалась с обеих сторон от подошвы по зубцы.

Вследствие неблагоприятной конфигурации местности Алевиз, как и Солари, западную стену вынужден был ставить на сваях. [...]

Подземная часть алевизовской стены снабжена рядом камер 6 × 9 м с коробовыми сводами. В одной из таких камер, соответственно оборудованной железными дверями с висячими замками, можно полагать, и размещен архив Ивана Грозного в 230 ящиках до сводов, виденный лично дьяком Макарьевым в 1682 г. сквозь решетчатые оконца. В случае продолжения подземных поисковых работ этот архив незамедлительно будет найден в первую очередь. Для этого надо только пройти макарьевским тайником до конца.

Названный тайник представляет собой солидный тоннель 3 × 3 м с плитяным перекрытием. Тоннель северной стороной просто примыкает к алевизовской стене. Тоннель, судя по всему, строил Алевиз, строго руководившийся планом подземного

Кремля, выработанным Аристотелем Фиораванти за 20 лет перед этим.

Московский Кремник он (Алевиз) превратил в неприступный остров, соединив в 1508 г. реку Москву с Неглинной глубоким водяным рвом, принятым Таннером[44] за другой рукав Неглинной. Глубина рва — 12 аршин, ширина — 50. Ров был выложен белым камнем с зубчатой оградой, обнаруженной при сооружении Мавзолея В. И. Ленина. Через ров к Спасской и Никольской башням были переброшены железные мосты; ворота затворялись тремя дверьми. Из Кремля, со стороны Никольской башни, в Китай-город Алевизом был устроен подземный ход, обследованный в 1896 г. Под ров на глубине до 14 аршин вела каменная лестница. Подо рвом — обширная палата. Из нее — другая лестница, в направлении к нынешнему Историческому музею. Ров просуществовал около 300 лет, а мосты на 20 лет дольше[45].

Судьба Алевиза?

Нет никаких данных считать, что он выбыл на родину умирать, но все говорит за то, что и он, как верный триумвир, сложил в Кремле свои кости.

Является ли он очевидцем библиотеки Палеологов?

Думается, что внутренности давно уже замурованной либереи он не видел, но воочию убедился в ее местонахождении в процессе работы по сооружению последнего отрезка кремлевской стены вдоль Александровского сада.

Глава VII
ЛИБЕРЕЯ С НЕБА

БОРЬБА ЗА ТРОН. Иван III — видная фигура русской истории — первый принял титул царя и герб двуглавого орла византийской империи, принесенный туда от хеттов. [...]

Иван III оказал огромную услугу истории и отечеству, приютив у себя в подземном Кремле своеобразное, беспрецедентное в истории «приданое» Софьи Палеолог в виде ядра библиотек византийских царей и патриархов.

Он оставил своему сыну от Софьи Василию (1479—1533) (сын Юрий был слаб умом) огромное богатство, которому рачительно составил реестр и опись, но в которых ни словом не обмолвился о таинственном греческом культурном сокровище, совсем, казалось, забытом и никому при дворе не нужном. Да так оно в сущности и было. Для Ивана III книжное иноязычное собрание в заколоченных ящиках было чуждо, а для Софьи — раз оно было надежно укрыто от огня и лихих людей, то и ладно...

К тому же со стройкой Кремля было в основном закончено: Алевиз своею стеной по Неглинной замкнул Кремль, а обведя его

еще и водяными рвами, обратил его в неприступный остров, с подъемными мостами на железных цепях. Иван III мог торжествовать: миланский замок-крепость в основном был перенесен в Москву. Его преемнику оставалось довершить пустяки: отстроить в 1514 г. рухнувшие от землетрясения церкви св. Лазаря (прогремевшую в конце XIX в. в связи с библиотекой Грозного) и церковь Рождества Богородицы, в подвале которой Софья хранила первое время привезенные ею сундуки с книгами. Наконец, с возобновлением собора Спаса Преображения в 1527 г. начатая еще Иваном III постройка нового Кремля была закончена: Кремль преобразился совершенно. Великий князь Василий III вошел с семьей в новый каменный дворец, чуть-чуть только недостроенный его отцом.

Однако путь к благополучному трону Василию достался нелегко, это был путь через кровь и трупы...

В 1498 г. «по диавольскому навождению и лихих людей совету, въоспалеся князь великий Иван Васильевич на сына своего Василия да на жену свою на великую княгиню Софью, да в той вспалке велел казнити детей боярских (шесть человек.— И. С.) на леду, головы им секоша декабря 27»[1].

«Спалка» была за то, что к великой княгине «приходили бабы с затеи», а сын Василий хотел «израду»[2] учинить над внуком (Ивана III) князем Димитрием и захватить великокняжескую казну в Вологде и на Белоозере.

Борьба между невесткой Ивана III Еленой[3] и женой Софьей Фоминичной из-за того, чей сын получит московский престол, разделила весь двор на два враждебных лагеря и поставила самого Ивана III в положение, угрожавшее его личной безопасности. Он принужден был «жити в брежении» от своей жены, вынужден был утопить «лихих баб», с которыми та вела темные переговоры, порубать головы сначала боярам, злоумышлявшим против внука Димитрия, и засадить под стражу сына Василия, а затем, в свой черед, казнить приверженцев Димитрия, а его самого, венчанного уже на царство, «посадити в камень и железа на него возложить».

При таких семейных условиях, понятно, Василию не до библиотеки было какой-то там неведомой, подземной. [...]

«ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК». Русские летописи в отзывах о Василии соблюдают крайнюю осторожность. Зато о нем подробнее поведали два иноземца. Первый из них — австриец, барон Герберштейн[4], побывавший в Москве дважды. Другой — епископ Ночерский, Паоло Джьовио[5], которого еще Герасимов[6] посвятил в тайны московского двора. Таким образом, можно

воскресить среду, где действовал Василий, и разобраться более или менее в характере этого государя.

В лице сына Ивана III и Софьи Палеолог мы имеем результат смешения двух рас (Пирлинг). Однако от слияния византийской крови с русской не родилось ни мощного гения, ни выдающегося характера.

Василий III был «дюжинным человеком». Быть может, он больше казался таким, нежели был им в действительности: слишком уж заслоняли его могучие фигуры и отца его Ивана III, и сына Ивана IV Грозного. Тем не менее и этот великий князь обладал энергией и выдержкой истинного потомка Калиты. Подобно своим предкам, он много потрудился над объединением Русской земли. За Псковом наступила очередь Рязани и Новгорода Северского. Дело территориального объединения России можно было считать законченным.

Нападали крымцы с казанцами и, другой раз, запорожцами. Василий не был Димитрием Донским. Ему недоставало личного мужества. В 1521 г. хан подступил к самой Москве. Москва чуть-чуть не была взята приступом. Великий князь заботился только о своей собственной безопасности. Предоставив боярам оборонять столицу, сам спасся бегством на север. Рассчитывать на помощь Василия III в крестовом походе на турок было невозможно: помехой этому являлась уже его оглядка — как бы чего не вышло! Правда, он громогласно заявлял о своей ненависти к неверным, но ведь удобнее действовать языком, нежели мечом.

Можно ли думать, по крайней мере, что Василий III был благосклонно настроен по отношению к римской церкви и папе? Он отмалчивался. Когда же его припирали к стене, всякий раз решительно заявлял о своей преданности греческой вере. То был язык сердца. А каковы были его чувства к папе?

Он питал к нему, по Герберштейну, какую-то исключительную ненависть и просто именовал его учителем римской церкви. В этом, несомненно, сказывалось также влияние его матери, убежденной православной. Поведение ее сына доказало лишний раз бессилие над нею римских плутней времен кардинала Виссариона.

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ. Молодому наследнику Василию шел всего 23-й год, когда смерть принялась беспощадно косить великокняжескую семью: в 1502 г. скончался Андрей Палеолог, брат Софьи, продавший ей свое первородство на византийский престол; через год после него ушла и сама Софья; за ней, два года спустя, и великий князь Иван III, в 1505 г.

Остался 26-летний наследник Василий III обладателем несметных сокровищ, о которых он больше смутно слышал, чем знал. Тогда решил он осмотреть лично все, что досталось ему от отцов и дедов, где бы оно, в каких бы тайниках ни хранилось. Обшарил все во дворце, осмотрел все подклеты и тайники, спустился в таинственный для него подземный Кремль. Каждую щель примечал, которую ему тут же расчищали. Так, неожиданно для себя и своего окружения, натолкнулся он на таинственный каменный сейф с «мертвыми книгами» своих греческих предков. Это было совершенно неожиданно и совершенно случайно. [...]

Если бы он знал или даже подозревал об этом раньше, ему не потребовалось бы несколько лет, чтобы раскачаться. Новгородский повествователь XVI в. «О Максиме Философе» говорит: «Осмеи убо тысящи наставши, в четвертое-на-десять лето годищного обхождения русские земли скипетр держащу благо... Василию Ивановичу... непоколицех убо летах державы царства своего, сей православный Василий Иванович отверзе царская сокровища древних великих князей, прародителей своих, и обрете в некоторых полатах безчисленное множество греческих книг»[7].

Тайное родительское сокровище, скрытое от него! Чувство удивления и обиды сжало сердце князя...

Пораженный неожиданностью открытия неслыханного клада, Василий III терялся в догадках: когда и почему он здесь? Каким образом великий князь «отверзе» сейф, мы не знаем. Что за помещение было так неожиданно открыто великим князем? Была ли это круглая Свиблова башня в миниатюре, с тремя сводами-ярусами, или сводчатые четырехугольные двухъярусные белокаменные палаты типа тайников Троицкой башни, трудно сказать, не имея никаких, хотя бы и отдаленных намеков в источниках на этот счет.

Великий князь, порывшись, убедился, что книги и манускрипты почти исключительно по-гречески. Язык хотя и материнский, но которого он не знал. Нужен был переводчик. Да мало переводчик: нужен был человек образованный, который мог бы библиотеку изучить, описать, богослужебные книги перевести, поврежденные исправить и ересь жидовствующих[8] побить...

ЗАЧЕМ ВЫЗЫВАЛИ? Решение Василия III раздобыть ученого грека-переводчика было непреклонным. Он обратил внимание на Восток: там рассадник ученых монахов греческой веры — Афон. После падения Константинополя Афон был главным хранителем и складом книг. Но Афон был под султаном!

Великий князь с грамотой — к султану — прислать ему какого-нибудь ученого грека. Великому князю указали на Максима. Одновременно великий князь обратился к патриарху в Константинополь. Патриарх ревностно искал такого ученого и в Болгарии, и в Македонии, и в Салониках. Наконец, узнали, что на горе Афонской есть два инока: Савва и Максим, «богословы искусные в языках».

Обрадованный Василий III — на Афон, к проту[9], с грамотой, «чтобы есте к нам прислали вместе с нашими людьми с Василиим с Копылом, да с Иваном Варавиным из Ватопед монастыря старца Савву переводчика книжного на время, а они есте нам послужили, а мы от даст бог, его пожаловав, опять к вам отпустим»[10].

С Саввой великому князю, однако, не повезло: «старей Савва, быв многолетен, ногами немощен, не возможе исполнити повеления... великого князя, о нем же и прощения просит»[11], по другой версии — вследствие «старости и болезни кожные». Наиболее правильным и решающим все неясности надо считать заявление самого Максима, что он пришел «Савве за старость отрекшуся ко царствующему всея Руси граду Москве». [...]

Максим прибыл в Москву в 1518 г.

Зачем, собственно?

Ответы самые разнообразные: а) для исправления книг в связи с ересью жидовствующих; б) для перевода Псалтыри и исправления книг; в) для описания великокняжеской библиотеки; г) по частному книжному делу; д) за милостынею.

Нагрузка на одного ученого, как видим, колоссальная. [...]

Самым первым по времени, самым обширным и важнейшим трудом, ради перевода которого, собственно, и вызван был Максим Грек в Россию, над которым он трудился год и пять месяцев (с марта 1518 г. по август 1519 г.) — является перевод... Толковой Псалтыри, заключавшей в себе толкования многих древних отцов и учителей церкви, а также Триоди. [...] Около этого же времени (1519) Максим сделал опись книгам великокняжеской библиотеки по поручению великого князя[12]. [...]

Глава VIII
ШЕМЯКИН СУД

Максим Грек выработал в себе прямой, открытый характер... аскетизм сделал его неподкупно честным, правдивым человеком, для которого говорить правду когда бы то ни было и пред кем бы то ни было составляло стихию его жизни и деятельности.

Полученное Максимом высокое научное образование облагораживающим образом отразилось на всем его характере. Максим вообще мало знал жизнь, а явившись в Россию, страну дотоле ему совершенно неизвестную, он, естественно, оказался в положении человека, для которого все представлялось новым и неизвестным.

А что касается до всякого рода интриг, которыми так отличался московский двор того времени, то Максим, по особенностям своего характера, совершенно не был подготовлен к ним.

Положение Максима в Москве на первый раз было очень завидное: он составил себе репутацию человека высокопросвещенного. [...] Первые годы своего пребывания в России Максим Грек провел благополучно. Первым его занятием, как отмечено, был перевод Толковой Псалтыри. Вручил он свой перевод великому князю, который передал его на рассмотрение митрополиту Варлааму[1]. Тот и собор одобрили и назвали перевод «источником благочестия». Переводчик Максим был щедро награжден великим князем.

После перевода Толковой Псалтыри Максим просил у великого князя позволения, согласно обещанию, отпустить его на Афонскую гору. Просьбу свою повторял неоднократно. Но всегда получал отказ. Причина — в особом взгляде на Максима. «Держим на тебя мненья,— говорил один опальный боярин Максиму,— пришел еси сюда, а человек еси разумный, а ты здесь увидал наша добрая и лихая, тебе там пришед все сказывати»[2]. Совершенно та же тенденция, какую при Иване III мы наблюдали по отношению к Аристотелю, Солари, Алевизу... [...]

Великий князь Василий III, как отмечено, не любил видеть никакого противоречия себе. [...] Даниил, игумен Волоколамского монастыря, человек тонкий по уму, гибкий по своим нравственным убеждениям, с задатками честолюбия, сумел понравиться великому князю. Следствием было возведение его на митрополию 22 февраля 1522 г., единоличною волею князя, без санкции собора. Новый митрополит сделался вполне покорным слугою великого князя.

Митрополит Даниил — типическая личность иерарха-иосифлянина[3]. Даниил любил внешние условия жизни: богатые одежды, пышные выезды, хороший стол и вообще довольство во всем. [...] Положительною чертою митрополита Даниила была любовь к труду и научным занятиям. Проповедь служила для него самою главною стихией его жизни. Своею редкой начитанностью и познаниями митрополит Даниил возвышался над всеми своими русскими современниками, как и захожий

ученый Максим Грек. И между этими двумя китами тогдашней учености, после нескольких лет добрых отношений, возгорелась смертельная борьба и ненависть...

Повод к раздору — самый странный и внешне ничтожный. Полюбилась митрополиту священная книга блаженного Феодорита, епископа Кирского, но она была на греческом языке, которого митрополит не знал. Попросил трижды Максима перевести книгу и трижды получил отказ. Почему? По содержанию-де книга не годится для народа. Мотив, который отнюдь не убедил митрополита. Отсюда и загорелся сыр-бор: сильный, с растяжимой совестью митрополит все сделал для того, чтобы сокрушить, опозорить, согнуть в бараний рог непокладистого ученого, своего врага. «Достигоша тебе, окаянне,— говорил Максиму с гневом гонитель,— греси твои, о нем же отреклся превести ми священную книгу блаженного Феодорита»[4]. Много накипевшей злобы слышится в этих словах. Он (митрополит) открыто перед всеми излил свой гнев на Максима, которого подвел под суд собора. [...] Митрополит был чужд благодушного великодушия по отношению к Максиму. Собор осудил его «аки хульника и священных писаний тлителя». По приговору суда Максим был заключен в темницу Волоколамского монастыря — никого ничему не учить, ничего не писать и не сочинять, не посылать и не получать посланий. Воспрещение писать — одно из главных и необходимых условий заключения Максима.

Находясь в Волоколамском монастыре, Максим выносил ужасные страдания: его морили голодом, дымом, морозом и другими различными «озлоблениями и томлениями». [...] Приставленные к нему старцы следили за каждым его шагом, запоминали все то, что он говорил им, и впоследствии явились в числе его первых обвинителей.

Около шести лет провел Максим в заточении в Волоколамском монастыре, пока новые обстоятельства не вызвали его на новый соборный суд. На новом соборе митрополит осуждал Максима за то, что «он волшебными хитростьми еллинскими писал (углем на стене.— И. С.) и водками на дланех своих и распростирал длани свои против великого князя, а также против многих поставлял волхвуя»[5].

Углем он написал на стене своей темницы акафист Параклиту, т. е. Святому Духу... Вообще все поведение Максима в Волоколамском монастыре понималось его врагами как вызов. Нужен был только повод, чтобы снова потребовать его в суд. Повод представился в виде политического дела: усмотрели связь Максима с турецким послом Скиндером, умершим в 1530 г. (новый собор в 1531 г.). Максима объявили агентом турецкого султана:

обвинение, явно притянутое за волосы, ведь заветной политической мечтой Максима Грека, как и кардинала Виссариона, было поднять московского царя в «крестовый поход» против неверных, против захватчика, турецкого султана. [...] Какой же при этих условиях из Максима Грека турецкий агент, враждебный великому князю Василию III? [...] Великий князь всячески выискивал и копил предлоги для расправы чужими (соборными) руками с иноземным ученым, которого он пригласил, согласно собственной грамоте, лишь временно и которого обязан был холить и защищать от врагов, а не продавать a la Пилат, умывая руки, на пытки доморощенной инквизиции.

После постигшей Максима Грека опалы оставшиеся в селе Коломенском книги[6] были спрятаны там же, в тайниках княжеского дворца, связанного подземным ходом с соседней Алевизовской, сторожевой башней, имитированной под церковь (Вознесения). Эта последняя представляет из себя замечательное и загадочное сооружение. На хорах видны две дверные замуровки, которых еще никто не открывал. Каменный подвал церкви в одном углу издавал совершенно определенный звук пустоты. В первые годы революции один московский бывший староста просверлил в буте пола две скважины на глубину до 5 м, но, порвав о камни не один бур и угробив около двух тысяч рублей, бросил.

По распоряжению ЦИКа я пробил в загадочной замуровке сквозной, до материковой глины, колодец, до 8—9 м глубиною. В глине оказались загнанные наискось метровые дубовые сваи в шахматном порядке, назначение которых было, видимо, облегчить давление гигантской каменной пробки на пустоту под нею, на глубине еще приблизительно 5 м. Наличие пустоты изобличал все время гул при пробивке колодца, настолько отчетливый, что опытный забойщик-татарин искренне боялся провалиться. Упомянутую глиняную перемычку между пробкой и пустотой для определения ее мощности необходимо было пройти буром, но свободного бура в нужный момент не оказалось во всей Москве[7].

Максим Грек более всего пострадал от митрополита Даниила и великого князя Василия III. Почему от Даниила — мы видели. Но в чем тайная пружина ненависти к Максиму со стороны великого князя? [...]

Было одно обстоятельство, которое втайне грызло и мучило великого князя, усугубляло ненависть к Максиму. Это неосторожные отзывы последнего о великом князе, которого доносчики обязательно информировали, как о далеком от увенчания лаврами за храбрость государе: «Князь великий Василей, внук Фомы Амарейского (Морейского.— И. С.)... Да ты же, Максим, великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым... Да ты же, Максим, говорил: князь великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал от турского. Ему как не бежати? Пойдет турский и ему либо карач[8] дати, или бежати»[9]. Эти слова жгли душу великого князя особенно своей правдой, но еще более угнетала мысль о назревающей оппозиции Максима в задуманном им глубоко интимном деле женитьбы при живой жене. [...]

Глава IX
ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

РАЗВОД. Около двадцати лет прожил великий князь со своей женой Соломонией Юрьевной Сабуровой. Но продолжительный брак не осчастливил их потомством. Неплодие жены сильно огорчало князя, который желал иметь преемником на престоле своего сына. В нем созрела мысль о разводе и вступлении в новый брак. Бояре выразили одобрение. [...] Митрополит Даниил посоветовал великому князю обратиться за разрешением к восточным патриархам, но патриархи и Афон ответили отказом. Тогда митрополит Даниил, на свой страх и риск, допустил развод, вопреки ясному учению Евангелия и всем церковным правилам. 28 ноября 1525 г. Соломония была насильственным образом пострижена в монашество под именем Софии и отправлена в Суздальский Покровский монастырь, где, по сведениям некоторых источников, благополучно родила сына[1].

Митрополит Даниил благословил новый брак великого князя с Еленою Глинской и даже сам венчал их 21 января 1526 г. С строго нравственной точки зрения нельзя оправдать митрополита Даниила. Его мотивом служило желание сохранить свой сан и опасение лишиться благоволения великого князя. [...] Развод произвел сильное впечатление на все современное русское общество. [...]

С женитьбой великого князя и потерей Максима Грека, обратившегося во врага,— единственного человека в государстве, который был способен дать новооткрытой библиотеке лад, последняя стала Василию III ни к чему и тягостной по воспоминаниям. Он велел привести ее в такой вид, в каком она была до ее открытия, т. е. наглухо замуровать.

Об этой государственной тайне вообще мало кто знал и при жизни великого князя, а после его смерти, при наступившей вслед затем боярской заварушке, о ней и вовсе забыли: на мертвые книги была наложена печать, казалось, вечного забвения.

Но тайну библиотеки выдал юному Грозному в 1553 г. в бывшей Троицкой лавре тот же Максим Грек незадолго до своей смерти. [...]

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ. [...] Елена Васильевна Глинская была родная племянница знаменитого Михаила Глинского, происходившего от татарского мурзы Лексы, или Лексады, принявшего в крещении имя Александра и ставшего в Поворсклье в самом начале XV в. родоначальником князей Глинских. Лекса получил от Витовта[2] в ленное владение обширную полосу земель на р. Воркле, на которой доныне существует город Глинск. [...]

В силу вечного мира Москвы с Польшей Глинским и их окружению в сентябре 1508 г. был выговорен свободный проезд из Литвы (Киева) в Москву.

Михаил Глинский, хорошо знакомый с тогдашней культурой и древностями Киева, по-видимому, использовал благоприятный момент, чтобы вывезти оттуда, из Киева... онное количество («полтретьядцать») светских книг, попавших позднее в число «мертвых книг» потайной либереи в Москве под названием «книг литовской печати».

В Москве Михаил Глинский одно время имел огромное влияние на государственные дела. При всем том остался неудовлетворенным Москвой, запросился в 1514 г. на родину, на старую службу Сигизмунду королю. Его не пустили, он бежал. Его схватили и бросили в тюрьму надолго, на целых 13 лет.

За это время его упомянутая племянница, Елена Васильевна, успела выйти замуж за великого князя Василия III. Первым ее делом на московском троне была забота об освобождении дяди из тюрьмы. Сделать это она могла, конечно, только через своего супруга, великого князя. Ей удалось это. [...]

Только через три года родился у новобрачных первый ребенок, окрещенный Иваном и впоследствии прозванный Иваном Грозным, а вскоре затем родился и другой сын, Юрий. [...]

Василию III не суждено было долго жить и царствовать: погиб во цвете лет от случайно вскочившего прыщика. Еще в сентябре 1533 г. он был вполне здоров, а 3 декабря 1533 г. его не стало. [...]

Во главе власти оказалась молодая женщина, не чуждая страстей. Она опиралась на боярскую думу, гегемоном которой был митрополит Даниил. Личность правительницы как женщины и как человека, подверженного некоторым порокам, не имела на думных бояр умеряющего влияния. В течение нескольких месяцев правой рукой правительницы являлся ее дядя, упомянутый Михаил Глинский. Его вытеснил новый любимец Елены князь Иван Овчина-Телепнев Оболенский. Его сестра, Аграфена Челядина, была мамкой великого князя Ивана. Всем троим Михаил Глинский стал поперек дороги: его решено было погубить, обвинив в отравлении Василия III. В 1533 г. он был схвачен и снова брошен в тюрьму, где вскоре и умер. [...]

Только пять лет вдовствовала Елена Глинская и правила самодержавно: 3 апреля 1538 г. она погибла, будучи «отравленной врагами»... [...]

Через семь дней после смерти правительницы князь Овчина-Телепнев Оболенский был схвачен и умер от голода в оковах.

И. Я. Стеллецкий. *Тифлис. 1917 г.*

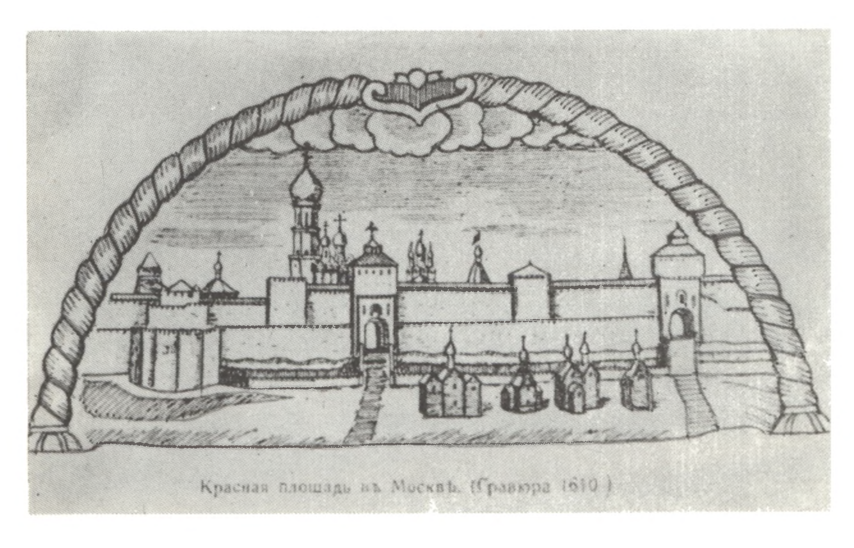

И. Я. Стеллецкий на раскопках под Чигирином. *1922 г.*

И. Я. Стеллецкий. Кавказский фронт. ***1917 г.***

Кремль XVIII в. ***С гравюры Ф. Дюрфельда***

Красная площадь. ***С гравюры 1610 г.***

Вид на Кремль. Слева — Тайницкая башня

Тайницкая башня

Беклемишевская башня

Спасская башня

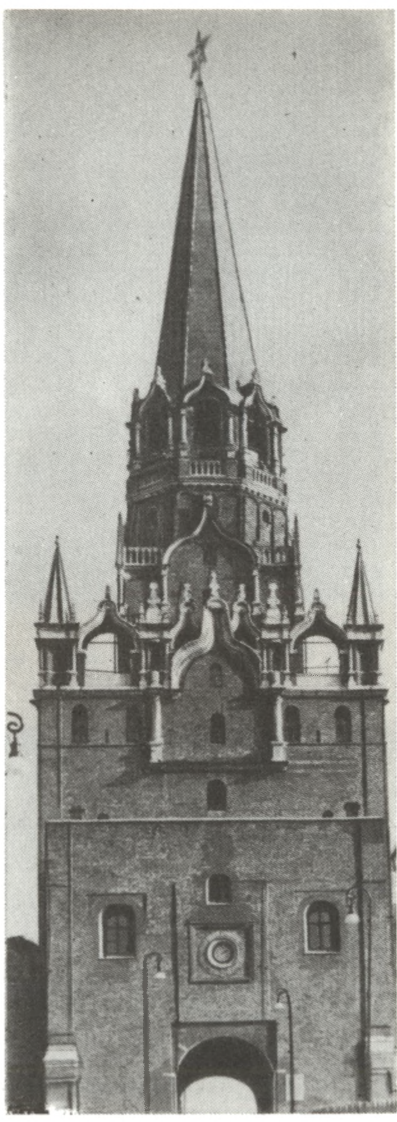
Успенский собор

Угловая Арсенальная (справа) и Никольская башни

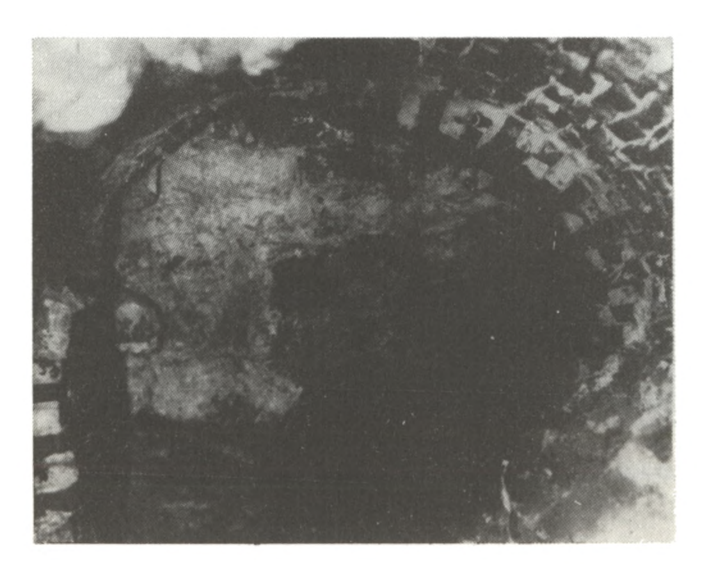

Средняя Арсенальная башня

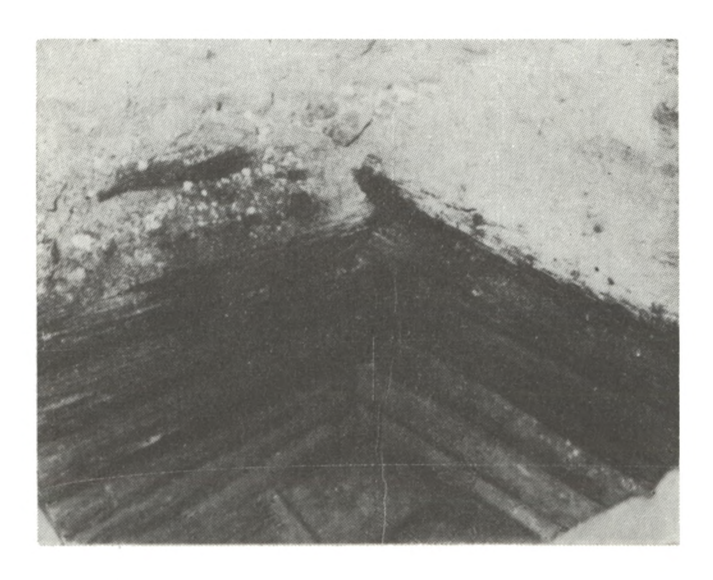
Троицкая башня

«Ров» Конона Осипова

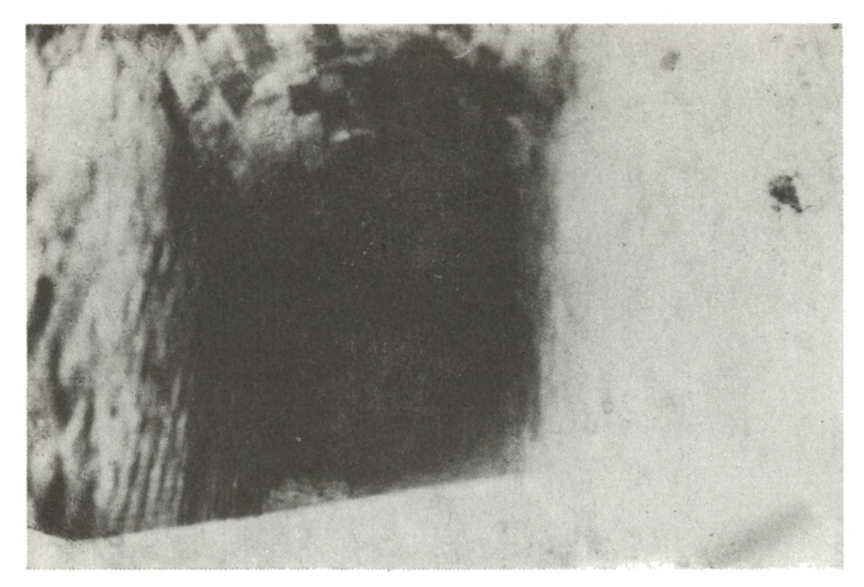

Белокаменная замуровка хода Конона Осипова. ***Фото 1933 г.***

Лаз из подземелья Угловой Арсенальной башни на первый этаж

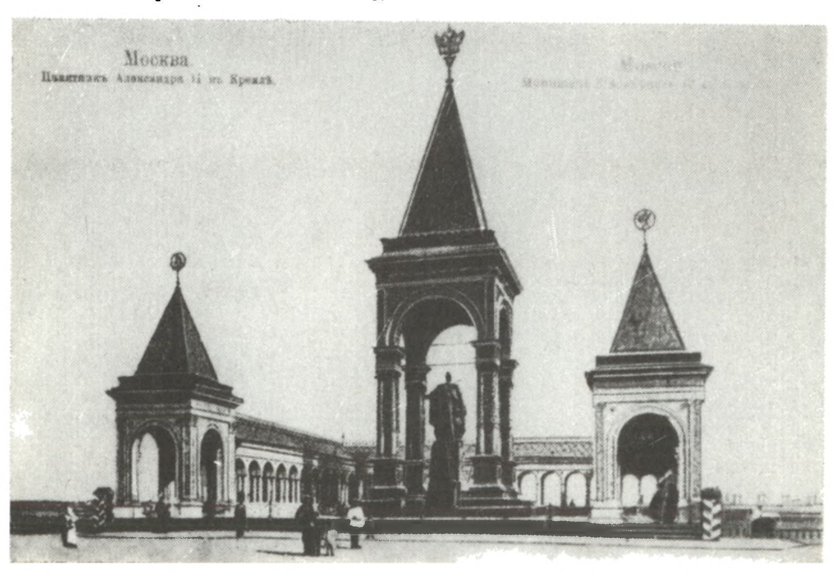
Колодец в Угловой Арсенальной башне. ***Фото 1933 г.***

Ход из подземелья Угловой Арсенальной башни, открытый Стеллецким

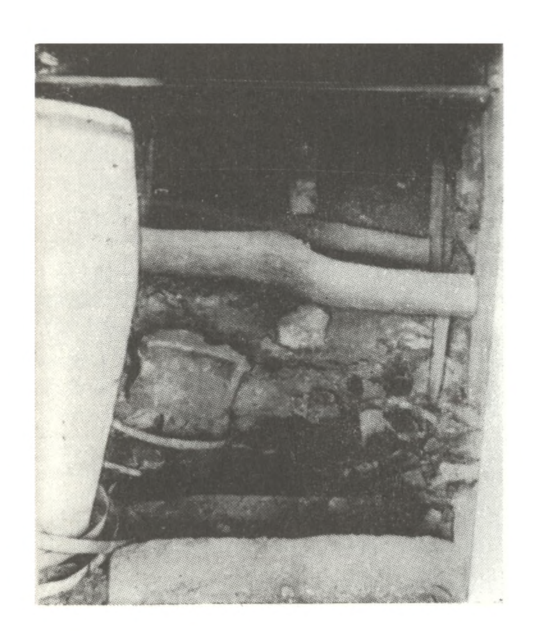
Подземелье Арсенала. ***Фото 1933 г.***

Подземелье Арсенала. *Фото 1933 г.*

Дом бывшего Московского Главного архива Министерства иностранных дел

Вход в тайник в подвале дома Московского главного архива Министерства иностранных дел. ***Фото 1933 г.***

Вход в подземелье под церковью Вознесения в Коломенском

Вход в подвал церкви Вознесения в Коломенском. ***Фото 1930 г.***

Церковь Вознесения в Коломенском. ***Фото 1912 г.***

1547 г.— год воцарения Грозного — ознаменовался небывалым пожаром, оказавшимся роковым в судьбах семьи Глинских. Искали виновников пожара. Самое тяжелое обвинение высказывалось против Глинских, родственников царя с материнской стороны. Недаром же колдовала княгиня Анна, бабка Ивана,— говорили повсюду. Нелепые вымыслы передавались из уст в уста... Поднимался призрак мятежа. Наконец, бунт разразился.

Сын княгини Анны Юрий был растерзан на части в Успенском соборе, где он искал спасения. Имущество Глинских было разграблено. Слуги их были перебиты. Иван Грозный в трепете ожидал исхода мятежа в с. Воробьеве. Угрожающие крики раздавались вокруг его дворца. Народ в бешенстве требовал головы Анны, грозил виселицей Глинским. Тогда была пущена в ход вооруженная сила, и лишь с помощью кровавых мер удалось подавить мятеж.

[...]

....

Глава XV
СПОР О МЕРТВЫХ КНИГАХ

В УЧЕНЫХ ПОТЕМКАХ. Царская библиотека XVI в. состоит из двух: греческой библиотеки Софьи Палеолог и, так сказать, европейской — собственной библиотеки Грозного. [...]

Общей особенностью писаний о библиотеке Ивана Грозного в XVIII и XIX вв. является смешение понятий библиотеки Софьи Палеолог и Ивана Грозного, библиотеки царской и царского архива, и полное отсутствие ясного и отчетливого представления о том, что так называемая «библиотека Грозного» в своей первооснове восходит к XV в. и находится ныне в московском подземном тайнике.

Исследователи этого вопроса обычно начинают от «печки», от библиотеки так называемой «великокняжеской», якобы остававшейся без всякого употребления еще в княжение Василия III.

Но, спрашивается, откуда взялась эта библиотека, когда и как она образовалась? Эти кардинальные вопросы остаются без ответа.

Не дает ответа, например, и архиепископ Макарий в своей обстоятельной в общем-то «Истории русской церкви», когда говорит о греческой библиотеке Софьи Палеолог как о свалившейся откуда-то сверху. «Сохранились,— говорит он,— сведения о некоторых наших библиотеках. Но важнейшая из них, великокняжеская, оставалась без всякого употребления»[1].

Но откуда взялась эта «великокняжеская» библиотека, и почему она оставалась, и как долго, «без всякого употребления»? Ответить на эти вопросы автору и в голову не приходит: для него это стопроцентная terra incognita[2]. Для него ль одного?..

ГРЕЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Как пишет Карамзин: «В XV в. греки и выходцы из Рима, прибывшие в Москву с царевной Софией, перенесли в новую отчизну некоторые, сохранившиеся от турецкого варварства, памятники своей словесности»[3].

По указанию Арндта[4], великий князь Иван III получил из Рима собрание драгоценных кодексов. [...]

Святители-греки, особенно Феогност[5] и Фотий[6], привезли из Царьграда древние греческие хартии; в нее также поступали рукописи из Киева, Новгорода и Пскова и разных монастырей.

Великий князь Василий, нашедши (!) в числе сокровищ предков (!) своих множество греческих рукописей, для описания (!) оных вызвал из Греции ученого инока Максима, который с соизволения султана прибыл в Москву в 1518 г.

Когда Василий показал ему это собрание, он воскликнул: «Государь, вся Греция не имеет ныне* такого богатства, ни Италия, где латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших (православных.— И. С.) богословов, спасенные единоземцами от варваров магометовых»[7]. Об эвакуации Фомой Палеологом царской греческой библиотеки из Константинополя в Рим, а через Рим, Софьей, в Москву, Максим, как это очевидно, ничего не знал и не слыхал.

По мнению Снегирева, Максим сделал не дошедшую до нас опись всем «еще не переведенным (!) сочинениям и вручил ее великому князю, который повелел отложить (!) сии (не переведенные.— И. С.) книги особо от переведенных (!) на русский язык рукописей, а начать перевод с Толковой Псалтыри и Триоди»[8]. [...]

В. Иконников (как и Н. П. Лихачев[9]), не отличая собственно библиотеки Софии Палеолог от позднее собранной и слитой в одно целое с первой библиотеки Ивана Грозного, пишет: «...нельзя не согласиться с профессором Клоссиусом, что это была одна и та же библиотека»[10], тогда как на самом деле это были две совершенно разные по времени и происхождению библиотеки.

Почему греческие рукописи очутились в Риме, об этом догадывается, кажется, один только Клоссиус: «...рукописи могли

---

* Т. е. после падения Константинополя.— Примеч. авт.

достаться из Константинополя»[11]. Каким образом? Увы, ответ фальшивый: «...через греков, выходцев после падения греческой империи»[12]. Об историческом подвиге Фомы Палеолога Клоссиус, видимо, не имел понятия. Последний сомневался, чтобы «греческая библиотека могла уцелеть от древних времен при тех опустошениях, каким вообще подвергались русские города»[13]. От сомнения Клоссиуса переходим к категорическому утверждению Забелина, что библиотека Софьи Палеолог погибла при сожжении Москвы в 1611 году, чем он сбил с толку многих и надолго затормозил изучение проблемы.

И. Е. Забелин, не замечая, что впадает в противоречие, утверждает, что подземная библиотека Грозного сгорела, а вот его подземный архив — нет!

Необходимо подчеркнуть правильную установку Забелина, что библиотека и архив Грозного — две совершенно разные вещи.

БИБЛИОТЕКА ГРОЗНОГО. Это библиотека греческих и римских классиков, а также, можно сказать, первопечатных книг Европы, которые Грозный, большей частью покупкою, нередко за большие деньги, стянул оттуда в московский подземный сейф Аристотеля Фиораванти. [...]

В Ливонской хронике рижского бургомистра Франца Ниенштедта, изданной впервые полностью только в 1839 г., содержится указание, что книги библиотеки Грозного частью были куплены, частью получены в дар с Востока. Здесь, думается, надо усматривать намек на «приданое» Софьи Палеолог.

Среди книг библиотеки Грозного, виденных пастором Веттерманом (вернее — «другим немцем», анонимом), упоминается Тит Ливий (59 г. до н. э.— 19 г. н. э.). Из его книг дошли до нас только 35.

Еще упоминается книга Цицерона, знаменитого римского оратора и писателя (106—43 гг. до н. э.) De republica и 8 книг Historiarum; Светониевы (римский историк I — II вв. н. э.) истории о царях; Тацит (римский историк, 54—174 гг.); Corpus Ulpiani[14] — Ульпиан (римский юрисконсульт, 170—228 гг.); Papiniani[15] — Папиниан (римский юрист, 140—212 гг.); Pauli[16] и т. д. «Книга римских законов»; Юстиниановы истории — Юстиниан I (византийский император, 482—565 гг.); Codex Constit imper Theo dosii[17] — Феодосий I Великий, римский император (346—395 гг.); Virgilii — Вергилий, знаменитый римский поэт (70—19 гг. до н. э.); Calvi orationes et poemata[18] — полагают, что это — Cays Licini us Calvus[19] (82—46 гг. до н. э.), латинский элегический и сатирический поэт, творения которого

считаются утраченными; Yustiniani Codex Constit[20]; Codex Novellar[21] (эти книги достались от императора[22]).

Далее упоминается «Саллюстиевая война Югурты» (De bello Yugurthino[23]) — Саллюстий, знаменитый римский историк (86 — ок. 35 гг. до н. э.); сатиры Сира; Caezar Comment de bello Gallico[24] — Юлий Цезарь, полководец и государственный деятель (102—44 гг. до н. э.); Codri Epithalam[25] — думают, что это поэт Кодд, упоминаемый у Ювенала и Вергилия; [...] Истории Полибиевы — Полибий, греческий историк (204—121 гг. до н. э.), из 40 книг его всеобщей истории сохранилось 5 первых; Аристофановы комедии — Аристофан, греческий автор комедий (446—387 гг. до н. э.), из 44 комедий дошло до нас 11; Basilica[26]; Novellae Constituones[27]; Pindari Carmina[28] — Пиндар, греческий поэт-лирик (521—441 гг. до н. э.), автор 45 од; Heliotrop Gynothed[29] — думают, что это Гелиотропов эротический роман [...]; Haephestion Geographica[30]; Theodori Athanasi Zamoreti etc Interpretaciones[31] и т. д.

Приведенный список древних классиков, найденный проф. Дабеловым в делах Перновского архива в 1822 г., известен в истории библиотеки Грозного под названием «списка Дабелова». Приоритет, бесспорно, принадлежит названному ученому (хотя Дабелов не искал его, а лишь случайно наткнулся на него в связке нужных ему юридических документов), тогда как пишущий эти строки вторично открыл тот же список в результате специальных поисков лишь 91 год спустя, в 1913 г.

Дабелов подвернувшийся ему список опубликовал в Jahrbuch für Rechts gelehrte in Russland. Riga. 1 822 Ymdex lines unbekau then Herrn[32].

На заметку Дабелова появилась критика в Hallische allgemeine Litteratur Zeitung[33].

Дабелов ответил в № 101 того же журнала, после чего на открытие Дабелова обратил внимание его коллега по Дерптскому университету Фр. Клоссиус. Клоссиус взялся за широкую пропаганду открытия в журналах и в личной переписке. Например, в письме от 26 ноября 1824 г. к Jourdanu Warm Koenig[34], он писал, что существует каталог рукописей библиотеки великого князя Ивана Васильевича Великого, супруга принцессы Софии, племянницы последнего греческого императора. Этот князь купил (achete) (!) множество рукописей на Востоке.

В этих словах Клоссиуса обнаруживается неосведомленность его о происхождении библиотеки и обстоятельствах водворения ее в московский тайник.

Прошло полтора года, Клоссиус пишет другому ученому, от 6.V.1826, Вишеру. Тут Клоссиус уже подробно излагает исто-

рию находки важного архивного документа и пытается определить его научное значение. Он говорит, что, сохранись эти рукописи до наших дней, Россия могла бы возобновить для Европы времена князя Медичи, Петрарки, Боккаччо, когда из пыли библиотек были извлечены неведомые сокровища древности.

«Список» Дабелова в переводе с Platteutsch[35] начинается словами: «Сколько у царя рукописей с Востока? Таковых всего до 800, которые он частью купил, частью получил в дар.

Большая часть суть греческие, но также много и латинских. Из латинских видены мною: Ливиевы истории, которые я должен был перевести. Цицеронова книга De republica и 8 книг historiarum, Светониевы истории о царях, также мною переведенные. Сии манускрипты писаны на тонком пергаменте и имеют золотые переплеты. Мне сказывал также царь, что они (codex) достались ему от императора греческого и что он желает иметь перевод оных; чего, однако, я не был в состоянии сделать». Кто этот таинственный переводчик, «другой немец» (после Веттермана), по выражению упомянутого автора «Истории русской церкви» Макария? История знает только, не Веттерман... Загадка эта и многие другие будет раскрыта, лишь когда таинственная либерея из московского тайника будет извлечена на свет!

Аноним («другой немец») не был в состоянии перевести намеченных классиков из библиотеки Грозного потому, по всей вероятности, что она Грозным была экстренно запечатана, ввиду неудачи с Веттерманом, а также по случаю спешного переселения со всем семейством в Александровскую слободу.

Знал ли Веттерман этого «другого немца» лично? Если аноним не мог продолжить перевод книг не потому, что либерея неожиданно была замурована царем, то почему же? Тайна истории, раскрыть которую может только вскрытие аристотелевского сейфа в подземном Кремле. [...]

СКЕПТИЦИЗМ. Существуют, однако, и высказываются иногда сомнения в «Списке» Дабелова. Большинство, впрочем, как русских, так и иностранных ученых, безусловно, верят «Списку». Таковы Фр. Клоссиус, Ив. Преображенский, Жмакин, В. С. Иконников, Эд. Тремер. [...]

В качестве скептика в достоверности «Списка» выступает Н. П. Лихачев.

«Странно,— заявляет он,— что профессор Дабелов в каких-нибудь шесть лет забыл местонахождение такого важного манускрипта, странно, что в эти шесть лет целые четыре связки

«Collectanea Pernaviensia»[36] могли исчезнуть настолько бесследно, что о существовании их не знал сам перновский архивариус. Но еще страннее то, что Дабелов, описывая слово в слово целый каталог (sic!) чрезвычайно важных рукописей, тщательно ставя точки на месте неразборчивых им не только слов, но и отдельных букв, не потрудился списать начало рассказа и даже записать имя того пастора, который составил список!

«Профессор Дабелов,— говорит Клоссиус,— не мог вспомнить имени пастора, думая, однако, что он назывался не Веттерманом».

Что этот пастор не был Веттерманом, это не подлежит сомнению. Веттерман видел только несколько книг царской библиотеки, каталога их не составлял, с царем не переговаривался, ничего не переводил.

Простодушный Веттерман с его известием о значительных авторах, могущих принести пользу протестантским университетам, едва ли обладал филологическим образованием Anonimusia и, думается, не догадался бы быть настолько палеографом, чтобы отметить тонкость пергамента рукописи.

Самая забывчивость Дабелова относительно имени пастора со скептической точки зрения легко объясняется осторожностью человека, знакомого с тщательностью, с какою немцы разрабатывают свою историю: у немцев и пасторы XVI в. могли оказаться на счету.

Вообще открытие Дабелова возбуждает величайшие сомнения в своей достоверности. Насколько ядро рассказа Веттермана должно лечь в основу известий об иноязычных книгах царской библиотеки XVI в., настолько мы имеем право остерегаться подробностей анонима, даже более того, игнорировать их до того времени, когда будет найдена таинственная связка «Collectanea Pernaviensia» № 4.

Эпоха, в которой действовал Дабелов, рядом с ясно выраженным стремлением к разработке отечественных древностей, отличается изобилием фальсификаций, подделок, удачных и неудачных подлогов. Сведения о личности Дабелова недостаточны и бледны, на основании их нельзя ни укрепиться в обвинении в ученом обмане, ни отказаться от него»[37].

Н. П. Лихачеву очень хотелось набросить на личность Дабелова тень и объявить его... мистификатором. Здесь чувствуется превалирующее влияние на колеблющегося Н. Лихачева незыблемого, резко очерченного и, так сказать, конченого отрицателя библиотеки Грозного в натуре С. А. Белокурова[38]. Но если Белокуров — «конченый», то Лихачев — «и нашим и вашим»: с одной стороны, плачет, с другой — смеется. В этом

опасность Лихачева: тянет серьезно с ним полемизировать, так как надежда переубедить балансирующего на острие иглы не оставляет.

Но пора с Н. Лихачевым, наиболее серьезным противником библиотеки Грозного, покончить: он сам поставил над «i» точку: «...мы имеем право остерегаться подробностей анонима, даже более того, игнорировать их до времени, когда будет найдена таинственная связка «Collectanea Pernaviensia» № 4».

Решающий для Н. П. Лихачева документ найден! О чем же спорить? Совершенно ясно, что таинственная библиотека была и есть, что ее остается только изъять. [...]

Выше выяснено, что раз «Collectanea Pernaviensia» найден, Лихачев и К° не имеют права игнорировать подробности анонима. [...] Следовательно, видеть подлинный список библиотеки, восходящий к моменту, когда библиотека была вскрыта царем, когда аноним переводил ряд классиков из ее состава, когда Веттерман и К° собственноручно, отряхнув с книг вековую пыль, перелистывали перлы классицизма,— равносильно видеть самое библиотеку в какой-то мере, значит, быть ее очевидцем.

Таким очевидцем и является автор этих строк, единственный после профессора Дабелова, кто на протяжении истекших столетий держал в своих руках подлинный реестр книг из таинственного кремлевского подземного сейфа Софьи Палеолог, восходящий к тому далекому времени, когда над подземным сокровищем человеческой мысли носился не призрак кровавого царя, а сам он, этот царь, во плоти и крови, живой, конкретный человек, рылся в этих заповедных книгах, томимый неутолимой жаждой знаний.

Но ищущий ум любознательного царя бессильно никнул перед семью печатями на каждой книге на чужом языке. Нужна была помощь знающих — переводчиков. Подвернулся захожий лютеранский пастор Веттерман, добровольно прибывший в Москву из Дерпта за своими выселенцами-земляками. Пастор казался человеком ученым, царь «отменно» уважал его и даже решил поручить ему на пробу ознакомиться с характером содержимого его библиотеки, дабы узнать, достаточно ли он научен, чтобы перевести те или иные книги на русский язык. [...] Нас сейчас интересует [...] момент осмотра потайного сокровища Грозного группой захожих немцев.

Но пусть во весь голос говорят документы.

Важнейший из них — рассказ Веттермана о виденных им книгах в тайниках Кремля. Рассказывал он об этом рижскому бургомистру Францу Ниенштедту. Но разве одному бургомистру, а не сотням других лиц, землякам и знакомым? А его «клевреты», все эти Шреттеры, Шрефферы, Браккели, разве молчали они? Их

рассказы с гиперболическими узорами пошли гулять из рода в род, из поколения в поколение, обратившись в живучее «семейное предание». Дошло оно и до наших дней. Я имел случай с удивлением убедиться не один раз, что немцы не только ученые, а часто даже рядовые знают о библиотеке Грозного гораздо больше нас, русских...

Франц Ниенштедт (1540—1622 гг.) рассказ, слышанный им от Веттермана, сжато и кратко, как бы мимоходом, пересказал в своей «Ливонской хронике», напечатанной в «Прибалтийском сборнике», т. IV, с. 37. Этот абзац в «Хронике» и является той осью, на которой вращается «миф» о квазилегендарной библиотеке Грозного.

Кроме указанного источника о библиотеке Грозного имеются еще два.

Известие Арндта [...] в La Chronique de la Livoni/II Halli 1753, in folio[39], извлеченное из не опубликованной еще в 1753 г. «Хроники» Ниенштедта. Опубликована она, в общем, через 200 лет, в 1839 г. И известие Иоганна Бакмейстера[40] (опубликованное.— Т. Б.) через 23 года после известия Арндта — в 1776 г. [...]

Н. П. Лихачев в своей уже так хорошо известной нам книге о библиотеке и архиве XVI в. приводит текст Ниенштедта по Клоссиусу.

«Ибо Клоссиус,— говорит он,— пользовался как печатными известиями Арндта и Гадебуша, так и некоторыми более исправными списками хроники Ниенштедта (Тилеман, Бротце и т. д.)»[41].

Список «Хроники» Ниенштедта, изданный Тилеманом, и есть «наиболее исправный». Об этом Тилеман так говорит:

«При издании хроники Ниенштедта я пользовался шестью копиями, из которых самая важная — древняя рукопись, которую доставил мне пастор Бергман из Руена. Она содержит в себе 93 ненумерованных листа «in folio». Два первых листа писаны позднейшей рукой, в средине и на конце нескольких листов недостает. Этот экземпляр очень пострадал от времени, но он, бесспорно, тот, который вернее всех прочих передает затерянный оригинал»[42].

Таким образом, ориентироваться надо на текст, изданный Тилеманом. [...]

Глава XVI
ФРАНЦ НИЕНШТЕДТ

ЛИЧНОСТЬ. Франц Ниенштедт, или Ниенстеде, как он сам называет себя в своих «Записках», родился 15 августа 1540 г. в графстве Гоя, в Вестфальском округе и прибыл в 1554 г. в Дерпт, где посвятил себя торговле. Отсюда он впоследствии вел значительные торговые дела с Россией. По поводу их принужден был часто предпринимать поездки в Москву, Новгород и Псков, чем положил основание к позднейшему своему благосостоянию. В 1571 г. переехал в Ригу, сделался здесь бюргером, 21 августа того же 1571 г. женился на вдове купца Ганса Крумгаузена. Прожив здесь немалое число лет, он только что решился выстроить для себя удобный дом в своем поместье Зуецеле и маленькую церковь на близлежащей горе св. Анны, собираясь провести остальные дни своей жизни на покое среди сельской тишины, как 22 сентября 1583 г. его выбрали членом магистрата.

Ниенштедт приехал в Ригу и попытался отстоять свою свободу хотя бы ценою откупа за 1000 марок в пользу бедных, но все напрасно: он получил отказ... Он, наконец, согласился. Через два года на него был возложен сан бургомистра (в 45 лет) 15 октября 1585 г. Он испытал тревоги во всей их полноте во время известных календарных смут. [...]

Ниенштедт оставил после себя Ливонскую летопись и свои записки.

Подлинная рукопись летописи Ниенштедта находилась еще в половине прошлого столетия в руках поручика фон Цеймерна, в Нурмисе, который сообщил ее для пользования бургомистру фон Шифельбейну, но с тех пор она исчезла бесследно. Записки его перешли в 1807 г. вместе с собранием книг бургомистра Иоганна Кристофа Шварца в рижскую городскую библиотеку. Они написаны собственною рукою Ниенштедта, и в них на с. 108 [...] заключаются кроме известий об его семье и торговых делах также и общественные городские события его времени.

Он писал историю как дилетант, а достоверность его известий, которые он сообщает как очевидец, вознаграждает за все недостатки.

ХРОНИКА. Выписка из Хроники дословно.

«Летом 1565 г. московит[1] приказал всем дерпским бюргерам и жителям, которые по завоевании города Дерпта из-за своей бедности должны были оставаться там, выехать вместе с женами и детьми: их разместили по отдельным московитским городам: Володимиру, Низен-Новгардену (Нижнему Новгороду), Костроме и Угличу. У них был в Дерпте пастор, именем магистр Иоанн

Веттерман, человек доброго и честного характера, настоящий апостол Господень, который также отправился с ними в изгнание, пас свое стадо, как праведный пастырь, и, когда у него не было лошади, шел пешком от одного города до другого, а если стадо его рассеивалось, он посещал его и ежечасно увещевал о страхе к Господу и даже назначал для их детей школьных учителей, каких только можно было тогда достать, которые в каждом городе по воскресеньям читали детям из Священного Писания. Его, как ученого человека, очень уважал великий князь, который даже в Москве велел показать ему свою либерею-библиотеку, которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую великий князь в древние времена получил от константинопольского патриарха, когда московит принял христианскую веру по греческому исповеданию. Эти книги, как драгоценное сокровище, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах.

Так как великий князь слышал об этом отличном и ученом человеке, Иоанне Веттермане, много хорошего про его добродетели и знания, потому велел отворить свою великолепную либерею, которую не открывали более ста лет с лишком, и пригласил через своего высшего канцлера и дьяка Андрея Солкана (Щелкалов[2]), Никиту Высровату (Висковатов[3]) и Фунику (Фуников[4]) вышеозначенного Иоанна Веттермана и с ним еще нескольких лиц, которые знали московитский язык, как-то: Фому Шревена, Иоахима Шредера и Даниэля Браккеля, и в их присутствии велел вынести несколько из этих книг. Эти книги были переданы в руки магистра Иоанна Веттермана для осмотра. Он нашел там много хороших сочинений, на которые ссылаются наши писатели, но которых у нас нет, так как они сожжены и разрознены при войнах, как то было и с Птоломеевой и другими либереями. Веттерман заявил, что хотя он и беден, но отдал бы все свое имущество, даже всех своих детей, чтобы только эти книги были в протестантских университетах, так как, по его мнению, эти книги принесли бы много пользы христианству.

Канцлер и дьяк великого князя предложили Веттерману перевести какую-нибудь из этих книг на русский язык, и если он согласится, то они предоставят в его распоряжение тех трех вышеупомянутых лиц и еще других людей великого князя и несколько хороших писцов, кроме того, постараются, что Веттерман с товарищами будут получать от великого князя кормы и хорошие напитки в большом изобилии, а также получат хорошее помещение и жалование, и почет, а если они только останутся у великого князя, то будут в состоянии хлопотать и за своих. Тогда Веттерман с товарищами на другой день стали совещаться и раздумывать, что-де как только они кончат одну

книгу, то им сейчас же дадут переводить другую, и, таким образом, им придется заниматься подобною работою до самой смерти; да кроме того, благочестивый Веттерман принял и то во внимание, что, приняв предложение, ему придется совершенно отказаться от своей паствы. Поэтому они приняли такое решение и в ответ передали великому князю: когда первосвященник Онаний прислал Птоломею из Иерусалима в Египет 72 толковника, то к ним присоединили наиученейших людей, которые знали Писание и были весьма мудры; для успешного окончания дела по переводу книг следует, чтобы при совершении перевода присутствовали не простые миряне, но и наиумнейшие, знающие Писание и начитанные люди. При таком ответе Солкан, Фуника и Высровата покачали головами и подумали, что если передать такой ответ великому князю, то он может им прямо навязать эту работу (т. е. велит присутствовать при переводе) и тогда для них ничего хорошего из этого не выйдет: им придется тогда, что, наверно, и случится, умереть при такой работе точно в цепях. Потому они донесли великому князю, будто немцы сказали, что поп их слишком несведущ, не настолько знает языки, чтобы выполнить такое предприятие. Так они все и избавились от подобной службы. Веттерман с товарищами просили одолжить им одну книгу на 6 недель, но Солкан ответил, что если узнает про это великий князь, то им плохо придется, потому что великий князь подумает, будто они уклонились от работы. Обо всем этом впоследствии мне рассказывали сами Томас Шреффер и Иоанн Веттерман. Книги были страшно запылены, и их снова запрятали под тройные замки в подвалы»[5].

Глава XVII
КНИГИ ПОДЗЕМНОЙ ЛИБЕРЕИ

ИНОЯЗЫЧНЫЕ. Уже при Иване Грозном книги продавались в Москве на «торжищах». Об этом говорится в предисловии к «Апостолу» 1564 г. Существовал даже так называемый «книжный ряд», где торговали книгами попы и дьяконы. Сверх того, торговля книгами производилась и в «овощном ряду» [...], а также в лавках, торговавших церковными предметами.

Но то были рукописные книги.

Печатные же появились на «торжищах» как товар только в конце XVI в.

Новый товар, конечно, возбудил громадный интерес среди покупателей. Продавались печатные книги не только на «торжищах», но и на Печатном дворе[1]. Спрос на печатные издания в конце XVI в. был большой. Но и писцы с успехом продол-

жали свое дело и не только до конца XVI в., но и позже.

Сведений о ценах на книги в XVI в. не сохранилось[2]. Несомненно, однако, что цены на печатные книги были долгое время выше, нежели на рукописные, так как печатание обходилось очень дорого и самое типографское дело развивалось медленно. [...]

Выше мы видели, что Веттерман упоминает о наличии в либерее Грозного «латинских книг». Что такое «латинская книга»? Это богословский или философский трактат, если не житие святого, хроника или Священное Писание.

Интересно стоит вопрос об еретических книгах в библиотеке Грозного. В современной немецкой печати довоенного времени высказывалось мнение, что Грозный по своей толерантности весьма терпим был к еретическим книгам, собирал и хранил их в своей либерее. Стимулом к этому могло служить также то жестокое преследование и беспощадное уничтожение, какому подвергались книги такого рода.

Если книга была предосудительного содержания, ее сжигали, а с ней, как отмечено, казнили автора, покупателя и того, кто ее находил, но не сжигал. Особенно преследовались книги еврейские. В 1309 г. в Париже было сожжено четыре воза книг, а в 1348 г. в том же Париже еще 20 возов еврейских книг. Такое положение с еврейской книгой на Западе в ту эпоху, очевидно, давало возможность Грозному скупать там еврейские книги для своей либереи в большом числе и подешевле, особенно в г. Бамберге. По-видимому, их у Грозного в библиотеке было особенно много, судя по тому, что еврейские среди иноязычных книг царской библиотеки хорошо знавший последнюю «другой немец» ставит на первом месте.

Любопытный элемент в составе книг либереи Грозного представляют книги на восточных языках. В этом отношении особенно интересно известие Ногайской посольской книги, [...] 6 июня 1565 г. в памяти-наказе Михаилу Федоровичу Сумбулову в Ногаи[3] читаем: «...А нечто молвит Тинехмат-князь: писал есми ко царю и великому князю о книге об Азя ибу имах лукат. И государь тое ко мне книги не прислал. И Михаил молвити: государь тое книгу в казнах своих искати велел и доискатися ее не могли»[4].

По объяснению ориентолога В. Н. Трутовского[5], здесь надо разуметь известное сочинение знаменитого арабского естествоиспытателя Захария бен Моххамеда Казвини (ум. 1273 г.) «Аджибу-ль-Махлукат» — «Чудеса природы», содержащее в себе космографию[6] и естественную историю.

Итак, восточные книги хранились где-то в казнах великого князя; в казне государственной лежали также все «доскончальные грамоты»[7].

УКРАИНСКИЕ КНИГИ. Отовсюду собирал Грозный редкие книги в свою подземную либерею, не миновал и Украины. Оттуда был им вывезен ряд старинных и ценных книг, отсутствие которых больно чувствовалось на Украине. За такими книгами не раз предпринимались трудные паломничества из Украины в Москву. Из ряда таких случаев укажем на два, более характерных.

Некоторые исследователи относят приблизительно к 1575 г. известный акт приобретения князем Острожским[8] из Москвы списка полной славянской Библии (Геннадиевской, 1499 г.[9]), испрошенного им у царя Ивана Грозного через литовского посланника Михаила Гарабурду. Это мнение высказывал покойный Филарет, архиепископ Харьковский, в своем «Обзоре русской духовной литературы»[10]. Известно, впрочем, что Гарабурда начиная с 1560 г. отправлялся несколько раз посланником из Литвы в Москву: в 1570, 1572 и 1575 гг. [...]

В одном сборнике Библиотеки им. Ленина конца XVI в. нашлись два неизвестных доселе произведения с именем каменец-подольского дьякона Исайи, приехавшего из Вильны в Москву с целью «трудолюбственно вынести из земли Московской Евангелие и беседы Ивана Златоуста в переводе инока Силуана, ученика Максима Грека».

Исайя был заподозрен в латинской ереси, его заставили уехать из Москвы в Вологду, а потом в Ростов, где Исайя был посажен в монастырскую тюрьму. [...]

В «Новом времени» за 1912 г. от 7 марта, № 12920, находим «Мних Комянчанин Исайя, его «Лист» до великого князя Ивана Васильевича и «Плач» из Ростовской тюрьмы».

В «Листе» говорится, что «он плакал и сам себя тешил в земле Московской в местечке Ростове в темнице, року Божьего 1560-го:

«Року 1560 Бесед Евангельских (Златоуста) как Михаил Гарабурда на Москве через дьяка Висковатого у Грозного доставал купити, когда послан был, но вскоре не достал. Тогда за этой книгой до Москвы и опять назад в Литовское государство отправился Исайя Комянчанин и из земли Московской хотел ее вынести... Днесь аз в темнице, в узах, яко злодей стражу и не найдах, в чем был пред ними согрешил или кому чем повинен».

ПЕРЕПЛЕТЫ. Книги московской либереи тех счастливцев, которые ее откроют, поразят, между прочим, своими переплетами.

Переплетное искусство вообще совершенствовалось медленно.

Книги из западной Греции доставлялись в царские и монастырские книгохранилища, вероятно, переплетенными. Переплеты, дощатые или кожаные, могли служить у нас образцами.

Доски, служащие для тиснения, были сделаны русскими мастерами.

По введении книгопечатания в России явились переплетчики. Значительная часть книг, например, Филарета Никитича[11] (163 экз.) была в переплетах дощатых и в коже, обыкновенно красной, иногда белой. Есть много в сафьяне лазоревом, выбиваны золотом[12].

Были также обтянутые рыжими тканями, бархатом и оболоченные камкою [13] вишневою или «учажком золотным по таусиной земле»[14], один потребник значится обогнутым в хартею[15].

В пергамент переплетали книги в Европе преимущественно в XVI столетии, и введение этих переплетов приписывали иезуитам[16].

Под выражением «книга переплетена» разумеется обыкновенно переплет с кожей. При патриархах были переплеты разнообразные и роскошные.

Самые ценные употреблены для Евангелий и Апостолов. Например, Евангелие Татра: «...древнее письмо в полдесть и обложено бархатом червчатым, плащи на верху и в исподе серебряные белые, застежки серебряные ж, позолочены, в ней прокладочки, кисти золотом и шелком, лагалище едино вишнево, подложено тафтою желтою».

Обрезы на книгах иногда красные, иногда басмяны золотом.

Часто книги были с застежками, медными или серебряными, с жучками, металлическими же, которые «резаны финифтью[17] или пробиваемы». Жучки — это род ножек, или подставок, по углам, на исподней стороне переплета. Застежек две, иногда одна.

Лучшие книги украшались мастерами чеканного и золотого дела. Они переплетались и заключались в доски с матерчатыми оболочками и металлическими покрышками: то были оклады с резьбой и чеканью, с работой басменною[18] и сканною[19]. Такие книги были часто вкладными в монастыри и церкви и были часто весьма драгоценные по золоту, серебру, камням и финифти и по тонкой работе.

И не только в московских соборах, в Троице-Сергиевской лавре, но и в некоторых старинных монастырях сохраняются некоторые древние оклады, замечательные по богатству и старинной работе, в гораздо большем количестве и разнообразии сохраняются они, однако, в качестве «мертвых книг» в потайной либерее Грозного в Москве.

Но пробил их час!

Глава XVIII
АРХИВ ГРОЗНОГО

Во времена Грозного господствовала духовная литература, но уже делаются попытки и в другом роде. Не говоря уже об опытах в обработке исторического материала и стремлении к изучению общей истории, в XVI в. появляются в Москве переводы польских хроник и космографий, начинают организовываться архивы, определенную физиономию получает царский архив. [...]

В описании царского архива 1575—1584 гг. упоминается, что в ящике № 217 хранится, между прочим, перевод летописца польского и космографии, причем замечено: «Отдан государю».

Полагают, что это был перевод хроники Бельского[1] и его космографии.

И. Е. Забелин ставил архив Грозного чрезвычайно высоко, выше его знаменитой библиотеки, с точки зрения его значимости для русской истории как таковой. Вместо библиотеки царской Забелин предлагает искать в земле архив царский, от которого-де осталась одна опись.

О царском архиве писал С. А. Белокуров[2]. Он пришел к таким выводам:

1. Никакого царского архива XVI в. в Московском Кремле под землей нет.

2. Большая часть этого архива находится в Московском главном архиве Мининдел.

3. Часть архива погибла безвозвратно.

4. Часть архива увезена в Польшу[3].

Вывод, к которому пришел С. А. Белокуров, не нов: то же самое говорил Н. П. Лихачев в сообщении о царской библиотеке XVI столетия.

На полярно-противоположной точке зрения стоял А. И. Соболевский, который, отвечая Белокурову, писал в статье «Еще о библиотеке и архиве московских царей»:

«Господин Белокуров, служащий в Московском архиве Мининдел, сообщил в «Московских ведомостях», № 97 важные данные относительно царского архива XVI в. Он открыл, что часть ящиков, описанных в описи царского архива XVI в., после избрания на царство Михаила Федоровича в 1614 г., находилась в Посольском приказе, была описана и почти целиком дошла до наших дней.

Произведенное им сличение девяти ящиков по описи XVI в. и по описи 1614 г. не оставляет сомнения, что эти ящики царского архива те самые, которые находились в начале XVII в. в Московском приказе, так что мы можем не сомневаться, что царский архив XVI в. не погиб в нашествие Девлет-Гирея

(1571 г.) и что его драгоценные документы могут еще найтись»[4].

Однако Белокуров не ограничивается сообщением данных. Он старается уверить, что никакого царского архива в XVI в. не было.

«Мнение Белокурова, что никакого царского архива не было,— недоумевает А. И. Соболевский,— по меньшей мере странно... Эти документы, вместе с некоторыми другими, в конце XVI или в самом начале XVII вв., были взяты из (подземного по Забелину и Соболевскому.— И. С.) царского архива в приказ для справок и в этот архив не были возвращены.

Остальные документы, к Посольскому приказу не имеющие отношения, конечно, остались по-прежнему в царском архиве. Это — «дефтери»[5] Батыя и других ханов и «духовные» старых великих князей, предшественников Ивана Калиты, перешедшие в царский архив вместе с другими многочисленными документами захваченного Калитою великокняжеского архива...

Нет сомнения, что Иван III перевез в Москву Новгородский архив [...], а Василий III — Псковский.

Архивы князей Суздальских, Тверских, Рязанских, князей Казанских и Астраханских также не были оставлены без внимания.

Все это должно было поступить именно в царский архив.

На это указывает и то, что в царском архиве дела по внешним сношениям Москвы сохранились в отличном состоянии и полноте, но в них зачастую отсутствуют подлинные грамоты к царям иностранных государств — очевидно, потому, что они хранятся в царском архиве вместе с другими, очень важными, но для справок ненужными документами...»[6].

Белокуров упоминает о библиотеке и архиве Грозного, но лишь для того, чтобы назвать несбыточной мечту их найти. Так думало подавляющее большинство ученых 50 лет тому назад; так думают еще многие, но... их ждет приятное разочарование.

«Позволим себе,— скажем словами первого ученого адепта подземной библиотеки академика А. И. Соболевского,— надеяться, что **голоса скептиков в этом деле не помешают произвести поиски в Кремле.** Думается, что **результаты этих поисков,** как бы ничтожны они ни были, **все-таки будут более ценны,** чем результаты производимых у нас ежегодно раскопок курганов и могильников, и не потребуют больших издержек, чем эти последние»[7].

Глава XIX
ДРАМА ЖИЗНИ ИВАНА ДРУКАРЯ

ПРЕДТЕЧИ. XV век в Москве, как и вообще в Восточной Европе,— это век великих перемен и переворотов как в жизни экономической, так и в социальной и культурной.

Быстрый рост Московской, национально определившейся, хотя и молодой еще, державы, поставил на очередь между другими и ряд культурных проблем, в том числе и вопрос о книгопечатании.

В XVI в. публицистика обходилась рукописными копиями. Иначе обстояло дело с книгами религиозного содержания, которые переписывались тысячами, но при этом портились через ошибки и переделки безбожно, о чем свидетельствует сам Иван Федоров: «Мали обретошася потребни, прочи же вси растлени от переписующих».

Когда об этом осведомился Иван Грозный, он стал «помышлять, как бы изложити печатные книги, якоже в Греках и Венецыи и во Фригии и прочих языцех». Таким образом, московское правительство в лице царя пришло к убеждению, что книги необходимо печатать. [...]

Окончательно решено было основать типографию на государственный счет около 1552 г. Долгожданный в Москве печатник явился, можно сказать, случайно. [...] В мае 1552 г. в Москву был прислан от датского короля Христиана III миссионер Ганс Миссенгейм или Бокбиндер (переплетчик).

Сам Христиан был благочестивый лютеранин и надеялся направить по путям реформации и московского государя. Об этом король выразительно пишет в своем письме к царю, которое сохранилось до наших дней.

У Ганса Миссенгейма была Библия и еще две книги, где были изложены основы реформаторского обряда. Король предлагал рассмотреть эти книги совместно с митрополитом, епископами и всем духовенством. В случае, когда собор признает лютеранскую веру, то он, Миссенгейм, перепечатал бы указанные книги в количестве нескольких тысяч экземпляров на русском языке. [...]

Что же царь? Принял предложение? Нет! — замечает С. М. Соловьев,— невероятно, чтобы Иван поручил устройство типографии человеку, присланному явно с целью распространения протестантизма!

Это положение Соловьева было еще долгое время аргументом против гипотезы, что типографию в Москве устроил именно Миссенгейм. Однако такое утверждение фактами не подтверждается, наоборот, логика вещей говорит скорее за то, что царь Иван

использовал благоприятный случай и оставил при себе типографа, какого давно уже искал.

В. Е. Румянцев, давший ценное исследование о первопечатных московских книгах[1], говорит, что Иван Федоров мог научиться типографскому искусству у итальянцев-фрязинов, так как на это есть указание в так называемом «Сказании о воображении книг печатного дела». Названный автор приводит интересный реестр названий деталей типографского станка, как назывались они в старой Москве: «штанба сиречь книг печатных дело», «тередорщик» — печатник, «батырщик» — красильщик, «пиян» — верхняя доска для тиснения набора, «тимпан» — верхняя доска для тиснения набора, «пунсон» и многие другие взяты из итальянского языка, а не из немецкого, где все предметы носят совсем другие названия.

Все это доказывает непосредственную связь старого московского печатного двора с итальянскими мастерами.

«Должно быть, так оно и было,— замечает В. Е. Румянцев,— первые мастера, показавшие возможность печатания книг металлическими буквами, были не итальянские специалисты-типографы, а ремесленники и художники, каких много было в Москве в начале XVI в.»[2].

Однако сделать специалистами московских печатников, организовать большую типографию, выливать буквы и т. п. довелось, кажется, все же Бокбиндеру-Миссенгейму. [...]

Использовав указания Миссенгейма касательно техники, Иван Федоров мог отлично наладить дело и наряду с тем обезвредить протестантскую пропаганду. Шрифты для своей печати Иван Федоров сделал заново с помощью своих «клевретов» Петра Мстиславца[3] и Маруши Нефедьева[4]. В этом причина, почему буквы были сделаны по строго московскому образцу, без признаков какого-либо стороннего влияния.

С другой стороны, весь орнамент носит явные следы итальянского пошиба: «фрязский» вкус тогда был приемлем не только в России, но и во всей Европе, достаточно сказать уже о тех сборниках образцов орнамента, какие тогда были в широком употреблении по всей Европе.

С такой подготовкой и знаниями начал свое печатное дело в Москве Иван Федоров. [...]

Исключительное внимание царя к печатникам было не по вкусу правящим московским верхам и высшему духовенству. Что касается низшего духовенства, которое в подавляющем большинстве жило переписыванием книг, то оно в печатниках справедливо усматривало своих грозных конкурентов, так как на рынке трудно было конкурировать рукописным книгам с печатными.

Как бы то ни было, но на пятом году своего царствования, т. е. в 1553 г., «благоверный же царь Иван Васильевич всея Руси повелел устроити дом от своея царские казны, идеже печатному делу устроится и нещадно даяще от своих царских сокровищ деятелем: Николы Чудотворца Гостунскому диакону Ивану Федорову да Петру Мстиславцу — на составление печатному делу и к упокоению их, дондеже и на совершение дела их изыде».

Казалось бы, мечта исполнилась, цель достигнута, только работать. Ан не тут-то было! Так бывает в жизни нередко — и в старые, и в новейшие времена.

ЛИЧНОСТЬ. Иван Федоров был вдохновенный человек, творческий мастер, энтузиаст своего дела; нравственный идеал его был высок, в его сознании печать являлась могучим орудием истинного духовного просвещения: «Да множие умножу слово Божие и слово Исус Христово». Он был апостолом[5].

Жизнь Ивана Федорова полна глубокого драматизма и трагизма. Она невольно затрагивает сердце каждого из нас, ибо тяжкие страды, им вынесенные, близко знакомы всем людям идеи, беззаветным труженикам знаний и искусства.

Первое, с чем встретился первопечатник Иван Федоров, энтузиаст своего дела, это с завистью, вызвавшей озлобление. Не от царя шло озлобление [...], а целые организованные сословия и самые влиятельные люди — бояре и думные дьяки были против того, что великое государево дело поручено какому-то [...] дьякону. Архимандриты и игумены, боявшиеся его возвышения у царя и митрополита, а затем и сам Афанасий[6], преемник Макария, завидуя Федорову, обвиняли его в «еретичестве»: в чем оно состояло — неизвестно.

Но зависть, столь хорошо знакомая и ныне миру ученому и художественному, не стесняется в напрасных поношениях. «Зависть,— говорит Иван Федоров,— наветующе сама себе не разумеет, како ходить и на чем утверждается. Завистники и туне и всуде слово зло пронесоша».

Положение Ивана Федорова создалось тяжелое. Митрополита Макария уже не было в живых. Грозный игуменствовал в преименитом новеграде Слободе[7]. Типография была подожжена и сгорела в 1565 г., сгорел и печатный станок. Успел спасти Иван Федоров только печатные матрицы и гравировальные доски в количестве 35, для украшений. [...] Впереди рисовался только костер для еретиков, и, по совету Петра Мстиславца, оба бежали в родной его край Литву, «где инны и духовенство просвещеннее и добрее московских бояр и духовных властей».

Заметно, что очень тяжело было Ивану Федорову расставаться с Москвой. «Сия убо зависть и от земли и от отчества и от

рода нашего изгна и в ины страны незнаемы (т. е. чужие.— И. С.) пресели».

Гетман Хоткевич[8] приютил их в своем имении Заблудово (б. Гродненский губ. Белостокского уезда), дал все нужное, чтоб устроить верстак друкарский, а Ивану Федорову отдал даже целую деревню «для спокойствия его».

Первым было издано «Учительное Евангелие» (1568—1569 гг.), затем Петр Мстиславец перешел в Вильну и там осел в типографии Мамоничей[9], где в 1575 г. издал «Напрестольное Евангелие», напечатанное изобретенным им четким шрифтом (с прибавлением «юсов»[10]), который потом был вывезен в Москву и стал родоначальником наших европейских шрифтов, а шрифт и украшения у Ивана Федорова носят на себе следы первых московских изданий.

За старостью Хоткевич закрыл типографию и предложил Ивану Федорову заняться... хлебопашеством.

«Не мне заниматься ралом и сеянием семян, призвание мое вместо рала действовать словом и вместо семян житных сеять по всей Вселенной семена духовные. Грех мне закапывать в землю талант, данный мне от господа. Размышляя о том в своем сердце, горько я плакал в своем уединении множицею слезами моими постелю мою омочих».

Для всех времен поучительна эта нравственная борьба за свое призвание среди житейских выгод и соблазнов. В сравнении с его духом как низменны те, кои высокое служение науке и искусству легко и скоро меняют на разные злачные, но более хлебные места. [...]

Иван Федоров умер во Львове и погребен в церкви Онуфриева монастыря. [...] Надпись на его надгробии гласит:

«Иоанн Федорович, друкарь книг предтым невиданных, который своим тщанием друкование занедбалое (после Скорины.— И. С.) обновил. Преставися во Львове року (1583 г.— И. С.) декабря».

Том II

Часть I
ВО МГЛЕ

Глава I
ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

ТАЙНА ИСТОРИИ. Исчезло большое собрание книг, найденное во дворце Василия Ивановича и еще существовавшее при Иване Грозном. Оно составилось из редких греческих книг и даже книг еврейских и латинских.

Когда и как составилась эта библиотека, положительно неизвестно.

Так безнадежно обстояло дело с библиотекой Ивана Грозного всего каких-нибудь 70 с небольшим лет тому назад. А ныне?

Ныне дан обстоятельный ответ на эти вопросы в первом томе «Мертвых книг».

Задача настоящего, второго тома «Мертвых книг» — проследить судьбу библиотеки или воздыханий по ней на протяжении веков после смерти Грозного, вплоть до генеральных раскопок библиотеки в советские дни.

Мировая история полна тайн и загадок, так же как история каждого народа и человека в отдельности.

Многие из таких тайн не поддаются расшифровке, несмотря другой раз на все усилия любознательных потомков.

В русской истории такой веками не поддающейся разгадке загадкой является всемирно известная, окутанная легендами и унылым ученым скепсисом знаменитая подземная библиотека в московском тайнике XV в., получившая в истории не совсем точное название библиотеки Ивана Грозного.

«ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ». Как же обстоит дело с этой, захватывающего интереса загадкой в нашу сталинскую эпоху, эпоху выявления и разоблачения всех и всяческих исторических тайн?

Так, как недостойно нашей великой эпохи.

Вот иллюстрация.

Близившийся юбилей 800-летия Москвы побудил меня попытаться проинформировать советских историков о стадии, на какой стоит в данный момент вопрос о библиотеке Грозного. Статья об этом под заглавием «Острый вопрос истории — библиотека Грозного» была по рекомендации академика Б. Д. Грекова направлена в редакцию журнала «Вопросы

истории», орган Института истории АН СССР, 6 апреля 1946 г. и получена обратно без единой помарки через 92 дня, при отношении от 27/VII 1946 г., за подписью заведующей отделом истории СССР: «Возвращаем рукопись Вашей статьи «Острый вопрос истории — библиотека Грозного». Редакция считает нецелесообразным печатать предположения о библиотеке Грозного, когда ведутся работы по отысканию этой библиотеки».

Итак, о «предположения» споткнулась редакция.

Но, во-первых, без «предположений», конкретизируемых в процессе продвижения к цели, не может быть прогресса науки, в таком случае она обречена на застой и разложение. Только благодаря «предположениям» созданы среди многих такие, например, советские науки, как радиолокация или, далее, спелеология. Инженеры-специалисты по радиолокации предлагают свои услуги по отысканию кремлевской библиотеки, зарытой в земле.

Радиолокация в союзе со спелеологией — это такая непреоборимая научная сила, при которой только и остается «заколдованный клад России» «за ушко, да на солнышко»!

Во-вторых, если и ведутся работы по отысканию этой библиотеки, то сорок лет мною одним. [...]

Более того, на путях к ней под землей,— опять же мною одним, взяты штурмом в советское время такие «доты», одолеть которые в течение ряда столетий тщетно пытался целый ряд ушедших поколений.

О результатах своеобразных и жизнеопасных спелеологических работ а-ля крот — в третьем томе («Раскопки»), с альбомом фотоснимков.

Так подлинно «в ученых потемках» (Забелин) все еще пребывают иные корифеи истории...

Также «в ученых потемках», выезжая на «предположениях», ощупью, пробирались немногие из немногих, как среди наших предприимчивых предков XVII — XVIII вв., так и среди позднейших ученых, современников XIX в., а в XX в.— автор настоящих строк, бескорыстно стремившиеся к раскрытию этой беспрецедентной тайны русской истории.

Трудны и тернисты были пути их исканий! Немало ошибок и падений! Но своими ошибками и достижениями они, однако, уготовили торный путь для нашего, старшего поколения, получившего от дальновидного Советского правительства все мыслимые возможности, все средства, научные и технические, для окончательного, притом положительного, решения этой вековой проблемы; сделан гигантский шаг к этому книжному сокровищу Ренессанса в Москве, окончательное извлечение которого близится неотвратимо, как девятый вал. [...]

Глава II
БЕЗЛЮДЬЕ

ЗАМУРОВАННЫЕ КНИГИ. В XVI в., «веке тайны», библиотека Грозного была в зените своей славы, слухами о ней полнилась Европа: Фома Палеолог и его сын Андрей, разъезжая по европейским дворам с целью подбить их на крестовый поход против турок, рассказывали о том, как они эвакуировали ядро царской и патриаршей библиотек из Константинополя в Рим, в Ватикан.

А Ватикан, хоть и старался держать в секрете «приданое» опекаемой им Софьи, но — слухом земля полнится.

А тут еще «свадебное путешествие» через всю Европу в Москву. А в Москве очевидцы: Максим Грек, четыре немца с Веттерманом и иже с ними, все они не давали зарока молчать о виденном и слышанном...

Неудивительно, что о таинственной библиотеке в московском каком-то тайнике говорили и в Европе и повсюду: в Константинополе, на монашеском Афоне, в папском Ватикане, в Киеве, Новгороде, Ганзе, Швеции, Дании, Италии, Германии.

С нею связывалось странное явление, наблюдавшееся повсюду в Европе: таинственное исчезновение древних классиков и первопечатных книг Европы. Ходили слухи об агентах, скупающих по Европе книги за большие деньги. Из Киева в Москву за книгами потянулись паломники, с Востока явились ходоки искать у царя арабские книги... И Грозный приказывал их искать в подземной своей библиотеке, и если находили, то давал.

Однако неудача с хитрыми переводчиками-немцами и внезапное, всем домом, переселение в Слободу «Неволю» заставило Грозного проделать то же, что и его отец — замуровать библиотеку навсегда! Но в жизни человеческой всякому «навсегда» бывает конец. То же грозило и навсегда замурованному книжному сейфу — переменяются времена, переменяются люди.

КТО? Новые люди, новые правители могли безнаказанно извлечь из недр земных библиотеку вскоре после смерти Грозного. Этого не случилось. Почему? Вследствие полного «безлюдья». В самом деле: кто? Кто мог ее извлечь? Может быть, новый царь Федор Иванович? Но о нем даже не вспомнил Забелин, когда перебирал людей, способных на это дело[1]. [...] Федор Иванович с ранних лет привык к церковному перезвону в Александровской слободе вместе с отцом, братом и Малютой Скуратовым, и для него не было большего удовольствия, как «малиновый звон», которым он упивался. А какая-то там отцовская библиотека, да еще где-то под землей, была для него звук пустой, «суета сует»...

Недалеко от царя-звонаря ушел и его «бывший ближний боярин», впоследствии патриарх Филарет, на которого Забелин возлагал явно преувеличенные надежды...

«Больше, чем другие, о таком книгохранилище должен был иметь сведения, например, патриарх Филарет Никитич... Сделавшись патриархом, он непременно отыскал бы это забытое сокровище. Но, видимо, что отыскивать было нечего; видимо, что в XVII столетии никто и понятия не имел о потерянном по забвению сокровище»[2].

Верно, конечно, что тогда «никто и понятия не имел» о сокровище, но не верно, будто потому, что такового и в природе не было. Оно существовало, а почему Филарет, ставши патриархом, не искал его, мы не знаем и можем только гадать. Во всяком случае, ледяное равнодушие Филарета к этой большой проблеме, еще такой свежей в его время, не говорит в его пользу.

Кто еще? Дьяк Андрей Щелкалов, «канцлер», единственный из триумвиров, оставшийся в живых. Но прошло уже лет 30, как он никакого отношения к забытому книгохранилищу не имел и, будучи к тому же лицом подчиненным и зависимым, в новой обстановке старался, быть может, вовсе не вспоминать о нем, связанном в его сознании с жуткими воспоминаниями о лютой гибели его друзей и сослуживцев по подземной библиотеке Висковатого и Фуникова.

Остается один Борис Годунов, «гениальный Борис Годунов», фактический правитель государства, хоть и полуразоренного. Но что за человек был Годунов, современники плохо разбирались, судя по тому, что пишет Иконников: «Даже в одной и той же (Псковской) летописи взгляды на Бориса Годунова существенно отличаются друг от друга по спискам»[3]. Как бы то ни было — факт, что Борис на высоте власти, как и Грозный во всю свою жизнь, оказался одиноким, без друзей, без преданных слуг. Его положение на престоле было лишено той прочности, какую дает кровное право, наследование из рода в род. Бояре смотрели на нового царя, как на похитителя престола, и готовили отмщение. [...]

«Не упоминаем,— подчеркивает Забелин,— о царе Борисе Годунове, при котором такая библиотека, если бы и была где забыта и сокрыта, тоже была бы неотступно отыскана. Можно с большой уверенностью полагать, что она исчезла еще в XVI столетии, а именно в пожар 1571 года»[4].

Этот злополучный пожар 1571 г. (так красочно описанный Штаденом[5]) для Забелина — сущий камень преткновения. Не будучи полевиком-спелеологом, Забелин просто не представлял себе, что в глубоком подземном белокаменном пустом тоннеле, с герметически вдобавок замурованным в нем каменным же

казематом с книгами, не может быть никакой абсолютно пищи для огня и потому вообще «пожар» там физически невозможен. Выше мы видели, что Штаден, свидетель пожара 1571 г., и сам едва не ставший его жертвой, отмечает, что люди в погребе (с водой) сгорели, а в каменной палатке с железной дверью над погребом (и он в том числе) живы и невредимы. А ведь книжный каменный сейф Софьи Палеолог находится на глубине не менее 10 м от поверхности!

До последних глубин пораженный пожаром 1571 г., Забелин не замечает резкого противоречия самому себе: если книги византийской библиотеки на такой глубине сгорели, то почему же царский архив Ивана Грозного на той же глубине... уцелел? А сохранность последнего Забелин решительно утверждает и ставит его по исторической ценности материала даже выше самой библиотеки!

Конечно, Борис Годунов лично знал, лично видел в натуре подземную библиотеку и был, действительно, единственным человеком, который был в состоянии оценить ее огромную историческую значимость, а главное, имел власть «неотступно открыть». Но мог ли он при наличии тогдашней ситуации это сделать? Нет, не до того ему было! Пока жив был царь Федор Иванович, Годунов выжидал и создавал обстоятельства, когда сам станет царем, а ставши таковым, вконец испортил себе жизнь и только на бумаге, под пером Пушкина, говорит, что шестой уж год он царствует спокойно. [...]

А если не Борис, то больше тогда никто не мог извлечь книги из подземной тьмы Эреба[6].

Такова судьба библиотеки Грозного в XVI в. Поистине счастливая судьба! Ибо будь книгохранилище тогда же вскрыто, от него действительно осталось бы для нас одно грустное воспоминание.

Библиотека в подземелье уцелела, но после Годунова и его окружения она безнадежно, на века, забыта. Забыта, правда, русскими, но Европа — Европа помнила, хотя еле-еле..

Глава III
МОЛВА

ЗАРУБЕЖНАЯ. Население Москвы после смерти Грозного и Годунова о судьбе царской библиотеки [...] ничего не знало и не ведало: в Кремле ли она, в селе Коломенском, в слободе ль Александровской, или на Белоозере[1] — бог весть.

Да и правители новой династии о ней решительно позабыли, а кто еще помнил, предпочитал молчать — как бы чего не вышло!.. Да и что толку, даже если б книги извлечь? Хлопотно,

да и книги-то все иноземные, на чужих, непонятных языках. Надобно переводчиков, а где их взять? Ведь и сам Грозный царь не мог их сыскать. Потому и замуровал свое сокровище.

Так из избы не вынесено сору.

Только удивительное дело — память о потайном подземном книгохранилище в каком-то московском тайнике продолжала неугасимо тлеть и все глубже пускать корни, только не на родной почве, а — за рубежом, в Европе!

Уже в конце XVI в. иностранцы, проживавшие в Москве, заинтересованные ходившими по Европе упорными слухами, всякими манерами и так и этак выспрашивали даже «самых первых сенаторов» про тайную греческую библиотеку.

Так точно продолжалось и в XVII в., когда выспрашивали не только «сенаторов», но и «стражу», попросту сторожей. Особенно характерны в этом отношении ставшие известными истории письма трех особ — ученого грека Петра Аркудия[2], Яна Петра Сапеги[3] и «загадочной личности» Паисия Лигарида[4].

ТВЕРДЫЕ ЗАКЛЕПЫ. Но предварительно два слова о том, на чем собственно базировались как письма названных исторических деятелей, так и европейские слухи о таинственной библиотеке в Москве.

Дело в том, что в состав имущества Грозного входили также его архив и библиотека.

Уже в первой половине XVI в. книги и рукописи составляли необходимую часть сокровищ русских богатых людей. Курбский пишет, что русские вельможи «писание священное отеческое кожами красными и златом и драгоценными камнями украсив и в казнах за твердые заклепы положи тщеславнующиеся ими и цены слагающе, толики сказуют приходящим».

Поэтому нет сомнения, что библиотека московского царя должна была заключать много драгоценных книг.

Однако не одно такое предположение вызвало представление об исключительности библиотеки Ивана Грозного и возбудило мечты и возможности существования ее и теперь где-то в неведомых тайниках подземного Кремля.

ГЛАВА IV
РАЗВЕДЧИКИ

АРКУДИЙ. О литературном сокровище, связанном с именем Грозного, сохранились в памятниках письменности XVI и XVII вв. хотя и скудные, тем не менее заманчивые свидетельства. К числу таких свидетельств можно отнести и письма указанных

выше разведчиков: Аркудия, Сапеги и Лигарида. Как этим ученым, так и многим им подобным молва о царской библиотеке, содержащей какие-то особенные, исключительной ценности сочинения на латинском и греческом языках, в XVII в. не давала покоя. Как сказочная мечта, она не переставала тревожить их и впоследствии, до наших дней. Ученые спали и в сонном видении видели эти, как выразился Лигарид, «великолепные» книги.

Им страстно хотелось раздобыть о них какие-нибудь новые сведения на месте, в Москве. И они засылали в Москву разведчиков, ходоков, агентов: кардинал Джорджо прислал Петра Аркудия, папский нунций в Польше Клавдий Рангани — Яна Петра (а не Льва) Сапегу[1].

Они долго и тщательно выпытывали всякими способами у русских книжную тайну, и вот что они писали о своих достижениях своим адресатам в один и тот же день, 16 марта 1601 г., съехавшись в Можайске под Москвой.

«О греческой библиотеке,— писал Аркудий кардиналу,— о которой некоторые [...] подозревают, что она находится в Москве, при великом старании, которое мы употребили, а также с помощью авторитета г. канцлера, не было никак возможно узнать, чтобы она находилась когда-нибудь здесь. Ибо когда г. канцлер спросил первых сенаторов, есть ли у них большое количество книг, то москвичи, имея обычай обо всем отвечать, что у них его великое изобилие, и здесь сказали, что у них много книг у патриарха, а когда спросили, какие книги, сказали: псалтыри, послания, евангелия, минеи и вообще церковные служебные книги; когда же г. канцлер настаивал, есть ли у их великого князя греческая библиотека, они определенно отрицали существование таковой.

Я также спрашивал в доме не малое число из стражи (свиты) своей, через переводчика, а также многие греки по происхождению, служащие князю, мне говорили, что по правде, нет такой библиотеки. И я считаю это весьма правдоподобным, ибо если московиты исповедуют сохранение греческой религии, то тем не менее они во многом отличаются от нее, а в нравах расходятся со всем светом.

Не могу поверить, чтобы император греческий, миновав латин, образованность и светскость которых были отлично засвидетельствованы, пожелал бы прибегнуть почти к варварству.

Затем, известно, что и ученые и значительные греки того времени, как Феодор Газа, Аргиропуло, Трапезундский, Хризолора и другие подобные, имели убежище в Италии. Так и брат императора[2], именующийся этим титлом деспота, несет с собой главу славного апостола Андрея и с нею уходит в Рим.

То же сделали во время папы Льва[3] два брата Ласкари, Мазуро и другие ученые люди.

Далее, в то время великий князь Московский не был в таком величии, как можно ясно видеть из истории, но был данник татарского хана, который недавно явился в те страны и навел ужас на Европу, и был данником со столь низким рабством, что выходил навстречу посланника ханского и предлагал ему пить кобылье молоко, любимое татарами, и, если посланник нечаянно проливал несколько капель, то (князь) собственным языком подлизывал их в знак почета и страха. Кроме того, обыкновенно постилали соболий мех, на который посланник становился, читая письмо своего государя, а Московский государь обязан был давать людей, даже когда хан воевал против христианских князей.

Первый освободился от такого рабства Иван Васильевич, который впервые, для защиты от татар, воздвиг крепость Московскую, которая все же (вся уже?) была устроена в 1491 г. некиим Петром Антонием Солярием, миланцем, как явствует из надписи латинским буквами над воротами той крепости. И Константинополь был взят также в то время. Так как же правдоподобно, чтобы император греческий вверил драгоценные вещи или библиотеку подобному государю, который жил в столь вечном или постоянном страхе?

Отсюда я думаю, что добрая часть греческих книг в то время была перенесена (!) в Италию, в особенности, что Сикст IV, который подвигнут кардиналом Виссарионом и был его прелатом в более скромном положении, по убеждению сего кардинала собрал или, по крайней мере, в великой степени увеличил библиотеку Ватиканскую, которая называлась также Сикстинскою*. Не без причины написан в ней кардинал Виссарион... »[4] [...]

Аркудий — ревностный проповедник латинства на Востоке.

Папский престол не ослабевал в усердии посылать на Русь таких доблестных миссионеров латинства, как Петр Аркудий, который провел в пропаганде целых 20 лет в Польше.

Петр Аркудий умер в 1634 г., и папа задумал издать его посмертные сочинения. Один из взявших на себя этот труд был его ученик Паисий Лигарид. Он издал в 1637 г. на греческом и латинском языках одно сочинение Аркудия с посвящением папе Урбану III. [...]

---

* Надо полагать, что много книг из византийской царской библиотеки, увезенной царевной Софией в Москву, было оставлено в Ватикане, для Сикстинской библиотеки.— Примеч. авт.

САПЕГА. Сапега Ян Петр (1569—1611), известный своим походом на Россию, в тот же день писал нунцию Клавдию Рангани:

«В деле светлейшего кардинала Сан-Джорджо, возложенном на достопочтенного Петра Аркудия,— справиться у москвичей о некоей греческой библиотеке,— я приложил в этом деле крайнее старание, но, как слышал от самых главных сенаторов, никакой такого рода библиотеки в Москве никогда не было.

Сначала-то они, по своему обычаю, хвастали, что очень много греческих книг у их патриарха, но когда я тщательнее настоял, то определенно отрицали, чтобы у них была какая-либо знаменитая библиотека, ни какие-либо греческие книги, кроме немногих церковных, как, конечно, псылтырь, книга посланий блаженного Павла, евангелий и других этого рода. Ибо в Москве нет никаких общественных школ и академий, а знающих греческий язык, как следует, не находится совсем, или очень мало, да и то перебежчики»[6]. [...]

Глава V
ЗАГАДОЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ

ЛЬСТИВЫЙ «ГРЕЧИН». Паисий Лигарид (1614—1678) — безместный газский митрополит. Л. Лавровский называет его загадочной личностью[1], а по Н. П. Лихачеву он «темная личность и едва ли не папский агент»[2].

Свое послание царю Алексею Михайловичу он писал в Москве 62 года спустя после письма Аркудия и Сапеги.

Лигарид играл весьма выдающуюся роль в длинной и полной трагических моментов процедуре суда над патриархом Никоном.

Хитроумный и льстивый «гречин» оставил после себя слишком много следов для того, чтобы беспристрастная история могла составить верное понятие о его деятельности при Московском дворе царя Алексея Михайловича.

Проживая в Москве, Паисий Лигарид, как позже Клоссиус, пользовался Синодальной библиотекой, доступной для частных лиц с XVII в.

В той же библиотеке Карамзин, наряду с другими документами, пользовался писаниями Лигарида, его записками, содержащими обширные ответы Лигарида на возражения патриарха Никона. Записки Лигарида были использованы профессором Субботиным[3].

Паисий Лигарид более всего старался скрыть самый бессовестный корыстолюбивый расчет и низкую услужливость интересам сильной стороны.

Впрочем, еще нельзя сказать, что вопрос уже окончательно исчерпан и не требует никаких новых дополнений.

О Паисии Лигариде до приезда его в Россию известно еще очень немного.

Как человек, в жизни которого было немало темных делишек, Лигарид тщательно скрывал свое прошлое от любопытных людей, имевших с ним какие-либо сношения. Ловкость его в этом отношении невольно повергает в изумление. [...]

В нашей литературе для биографии Лигарида имеются только отрывочные указания в «Словаре» митрополита Евгения[4] и небольшая статья протоиерея А. Горского «Паисий Лигарид до проезда в Россию».

Случайно Л. Лавровскому попался документ, в котором сообщается несколько сведений о Лигариде лицом ему современным, интересовавшимся личностью Лигарида ради собственных целей. Лигарид был известен некоторым своим современникам в Западной Европе. Документ — письмо французского посланника при шведским дворе маркиза де Помпона (1665 г.) главе французских миссенистов, доктору богословия Антуину Арно. [...]

Паисий Лигарид по национальности грек и монах ордена св. Василия. Учился в Риме и Падуе, а вернувшись в Константинополь, был поставлен там архиепископом г. Газы в Палестине. Для пропаганды христианства ушел в Молдавию, и царь вызвал его в Москву, где Лигарид жил в доме, подаренном ему царем. [...]

«Если бы знал язык страны, он, вероятно, был бы избран патриархом на место того, которого низложили. Никто в Московии не имел такой репутации и таких познаний. [...] Кальвинисты считали Лигарида подозрительным, потому что он воспитан в Риме и получил степень доктора в Падуе. Место, из которого писал Лигарид, называли «музеем Алексея»[5] (де Помпон).

Обращенный в латинство венецианский грек писал о Лигариде: «Паисий Лигарид воспитывался в Риме, и когда ушел оттуда, то явился горячим защитником латинян; недавно я слышал, что он торжественно отрекся от римской религии при своем посвящении в митрополита газского в Иерусалиме 14 сентября 1652 г. патриархом Паисием. О нем говорили, что он был «отъявленный лицемер и получал от папы ежегодный пенсион»[6]. [...]

«... А Глигаридин,— отзывался о нем патриарх Константинопольский Дионисий,— лоза не константинопольского престола. И я его православна не нарицаю, ибо слышу от многих, что он папежин и лукав человек»[7]. [...]

«Лигарид сделался самым доверенным лицом царя, как бы правой его рукою или домашним секретарем»[8]. [...]

«Паисий Лигарид своей ловкостью, умом, а также стечением обстоятельств занял при дворе очень выгодное, прочное и влиятельное положение. И царь, и бояре весьма благоволили к газскому митрополиту, награждая его деньгами и подарками»[9].

П. Лигарид в своей челобитной царю от 17 декабря 1665 г. просил царя отпустить его совсем домой: «... не могу более служить твоей святой палате, отпусти раба твоего, отпусти»[10]. Царь не исполнил его просьбы. Тут был, по Лавровскому, хитрый расчет. [...]

Умер Лигарид в 1678 г. (64 лет). При смерти были замечены в нем ясные знаки его твердости в католической вере. Католики вовсе не отрекались от него. Таким образом, еще очень многое остается неясным и неизвестным из многосложной и запутанной биографии Паисия Лигарида, митрополита Газского. Мы далеко еще не можем проследить шаг за шагом всю его жизнь, полную многих любопытных фактов, хотя полная его биография могла бы иметь, без сомнения, громадный интерес. Быть может, со временем найдутся новые сведения о нем.

«ВЕРТОГРАД ЗАКЛЮЧЕННЫЙ». Такие сведения нашлись: это новонайденное замечательное его письмо к царю Алексею Михайловичу. Оно свидетельствует о глубокой убежденности Лигарида в конкретном существовании мертвых книг в кремлевском тайнике и его (Лигарида) жадном стремлении проникнуть в тайник, чтобы собственными руками осязать, собственными очами видеть, читать исчезнувшие с лица земли европейской редкостные книги, которые уже в его время оплакивала Европа. Вот это, при всей своей краткости, многошумящее письмо, которым внезапно прерывается глубокое, гасящее все надежды молчание о библиотеке Грозного в этом веке:

«О священнейший и благочестивейший император! Вертоград, заключенный от алкающих, и источник, запечатленный от жаждущих, по справедливости почитается несуществующим. Я говорю сие к тому, что давно уже известно о собрании вашим величеством из разных книгохранилищ многих превосходных книг, потому нижайше и прошу дозволить мне свободный вход в ваши книгохранилища для рассмотрения греческих и латинских сочинений.

Кроме верной пользы, сие не принесет никакого предосуждения святой божией церкви, ни августейшей вашей империи, которую да покроет, возвысит и утвердит всевышнее провидение. Аминь. Буди, буди».

Письмо написано к вышеназванному царю в июне 1663 г. на

латинском языке и издано в «Сборнике государственных грамот и договоров», т. IV, № 28.

Оно содержит, как это очевидно, просьбу получить доступ к книгам царского книгохранилища. В нем указывается на два чрезвычайной важности фактора: на таинственность, сокровенность библиотеки, которая по своей недоступности почитается как бы несуществующей, и об ее давнишней славе, что отделяет ее от книг новокупленных Арсением Сухановым на Афоне в 1645—1655 гг.[11].

Письмо с латинского переведено А. И. Соболевским, впервые указавшим на этот первостепенной важности в нашем деле документ.

«К сожалению,— грустит Соболевский,— мы не имеем сведений о царском ответе на письмо Паисия (он должен быть в Московском архиве152 Growth Hormones) и можно лишь догадываться, что Паисий, под каким-либо благовидным предлогом, получил отказ»[12].

Прав Забелин, что в России «в XVII столетии никто и понятия не имел о потерянном по забвению сокровище»...

Но вот является «загадочная личность», ученый иноземец, мнимый единоверец, с предложением раскрыть вековую тайну, только-де «пусти козла в огород»! Увы, в «огород» не пустили [...].

Глава VI
ДЬЯК В ТАЙНИКЕ

ДЕВУШКА С ХАРАКТЕРОМ. Существует советский фильм с таким названием, очень характерным. Он заставляет вспомнить один персонаж из времен царя Алексея Михайловича — его старшую дочь царевну Софью Алексеевну[1]. Это была подлинно девушка с характером — с сильной волей и пылким воображением, умная и любознательная, писательница. Она была еще подростком, когда своим человеком и даже, как говорили, «секретарем», у ее отца был внушительного вида монах-грек, митрополит Газский, Паисий Лигарид, враг патриарха Никона, свергнутого царем, и сам кандидат в патриархи на место поверженного. Софья рано стала интересоваться придворными событиями и даже, по мере сил и возможностей, государственными делами. Выписанный отцом из Молдавии митрополит-грек поразил воображение юной царевны как своей особой, так и, особенно, загадочным письмом, поданным им ее отцу-царю. Повидимому, царевна держала это письмо в своих руках, внимательно вчитываясь в него.

Правда, письмо Лигарида царем было оставлено без ответа и вскоре забыто. Но письмо это, насыщенное загадками, глубоко запало в душу любознательной царевны. Даже ставши правительницей, царевна Софья Алексеевна помнила об этом письме, о его загадочных намеках. Ее издавна влекли подземные тайны Кремля, да и знала она по личному опыту, что под Кремлем существуют подземные ходы, выводящие из Кремля. Одним из таких ходов она не раз пробиралась тайком из Кремля во дворец в Охотном, на зеркальную кровать к своему «Васеньке» (князю В. В. Голицыну[2]).

Ее сильно интриговали в письме греческого митрополита загадочные иносказательные образы: «вертоград заключенный» или «источник запечатленный». И что это за «многие превосходные книги» в каком-то таинственном собрании книг ее отца, о котором она так-таки ровно ничего не знает? Где оно, это книжное собрание отца, когда отец, она это отлично знала, никаких книг никогда не собирал и таковых у себя не держал? Она припомнила издавна ходившие темные слухи о какой-то библиотеке в тайниках Кремля. Не о ней ли речь в письме грека? И где они ныне, эти «превосходные книги»? И как понять «давно уже известно о собрании книг»? Как давно и каких книг? Уж не этих ли «превосходных»? Где же оно, это книгохранилище греческих и латинских сочинений, доступа в которое так добивался ученый автор послания к царю? Не в подземном ли Кремле, о котором ничего не знает и знать не хочет отец? Хорошо бы подробно осмотреть подземный Кремль, послав туда доверенное лицо. Это положительно необходимо также на случай ее поражения в мертвой схватке за власть с младшим братом Петром.

Царевна вспомнила о своем верном Василии Макарьеве, еще тогда не бывшим дьяком Большой казны[3]. Вспомнила, призвала и наказала: обо всем, что увидит в подземном Кремле нового, невиданного, небывалого, доложить ей и только ей одной. Для верности взяла с него клятву молчать о виденном до гробовой доски...

«ЗАМКИ ВИСЯЧИЕ». Дьяк Макарьев волен был выбрать любой пункт, откуда мог бы проникнуть в подземный Кремль.

Он выбрал Тайницкую башню. Почему? Не соблазнило ль его название башни? Мы не знаем. Но, конечно, одного названия ему было мало: он знал кое о чем более конкретном — о подземном тайнике из-под Тайницкой башни подо всем Кремлем к башне Собакиной у р. Неглинной. Где и как нашел он вход в тайник и что видел он на длинном пути от Тайницкой до Собакиной (Наугольной Арсенальной) башни?

Если бы, скажем, автору сих строк было поручено пройти по следам Макарьева, то маршрут был бы такой: на месте (ныне снесенного) четырехугольного отвода Тайницкой башни к Москве-реке разыскал бы и расчистил глубокий колодец с сухим дном. Колодец этот мнимый. На самом деле это потайной входной люк в подземный Кремль.

Через этот люк спасся от страшного пожара 1547 г. едва не задохшийся в дыму митрополит Макарий, по ученому делу засидевшийся над четьими-минеями в Успенском соборе. Когда его спускали в колодец на вожжах, вожжи оборвались и митрополит грузно рухнул... но не в воду, а на сухое дно.

Это — конкретно исторический факт, вместе с тем, ярчайшая иллюстрация, что мнимый колодец есть именно входной люк и не что иное.

Люк приводит в тоннель, идущий в противоположные стороны — под Москву-реку, с одной стороны, и к Успенскому собору, с другой стороны.

Дьяк Макарьев направился тем путем, что ведет к собору. Он мог выйти в собор и тем ограничиться, но личное любопытство, разбуженное всем виденным, повлекло его дальше под землей, мимо собора, по направлению к кремлевской Алевизовской стене вдоль р. Неглинной.

Дьяк Макарьев, один-одинешенек на большой глубине, шел все вперед, охваченный жутким чувством и еле освещая путь фонарем. На свет фонаря налетали тучи летучих мышей, то и дело задевая дьяка по лицу и рукам*.

Дьяк Макарьев походя, на глаз, установил ширину и высоту тоннеля (3 × 3 м). Дьяка повергло в немалое удивление плоское перекрытие тоннеля из белокаменных плит. Другая особенность тайника, дьяком подмеченная, что в своей части, параллельной кремлевской стене, он, одной левой своей стороной, просто примкнут к Алевизовской стене. И третья особенность — на известных промежутках под Алевизовской стеной Кремля сделаны пустоты или камеры (6×9 м) с коробовыми сводами. Одна из таких камер в районе Троицкой башни оказалась закрытой железной дверью с висячими замками и проемными «чепями». Вверху, над дверями, дьяк заметил два оконца без слюды, за железными решетками. Как-то приспособившись, Макарьев смог через решетки осветить внутренность камеры. Глазам его представилась необычная картина: камера до самых кирпичных сводов («до стропу») была загружена таин-

---

* В варяжских пещерах в Киеве, например, автор, делая фотоснимки в одиночестве одной рукой, другой был вынужден отбиваться от наседавших летучих мышей.— Примеч. авт.

ственными коваными ящиками! Что в них? Дьяк, конечно, не мог себе уяснить. Он был убежден в одном, что ящики были не пустые.

Дальнейший путь дьяка тоннелем вдоль Алевизовской стены привел его в башню «Тайник» (Собакину), в герметически закупоренное, со сферическим сводом, круглое помещение. Влево виднелась широкая кирпичная лестница вниз, на дно тайника, в кирпичном дне кругло чернела вода итальянской цистерны Солари. Прямо перед ним манило к себе узкое отверстие потайного хода в стене. Он поднялся по узким ступеням (до 18) и вышел на первый этаж круглой Собакиной башни. Там и тут по двухметровым стенам башни зияли большими отверстиями ниши.

Дьяк, оглядевшись, пошел по направлению к одной из них, выводившей в крепостной ров на Красной площади. Ныне ниша эта замурована; тогда она имела дверь. Спустившись на дно полувысохшего рва, кое-где еще блестевшего на солнце лужицами воды, дьяк Макарьев благополучно взобрался на противоположный берег рва и вступил в так называемый тогда Точильный ряд.

ТАЙНА ДО ГРОБА. Выполнив свою миссию с большим успехом, дьяк Макарьев предстал пред ясные очи царевны.

Дьяк подробно рассказал царевне обо всем им виденном. Его рассказ привел царевну в неописуемое волнение.

Ей ясно представилась перспектива: в случае поражения в борьбе с братом Петром она бежит новооткрытым подземным ходом в Замоскворечье, к стрельцам и далее по надобности; в случае победы она вскрывает сундуки с бесценными сокровищами ее предков, если не Романовых, то Рюриковичей.

— А если,— осенила ее новая мысль,— если в кованых сундуках не серебро и золото, не жемчуг и драгоценные каменья, а те... Лигаридовы «многие превосходные книги», о которых плачется Европа и разведать о которых то и дело засылает своих посланцев? — Пылкая фантазия умной правительницы рисовала перед нею в недалеком будущем самые соблазнительные, самые примечательные картины.

Она потребовала от Макарьева повторить рассказ, задала ряд вопросов и взяла еще раз клятву с дьяка доверенного — молчать обо всем виденном и хранить тайну до гробовой доски...

Царевна тогда не предвидела, что клятва, действительно, несмотря ни на что, будет сохранена в буквальном смысле до гробовой доски.

Глава VII
«ПОКЛАЖА»

ПЕСОК В ТАЙНИКЕ. Центральной фигурой XVIII в., связанной с подземным Кремлем и его сундуками, выступает звонарь с Пресни, упомянутый Конон Осипов. Чем был дорог ему Кремль? Многим, но особенно таинственными «сундуками до стропу», безраздельно пленившими воображение скромного пономаря с Пресни.

Никакого представления о царских библиотеке и архиве, как таковых, Осипов при этом не имел. «Сундуки до стропу» неизвестно с чем, неведомая «поклажа», бог весть когда и кем и ради чего туда запрятанная,— вот та кремлевская тайна, относительно которой умирающему другу был дан обет молчания.

Миновало уже пять лет со дня смерти Макарьева в 1697 г., но и в голову Осипову не приходило нарушить священный обет. Однако все его мысли были в Кремле, с загадочными подземными сундуками. И когда в 1702 г. Петр повелел расчистить от жилых домов, церквей и монастырей значительную площадь Кремля и неотступно копать глубокие рвы для фундаментов будущего Арсенала, Конон Осипов был тут как тут, пристально наблюдая за ходом земляных работ.

По-видимому, дьяк Макарьев в момент исповеди Осипову локализовал тайник, которым он прошел, и теперь Осипов точно знал, в каком направлении «рвы» могут на него «найти».

Действительно, траншея, перпендикулярная Алевизовской кремлевской стене, наткнулась на тайник, на его плитяное плоское перекрытие, оказавшееся на метр ниже дна осиповского «рва».

По личным наблюдениям и из информации знакомых рабочих Осипову было точно известно, что значительная часть тоннеля разрушена и заполнена белокаменным, на крепчайшем растворе, устоем Арсенала. [...]

И вот прошло уже свыше двух десятилетий, а пономарь все еще свято хранил тайну про себя. На 21-м году «колебнулся» и решил тайну поведать миру в лице царя Петра.

Какие соображения или какое стечение обстоятельств могло заставить его сделать это, мы можем только догадываться.

По-видимому, на Осипова глубочайшее впечатление произвел пример «черкешанина Михайловского», родом из г. Новый Мглин, очутившегося в аналогичных с Осиповым обстоятельствах. Михайловскому была поведана тайна клада Мазепы в Батурине и месторождений серебра и золота на Украине. Михайловский об этом написал доношение царю Петру в 1718 г.[1] Царь велел безотлагательно организовать проверочную экспеди-

цию, о результатах которой московский архивный документ не сообщает*.

«ДОНОШЕНИЕ». Пример Михайловского произвел неотразимое по силе впечатление на Конона Осипова. Последний усомнился в целесообразности хранения кремлевской тайны до гробовой доски. Как и названный «черкешанин», он решил поведать свою тайну [...] царю. Но до бога высоко, до царя далеко. Осипов решил прибегнуть к посредничеству. Долго думал, кого избрать в посредники. Наконец, остановился на Преображенском приказе, на его главе, «страшном» Ромодановском[2]. Последнему он изложил устно всю правду, рассказал обо всем, что поведал ему умиравший дьяк. Ромодановский, по-видимому, дал рассказу Осипова полную веру, так как тотчас собрался в Петербург к царю. Конечно, нет твердых данных утверждать, что побудительной причиной к отъезду было только услышанное; история говорит, что у Ромодановского на это были и другие соображения, все же нельзя отрицать большой доли влияния на экстренный отъезд Ромодановского и сообщения о новооткрытом кремлевском тайнике. Сначала обрадованный пономарь с нетерпением стал ждать результатов своей измены покойному другу. Ждал год и два, и целых четыре, а от Ромодановского ни слова.

Опять усомнился Осипов: видно, раздумал «страшный», видно, надо самому добиваться информировать царя. Но как? Через Канцелярию фискальных дел, подсказали ему.

Конон Осипов подал в декабре 1724 г. письменное «доношение» в Канцелярию фискальных дел, в котором писал:

> 1. «...Есть в Москве под Кремлем-городом тайник, а в том тайнике есть две палаты, полны наставлены сундуками [...]. А те палаты за великою укрепою, у тех палат двери железные, попереч чепи в кольцах проемные, замки вислые, превеликие, печати на проволоке свинцовые, и у тех палат по одному окошку, а в них решетки без затворок»[13].

Этот тайник под Кремлем-городом ныне уже не тайник: он вскрыт и обследован на энное протяжение в 1933—1934 гг. На этом протяжении он очищен от камня, земли и песка, какими был забит наглухо при постройке Арсенала в 1702 г. Тайник этот — итальянский, 3 × 3 м, белокаменный тоннель от Арсенальной башни до Тайницкой.

Потолок тоннеля плоский, из белокаменных плит, своей правой стороной тоннель приткнут к кирпичной Алевизовской стене Кремля, идущей вдоль Александровского сада. Где именно тоннель отрывается от Алевизовской стены и поворачивает к Тайницкой — трудно сказать, ориентировочно — в районе Троицкой башни.

---

* Моя «поверочная» экспедиция по следам архивного документа по поручению «Главзолота» в довоенное время привела к открытию россыпного золота в долине р. Роси и серебряных копей на Левобережье, под г. Переяславом.— Примеч. авт.

Две палаты, загроможденные сундуками до сводов,— это два смежных помещения, с коробовым сводом каждое, под Алевизовской стеной, вход в них — только из тайника-тоннеля, размером они точно 6 × 9 м. В сундуках, о которых говорил и писал Осипов, хранится царский архив Ивана Грозного. До него осталось пройти ныне, расчищая от песка тоннель-тайник, уже не так много. Сохранилась перечневая опись этого архива («Акты археографической экспедиции», № 289). Ящиков по описи насчитывается 230 — достаточно, чтобы загромоздить помещение до сводов. От этого царского архива Забелин был в восторге и ценил его превыше царской библиотеки Грозного. Забелин горько сожалел об утрате этого архива. «Утрата этих ящиков несравненно горестнее для русской истории, чем утрата всей библиотеки Грозного. Вот где было истинное наше сокровище, которое, сохранившись, могло бы пролить истинный и обширный свет на нашу историю от времен Батыя. В 148-м ящике здесь сохранились дефтери старые от Батыя и многих царей, с отметкою, что «переводу им нет, никто перевести не умеет». Здесь сохранились важнейшие бумаги великих и удельных князей и многих бояр. В 47-м ящике, например, грамоты докончальные и грамоты духовные и книги великих князей старых. Перечислить все драгоценнейшие памятники, хранящиеся в этих ящиках, нет возможности. Некоторые, например, 138-й ящик, с духовными грамотами московских князей, к счастью, сохранились, издавна и доныне сохраняются в архиве Мининдел. Это обстоятельство доказывает, что ящики были целы, быть может, еще в XVII столетии. Не о них ли оставалося предание от дьяка Большой казны Василия Макарьева? В особом тайнике они могли быть помещены для сохранения именно от пожаров»[4].

Вот тирада, наводящая на многие размышления... Что «сундуки» Конона Осипова, а «ящики» Забелина заполнены не книгами библиотеки Грозного, а документами его архива, это не может подлежать сомнению. Свой архив, по его ценности, Грозный ставил гораздо ниже своей библиотеки. Он приспособил для него одно или два смежных помещения описанного выше типа, приставил железные двери, надежно запертые тяжелыми замками вышеуказанным способом, и устроил вверху два оконца за железными решетками, без «затворок», т. е. без ставень для постоянного притока «свежего» (насколько таковой в тайнике может найтись) воздуха, что было одним из основных условий для элементарного сохранения не пергаментных уже, а большею частью простых бумажных документов. Такое оборудование готовых сводчатых камер под Алевизовской стеной придумал именно Грозный для своего царского архива, и никто другой ни до, ни после него. Доступ в архив был сравнительно легок: нужны были только ключи, хранившиеся при Грозном, по-видимому, у дьяка Висковатого. Приемлемо допущение Забелина, что архив Грозного еще сохранялся в XVII в. и не только «сохранялся», но и не раз, быть может, открывался как для поисков хранившихся в сундуках архивных документов, так и из-за простого только любопытства высокопоставленных лиц. Не исключено, что так тянулось вплоть до начала XVIII в., когда фундамент Арсенала перегородил и частично разрушил тоннель. Вода из родника на дне Арсенальной башни, поднявшись, за неимением выхода, до самой белокаменной, на растворе загородки Арсенала, проникла сквозь раствор в стене, прошла по дну тайника и затопила на метр фундамент Арсенала. Неизбежная отсюда сырость в тайнике, следовательно, и в палате с архивными сундуками и с окошками, не защищенными ставнями, могла отразиться крайне гибельно на бумажных документах. Не исключено также, что мы найдем в архивных сундуках или ящиках одну бумажную труху. Уже одно это серьезное опасение заставляет нас подумать о мерах скорейшего спасения этого хрупкого бумажного сокровища...

Непонятно, почему Забелин ставил так развязно эту возможную бумажную труху неизмеримо выше пергаментных и других рукописей и книг, частично в золотых переплетах, безусловно, прекрасно сохранившихся благодаря сухости в герметически закупоренном веками помещении? Если архив — сокровище

русской истории, то библиотека — драгоценное достояние всего грамотного человечества!

Доступ в библиотеку всегда был бесконечно труднее, чем в архив, потому что книгохранилище было защищено не только такими же дверями и замками, как архив, но еще снаружи и замуровано. Размуровывать и открывать тяжелые замки, ключи от которых, к тому же, могли случайно запропаститься, было чрезвычайно сложно и канительно, почему Грозный и предпочел пойти, ради Веттермана, по линии наименьшего сопротивления — проломать свод каземата. [...]

Так, как перезревший плод, сама собою падает теория Забелина о роковом всепожирающем пожаре 1571 г., якобы сгубившем слитые в одно библиотеки и Грозного и Софии Палеолог.

Ясно, как день, что и архив и библиотека перешли в XVII в. в полной неприкосновенности.

Но, может быть, обе эти драгоценные «поклажи» сожгли интервенты-поляки, как утверждает профессор Клоссиус в своей знаменитой статье за июнь 1834 г. в ЖМНП[5]?

Скороспелое утверждение Клоссиуса долго, целых сто лет, морочило головы непосвященных...

Сам собою огонь не мог проникнуть в глубокий «макарьевский» тайник-тоннель. Допустим, его туда занесли польские поджигатели с пылающими факелами[6]. Но поджигать там было нечего — кругом один камень и кирпич. Допустим, что они приметили оконца без затворок и что ухитрились бросить огонь внутрь палаты. Если там находились осиповские кованые сундуки, им это было нипочем, а если забелинские «ящики» — они могли сгореть. Но этого не случилось: дьяк Макарьев семьдесят лет спустя видел их лично целехонькими! [...] Так что библиотека и архив Грозного дошли до нас в полной неприкосновенности. Наша задача — лишь суметь изъять то, что само дается в руки.

> 2. «А ныне тот тайник завален землею за неведением, как веден ров под Цехаузный двор (Арсенал.— И. С.), и тем рвом на тот тайник нашли, на своды, а те своды проломали и проломавши насыпали землею накрепко»[7].

Дно траншеи для фундамента, веденной в направлении от Никольской башни к Арсенальной, оказалось на метр выше плоского, из белокаменных плит, потолка итальянского тайника-тоннеля. Потолок вскрыли и через образовавшееся в тайнике отверстие стали доставлять материалы, необходимые по ходу дела. Направо, по входе через отверстие в тайник, поставлялись белокаменные глыбы для сооружения на растворе знаменитого арсенального «столба», загородившего со стороны источника вход в макарьевский тайник, и на каменную лестницу в стене, ведущую на первый этаж Арсенальной (Собакиной) башни.

Когда устой Арсенала был возведен, тем же манером, строительным речным песком, а потом и «землею накрепко»,— Конон Осипов о засыпке песком не упоминает. Неизвестно пока, доведена ли засыпка тайника песком до архива Грозного в палатах с окошками «без затворок» или оный архив остается доступным со стороны башни Тайницкой. Такова подлинная картина с осиповским рвом под цехаузный двор. [...]

> 3. «И о тех он палатах доносил в [1]718 году ближнему стольнику князю Ивану Федоровичу Ромодановскому на словах, в Москве, в Преображенском приказе. И велено его допрашивать, почему он о тех палатах сведом? И он сказал: стал сведом от Большия казны от дьяка Василья Макарьева; сказывал он, был де он по приказу благоверныя царевны Софии Алексеевны посылан под Кремль-город тайник и в тот тайник сошел близь Тайницких ворот, а подлинно не сказал, только сказал подлинно [...] к реке Неглинной в Круглую башню, что бывал старый Точильный ряд. И дошел оный дьяк до вышеупомянутых палат и в те окошка он смотрел, что наставлены сундуков полны палаты; а что в сундуках, про

то он не ведает; и доносил обо всем благоверной царевне Софии Алексеевне и благоверная царевна до государева указу в те палаты ходить не приказала»[8].

О романтическом путешествии дьяка Макарьева по пустынному итальянскому тоннелю и о выходе его в старый Точильный ряд в Китай-городе, где ныне Исторический музей, в своем месте нами рассказано. Здесь нас интересует другое: информационный доклад разведчика-спелеолога царевне Софье обо всем им виденном и то, как царевна на эту захватывающую информацию реагировала: «...царевна до государева указу в те палаты ходить не приказала».

Итак, царевна Софья приказала в новооткрытые таинственные палаты с загадочными сундуками не ходить, но чтобы о них никогда и никому не говорить, такого приказа от нее не было. Стало быть, дьяк Макарьев, сообщая на смертном одре Конону Осипову о своей исторической тайне, был волен сделать это, не нарушая никакой клятвы. Он свято блюл клятву не ходить в те палаты и не ходил целых 15 лет. [...]

Осипов рассказал о своем секрете Ромодановскому устно. Возможно, Осипов искал у Ромодановского только совета, как о своей тайне довести до ведома царя. По-видимому, преображенский Торквемада[9] обещал пономарю с Пресни, что доложит обо всем царю лично, для чего и выехал тотчас в Петербург. Однако открытие Макарьева представлялось ему слишком серьезным, чтобы не принять известных мер охраны.

4. «А ныне в тех палатах есть ли что, или нет, про то он не ведает, потому что оный дьяк был послан в 90-м (1682 г.— И. С.) году. И князь Иван Федорович по допросу приказал с подьячим послать под тайник осмотреть и, приказавши, из Москвы отбыл в Санкт-Петербург»[10].

Ромодановский приставил к обладателю тайны Осипову подьячего в качестве своего доверенного агента-информатора о положении дела с «поклажей» в Москве. Приказание же «с подьячим тот тайник осмотреть» было дано ради красного словца. Ромодановский не мог не понимать, что Арсеналом доступ в тайник безнадежно закрыт, что тут нужны большие раскопки, что на такие раскопки нужно царское слово.

По всей видимости, за таким словом он лично и поехал в Петербург, но дорогой почему-то передумал: ни словом перед царем не заикнулся о кремлевском кладе и молчал целых шесть лет, пока предприимчивый пономарь не оказался выведенным из себя такой бессовестной проволочкой. Осипов решил обратиться непосредственно к царю. Лично выехал в Петербург и в начале декабря 1724 г. представил письменное доношение, но не царю, а в Канцелярию фискальных дел, как требовалось по положению.

Канцелярия признала дело настолько значимым, что немедленно передала доношение в Сенат. Сенат признал последнее бредом сумасшедшего, тем не менее увидел себя вынужденным информировать царя. Петр, едва выслушав, с жаром ухватился за сообщение и приказал изумленному Сенату немедленно дать делу «полный ход». «Выслушав доношение в Сенате,— читаем у Забелина,— он собственной рукой написал на нем тако: «Освидетельствовать совершенно вице-губернатору»[11] (московскому Воейкову).

Немедленно было дано распоряжение снарядить пономаря в экспедицию в Москву: подыскать для него «ямскую подводу» от Петербурга до Москвы и выдать «прогонные деньги, а ему кормовые» по гривне на день до тех пор, пока это дело освидетельствуется, причем, к московскому вице-губернатору Воейкову послать указ, «чтобы он освидетельствовал о той поклаже без всякого замедления, дабы пономарю кормовые деньги даваемы туне не были».

Через неделю с небольшим после подачи доношения, а именно 14 декабря 1724 г., Конон Осипов спешно отбыл в Москву с царским указом и с «карт блянш» на производство поисковых раскопок в Кремле, в любом месте, по личному указанию пономаря.

«Как начинались и чем окончились эти поиски пономаря,— замечает

Забелин,— Сенату не было известно, быть может, по той причине, что с небольшим через месяц после сенатского решения государь скончался 28 января 1725 г. Подобные дела могли в это время остановиться в своем движении»[12].

Так вообще «могло быть» и так действительно было в 1894 г. в случае с Н. С. Щербатовым, раскопки которого в Кремле смертью Александра III были прерваны сразу и надолго. Но не так сталось в данном случае, за 170 лет перед Щербатовым: поиски поклажи в Кремле производились Осиповым и после смерти царя...

5. «Повелено было мне под Кремлем-городом в тайнике оные две палаты великие, наставлены полны сундуков, отыскать, и оному тайнику вход я сыскал, и тем ходом итить стало быть нельзя»[13].

Почему? Потому что при постройке Арсенала тот ход проломали и заделали каменными «столпами».

В этих немногих словах содержится очень много. «Оному тайнику,— говорит Осипов,— вход я сыскал». Где же он, этот «вход»? Из контекста неясно, но совершенно ясно в результате произведенных уже там советских поисков. Имея «карт блянш», пономарь остановился прежде всего на Угловой Арсенальной башне. Почему? Да потому, что он отчетливо помнил, как 23 года тому назад, «как веден ров под Цехаузный двор, тем рвом на тот тайник нашли, на своды, а те своды проломали»... Для Осипова было совершенно ясно, что тайник этот подлинно макарьевский: стоит пробиться в него через столп Арсенала и — «поклажа» в кармане! Но — «тем ходом итить стало быть нельзя», пока не пробит проход в белокаменной стене устоя Арсенала.

Все ясно, как день, но Забелин в «ученых потемках» двигается ощупью: «По-видимому, эти поиски производились у (sic!) Арсенальной кремлевской стены в (sic!) круглой Наугольной башне, под которой устроен был тайник к Неглинке (sic!), для добывания воды (sic!) еще в 1492 г., когда построена была и самая башня, называвшаяся потом «Собакиной»[14].

Круглая Наугольная башня в советское время была расчищена до дна, но никакого тайника к Неглинке в ней не оказалось. Да в нем и надобности не было, как не было нужды в добывании воды из Неглинки: в центре Арсенальной башни имеется собственный родник — вдобавок минеральный — необычайной силы, борьба с наступлением которого в послеарсенальный период (после разрушения Арсеналом старинных водоотводов) составляла предмет тяжелых забот всех русских правительств от Анны Ивановны до Александра I включительно. [...]

Что же тем временем делал Конон Осипов, первоочередной задачей которого было найти макарьевский тайник? Искал способов проникнуть в подземелье Арсенальной башни, герметически закупоренное фундаментами Кремля. Задача была не из легких. Наконец, нашел: нащупав купол подземелья, проломал его, проделал дыру — человеку пролезть. Была опущена длиннейшая двусоставная деревянная лестница, в воде достававшая дна подземелья. Спустившись к воде, Осипов и его спутники перебрались как-то на верхние ступени итальянской кирпичной лестницы, ведшей ранее к цистерне, как отмечено, на дне. За 22 года со времени уничтожения водоотводов Арсеналом вода залила дно подземелья и успела подняться до верхних ступеней упомянутой лестницы. Осипов пошел к устью макарьевского тайника, на шестом метре перегороженного белокаменным устоем Арсенала. Конон достоверно знал, что на энном метре тайник поворачивает вправо, вдоль кремлевской стены. Выбрасывать всю белокаменную замуровку Арсенала Осипов не собирался: он находил достаточным проделать узкую, в рост человека, щель между замуровкой и кремлевской стеной, чтобы, таким образом, попасть в пустой отрезок тоннеля, где и должна находиться палата с сундуками.

Неожиданно против плана Конона Осипова запротестовал приставленный к нему архитектор: дескать, проект неприемлем с точки зрения принципов техники безопасности!.. Конечно, сам архитектор понимал нелепость своего требования, но он вынуждался к этому по другим, чисто шкурническим, сообра-

жениям: его пугала канительная процедура выноса каждого обломка камня через воду по высочайшей лестнице на первый этаж башни, откуда окольными путями на кремлевскую стену, чтобы с нее, наконец, сбросить камень в Александровский сад... Ни об одном из этих затруднений не упоминает Осипов в своем доношении. Он только пишет:

6. «И я о том докладывал Воейкову, и оный Воейков приказал быть у того дела того (Цехаузного.— И. С.) двора архитектору, чтобы итить ходом потайным, показанным прямо подле города (вдоль Александровского сада.— И. С.). И оный господин Воейков приказал для охранения городовой стены, также и Цехаузного двора, как покажет идти архитектору»[15].

Из приведенного отрывка доношения Осипова ясно, что вице-губернатор солидаризировался с архитектором в его «архитекторском запрещении»; вместо того, чтобы изыскать иные, более легкие и менее сложные пути к удалению щебня и других отбросов в процессе работ из тайника наружу. Между тем столь необходимый выход напрашивался сам собой: дверь в южной стене башни, выводившая в Александровский сад, на высоте метров четырех от тогдашнего уровня воды в тайнике. Эта дверь, хотя была, возможно, замурована, но не была засыпана изнутри мусором, как это было уже в мое время, т. е. в 30-е гг. XX в.

Таким образом, вина в нелепом «архитектурном запрещении» падает не только на архитектора, но в равной степени и на представителя администрации Москвы Воейкова.

Далее Осипов рассказывает про архитектора что-то несуразное:

7. «И оной архитектор приказал новые столпы пробивать срединою, а подле стены итить не дал, как тот ход шел, и вышел в материк (!) прямо к городу. А тот вышепоказанный ход, что вышел из круглой башни, теми столпами уничтожен, потому что те двери под город теми новыми столпами заделаны и не дал в том потаенном ходе оный архитектор позволения. И той пробивке (т. е. «срединою».— И. С.) было полгода и больше, а мне было в том архитекторском запрещении и вице-губернаторском Воейковым непозволении учинилось продолжение не малое, а мне причитали в вину и отказали»[16].

Такова исследовательская трагедия спелеолога-кустаря XVIII в., им самим рассказанная.

В приведенной выдержке вызывают недоумение три обстоятельства. Во-первых, если архитектор запретил Осипову пробивать проход между кремлевской стеной и замуровкой по соображениям техники безопасности, то почему же последнюю он объявил не обязательной при собственной пробивке замуровки «срединою». Во-вторых, если он решился на пробивку, то идти «срединою» было всего менее целесообразно, при таком подходе он не мог попасть ни на лестницу в стене налево, ни в макарьевский ход направо. И действительно, только через полгода работы он вышел в материк прямо к городу (стене). В-третьих, куда и как удалял он из подземелья щебенку и обломки камня, накоплявшиеся в процессе его работы? Но самое удивительное, самое загадочное то, что ни малейших следов подобного рода работы в подземелье нет! Белокаменная замуровка, «столпы» Арсенала перед нами — во всей своей первобытной неприкосновенности. Только в центре ее — четырехугольное углубление 16 × 8 × 4 см — след чьей-то в веках попытки пробиться в макарьевский тайник...

И еще более удивительно, что на полугодичную архитекторскую, неведомо где, пробивку Осипов ссылается как на конкретный факт, вызвавший непроизводительную трату драгоценного времени.

Ответственность за чужую вину была несправедливо возложена на исследователя, и многообещающие по своим конечным результатам работы Конона Осипова были недальновидно прекращены, очевидно, по соображениям, главным образом, чтобы кормовые пономарю не шли «туне».

Так первая государственная попытка отыскать в Кремле загадочную «поклажу» (архив Грозного) свелась к нулю. И не потому, что исследователь оказался не на высоте, а потому, что светлое дело одолели темные силы.

Пономарь затих. Надолго, на целых десять лет. Время шло. Пришла старость. Тревога и страх томили сердце пономаря: умереть, не отыскав поклажи! И он решился, 13 мая 1734 г. обратился к правительству Анны Ивановны с предложением:

> «дать ему повелительный указ, чтобы те помянутые палаты с казною отыскать, дабы напрасно оный интерес не пропал втуне, потому что он, пономарь, уже при старости»[17].

Здесь привлекают внимание три обстоятельства:

а) «палаты с казною». Осипов впервые высказывает суждение о содержимом «сундуков до стропу». По его мнению, они наполнены драгоценностями, могущими очень и очень пригодиться государству. Последнее прямо заинтересовано их отыскать. Отсюда —

б) «оный интерес» — государственный интерес. Об общем, государственном интересе, интересе Родины печалуется пономарь, а не о шкурном, личном, как думает А. Зерцалов[18], а за ним и И. Е. Забелин. «Отставной пономарь,— замечает Забелин,— видимо, был человек предприимчивый. В 1718 г. он занимался по подряду в казну изделием каких-то гренадерских медных трубок, которых не успел доделать на 20 пудов»[19];

в) Забелин, опять же вслед за Зерцаловым, ошибочно называет Конона Осипова пономарем «отставным». Между тем в приведенной выдержке Конон Осипов еще в 1734 г. называет себя «пономарем», т. е. состоящим на действительной службе в качестве пономаря церкви Ивана Предтечи на Пресне. Следовательно, основной заработок Осипова был по должности пономаря, а выработка трубок — подсобным, ради которого ему не было смысла выдумывать нелепую сказку о фиктивной поклаже, как то утверждает А. Зерцалов. Осипов просил названное правительство послать его к работе:

> «...в самой скорости, чтобы земля теплотою не наполнилась; и к той работе дать ему из Раскольнической Комиссии арестантов 20 человек беспременно до окончания оного дела и повелено б было оное ему отыскивать в четырех местах. А ежели я что учиню градским стенам какую трату и за то повинен смерти»[20].

Заслушав в тот же день, 13 мая 1734 г., и вторично — 5 июня доношение пономаря, Сенат определил «взять у него доношение на письме: в каких именно местах поклажи имеются». Осипов указал такие места:

> «В Кремле-городе: 1) от Тайницких ворот; 2) от Констянтиновской Пороховой палаты (близ церкви Константина и Елены.— И. С.); 3) под церковью Иоанна, Спасителя Лествицы; 4) от Ямского приказу поперечь дороги до Коллегии иностранных дел (близ Архангельского собора.— И. С.).
>
> А что от которого по которое место имеет быть копка сажень и аршин, того он не знает. А та поклажа в тех местах в двух палатах и стоит в сундуках, а какая именно поклажа, того он не знает. А с прошлого [1]724 г., как он о той поклаже подал доношение в Канцелярию фискальных дел и по указу из Сената велено о том освидетельствовать, он, Конон, по нынешнее время не доносил, чая, что по тому из Сената указу свидетельство исполнится»[21].

Понятие «прошлый» Осипов применяет здесь не в смысле «вчерашний», «предыдущий», а в смысле прошлый вообще, в данном случае, десять лет тому назад (1724—1734 гг.). Десять лет тщетно он ждал, что его привлекут к выполнению сенатского указа, который, по его мнению, с течением времени не терял своей силы. Разрешение правительства Анны Ивановны на раскопки в Кремле им было получено. Раскопки он произвел в следующих пунктах:

1. У Тайницких ворот на Житном дворе, подле набережных всех палат.

2. На площади против Иностранной коллегии (за Архангельским собором), где погреба каменные нашлись.

3. Против Ивановской колокольни вдоль площади.

4. У цехаузной стены в круглой башне.

5. У Тайницких ворот, близ Рентереи[22].

«И той работы было немало, но токмо поклажи никакой не отыскал»,— докладывал Присутствию Сената сенатский секретарь Семен Молчанов*. Только в двух местах из указанных пяти раскопки Конона Осипова являлись целесообразными и вполне отвечающими своей цели: в Круглой Арсенальной башне и в Тайницких воротах, особенно в первой.

К сожалению, никаких сведений о его работах здесь мы не имеем. В частности, в Арсенальной башне он ничего не сделал. По-видимому, его работы здесь ограничились руководством по засыпке мусором источника, вода которого поднималась все выше и уже сильно стала беспокоить правительство названной царицы. Под его же руководством и по его же инициативе, надо думать, сооружен и колодезный сруб, впервые тогда опущенный на мусорный слой в полтора метра.

Наиболее благодарными оказались его раскопки в Тайницкой башне, где им был открыт тот самый ход, каким прошел в 1682 г. дьяк Макарьев; ход оказался сильно обветшавшим со времени похода Макарьева, он требовал основательного крепления. Нужен был лес. Этим воспользовались приставленные к нему для помощи завистники-дьяки Нестеров и Былинский, чтобы подставить «ножку» пономарю, они отказались доставить необходимый материал. Это было преступлением против правительственного указа и культуры, оставшееся безнаказанным. Ни с какой стороны не был к нему причастен Конон Осипов — эта жертва людской зависти, клеветы и невежества.

Об этом трагическом моменте в своей жизни Конон Осипов вещает со спокойствием летописца:

> «И дьяки Василий Нестеров, Яков Былинский послали с ним подьячего Петра Чичерина для осмотра того выхода и оной подьячий тот выход осмотрел и донес им, дьякам, **что такой выход есть**, токмо завален землею. И дали ему капитана для очистки земли и 10 солдат [...] и две лестницы обчистили и стала земля валиться сверху, и оный капитан видит, что **пошел ход прямой** и послал отписку, чтоб дали дьяки таких людей, чтоб подвесть под тое землю доски, чтобы тою землею людей не засыпало. **И дьяки людей не дали и далее идти не велели**, и по сю пору не исследовано»[23].

Свидетельство исключительной важности: оно удостоверяет наличие и открытие макарьевского тайника с двух сторон: со стороны Тайницкой башни в 1734 г., со стороны башни Круглой Арсенальной в 1934 г.

Положительно нужно удивляться, почему И. Е. Забелин и Н. С. Щербатов не обратили никакого внимания на это замечательное место в доношении Конона Осипова: оно неопровержимо верно указывало, откуда надо было начать раскопки в Кремле в 1894 г., чтобы вскоре же и наверняка, в первую голову овладеть царским архивом Грозного, как более доступным. [...]

Непростительная ошибка Забелина не только в том, что он сразу же не направил изыскательские работы Щербатова на Тайницкую башню, а и в том, что он осиповские поисковые в Кремле работы 1734 г. приурочивает к 1724 г., чем производит в головах читателей сумбур и неразбериху.

«Мы видели,— справедливо замечает академик А. И. Соболевский,— что пономарь не нашел искомого сокровища. Из этого не следует, чтобы его во время поисков уже не существовало. Свидетельство дьяка Макарьева достаточно ясно и определенно и не дает повода к сомнениям. Энергия пономаря показывает, что он вполне верил дьяку.

---

* Архив Министерства юстиции. Дело Правительственного Сената по Монетной канцелярии. Кн. № 4/1718.— Примеч. авт.

Царь Петр не сделал никаких замечаний и не выразил ни малейшего скептицизма по поводу «доношений» пономаря. Это удостоверяет, что в его царствование никаких сундуков не вынималось из подземных палат и не переносилось в другое место. После Петра некому было опустошить эти палаты. Итак, они со своими сундуками должны еще существовать в том или другом виде, засыпанные землей или совсем невредимые, и от нашей энергии и искусства зависит отыскать их. Конечно, возможно, что найдется лишь груда гнилья, но столь же возможно, что роскошные греческие пергаменты и дефтери Батыя окажутся сохранившимися не хуже того, что, повалявшись несколько столетий в сырых монастырских кладовых, дошло, наконец, до нас. Во всяком случае, дело не должно быть оставлено без внимания. Раскопки, произведенные под руководством такого знатока старой Москвы, как И. Е. Забелин, не получат огромных размеров и не потребуют особенно больших издержек, но смогут дать такие результаты, которые теперь нам трудно даже представить»[24].

Пламенные мечты академика-энтузиаста архивный скептик А. Зерцалов расхолаживает и сводит на нет, когда предупреждает в своей статье: «... не доверять рассказу Конона, так как он придумал весь свой заманчивый рассказ о таинственных тайниках, имея в виду заинтересовать им правящие сферы и отклонить от себя взыскание казенного долга»[25].

В обоснование своей собственной выдумки А. Зерцалов приводит соображения: «Трудно допустить, чтобы дьяк Макарьев, знавший о палатах с 1682 г., несмотря на запрет правительницы, стал сообщать об этом посторонним лицам и прежде всего какому-то безвестному пономарю»[26].

В 1735 г. Конон Осипов, по Зерцалову, «попал под амнистию»: недоимка была снята, и он мог передохнуть, наконец, от многолетних, на обмане якобы державшихся, кремлевских работ. Но что мы видим? В июле 1736 г. Осипов опять просил разрешить ему искать знаменитую поклажу, для чего нарядить рабочую силу в шесть человек, выдать две железные кирки, один лом, десять лопат и 50 кульков. Раскопки 1736 г. не состоялись, очевидно, за смертью не менее знаменитого, как и его поклажа, искателя[27].

Широкие круги русской, а тем более зарубежной общественности XVIII в. были далеки от посвящения их в кремлевские подвиги пономаря с Пресни; все это предприятие было придворной тайной. Со смертью активиста-кладоискателя, кроме архивных, все следы его исчезли, бесследно канули в Лету.

С особой силой память о поклаже XVIII в. вспыхнула в ученой Москве лишь полтораста лет спустя, когда дело поисков забытой кремлевской поклажи попало в самом начале XIX в. в нетвердые руки тогдашнего директора Исторического музея Н. С. Щербатова.

Глава VIII
КАМЕНЬ В ВОДУ

ВНЕЗАПНЫЙ ВИЗИТ. Из Страсбурга неожиданно явился в Москву в 1891 г. доктор Тремер. Своей целью он ставил нечто ошеломившее ученых: отыскать в Московском Кремле библиотеку Грозного! Да не как-нибудь, а как раз путем раскопок, единственно, надо признать, правильным путем. Москва, осо-

бенно ученая, не верила глазам своим: иноземный ученый, в Москву, искать, даже раскапывать какую-то мифическую подземную библиотеку Грозного в Кремле!..

Тремер, видимо, тщательно изучил вопрос о библиотеке у себя дома: в Москву он явился со строго, заранее выработанным планом: разыскать в Кремле церковь Лазаря[1], а под ней уже — библиотеку Грозного! Последняя служила основной целью его приезда. Для отвода глаз он объявил, что приехал искать в архивах Москвы недостающую начальную часть рукописи «Илиады» Гомера. Дело в том, что немецкий ученый профессор Маттеи в конце XVIII столетия оторвал от этой рукописи ровно половину, которую и продал в Лейден. Там она получила название «лейденской». Теперь эта «лейденская» рукопись пришлась слово в слово, строчка в строчку к рукописи, находившейся в Москве.

Московские ученые круги лишь ухмылялись про себя в бороды, много с ним спорили, особенно С. А. Белокуров, но, в общем, отнеслись к нему лояльно и не мешали произвести, с высочайшего соизволения, в Кремле раскопки, которые он заблаговременно себе наметил. Подземную церковь Лазаря Тремер нашел, а в ее подвале — бочки со смолой и склад дров Забелина... Дальше не пошел и, разочарованный вконец, уехал. Тем не менее он остался при глубоком внутреннем убеждении, что библиотека Грозного продолжает существовать в неприкосновенном виде в подземельях Кремля. На эту тему он написал статью, носившую характер сенсации, под заглавием «Библиотека Иоанна Грозного»:

«Почти столетие прошло с того времени, как московский профессор Фр. Хр. Маттеи (Matthaei) открыл ученому миру сокровища Московской Синодальной библиотеки, издав свой обширный каталог греческих рукописей этого замечательного книгохранилища, с тех пор эта библиотека составляет предмет всеобщего внимания специалистов, хотя только немногим из них удавалось проникнуть в ее стены, столь отдаленные от главных центров научной жизни.

Зато не было до сих пор случая, чтоб издалека прибыл в Москву филолог для того, чтобы искать и найти себе главное поле деятельности не в Синодальной библиотеке, а в других книгохранилищах Москвы. [...]

В этом случае дело идет не о таких научных исследованиях, которые заслуживают внимания только небольшого кружка специалистов, а о забытом сокровище, потеря которого должна печалить весь образованный мир и открытие которого обогатило бы Россию новою славой.

ДОГАДКИ И ФАКТЫ. Прежде всего, я позволю себе сказать несколько слов о причинах, побудивших меня с Рейна отправиться на берега Москвы-реки.

Когда летом 1890 г. я читал в Страсбургском университете о гимнах Гомера, мне приходилось обсуждать драгоценную рукопись лейденской библиотеки, происхождение и история которой были совершенно неизвестны. Эта рукопись, которая, кроме нескольких песен «Илиады», заключает в себе гимны Гомера в более полном виде, чем всякое иное собрание, была открыта названным

профессором московского университета Маттеи в 1777 г. в Москве и копия с нее была тотчас послана им голландскому филологу Рункену (Ruhnken). Последний опубликовал ее в 1780 г., в предположении, что оригинал находится в Московской Синодальной библиотеке. На самом деле оказалось, что профессор Маттеи позже (1786 г.) продал оригинал этой рукописи лейденской библиотеке и при этом заявил, будто сам купил этот оригинал из частной библиотеки коллежского асессора Карташева. Тем не менее заявление Рункена было повторено другими, и в особенности в России твердо установилось мнение, что Маттеи украл упомянутую рукопись из Синодальной библиотеки... [...]

Такое мнение, однако, ошибочно.

Тот же самый Маттеи прислал Г. Гейне, для его издания Гомера 1801 г., сообщение, что в Московском Государственном архиве Министерства иностранных дел in folio XIV столетия заключает в себе «Илиаду» с 1-й песни до 434-го стиха VIII песни. Между тем лейденский кодекс точно так же, как рукопись in folio XIV столетия и начинается с 435-го стиха той же VIII песни «Илиады», т. е. как раз там, где оканчивается упоминаемая Гейне рукопись архива Мининдел.

Таким образом, вполне точно установлено происхождение лейденской рукописи из Московского архива Мининдел, который, следовательно, отныне входит в круг интересов классических филологов: в самом деле, если лейденская рукопись вышла из этого архива, то филология должна была постараться исследовать, каким образом этот перл древнегреческой литературы смог очутиться в собрании дипломатических актов новейшего времени.

В ответ на этот вопрос я нашел в Dictionair Namismatiguc[2] русского нумизматика Бутковского[3] важные указания.

В этом словаре упоминается о сообщении покойного директора архива князя Оболенского[4], который говорил, что найденная профессором Маттеи рукопись с Гомеровскими гимнами происходит из библиотеки великой княгини Софии Палеолог и что для этой, по тому времени очень обширной библиотеки был в царствование внука Софии Палеолог, Иоанна IV, составлен в 1565 году каталог дерптским пастором Веттерманом.

О том, где Маттеи нашел эту рукопись царской библиотеки, князь Оболенский ничего не сказал, во всяком случае, он, согласно распространенному в России мнению, имел в виду Синодальную библиотеку. Но тех, для которых связь лейденской рукописи с рукописью архива Мининдел была вне всяких сомнений, заметка князя Оболенского должна была прямо озадачить. Если лейденская рукопись вышла, чего князь Оболенский даже не подозревал, из его собственного архива, то архив становился, таким образом, хранилищем сокровищ Иоанна Грозного. Не укрылось ли какое-нибудь из этих сокровищ от внимательного взора Маттеи?

Чтоб убедиться в этом, я отправился в Россию.

В Петербурге я познакомился прежде всего с источником, из которого князь Оболенский почерпнул свои сведения. Этим источником оказалась статья дерптского профессора Клоссиуса, появившаяся в ЖМНП в 1834 г., оставшаяся на западе неизвестной (?) и озаглавленная «Библиотека великого князя Василия IV и царя Иоанна IV». Мы не будем касаться подробностей этой превосходной статьи, так как это завело бы нас слишком далеко, и вкратце напомним из нее только следующие выводы.

Уже великий князь Василий IV имел богословскую библиотеку, которая возбудила удивление Максима Грека; его сын Иоанн IV владел обширным собранием греческих и латинских рукописей, которые дерптский пастор Веттерман рассмотрел между 1565 и 1567 гг.; позже какой-то Anonimus, во всяком случае не упомянутый Веттерман, как предполагает ошибочно Клоссиус, имел продолжительное время в своих руках эти рукописи и перевел из них на русский язык Ливия и Светония. Список Anonimus определяет состав всей библиотеки в 800 рукописей, между которыми такие сочи-

нения, как речи и сочинения Licinius Calous, которые в ином месте нигде не находятся, сочинения Цицерона De republica, история Тацита и Полибия и другие, вызывают наше величайшее удивление. И эта библиотека хранилась «в тройных сводах близ комнаты царя», она составляла наследственное достояние царя и оставалась там до той минуты, когда своды были вскрыты для осмотра Веттерманом библиотеки, сокрытой в тайнике «сто и более лет».

Так как открытие этого сокровища «распространило бы из России в Европе времена Петрарки, Боккаччио, Филадельфа и Медичи», то Клоссиус производил усердные исследования об их местонахождении, но совершенно безуспешно. Он закончил эти исследования грустным предположением, что библиотека Иоанна погибла во время кремлевского пожара в 1626 г., или при разграблении Кремля поляками в 1611 г., или еще раньше.

Поиски Клоссиуса ограничились библиотеками Синодальной и Александровской Слободы, и со времени отрицательных этих поисков завеса, покрывающая судьбу затерянной библиотеки, никем не приподнималась.

Рассказанная выше история лейденской рукописи давала, казалось бы, новую точку опоры. В архиве Мининдел до сих пор не были произведены поиски, а между тем из него вышла в конце прошлого столетия драгоценная рукопись, равная по важности с теми сокровищами, которыми свидетели XVI столетия восхищались в царской библиотеке.

В то же время мне удалось установить, что Маттеи имел случай видеть в архиве Мининдел не только обе рукописи Илиады, о которых упоминает Гейне, но также две рукописи на пергаменте четырех евангелистов и Григория Назианского[5] (sic!). Наконец, из разбросанных заметок Маттеи оказалось, что он сам владел собранием греческих рукописей, о происхождении которых он умалчивает.

Ничего не было проще, как предположить, что эти рукописи такого же происхождения, как лейденская рукопись, другими словами, что тщетно разыскиваемая Клоссиусом библиотека, хотя бы только в остатках, хранится в архивах Мининдел.

Такие исследования заставили меня не откладывать поездку в древнерусскую столицу. С большим ожиданием вступил я в залы архива, на ту почву, которая меня должна была приковать к себе в продолжении нескольких месяцев. [...]

Какого же рода были результаты моих поисков в архиве? Действительно, в библиотеке архива я нашел не только рукопись «Илиады», которая некогда составляла вместе с лейденской рукописью одно целое, но с великой радостью и удивлением нашел я здесь значительную библиотеку греческих и латинских рукописей (всего 43 номера).

Мне, однако, очень скоро пришлось убедиться, что ни одна из этих рукописей не может происходить из затерянной и отыскиваемой мною библиотеки царя Иоанна Грозного.

О греческих и латинских рукописях архива я помещу подробные данные в особой статье, которая должна скоро появиться, здесь же достаточно привести тот факт, что все эти рукописи без исключения привезены в Россию лишь после Иоанна IV. Самые драгоценные в научном отношении оказались происходящими из владения иеромонаха Дионисия Янинского, и об этом Дионисии г. Белокуров мог, на основании актов архива, установить, что он умер в Нежине на обратном пути из Москвы в Албанию в 1690 г. и что Посольский приказ принял его наследство на хранение, а затем передал его своему крестнику, нынешнему архиву Мининдел.

На это собрание случайно попал в конце прошлого (XVIII) столетия Маттеи, и ему удалось присвоить себе часть самого драгоценного сокровища изо всего собрания, именно, теперешнюю лейденскую рукопись. Невероятно, чтобы он сам лично отделил эту рукопись от первой половины, которая и по настоящее время находится в архиве, потому что в таком случае он сам едва ли обратил бы

внимание ученых на хранящуюся в архиве рукопись Гомера, что он делает два раза в Homer Гейне[6], где он публично заявляет, что он временно брал эту рукопись из архива. Кроме того, в архиве находятся и в настоящее время многие рукописи, которые носят на себе печать значительного временного запущения (недостает начала или конца, многое разрезано и затем вшито в неподлежащие тетради и так далее). Вследствие стечения неблагоприятных обстоятельств (по всей вероятности, при переводе архива из Посольского приказа на Варварку в 1820 г.), обе части рукописи Гомера отделились, по-видимому, задолго до Маттеи.

Не останавливаясь долго на этой туманной, для наследства Дионисия, во всяком случае, неблагоприятной эпохе, мы с удовольствием обращаемся к тому факту, что в библиотеке, тем не менее сохранилась значительная часть древних рукописей, из которых можно получить порядочную жатву для науки. Но в вопросе, занимающем нас специально, архив оказался не имеющим значения, потому что, как я уже сказал, ожидания найти в нем остатки исчезнувшей царской библиотеки, к сожалению, не оправдались. Точно такие же результаты дали поиски, произведеннные мною и в других библиотеках Москвы. Что между Синодальной библиотекой и библиотекой Иоанна IV не существует ни малейшей связи, нужно заявить самым решительным образом. Уже Клоссиус установил это, указав на то, что библиотека Иоанна IV помимо греческих отличалась еврейскими и в особенности латинскими рукописями, тогда как Синодальная библиотека владеет только рукописями греческими и славянскими. К этому нужно прибавить, что в настоящее время лучше, чем во времена Клоссиуса, известно происхождение рукописей Синодальной библиотеки. Эти рукописи, подобно собранию рукописей архива, всецело происходят из более нового привоза рукописей в Россию и поэтому, при разрешении вопроса о судьбе рукописей Иоанна IV, никакого значения не имеют.

Точно так же в библиотеке Успенского собора, которая отличается частию весьма древним составом (Мартынов, Снегирев), напрасно искать остатков царской библиотеки, как напрасно их искать и в библиотеках Сергиева Посада[7]. О более новых библиотеках, Университетской и Румянцевского музея, и говорить нечего. Нигде нет и следа потерянных книжных сокровищ царя Иоанна.

Нужно ли поэтому думать, что окончательно потеряна надежда когда-либо отыскать эти сокровища?

Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в следующей статье»[8].

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ СУДЬБА ЦАРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ. «Прежде всего приходится поговорить о том положении, которое занимает русский ученый мир по отношению к библиотеке царя Иоанна, потому что это положение служит объяснением того обстоятельства, что до сих пор со стороны русских не делались поиски этой библиотеки. Первый русский исследователь, упомянувший о библиотеке Иоанна IV, был Карамзин, который говорит о ней в своей превосходной, достойной удивления, Истории Государства Российского (т. IX, гл. II, изд. 1844). Он заимствовал свои сведения у двух лифляндских писателей, Арндта и Гадебуша, которые со своей стороны позволили себе неверно объяснять первый источник (Chronic Nyenstädt); вот почему у Карамзина находится неверное сообщение, что Веттерман был библиотекарем Иоанна IV, и недоказанное предположение, что собрание рукописей царя Иоанна было привезено, как приданое княжны Софии Палеолог из Рима в Москву. О дальнейшей судьбе библиотеки Карамзин не высказывает никакого мнения.

Второе указание на эту библиотеку я нахожу у Снегирева в Ученых записках Московского университета (1833, с. 693). У него, рядом с сообщением Карамзина, в первый раз высказывается мнение, что обе библиотеки — Василия IV и Иоанна IV, поступили в Патриаршую, ныне Синодальную библиотеку. Это мнение Снегирев пытается поддержать, даже после ознакомления со статьей Клоссиуса, в «Памятниках Московских древностей», 1845 г., с. 179, где

в доказательство приводится даже письмо Паисия Лигарида 1663 г., хотя в нем (оно было напечатано в «Собрании государственных грамот», № 118) очевидно говорится только о вновь учрежденной Патриаршей библиотеке.

Мнение Снегирева сделалось всеобщим (Фабрициус «Кремль», с. 323), и в последнее время еще Рычин («Путеводитель», 1890, с. 198), который, впрочем, смешивает Веттермана с Маттеи.

Кто становится на точку зрения Снегирева, тот, конечно, считает совершенно излишним заниматься розысканиями о библиотеке Иоанна IV. Но в конце концов Снегирев сам усомнился в справедливости своих предположений, потому что в книге «Москва», изд. Мартынова, с XVIII, он заканчивает статью о царской библиотеке словами: «Но участь ее нам доселе неизвестна».

Этими словами Снегирев возвращается на почву фактов. Если действительно верно, что из 800 рукописей Иоанна IV ни одна не перешла в одну из нынешних библиотек, то само собою является вопрос, действительно ли этот обширный и драгоценный клад совсем погиб или, быть может, находится сокрытым по настоящее время в своем тайном помещении? В русских кругах, как я сам в этом убедился, относятся к этому вопросу весьма скептически. Многочисленные разговоры и в особенности беседы с отличным знатоком истории Кремля, тайным советником Забелиным, не оставили во мне на этот счет никакого сомнения. А между тем мне ни от кого не пришлось выслушать вполне убедительный довод в подтверждение такого мнения. Во всяком случае, мои оппоненты должны будут согласиться, что со времени поисков Клоссиуса ничего не было сделано для того, чтобы убедиться в судьбе, постигшей этот затерянный клад.

Археологи, однако, успокоятся не раньше, чем будет вполне доказано, что упоминаемая библиотека действительно уничтожена.

Пока я позволю себе кратко указать на те пункты, которые при разрешении этого спора прежде всего подлежат разрешению. Прежде всего надлежит установить древнее место хранения библиотеки. В этом случае мы располагаем свидетельством очевидца, пастора Веттермана. По его словам, библиотека Иоанна хранилась «как драгоценный клад около покоя в трех двойных сводчатых подвалах» (Drei doppolten dewolben), и о них говорится, что эти подвалы долгое время (в другом месте даже определенно «сто и более лет») не вскрывались и что они были вскрыты для осмотра библиотеки Веттерманом. Под словом «двойные своды» нужно, по мнению архитекторов, понимать тайные палаты с двойным дном («тайники»). Дело идет теперь о важном вопросе, что следует понимать под словом «покой царя» (Gemache des Zaren). Выражение «покой» (gemache) исключает мысль, что речь идет о парадных залах, в которых происходили торжественные государственные акты, прием послов, придворные торжества и т. п. О Золотой палате, Грановитой палате и других палатах, в которых происходила придворная царская жизнь, таким образом, не приходится говорить.

По словоупотреблению XVI столетия слово «покой» (gemache) составляет противоположность слову «зал» и имеет значение безопасного и сокровенного, что заметно и в настоящее время в таких выражениях о высочайших особах, как «они удалились в собственные покои» (Словарь Гримма, IV, с. 136).

Правда, постройка старого дворца царей известна нам не совсем точно, но после неоднократных исследований Забелин установил по крайней мере главное («Домашний быт русских царей», 5.47). Согласно этому «постельные или жилые хоромы великого князя и почетная изба, княжнина половина, находились на том самом месте, где теперь Теремной дворец».

В то время существовал только «нижний подклетный этаж» этого здания, построенный Алевизом «на белокаменных погребах». Нынешний Теремной дворец, построенный, как известно, царем Алексеем Михайловичем,* тоже не являет-

---

* Михаилом Федоровичем? — П р и м е ч. а в т.

ся новой постройкою, начиная с основания, только верхние этажи были построены вновь, нижний же этаж и подвалы составляют часть прежней постельной избы прежних великих князей со стенами из белого камня и сводами из белых кирпичей (Снегирев, «Памятники Московских древностей, с. 256). Даже более, при представленной мне возможности осмотреть нижнюю часть постройки, я подумал о том, следует ли постройку фундамента отнести ко времени более раннему, чем постройка Алевиза (1498 г.). По крайней мере установлено что нынешние терема с двух сторон соприкасаются с двумя постройками, которые многим древнее, чем дворец Алевиза: с восточной стороны Грановитая палата (построенная Иоанном III), с западной — две церкви, построенные одна над другою, церковь св. Лазаря (построенная в XIV столетии) и Рождества Пресвятые Богородицы. Обе эти церкви были введены в план постройки Алевиза таким образом, что — терема Василия IV составили с ними одно целое (Снегирев). По-видимому, сообщение Веттермана о том, что своды с книгами близ покоя Иоанна IV не вскрывались «сто и более лет» вполне согласимо с историей постройки великокняжеского дворца, потому что в эту постройку были введены и более древние постройки. Во всяком случае, можно утверждать, что три книжные сводчатые помещения следует искать где-нибудь в нижнем этаже или в подвалах древних погребов, а так как древние терема сохранились в нижней части новых теремов, то еще не совсем исключена надежда на то, что упомянутые три тайника не погибли, а точно так же противостояли времени, как древняя дворцовая церковь святого Лазаря, которая лежала забытой в нижней части постройки новых погребов, пока она совершенно была открыта при возобновлении дворца в 1837 г.

Забелин полагает, однако, что поиски библиотеки Ивана Грозного в Кремле потому будут тщетны, что такие легко разрушающиеся вещи, как пергамент и бумага, давно были уничтожены во время одного из многочисленных пожаров, которым подвергался Кремль.

Рассмотрим вкратце историю кремлевских пожаров.

Пожар 1571 г. (Забелин, «Быт русских царей», с. 52, Снегирев, «Памятники...», с. 223) в этом случае не имеет значения, потому что Веттерман осматривал библиотеку и раньше этого времени (между 1565—1566 гг.), приведение же библиотеки в порядок Анонимом, с чем был связан и перевод Ливия и Светония, потребовало во всяком случае много времени, поэтому библиотека должна была существовать и после 1571 г.

Следует пожар, произведенный в Кремле польским гарнизоном в 1611 г. Но и этот пожар не имеет значения при обсуждении нашего вопроса, так как Кремлевский дворец, в котором находилась главная квартира поляков, совсем не был тронут пожаром. При последовавшем потом разграблении царских сокровищ поляки также не могли наткнуться на нашу библиотеку, так как о разграблении Кремля мы имеем самый подробный отчет хрониста Буссова[9]. Если бы в это время 800 рукописей царя Иоанна попали в руки поляков, то Буссов об этом не умолчал бы.

Рукописи имели в то время высокую ценность, это знали даже турецкие завоеватели Константинополя и это знали еще поляки, хозяйничавшие в 1611 и 1612 гг.

Переходим к пожару 1626 г., когда в Кремле Вознесенский и Чудов монастыри, «двор государев и патриарший и в приказах каменных всякие дела и казна погорели» (Забелин, с. 56). Еще более печальным является отчет о пожаре в 1737 г., который главным образом коснулся Теремного дворца (Забелин, с. 97).

При упоминании об этих разрушениях защитниками потерянной библиотеки должно овладеть чувство страха. А между тем именно история кремлевских пожаров бросает луч на путь исследователя. Сколь ни ужасны были разрушения, произведенные в царском дворце пожарами 1626 и 1737 гг., но пожар 1547 г. ни в чем не уступает этим катастрофам. Послушаем, что рассказывает Карамзин (История Государства Российского, т. VIII, гл. III, с. 57, изд. 1844).

«24 июня (1547) около полудня, в страшную бурю, начался пожар за Неглинною, на Арбатской улице, с церкви Воздвиженья; огонь лился рекой, и вскоре вспыхнул Кремль, Китай, Большой посад, и вскоре вся Москва представила зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело как в горниле, медь текла. Царские палаты, казна, сокровища, оружие, иконы, древние хартии, книги, даже мощи святых истлели».

А между тем, приблизительно двадцать лет спустя, царь Иван Грозный приказал открыть три тайника своего сгоревшего дворца, и удивленным взорам Веттермана представилась богатая, отлично сохранившаяся библиотека! Эти тайники должны были поэтому либо отличаться такою массивною постройкой, что огонь не мог им повредить, либо, что считаю вероятным, они находились на такой глубине*, что огонь не был в состоянии проникнуть до них.

При таких обстоятельствах вопрос о судьбе царской библиотеки находится в более благоприятных условиях. То, что избежало гибели в 1547 г., могло пережить и все последовавшие затем пожары. Оно могло, и этой возможности совершенно достаточно, чтобы побудить к деятельным поискам.

В ближайшем соседстве с теми частями дворца, в которых следует искать место хранения библиотеки, в 1837 г., к удивлению современников, была под мусором и бочками с дегтем открыта древнейшая часть дворца, а именно, небольшая церковь св. Лазаря, которая была совершенно забыта во время построек и надстроек, следовавших затем.

В пользу предположения о существовании подземных тайников говорит аналогия с приказом, документы и письма которого хранились в Soubferraius vontee (Сб. Московского Главного архива, 1880, с. 6), от повреждений вследствие сырости охранял их отличный песочный грунт кремлевской горы. В этом событии я готов видеть счастливое предзнаменование для дальнейших разысканий на этой почве, которой пришлось пережить столько роковых событий.

Во всяком случае, невозможно успокоиться на той мысли, что Кремль был столько раз опустошаем и что в этих опустошениях погибла и библиотека Иоанна Грозного. Железный зонд должен решить вопрос, действительно ли она погибла или она находится сокрыто под мусором и под постройками, возведенными в течение следующих столетий.

Я счастлив тем, что интересы науки, как это доподлинно известно мне, встречают крепкую защиту со стороны высокопоставленных лиц. С высочайшего соизволения его императорского величества великий князь Сергей Александрович взял исследование Кремлевского дворца в свои руки. Осмотренные в прошлое (1890) лето подвалы в восточной части теремов (стены из белого камня, всегда со сводами из больших кирпичей) оказались отлично сохранившимися частями дворца Алевиза Василия III, но разыскиваемые тайники не могли быть там найдены. При первой зондировке мы напали таким образом не на настоящий пункт, и теперь, после того, как я старался ближе ознакомиться с преданиями тех времен, мне кажется, что это место следует предполагать в ближайшем соседстве с церковью св. Лазаря. Какое неясное представление о расположении занимающих нас построек дают древние источники, видно из описания у Снегирева в «Памятниках Московских древностей» (с. 221). Можно узнать только то, что церковь св. Лазаря, вместе со своею надстройкой (Рождественская церковь), находилась в тесной связи с жилым дворцом великих князей. Об отношении этой церкви к окружающим постройкам Снегирев не мог сделать себе никакого ясного представления вследствие наружных пристроек к церкви. В одном из актов 1626 г. упоминается «каменное дело у Рождества Богородицы и у праведного Лазаря, что у государя на сенях».

Древние источники определенно говорят, что «казна великого князя хранилась под сводами этой церкви» (Лазаря). Как близко предположить, что и три

* На глубине 14 м.— Примеч. авт.

тайника с книгами находились в соседстве этой древней дворцовой церкви.

С тех пор как великий князь Сергей Александрович, высокий покровитель археологических и исторических наук, руководясь широким взглядом на историю, решил произвести исследование всего Кремля, скрывающего в себе еще столько загадок, и в эту программу внес вопрос, составляющий предмет настоящих рассуждений, с тех пор вопрос об исчезнувшей библиотеке царя Иоанна IV находится под счастливой звездой.

Наука поздравит Россию, если ей удастся найти свой затерянный клад, и она с благодарностью отнесется и к отрицательному результату поисков, если не удастся найти тайное сокровище — библиотеку, потому что тогда и только тогда вопрос о судьбе сокрытых 800 рукописей умолкнет навсегда[10].

Статья произвела в ученом мире Москвы эффект камня, брошенного в стоячую воду: пошли круги, смутились рутинеры, началась паника.

УЧЕНАЯ ПАНИКА. Страстная статья Тремера побудила И. Е. Забелина опубликовать «доношение» пономаря Конона Осипова XVIII в. в упомянутой путаной статье «Подземные хранилища Московского Кремля», сослужившей роль другого большого камня, брошенного в подземную стоячую воду. В ней Забелин, как отмечено, и нашим и вашим: с одной стороны, царская библиотека сгорела в пожар 1571 г., а царский архив, с другой, уцелел от огня, будучи там же!

Тремеровская статья плюс забелинская — взбаламутили московское ученое море: между учеными началась **идейная грызня и мертвые хватки.** В поединке сцепились Белокуров с Соболевским. Торжествовал последний:

«Наша статья об архиве и библиотеке московских государей, написанная по поводу мнения г. Белокурова, будто бы царского архива никогда не существовало и будто бы то, что мы называем царским архивом, не что иное, как архив Посольского приказа, вызвала возражение со стороны Белокурова в «Московских ведомостях» от 4 мая, № 121, возражения такого рода, что мы неохотно вступаем в новую беседу с его автором. Дело в том, что г. Белокуров заботится не столько о разъяснении спорного вопроса, сколько о том, чтобы блеснуть познаниями и похвалиться открытиями...

Оказывается, г. Белокуров с описью царского архива XVI в. знаком довольно плохо. В описи находится отметка о книгах королей литовских и о грамоте Казимира[11] к митрополиту Ионе (ящик 18): «75 (т. е. в 1567 г.) в Посольскую палату взял Андрей (Щелкалов)». Она, на наш взгляд, вполне разъясняет дело. Если документы были взяты в Посольский приказ и об этом в описи не было отмечено, очевидно, они были не в Посольском приказе, а в каком-то особом хранилище, которого старого названия мы не знаем и которое, конечно, не могло носить названия архива, употребляемого для него нами.

Этим мы заканчиваем спор с г. Белокуровым о царском архиве, но не заканчиваем дела о московском тайнике.

Пусть две палаты в этом тайнике, наполненном сверху донизу сундуками, пригрезились обладавшему пылким воображением дьяку царевны Софии, когда он проходил через тайник.

Все же в тайнике времен Софии должно было находиться нечто ценное. Ведь царевна отправила в тайник (не тайник, как таковой: она о нем не знала, не ведала, в подземный Кремль вообще.— И. С.) «дьяка Большой Казны» (тогда еще он не был в этом чине.— И. С.), чиновника для того времени важного, отправила не для того, чтобы он прогулялся по тайнику от Москвы-реки до Неглинной, а за чем-то таким, что хранилось в тайнике и, конечно, недаром хранилось именно в тайнике. Следовательно, если мы не найдем в тайнике библиотеки и архива, мы, пожалуй, найдем что-нибудь еще лучше их...

Место тайника указано пономарем в его доношении царю Петру достаточно определенно.

Дьяк спустился в тайник около Тайницких ворот (самое их название говорит о существовании около них тайника) и вышел в башню при р. Неглинной, у Китай-города, т. е. в башню, находящуюся теперь против Исторического музея.

Итак, тайник шел от одной реки — Москвы-реки к другой — Неглинной, через середину Кремля, проходил близко от дворца и еще ближе от Благовещенского собора, соединенного в XVI и XVII вв. с дворцом крытым ходом — «сенями», и, без сомнения, имел сообщение с дворцом или непосредственно, или через собор.

Ввиду этого следовало бы сделать тщательный осмотр подвалов и подполья собора.

Кстати, нам привелося слышать от лица, к археологии совершенно не причастного, будто бы один из сторожей Благовещенского собора недавно спускался под пол собора и вышел из подполья в небольшой коридор, окончившийся запертыми дверями»[12].

Как грибы после дождя, выросла газетная литература о библиотеке Грозного. Ее любовно и заботливо собрал А. В. Орешин и напечатал в Археологических Известиях и Заметках за 1894 г.[13] Там же находим и статью Н. С. Щербатова об осмотре им тайника Круглой Арсенальной башни.

«Последние исследования текущего (1894) года были произведены в Круглой Арсенальной башне. Здесь руководитель исследования получил полное нравственное удовлетворение: убеждение его, почерпнутое из немногих слов показаний пономаря Конона Осипова, что тайник, по которому шел дьяк Макарьев, находится не где-то внутри кремлевской ограды, а в толще самой стены (sic!) вполне же подтвердилось и представление его, на основании тех же данных, о том же, как основан фундамент Арсенала, столбы которого преграждa-

ют путь в тайнике стены (sic!). В 1-м надземном этаже башни обнаружен замуравленный выход тайника, отсюда идет довольно крутая лестница вниз, шириной 1 аршин 2 вершка, длиной 11 аршин, на глубину 8 аршин от поверхности земли. Тут сохранились дверные четверти с железными подставами и начинается прямой ход к Никольской башне (sic!) и ответвление вправо, но тут на 5-м аршине длины прямого хода предстал пред исследователями, так сказать, во всем своем досадном неприкосновенном величии 1-й белокаменный столб арсенального фундамента,— столб этот врезывается в стену и загораживает собой весь тайник до самого пола его, где собственно он и основан. Ломать этот столб без особого на то повеления исследователи, конечно, не решились (sic!), да к тому же есть надежда в будущем так или иначе перехватить этот тайник вне Арсенала, причем пробивка столба, надо надеяться, станет излишней. Ответвление хода тоже упирается в столб (sic!). Интересно, куда вел этот поворот тайника? Думается, что тут должна быть лестница (sic!) в толще стены (sic!) башни, по которой открывался доступ в нижний подземный этаж. Подтверждение сей мысли найдем ниже.

В нижний этаж исследователи проникли со стороны Александровского сада, чрез замурованное отверстие, оказавшееся дверью, устроенною в позднейшее время из бойницы (sic!). В этом помещении бывали и прежде: так, например, осматривала его особая комиссия пред коронованием почившего императора Александра III, но описано оно не было, между тем оно этого вполне стоит (sic!). Начать с того, что в нем находится колодезь (sic!) с деревянным сосновым срубом, которому во всяком случае не более 40—50 лет (sic!), глубина колодца 5 аршин, вода стояла вровень с полом, заваленным землей и мусором, вода совершенно чистая и без всякого запаха. С левой руки, бойницы, ныне замурованные, выходят к Историческому музею, прямо против входа тоже бойница, выходившая в старину, до постройки Арсенала, в Кремль (sic!) и, наконец, с правой руки — широкий, заваленный землею тоннель — ход по направлению к Троицкой башне. Ширина тайника верхнего этажа равна 1 аршин 4 вершка; этот же ход достигает 2,5 аршина ширины (sic!). Предварительно всяких работ по исследованию пришлось откачать воду из колодца и тем дать возможность сойти воде, заполнявшей собой и самый ход, но оказалось, что пятисильная двойная помпа не в силах была откачать постоянно прибывавшую воду. Также неуспешна была работа десятисильной помпы, работавшей безостановочно, со сменными людьми, целые сутки: вода прибывала в 5 минут на 2,5 вершка. Тем не менее, насколько было возможно, производилась работа по очистке хода. Высота его не определена, так как до пола нельзя было дойти, но очищено было до 4 аршин высоты, а в длину ход очищен на 7 аршин. Тут снова (sic!) белокаменный арсенальный столб, заложенный точно так же, как и в тайнике 1-го этажа. При тщательном осмотре явствует, что тут был отросток (sic!) хода налево — очевидно, на соединение с ответвлением тайника, описанного выше; это предположение (sic!) кажется вполне логичным, ибо соединение этого помещения с тайником должно было существовать.

Для облегчения работы и для выяснения характера родника попробовали повысить сруб (sic!) колодца, для чего старый сруб был обрыт на 2 аршина глубины и обложен сильно утрамбованной хорошей глиной, ею же обложены и вновь нарубленные шесть венцов; но вода не поднялась в срубе, а по-прежнему расходилась кругом и заливала ход. Пробные исследования грунта вокруг колодца показали в свою очередь, что это не более, как насыпь земли и мусора, которою, может быть (sic!), думали заглушить ключ, но, как видим, безуспешно. Как это обстоятельство, так и то, главное, что сруб, во всяком случае, не древний, он размещен не в центре башни, приводит руководителя раскопок к убеждению, что в древности воде предоставлено было все подземелье Круглой башни и что вода эта стекала свободно, найденным (sic!) ходом, снабжая Кремль водой.

Невольно напрашивается вопрос, куда же девается эта масса постепенно

вытекающей воды с того дня, как выстроен Арсенал, когда его фундаментные столбы преградили уготованный для этого стока (sic!) ход... и открыли доступ воде под Арсенал. Не в этом ли обстоятельстве и кроются постоянные повреждения Арсенала: его трещины, осадки и лопающиеся своды?»[14].

Часть II
ГЛАЗАМИ СПЕЛЕОЛОГА

В КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

Глава IX
ПОДНЯТАЯ НИТЬ

АТАКОВАННЫЙ ТАЙНИК. Скоропостижная смерть царя Александра III над всеми поисково-раскопочными работами в Кремле, казалось, навсегда поставила точку.

Князь Щербатов совершил ту историческую ошибку, относительно которой предостерегал еще Петр I,— «промедление смерти подобно».

Столь же тихо и незаметно, как XVIII в XIX в., перевалил XIX в XX в. Библиотека Грозного и тогда и теперь казалась решительно вычеркнутой из ученых анналов. Но короткой на этот раз оказалась передышка — 15 лет всего!

Обрезанная смертью Александра III в 1894 г., исследовательская подземная нить была поднята автором в 1909 г. и с тех пор, вплоть до текущего момента, она не прерывалась. Кульминационным пунктом является 1934 г., когда по инициативе великого Сталина сделано то, чего не могли сделать века: если 200 лет назад в основную магистраль Кремля — макарьевский тайник — ворвался звонарь с Пресни, то в XX в.— советский спелеолог. Аристотелевский книжный сейф Софьи Палеолог в подземном Кремле не иголка в сене, в подземной тесноте и темноте ему некуда уйти и негде укрыться, он, так сказать, выведен на свежую воду, будучи атакован со всех сторон. Одно слово — бери плод рукою... За малым остановка — за научной санкцией свыше...

МОСКОВСКИЕ КАТАКОМБЫ. [...] Существует Москва подземная! Я скоро убедился в этом. А в ней — хранилище книг «незнаемых», «мертвых книг» — библиотека Грозного. Перед этим два года в качестве спелеолога я охотился за пещерами в богатой на них Турции (в Турецкой Армении и на Ближнем

Востоке). С тех пор пещеры, подземелья, подземные ходы и связанные с ними, подчас жуткие, тайны стали моей родной стихией. Из далекого Назарета, из русско-арабской школы прибыл я в Москву на первый курс новооткрывшегося Археологического института[1] и сразу же погрузился в захватывающий волшебный мир катакомбной Москвы. Исподволь я стал приподнимать в нем вековую завесу, встречая лишь, как Тремер, иронические усмешки в бороду. И чего, каких подземных тайн за нею не стало медленно проплывать передо мной! И среди них звездой первой величины — тайна тайн — библиотека Грозного, затерянная и забытая ушедшими в небытие поколениями где-то в тайниках, в катакомбах священного Кремля. Могла ли найтись для молодого спелеолога проблема, загадка, задача более захватывающая, чем та, что вдруг открылась предо мною, уже, как отмечено, успевшим несколько набить руку на зарубежной спелеологии? Я стал усиленно изучать московские катакомбы, а с ними заодно искать и кремлевский подземный книжный клад. Выступления в виде докладов, журнальных и газетных статей, лекций на подземные темы начинали сильно занимать московскую и, через печать, широкую русскую и даже зарубежную общественность. Но одного голого интереса масс было, конечно, недостаточно: необходимо было базировать новое дело на какую-то твердую научную дисциплину или близкое по духу ученое общество. Из ученых дисциплин ближе других к подземному миру стояли, казалось бы, история, археология и архивоведение, не говоря о спелеологии и геологии.

История о библиотеке, в сущности, ничего нового сказать не могла: она, как Луна вокруг Земли, вращалась вокруг одной только рижской «хроники» Ниенштедта — этого интервью пастора Веттермана, записанного Ниенштедтом с пробелами только тридцать лет спустя. Да и «табу» Белокурова сбивало многих с толку...

Археология как наука никогда еще, можно сказать, не была использована в деле конкретных поисков таинственного книгохранилища в подземельях Кремля. И это неудивительно, так как дипломированные археологи, строго говоря, всегда держались в стороне от — по их терминологии — «легендарной», «мифической», и даже «фантастической» библиотеки Грозного.

Остается архив. Архивные «раскопки» в этой области могут оказать огромную услугу делу, открывая новые горизонты, новые подступы к подземной тайне. Достаточно указать хотя бы на находку в Перновском архиве Веттермановского «списка» библиотеки Грозного, сделанную профессором Дабеловым в 1822 г., а мною в 1913 г.; на открытие в Московском архиве юсти-

ции А. Зерцаловым в 1894 г. новых документов, проливающих свет на экономические условия быта пономаря Конона Осипова; на открытие в том же архиве мною в 1913 г. новых документов о библиотеке Грозного, копии с которых были затребованы царским правительством. Сомнений нет, в будущем о катакомбах Москвы и Кремля будут найдены еще новые архивные документы, близкие к сенсационным. И все же это то, да не то; одними архивными документами, без спелеологического заступа верного пути к подземному хранилищу никогда не пробить!..

— А раскопки,— могут спросить,— Осипова и Щербатова в Кремле?

Это были только любительские поиски в «потемках», «в сонном видении», пусть и с лопатою в руках,— именно макарьевских «сундуков до стропу», а не библиотеки как таковой.

Единственно действенная в этом темном и трудном деле наука — советская спелеология (пещероведение): она одна привела к открытию обширного мира катакомбной Москвы, а с нею заодно и в потенции — «заколдованной» подземной в Кремле библиотеки «мертвых книг». Но спелеология, как тогда, в начале XX в., так и сейчас, в его середине, оказывается наукой заоблачной, едва начавшей проникать в сознание широких ученых кругов. Где было искать для себя ученую базу? Археологический институт был занят учебой; археологическое общество П. С. Уваровой[2] — чем угодно, только не спелеологией. Оставалось одно: самому основывать или способствовать основанию ученых обществ и комиссий, хоть сколько-нибудь приближающихся к типу собственно спелеологических.

НЕТОПТАНОЙ ТРОПОЙ. Движимый такого рода учеными заботами, я вошел — будучи уже членом-корреспондентом МАО, а через два года и его действительным членом, членом-учредителем,— 17 декабря 1909 г. в Комиссию по изучению старой Москвы при МАО. Мною руководила тайная надежда — побудить новую комиссию преклонить ухо к еще невнятным ей зовам спелеологии Москвы. И это удалось в значительной мере, тогда как само МАО к этому оставалось совершенно равнодушным и глухим. В двух книжках-сборниках «Старая Москва»,— изящно изданных, были напечатаны два моих спелеологических очерка с иллюстрациями: о подземных ходах Новодевичьего монастыря и о снесенной впоследствии китайгородской стене.

Комиссия «Старая Москва» оказалась на деле чрезвычайно жизнеспособной; она просуществовала целых двадцать лет, пройдя невредимой через все бури и огненные вихри на рубеже двух полярных исторических эпох. За этот красочный период

катакомбная Москва нашла свое богатое отражение в протоколах комиссии «Старая Москва». Эти протоколы — сущий клад для будущих спелеологических вторжений в подземную Москву, а также в тайники Кремля, в неустанной погоне за забытым до наших дней книжным сокровищем Грозного... Не погрешая против исторической истины, можно сказать, что комиссия «Старая Москва», хотя и цепко держалась за наземную старую Москву, все же не уставала идти вперед еще не топтанной подземной тропой, движимая неугасимым духом ученой любознательности и спелеологического энтузиазма группы активистов среди своих членов. Последним сплошь и рядом удавалось ставить на заседаниях «старой Москвы» темы о катакомбной Москве и библиотеке Грозного.

Впрочем, доклады о последней ставились всюду, где только это удавалось. Например, в Археологическом институте (в Обществе бывших его слушателей). О моем докладе здесь был помещен в «Утре России» (1. IV, 1911 г.) подробный отзыв А. И. Батуева, который, между прочим, писал: «... среди широкой публики с давних пор ходят легенды о неоткрытых тайниках древних кремлевских дворцовых зданий, где, как в катакомбах, замуравленная, хранится будто бы таинственная библиотека Иоанна Грозного. Третьего дня археолог И. Я. Стеллецкий прочитал в Обществе бывших слушателей Археологического института реферат, в котором сообщил много интересных данных, относящихся к истории кремлевских подземных ходов. Эти данные прошлого, а также некоторые личные наблюдения привели референта к выводу о возможности чрезвычайно ценных открытий при планомерных раскопках и реставрации подземного Кремля».

В августе того же 1911 г., на заседании XV Археологического съезда в Новгороде автором был сделан доклад на тему «Подземная Россия».

«Установив содержание понятия «подземная Россия» — всякого рода подземные сооружения не ритуального характера,— референт И. Я. Стеллецкий отметил обидное равнодушие археологов к такого рода монументальным памятникам русской старины, ввиду, особенно, большой их научной ценности... Референт ближайшею задачею своею ставит накопление фактического материала в указанном направлении. В Москве им открыты подземные ходы близ Новодевичьего и Донского монастырей, тайники в Наугольной Арсенальной и Никольской башнях, сделан свод литературы по вопросу о библиотеке Иоанна Грозного в подземельях Кремля»[3].

С целью стать ближе к подземным тайнам Кремля, я еще

в 1909 г., при содействии профессора Д. Я. Самоквасова, вступил представителем Московского археологического общества в Межведомственную комиссию по разбору и уничтожению документов Московского губернского архива старых дел[4]. Так как вязки этого архива были размещены на хранение в ряде башен кремлевских и китайгородских, то, естественно, свободный доступ в эти заповедные сооружения московской древности открывал возможность для предварительных спелеологических изысканий.

Глава X

ТАЙНЫ АРХИВНЫХ БАШЕН

КЛАД. Служебный доступ в архивные башни Кремля и Китай-города являлся важным этапом в истории поисков путей к кремлевской подземной тайне.

На одном из заседаний указанного Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. я выступил с докладом «К десятилетию Комиссии по разбору и уничтожению документов Московского губернского архива старых дел», основанной в ноябре 1899 г. Слова «уничтожение документов» нещадно резали археологическое ухо. Вступая в комиссию, я давал себе зарок не присудить к уничтожению ни одного архивного документа. Позже, однако, я убедился в своей наивности: в башенных архивах было действительно немало хлама (например, пухлые вязки коммерческого суда), которые подлежали «уничтожению», т. е. продаже на рынке в пользу Губернского правления. С моим вступлением в комиссию последняя переменила предмет своих занятий: больше внимания решено было уделять разбору документов исключительно плохой сохранности и опубликованию наиболее ценных из них. Такой подход дал мне возможность сказать много нового о катакомбах Москвы и Кремля, что зафиксировано в протоколах комиссии «Старая Москва».

Для примера приведу один такой, мною опубликованный, документ Губархива старых дел, рассказывающий о приключении с кладом, зарытым в бывшем Чудовом монастыре[1].

Об этом кладе я писал 34 года тому назад в статье в «Утре России» 10.XI.1911 г., № 33, под заглавием «Клад в Чудовом монастыре»:

«Древние славяне спасались от неприятеля, скрываясь под водой, позднее русские стали от него зарываться под землю. Но, укрываясь сами, люди вынуждены были и прятать средства к существованию. Так возникли подземные жилища и клады.

Места старинных подземных убежищ оказались не только надежно сокрытыми от глаз неприятеля, но и совершенно затерянными для потомства. Только в самое последнее время, с пробуждением в обществе интереса к родной старине, памятниками этого рода начинают увлекаться.

Зато в различных слоях общества неизменно существовал, не ослабевая со временем, острый интерес к таинственным кладам (ныне я бы сказал «историческим»). Очевидно, потому, что клады на самом деле не миф, легенды о кладах не раз превращались в реальный факт обогащения «счастливчиков».

Особое обилие кладов выпадало на годины крупных общественных потрясений. Для старой Москвы такими эпохами служили в особенности Смутное время и ныне юбилейный 1812 год.

Последний будет ценен своими результатами: дружные юбилейные усилия ученых прольют, несомненно, обильный документальный свет на многие сокровенные стороны старомосковской жизни. Между прочим, и по вопросу о кладах в Москве.

Перед нами любопытный архивный документ о кладе в Чудовом монастыре. В суматохе почти беспримерного в истории всеобщего бегства с веками насиженных мест жителей огромного города многое, конечно, погибло: было забыто или затеряно. Но немало добра, частного и казенного, было своевременно припрятано людьми практичными и рачительными.

Тогдашний настоятель Чудова монастыря иеромонах Константин, за невозможностью вывезти целиком монастырское достояние, часть его, по старорусскому обычаю, зарыл в монастыре в землю, зарыл в самую последнюю минуту, когда неприятель был уже «на стенах высот кремлевских». Видно, клад был зарыт в надежном месте: находчивый настоятель не выражал опасения за его сохранность и молчал, покуда в Москве сидел неприятель, но стал опасаться за его судьбу, лишь только монастырь перешел под охрану русских.

Константин убедил преосвещенного Августина обратиться вторично к графу Ростопчину[2] с настоятельной просьбой о разрешении ему, Константину, войти в оцепленный войсками Кремль с намерением, между прочим, взять зарытую казенную «заблаговременно, чтобы ее не похитили»... сумму.

По-видимому, проникнув в Кремль, настоятель Чудова монастыря убедился в неприкосновенности от неприятеля клада и теперь торопился спасти его от более завидущих глаз своих соотечественников. О дальнейшей судьбе чудовского клада архивный документ, к сожалению, умалчивает».

«ПАТРИАРШАЯ ТЮРЬМА». Под эгидой «архивных башен» я решил полевым образом разгадать загадку «патриаршей тюрьмы».

Тюрьма, о которой речь, это тюрьма патриарха Гермогена[3] в двухъярусном подземелье Чудова монастыря, точнее — под бывшей церковью Чуда Архангела Михаила, построенной митрополитом Алексием в 1365 г. В 1911 г., в связи с юбилейными торжествами памяти патриарха Гермогена, было много кривотолков о тюрьме, в которой погиб от голода знаменитый патриарх-патриот. Я поставил себе целью разрешить «полевым» образом вопросы о патриаршей тюрьме Гермогена, учитывая, что только полевое исследование дает возможность до известной степени познакомиться с характером тех или иных кремлевских сооружений, что могло пригодиться для будущих подземных работ в Кремле на путях к его тайнику.

В моей статье под заглавием «Подземелье патриарха Гермогена в Чудовом монастыре», напечатанной в газете «Утро России» (18. II. 1911 г., № 40), подводится итог подземным изысканиям о патриаршей тюрьме.

По поводу этой статьи и докладов в ученых обществах на означенную тему зафиксированы отклики тогдашней прессы, представляющие ныне исторический интерес.

Например, газета «Правительственный вестник» писала 12.II.1912 г., № 42:

«В заседании Комиссии по исследованию подземных сооружений при Московском обществе по изучению памятников древности были заслушаны доклады И. Я. Стеллецкого «Подземелье патриарха Гермогена в Чудовом монастыре» и Н. А. Александрова[4] «Об исследовании подземных ходов в Москве».

Вопрос о месте заточения патриарха Гермогена в подземелье Чудова монастыря до последнего времени не подвергался обстоятельному историческому обследованию. Принято указывать, как на место заточения патриарха Гермогена, на верхнее подземелье Чудова монастыря. Между тем на основании детального изучения подземелья И. Я. Стеллецкий утверждает, что патриарх Гермоген был заточен не в верхнем, а в нижнем подземелье Чудова монастыря. Из верхнего подземелья в нижнее ведет трехаршинный в глубину коридор; 17-ю ступенями ниже — новое подземелье, оно более высокое, чем верхнее. Своды его поддерживают четыре столба. На высоте 1,5 аршина от земли небольшие, с железными решетками окна. В настоящее время подземелье освещено электричеством. Сравнивая верхнее и нижнее подземелья, докладчик приходит к заключению, что вся обстановка

говорит за то, что патриарх Гермоген был заключен именно в нижнем подземелье. Помимо Гермогена, в этом подземелье на протяжении нескольких столетий томился целый ряд духовных лиц, попавших в опалу: епископ тверской Иуда, епископ новгородский Иоанн, отступник от православия митрополит Исидор и др.».

В НЕДРАХ БАШНИ «ТАЙНИК». «Помещения губернского архива старых дел в кремлевских и китайгородских башнях не удовлетворяют в полной мере своему назначению,— читаем в протоколах Новгородского Археологического съезда.— Лучше приспособленными для своей цели являются кремлевские башни — Никольская и Арсенальная; хуже — китайгородские: а) Владимирская и б) Многогранная на Старой площади; в) башня против Воспитательного Дома; г) башня на Москворецкой набережной»[5].

Из кремлевских архивных башен мое самое пристальное внимание привлекала всегда башня подчеркнуто сурового средневековья, угрюмая и одинокая, явно таившая в своих подземельях много исторических тайн и загадок,— башня Наугольная Арсенальная. Проникнуть в нее удалось впервые в 1912 г., и, конечно, не без труда: специально был снят военный развод, охранявший ее входы. Внутри башня оказалась обвитой металлическими стеллажами, с тесно установленными на них, покрытыми «пылью веков», тяжелыми архивными вязками. Доступом к ним служила витая металлическая лестница.

Было известно, что под этой башней существует тайник с источником. Но как пробраться в тайник? Лестница в стене, раньше ведшая в тайник, оказалась вплотную загороженной белокаменным устоем Арсенала. Осмотрев со смотрителем губархива Н. А. Александровым куполообразный свод тайника, нашли в нем дыру, пролом, видимо, старинный, судя по патине, покрывавшей кирпичи пролома. [...] Из пролома торчал верх не старой в своей верхней части приставной лестницы, по которой мы спустились в неведомую мрачную пустоту, с фонарями в руках. [...]

В центре мусорного дна тайника возвышалась пирамидально сложенная [...] груда камней, больше ничего. Только налево — чернело устье огромного сводчатого макарьевского тоннеля, ведущего когда-то под Тайницкую башню [...]. Тогда же кем-то из нас двоих была утеряна в тайнике серебряная монета 20-копеечного достоинства; она была найдена мною при раскопках свыше 20 лет спустя, точнее, в 1933 г.

Первый осмотр описанного тайника происходил, как отмече-

но, зимой 1912 г. О результатах осмотра в 1911 и 1912 гг. моим упомянутым спутником по осмотру башни было сделано сообщение на заседании 18.11.1912 г. в Комиссии по исследованию подземных сооружений при Московском обществе по изучению памятников древности. Газеты так откликнулись на это его сообщение:

«В прошлом году г. Александров обнаружил в башне (Арсенальной) подземный ход, уходящий на 11 аршин в толщу стены. Далее ход приводит к колодцу, в настоящее время засыпанному землей и камнями. Весной предположено возобновить работы по исследованию этого колодца. Далее обнаружен провал под часовней возле Никольской башни, обращенной в сторону Исторического музея. В этом месте подземный ход спускается на 17 аршин и идет по направлению к Арсенальной башне и к дому Губернского правления[6], постройка которого относится ко времени Ивана Грозного»[7].

Глава XI

ПО СТУПЕНЬКАМ ВГЛУБЬ

НОВОЕ ОБЩЕСТВО. Молодая энергия требовала бешеных (ныне я бы сказал «метростроевских») темпов научно-исследовательских работ по отысканию библиотеки Грозного. А на деле она встречала на каждом шагу ученые «баррикады» то в лице Археологического института, то Археологического общества и даже собственного детища — новоявленной комиссии «Старая Москва». Родилась мысль — создать новое, собственное, ученое общество, специально устремленное на изучение катакомб Москвы и Кремля. По этому делу я вошел в контакт с работником Губернского правления В. Г. Способиным. Общество создалось как бы само по себе, удивительно легко и гладко, как говорится — без сучка и задоринки. Названо оно было нами Московским обществом по исследованию памятников древности (между нами было условлено — древностей «подземных»). Не питая вкуса к административным позициям, я уступил соратнику представительство. Для изучения собственно катакомбной Москвы (читай, библиотеки Грозного) при названном Обществе была создана специальная спелеологическая Комиссия по исследованию подземных сооружений, под моим председательством. Я был положительно изумлен тем широким вниманием, какое было проявлено к новорожденному ученому детищу тогдашней широкой общественностью. Газеты всякого рода наперебой печатали о нем сведения, часто перевирая или гиперболизируя.

Привожу иллюстрацию.

Первой — через три дня после учредительного собрания Общества — откликнулась газета «Россия» от 14.II.1912 г., № 1917: «В Москве организовалось новое Общество по исследованию древностей, ставящее своей целью изучение подземной Москвы. В первую очередь Обществом будут продолжены уже начатые раскопки в Кремле, на Девичьем поле[1], а затем начнется исследование Китай-города. По имеющимся у учредителей Общества сведениям, сохранились подземные ходы в Богословском переулке[2], на Большой Дмитровке[3] и под домом князей Юсуповых[4] — у Красных ворот. Последние ходы вряд ли будут доступны для исследования ввиду отрицательного отношения домовладельцев к раскопкам. Средства на организацию раскопок поступают в большом количестве».

Со всеми положениями отзыва еще можно кое-как согласиться, но с последним никак, ибо без всяких средств Общество вступало в жизнь, охваченное лишь горячим желанием работать собственными руками и головой, и никаких средств на организацию раскопок ниоткуда не поступало даже в малом количестве, если не считать начальницы гимназии, где я преподавал, пожертвовавшей сто рублей на приобретение спелеологического бура.

«В Москве,— писало «Русское знамя» от 26.II.1912 г., № 46,— организовалось Общество по исследованию памятников древности, основанное бывшими и настоящими слушателями Московского археологического института (на деле я был единственным «бывшим слушателем», а «настоящим» — только В. Г. Способин.— И. С.). Задачей Общества является исследование памятников старины, а также подземных сооружений, для чего образована особая комиссия. Исследование этих сооружений давно является необходимым для выяснения некоторых вопросов нашей старины, в частности, такого кардинального вопроса, как вопрос о месте хранения библиотеки Грозного».

«11-го февраля (1912 г.),— писала в заключение газета,— были произведены выборы правления, в состав которого вошли: председателем В. Г. Способин, товарищем его И. Я. Стеллецкий, секретарем священник П. Д. Синьковский, казначеем А. А. Голубов, членами правления Н. А. Александров и С. И. Смирнов».

«СПБ ведомости» дословно привели сообщение от 26.II.1912 г. № 46-го «Русского знамени», подвергнув усекновению лишь выборы правления.

«Правительственный вестник» от 24.II.1912 г., № 44, перепечатал лишь заметку «Русских ведомостей» от 24.II.1912 г., № 43:

«Комиссия по исследованию подземных сооружений при Московском обществе по исследованию памятников древности разрабатывает план так называемой подземной Москвы. Древние подземные ходы в Москве образуют целую сеть, мало еще исследованную. Пока обнаружены подземные ходы между Новодевичьим монастырем и мануфактурной фабрикой Альберта Гюбнера[5], под Донским монастырем, Голицынской больницей[6] и Нескучным садом. Хорошо исследован подземный ход под Боровицкой башней, в которой найдены две ниши, открывающие тоннели к центру Кремля и под Ильинку.

Подземные ходы имеют также башни Тайницкая, Арсенальная и Сухарева. Обнаружены еще другие подземные ходы, по-видимому, стоящие отдельно от общей сети».

Наконец, комплексная сводная заметка «Нового времени» от 25.II.1912 г., № 12911:

«В Москве организовалось Московское общество по исследованию памятников древности, основанное бывшими и настоящими слушателями Московского археологического института. Задачей общества является исследование памятников старины, а также подземных сооружений, для чего образована особая комиссия.

Исследование этих сооружений является необходимым для выяснения некоторых вопросов нашей старины и, в частности, такого кардинального вопроса, как вопрос о месте хранения библиотеки Иоанна Грозного». [...]

СМЯТЕНИЕ КОНКУРЕНТА. Приведенные отклики столичных (петербургских) газет, особенно «Нового времени», несомненно, произвели впечатление в сферах. Этим объясняется интерес к кремлевской проблеме в последующие годы как со стороны некоторых царских министров, так и Военно-исторического общества, а также та сравнительная легкость, с какою было получено разрешение Кремлевского дворцового управления на исследование не только башен, но и, на этот раз, их подземелий. Сомнений нет: повремени немец с первой мировой войной еще годик-два, и культурный мир уже тогда имел бы к своим услугам бесценное кремлевское книжное сокровище!

Необычайный, широкий и высокий рост интереса к этому последнему, развернувшийся в результате тогдашней бурной «кампании» по отысканию библиотеки Грозного, явно испугал многих и прежде всего основного конкурента — Н. С. Щербатова, фактического производителя раскопок в Кремле в 1894 г. [...] Семейно было решено, что надо действовать решительно: отстоять во что бы то ни стало щербатовский приоритет,

а для этого послать в Петербург с докладом о раскопках 1894 г. надежное лицо. Таким лицом был признан князь М. Щербатов. Последний спешно выехал в Петербург и обратился с предложением доклада на указанную тему в президиум Русского Военно-исторического общества.

В результате — «25 февраля 1912 г.,— писал «Русский инвалид» от 1.III.1912 г., № 43,— состоялось очередное заседание Разряда военной археологии и археографии. По оглашении и утверждении протокола предыдущего заседания, князь М. Щербатов ознакомил собрание с результатами исследований тайных ходов Московского Кремля, предпринятых князем Н. Щербатовым в 1894 г.

Московский Кремль, постройка которого приписывается Аристотелю Фиораванти, Ивану и Петру Фрязиным, представляет из себя выдающийся памятник военного зодчества конца XV в. и тем не менее остается до нашего времени почти не изученным. Это указание касается особенно подземной части Кремля, представляющей громадный интерес не только по выяснению плана подземных ходов, помещений и их назначения, но и решения вопроса, кажущегося легендарным,— о месте нахождения библиотеки Иоанна Грозного. Исследование князя Щербатова показывает чрезвычайную сложность подземных сооружений Кремля, большую трудность не только точного исследования, но и простого проникания в них.

Большинство ходов оказываются замурованными, некоторые перерезаны фундаментами более поздних построек (Арсенал), а некоторые помещения имеют нарушенные своды. Интересное сообщение свое, иллюстрированное диапозитивами, князь Щербатов закончил пожеланием, чтобы работы 1894 г. были продолжены Русским Военно-историческим обществом».

О том, что в результате доклада М. Щербатова в недрах названного Общества производился обмен мнений и даже имели место дискуссии по поводу библиотеки Грозного, можно судить по тому, что вскоре после указанного доклада членом Общества, полковником Печениным мне было предложено сделать доклад о библиотеке Грозного в том же Разряде военной археологии и археографии при Военно-историческом обществе. Предложение мною было охотно принято: я ездил в тогдашний Петербург и сделал в Разряде доклад о современном состоянии вопроса о поисках библиотеки и степени обоснованности надежд на скорое ее отыскание.

«ПРОРАБЫ... НЕ ХОТЯТ». Прошло полгода с момента путешествия М. Щербатова в Петербург с «оборонной» целью. Следстви-

ем этого было то, что Москву пуще стала волновать проблема библиотеки Грозного. Когда в Кремле в августе 1913 г. начались земляные работы вокруг Успенского собора в связи с его реставрацией, московская общественность с нетерпением ждала от газет известий об открытии новых подземных ходов. «Русское слово», бывшее всегда весьма чутким на запросы масс, поспешило и тут пойти навстречу пожеланиям москвичей. Москву волновали слухи, будто у стен Успенского собора открыт подземный ход, который ведет к библиотеке Грозного. «Русское слово» писало по этому поводу от 28.VIII.1913 г., № 198:

«Чем служил этот ход, или, вернее, сводчатая галерея,— определить в данный момент невозможно. Однако знатоки Кремля, судя по незначительной высоте хода — всего в половину человеческого роста,— и присутствию на дне его окаменевшего ила*, склонны думать, что он служил каналом для наполнения бывшего теремного живорыбьего садка «тишайшего» царя Алексея Михайловича.

Другие высказывают догадку, что ход ведет к библиотеке Ивана Грозного, скрытой, по преданию, в недрах твердынь Кремля. Кстати, предание о библиотеке Грозного давно волнует археологический мир Москвы. Лет 15—20 тому назад князь Н. С. Щербатов, теперешний директор московского Исторического музея, в поисках библиотеки предпринял ряд раскопок. При этом было обнаружено множество подземных ходов, но ни один из них не привел к сокровищнице Грозного, спрятанной подозрительным царем в неведомом тайнике...

Почему-то все находки исследуются крайне поверхностно. Главной целью производителей работ является реставрация Большого Успенского собора. И дальше идти они, по-видимому, не хотят».

Сетования «Русского слова» вполне законны и понятны. Земляные работы вокруг названного собора «прорабы» вели строго законспирированно, на пушечный выстрел не подпуская археологов и тем более спелеологов. Это мне живо напомнило «архитекторское запрещение» времен Конона Осипова, но здесь оно было еще менее обоснованно. Слухи об упомянутом подземном ходе были крайне волнующи, они не давали спать; ясно представлялась неотложная необходимость спелеологического его обследования до конца. Что дало бы это обследование, мы не можем догадываться, но что оно дало бы нечто неожиданное и,

---

* На глубину, возможно, другой половины человеческого роста! На это открытие спелеологи должны обратить исключительное внимание.— Примеч. авт.

возможно, научно ценное,— это несомненно. Но, увы, «прорабы» действительно этого не хотели.

Среда архитекторов-прорабов в то время представляла из себя строго замкнутую касту, куда не допускался ни один археолог, а тем более, повторяю, спелеолог. Прав С. Р.[7] из «Русского слова»: «...на совести тогдашних прорабов крайне загадочный кремлевский подземный ход, безвозвратно погибший для науки по странному капризу самих же ученых»...

Глава XII

«СЕЗАМ, ОТВОРИСЬ!»

«ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ...» Выступления (мое и М. Щербатова) о библиотеке Грозного в Русском Военно-историческом обществе в Петербурге не могло, конечно, не привлечь внимания к этому делу со стороны Московского его отделения, действительным членом которого я состоял. Вполне натурально было обратиться в это последнее с ходатайством об исхлопотании права на раскопки в Кремле в поисках библиотеки Грозного.

Московское отделение с готовностью пошло на это. Оно обратилось (за № 837) в дворцовое управление о разрешении для меня осмотра кремлевских стен с их подземельями. Ответ последовал 13 декабря 1912 г. (за № 6015): «Заведующий придворной частью в Москве князь Оболенский разрешил действительному члену Общества И. Я. Стеллецкому произвести с научной целью осмотр кремлевских стен и башен, за исключением подземелий Кремля». Ответ — убийственный, равносильный полному отказу, ибо что такое стены и башни Кремля в отношении к подземной библиотеке без таинственных под ними подземелий, связанных тесно с подземным Кремлем вообще? Оставалось искать иных путей в последний, так как ответ дворцового управления обесценивал и бывшие доступными для меня «архивные» башни Кремля.

Выход, казалось, был найден: Арсенал и его подвалы! Там как раз производились работы по приспособлению части Арсенала под музей 1812 г. Осмотрев подвалы, я выбрал один, выстучал его дно; в одном пункте отчетливо послышался гул пустоты. Вооружившись лопатой, я стал копать (для отвода глаз в часы, когда в подвале находились рабочие). На глубине около метра показался тонкий слой щебня с известкой, а под ним — типичный кирпичный свод, издававший от удара глубокий звук пустой бочки. Был большой соблазн пуститься в авантюру: тайно пробить свод и исследовать подземный Кремль. Однако мысль

о дворцовом veto[1] «за исключением...» вернула к благоразумию... Странно, что впоследствии, когда подвалы Арсенала были в полном моем распоряжении — копай, где хочешь, я не мог найти этой драгоценной точки... Но придет время, она будет найдена, при условии, если это потребуется.

К ЦАРЮ С ЧЕЛОБИТНОЙ. Наступил 1913 г., юбилейный год трехсотлетия династии Романовых. Было опубликовано о разрешении подавать на высочайшее имя прошения о личных нуждах подданных. Мне пришло в голову использовать исторический момент и просить о разрешении того, в чем отказало дворцовое управление. С нетерпением ждал ответа. Долго пришлось его ждать. Наконец, ответ пришел, ошеломив меня своей... неожиданностью,— из Археологической комиссии! Почему? Размышляя над вопросом, приходишь к выводу, что о прошении было доложено царю, но подсказано при этом, что поскольку вопрос научный — передать проект в Археологическую комиссию, на предмет соответствующих действий. Нечто на манер того, что наблюдаем в этой области в наши дни: «Включить в это дело Академию наук СССР!»

ИАК[2], рассмотрев дело, пожелала наперед знать то, что могли дать, может быть, только длительные изыскания и раскопки. Словом, Археологическая комиссия, за подписью товарища председателя академика В. В. Латышева, просила «представить сколько-нибудь точные предположения о месте, где могла сохраняться названная библиотека». Датирован этот исторический документ 2 июня 1913 г., № 890. Вот полный его текст: «Вследствие поданного Вами прошения на высочайшее имя, препровожденного Канцелярией его императорского величества по принятию прошений в Императорскую Археологическую комиссию на зависящее распоряжение, Комиссия имеет честь уведомить Вас, милостивый государь, что проекту розыскания библиотеки царя Иоанна Грозного на средства Государственного казначейства не может быть дано дальнейшего движения впредь до представления Вами сколько-нибудь точных предположений о месте, где могла сохраняться названная библиотека».

Восемь месяцев думал я над тем, отвечать ИАКу или нет. Решил отвечать фельетоном в газету. 1 марта 1914 г. в «Утре России» появилась моя обширная статья «Царь Иван Грозный. К поискам его библиотеки в кремлевских подземельях». В статье давался «более или менее» точный ответ о местонахождении библиотеки: «...между соборами Успенским, Благовещенским и Архангельским, ближе к двум последним». Таким образом, известно «более или менее» точно местонахождение библиотеки,

известны и разнообразные пути, к ней ведущие. Остановка лишь за творческой инициативой поисков, что, надо надеяться, не заставит себя ждать, ибо не пристало XX веку — веку расцвета археологической науки и культа родной старины — тянуться в хвосте века XVIII».

Итак, надежда, хоть и еле теплившаяся, что царь Николай II пожелает во славу 300-летия своей фамилии извлечь знаменитое сокровище из недр Кремля и тем прославить свое царствование, угасла не расцветши.

[...]

....

Глава XIV

СЕКРЕТАРЬ ОДНОГО АРХИВА

ВХОД ОТКРЫТ. Тем временем в Московском архиве Министерства юстиции втихомолку шла большая работа по розыску архивных документов о библиотеке Грозного. И небезуспешно: был найден ряд новых документов. Копии с них (у меня, к сожалению, не сохранились) были направлены в Петербург, на имя интересовавшегося этим делом тогдашнего министра юстиции; красноречивое доказательство, что идея неотложного отыскания библиотеки Грозного начинала проникать и даже становиться эффективной в кругах царского правительства. Названный архив это обстоятельство дальновидно учитывал и сделал дальнейшую попытку перейти от архивного документа к археологической лопате, так сказать от Маттеи к Тремеру. Роль последнего он прочил мне. Для этого он вошел с мотивированным заявлением от 10 июня 1914 г. № 354 в Дворцовое управление, прося «разрешить делопроизводителю архива ученому археологу И. Я. Стеллецкому произвести нынешним летом археологический осмотр подземелий в башнях Арсенальной и Тайницкой с целью проверки и пополнения содержащихся в документах архива сведений». В сущности архив юстиции просил о том же, о чем за два года перед этим просило Московское отделение Русского Военно-исторического общества: об осмотре башен Арсенальной и Тайницкой с подземельями. В обоих случаях осмотр был разрешен, но в первом случае — без подземелий, в последнем — с подземельями: огромная эволюция за два года! Чем это объяснить? Думается, только ростом популярности в сферах идеи извлечения из недр Кремля «заколдованного клада» России. Не потому ли положительный ответ Дворцового управления на запрос архива юстиции последовал на этот раз всего десять дней спустя. [...]

«Заведующий придворной частью в Москве и начальник

Дворцового управления,— значилось в документе,— разрешил ученому археологу И. Я. Стеллецкому произвести нынешним летом археологический осмотр подземелий в башнях Арсенальной и Тайницкой с целью проверки и пополнения содержащихся в документах архива о них сведений».

По правде, достижение выпало колоссальное: из этих ключевых позиций подземного Кремля я имел в сущности в своем распоряжении ходы и выходы во все его концы, а, стало быть, и к вожделенной библиотеке Грозного!

НАЙДЕН «СПИСОК». Архив юстиции меж тем продолжал самоотверженно углублять и расширять сложное дело отыскания следов библиотеки Ивана Грозного. Деятельно шла и архивная подготовка к XIV Археологическому съезду в Пскове. Лето 1913 г. я провел в спелеологической командировке от Московского Археологического общества в Прибалтике. Одновременно я имел секретное поручение от своего архива во что бы то ни стало отыскать в Прибалтике Веттермановский список библиотеки Грозного! Задание было блестяще выполнено: однажды, сто лет тому назад найденный список был найден вторично. Это была одна из величайших удач в архивных поисках библиотеки! Скопировав наполовину с трудом разбираемый на немецком языке документ, я взглянул на подпись; первая буква была как будто «W». Веттерман?! Первое мгновение я был ошеломлен. Радостно воскликнув в душе «Эврика!», я поспешно свернул вязку с тем, чтобы вскоре же, еще до Археологического съезда, приехать вновь и сфотографировать драгоценную находку. О сенсационном открытии этом знали только двое: первооткрыватель да профессор Д. В. Цветаев[1], директор Московского архива юстиции.

Впереди предстоял отчет на одном из заседаний Московского Археологического общества о моих спелеологических достижениях в Прибалтике. На отчетном заседании Общества мы выступали с профессором Д. В. Цветаевым, но как бы по молчаливому уговору, о знаменитой находке ни слова! [...]

КАТАСТРОФА. Я торжествовал: глубочайшее внутреннее убеждение говорило мне, что заветный «сейф» человечества с редчайшим книжным сокровищем будет вскрыт! Притом вскоре же после съезда... А оставшийся до съезда отрезок времени целиком ушел на подготовку к съезду. И вдруг, накануне назначенного уже дня отъезда в Псков, разразилась катастрофа — грянула первая мировая война, развязанная кровожадным немецким империализмом. Пришлось горько пожалеть об упущенном

драгоценном времени, когда многое можно было успеть на путях к тайне... Единственным утешением служила мысль, всеобщая притом, что война продлится недолго. Увы, тридцать лет минуло, раньше чем я добрался до заветной «последней черты» перед библиотекой Грозного!..

Два года тщетно прождал я в Москве окончания войны. Когда же, казалось, запахло концом, я очутился в 1916 г. добровольцем на Кавказском фронте, с тайным умыслом проделать прифронтовую спелеологическую экспедицию. Шел на все. В случае неудачи — хоть в окопы, только на фронт: ведь окопы — даровые раскопки, способные многое открыть наблюдательному глазу археолога-спелеолога...

Судьба, однако, обернулась лицом. Наместник Кавказа великий князь Н. Н. Романов[2] к моменту моего приезда издал строжайший приказ о регистрации и исследовании памятников древности на фронте! Управление завоеванными областями Турции оказалось в затруднении ввиду отсутствия специалистов. Тут я, с проектом прифронтовой археологической экспедиции, подвернулся весьма кстати. Были отпущены средства, снаряжение, даны полномочия. Я исходил с экспедицией вдоль и поперек самый глухой в Турецкой Армении округ, куда не ступала еще нога археолога, и прошел по фронту от Эрзерума до Трапезунда. Удавшаяся экспедиция эта дала очень много...

Однако мысль об оставленной неразгаданной загадке в Москве не давала покоя. Вихрь мировых событий задержал на годы. Дошли грустные вести: мои библиотека и архив вывезены неизвестно куда. Ни А. В. Луначарский в 1919 г., ни Главнаука в 1924 г. и 1925 г. не смогли их найти. Не найдены они до сих пор. А в архиве описание «списка» библиотеки... Так двойная катастрофа — в порядке мировом и личном — поставила меня в трудное положение подозреваемого иными скептиками чуть не в шантаже и мистификации.

В СОВЕТСКИЕ ДНИ

Глава XV
НОВАЯ МОСКВА

Другой десяток лет из указанных двадцати принадлежит Москве новой, советской, куда я вернулся, наконец, накануне рокового 1924 г., унесшего великого Ленина.

Впечатление от новой Москвы получилось смутное: старая Москва таяла на глазах, превращаясь с каждым днем в Москву

«уходящую»; контуры же новой не всегда были отчетливо ясны. Чувствовал себя без корней, на зыбкой почве, в затруднении — с кого и с чего начать, чтобы оживить, продолжить «старую погудку на новый лад». Одно было ясно: начинать надлежало с азов, с какой-то археологической институции. Первая же такая инстанция дала то, про что можно сказать:

СПЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ «БЛИН». По пословице — «первый блин — комом» «блин» не удивил меня, так как в новой Москве старый лозунг — «Библиотека Грозного» — звучал каким-то скрипучим анахронизмом. Испечь этот «блин» суждено было тогдашней заведующей Отделом по делам музеев[1].

На мою докладную записку она только руками развела, как во время оно царь Алексей Михайлович на послание Паисия Лигарида. Не соблазнило ее и то, что я выражал полную готовность «предоставить как подробные данные по истории библиотеки и вековых ее поисков, так и план и смету расходов при дальнейшем ведении поисковых работ».

Ни к чему не привели и обращения по тому же делу — оба в 1923 г.— в Постпредство УССР при Правительстве СССР. В апреле 1924 г. я зачислился сотрудником Исторического музея, признаться, не без задней мысли — подвигнуть последний на, казалось бы, близкое ему по духу и идее великое культурное дело.

Я вошел с официальным предложением образовать специальную комиссию и добиться для нее разрешения на спелеологические изыскания в кремлевских башнях: Арсенальной и Тайницкой, ставя своей прямой задачей отыскание библиотеки Грозного.

Проект был встречен ледяным холодом и недоуменным молчанием. Тут я впервые ясно осознал, что с археологами мне в этом деле не по пути! Но не было никаких путей и в «сферы»...

СИЛА ПЕЧАТИ. Тогда я решил обратиться к всемогущему, далеко и верно бьющему печатному слову; проще говоря, я направил стопы свои в редакцию «Известий». Тут я действительно нашел внимание и понимание. 21 марта 1924 г.— историческая дата, переломная фаза в истории поисков библиотеки Грозного в советские дни: в этот день в «Известиях» появилось — всколыхнувшее не только Москву! — историческое интервью под лаконичным заголовком «Библиотека Грозного». Взметнулся вихрь. Москва, казалось, вдруг вспомнила о давно

забытом: в ней с удвоенной силой вспыхнул интерес к тайне, так ее волновавшей когда-то, к затерянной кремлевской книжной сокровищнице!

«ШУМИХА». Москва жадно насторожилась, ожидая дальнейших информаций. «Известия» пошли ей навстречу: три недели спустя появился фельетон «Загадка Кремля. К спору о библиотеке Грозного». Но, говорят, «аппетит приходит с едой». Москва хотела еще! И через шесть недель в «Известиях» же появился обширный фельетон — «Подземный Кремник». Откликнулась и «Вечерняя Москва», в двух номерах, 81 и 82, от 7 и 8 апреля, пересказом Корнелия Зелинского (Корзелин) «Кремль под землей». Вторила и «Рабочая газета», разразившаяся статьей от 3.III.1924 г. «Подземная Москва» и даже взявшая на себя шефство.

Москва, казалось, бредила Грозным и его таинственным кремлевским кладом. Тогда-то спохватились археологи из Исторического музея, вдруг увидев себя в хвосте событий. Как бы стараясь наверстать упущенное, названный музей под флагом «Старой Москвы» организовал в своих стенах, собрав ученых Москвы 10.VI.1924 г. и Ленинграда 9.VII.1924 г., два бурных диспута о библиотеке Грозного, отродясь не видавшей подобной ученой трепки.

На лекции автора о библиотеке Ивана Грозного в Историческом музее 10 июня 1924 г. собрание ученых Москвы — «столпов истории и археологии» — высказало свое мнение о том, что такое библиотека Грозного и стоит ли вообще ее искать?

Отзывы высказывались положительные и отрицательные; были воздержавшиеся.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ

Академик А. И. Соболевский. Существование библиотеки Грозного исторический факт. Уже при великом князе Василии Ивановиче о ней велась переписка между гуманистами. Есть указания, что южно-русскими учеными предпринимались специальные паломничества в Москву за теми или иными книгами «книгохранительницы» Грозного. Так, в конце XVI в. такое путешествие в Москву совершил из Киева иеродиакон Иоаким, а из Молдавии, после кончины Грозного, такое путешествие предпринял диакон Исаия, с целью отыскать в библиотеке Грозного «Житие Феодосия Печерского[2]», которое было вынесено из «большого погреба». Здесь имеем прямое указание на существование «погребов», большого и малого. Мое мнение, что эти погреба можно и должно отыскать. Это не погреба в собственном, ходячем смысле слова, а подземные, недоступные для огня и сырости каменные палаты, в которых хранятся царский архив и библиотека Грозного.

Дабы извлечь из недр эти бесценные сокровища и использовать их для науки, копать, безусловно, нужно.

В. К. Трутовский. (упомянул о провале в Кремле) ...желательно было бы знать его размеры. Вообще же, провалы не имеют большого значения.

Что касается поляков, то ими ничего не было расхищено в подземном Кремле: Андропов за этим присматривал. Бур, хотя, может быть, и желателен, но, в сущности, на что он? Относительно условий сохранности книг даны указания у Максима Грека. Книги или рукописи в сундуках или ковчегах дошли до нас, надо полагать, в полной сохранности.

Библиотека Грозного, по известиям, помещается в каменных палатах под землей. В XVI столетии вообще было мало каменных построек, поэтому и копать придется на ограниченном пространстве. Что касается провалов, то покойный Д. Н. Анучин[3] не интересовался ими, считая их ямами для известки. Одну такую яму он наблюдал в течение 30 лет, и яма не дала осадки, значит, по нему, яма была для известки. Мне думается, если библиотеку вообще искать, то — около соборов. Анучин полагал, что библиотеки не найдут, но попутно находки будут ценные.

И. М. Тарабрин[4]. Если библиотеку будут искать, то одновременно будут сделаны и другие ценные находки. Достаточно вспомнить случай в 40-х годах, когда были случайно найдены документы XIV в., исследованные академиком Бередниковым.

Нужно или не нужно копать, это вопрос, который также будет стоять и завтра и послезавтра. Так уж лучше копать сегодня.

Э. С. Батенин-Батый[5]. При поисках библиотеки Грозного надо различать в работе две стороны — полевую и кабинетную: что добыто первой, должно быть освещено второй.

Вокруг проблемы поисков библиотеки много шумихи; это — оболочка, которую надо снять... Много возникло шума вокруг тайника на Б. Дмитровке[6]. Мальчик, родившийся в 1907 г., в 1917 г. видел ход, о котором донес только в 1923 г. Тут много сомнительного. Прокопали, ища тайник, на шесть метров, а надо копать на 12.

А. В. Щусев. В вопросе о библиотеке Грозного надо установить, из чего сложены подземные палаты — книгохранилище Грозного. По всем данным, из мячковского камня. Это слабый мелкозернистый известняк. Кладка в подвалах в старину была смешанная: из камня и кирпича, аналогично тому, как строили в Египте. Отсюда налицо — сухость подвалов, хотя специальных предохранителей от сырости не существовало.

Забелин также упоминает о сухости подвалов. Искать библиотеку следует под Благовещенским собором, где он смыкается с прежним зданием приказов. Надо все обшарить. Если что и сохранилось, то лишь там, где строения. Вообще, копать стоит. Пример, Десятинная церковь в Киеве, где сохранился слой грязи великокняжеского периода. Раскопки, безусловно, следует произвести, но для этого нужны силы и средства. **Надо, чтобы результаты работ не пропали даром для науки,** иначе сомнительно выбрасывать средства.

Необходимы квалифицированные рабочие. Сомнительно, чтобы следовало начинать сложные раскопки. **Необходимо произвести обследование подземной Москвы,** а также подземелий военных сооружений Кремля. На последние шел не только известняк, но также и песчаник, который притащили на фортификацию.

Если дело поисков будет произведено с комиссией, то инициативу Игнатия Яковлевича можно только приветствовать. Опасений ущерба для гражданских сооружений нет никаких. **Несомненно, величайший клад хранится в кремлевских подземных ходах.** А потому исследовать подземный Кремль, безусловно, следует.

Д. П. Сухов[7]. Обсуждается вопрос: нужно ли копать? Скажу прямо — сколько бы ни стоило — нужно! Задание взято правильное. Необходимо собрать исчерпывающие сведения о подземном Кремле. Существует целый ряд изданий.

Н. Д. Виноградов[8]. Мы живем в XX в., веке расцвета техники. Никто не упомянул о том, что раньше все бросалось из-за отсутствия технических средств. Например, на Дмитровке: начато хорошо, но брошено слишком рано. Следует буром пройтись по Кремлю, бур ответит на все вопросы.

Приступить немедленно к исследованиям не только можно, но и должно.

Собственно о библиотеке Грозного сказать ничего не могу. Подходы Клоссиуса, Забелина и других — будто библиотека Грозного сгорела в пожаре 1571 и 1612 гг.— считаю неправильными. Ведь собственно Кремль в 1571 г. и не горел вовсе, а лишь его окрестности. В летописи упоминаются постройки на случай пожара только подземные. В Саратовской губернии, например, все под землей на случай пожара.

Обследование подземного Кремля необходимо; палаты находятся ориентировочно на глубине 6 метров. Слой глины не пропускал воды. Камень для подземных палат употреблялся не только мячковский, но и песчаник (Мавзолей Ленина).

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ.

М. К. Любавский. Я буду говорить как историк... Подвальные помещения находились под Благовещенским собором, где хранилась и «казна». Подвал при Иване III продолжен по направлению к Москве-реке и получился «Приказ Большой Казны». В XVIII в. здесь была площадь. Поиски библиотеки Грозного довольно-таки бесплодная работа: известно, где палаты находились. Зачем было Грозному прятать библиотеку? Нет основания все вверх дном поднимать...

И. Н. Бороздин. Рыть или не рыть — вот в чем вопрос! Трудно ответить на него. Надо быть практиком и подходить к делу с осторожностью, а это не представляется возможным. Конечно, соображения А. И. Соболевского интересны, но... присоединяюсь к мнению Матвея Кузьмича (Любавского.— И. С.). Решительно протестую против рытья в 12 метров глубиной. [...]

В сообщении докладчика отмечу ряд промахов. Мы с ним уже не раз скрещивали оружие. Например, по поводу его увлекательного доклада в Московском археологическом обществе о кладоискательстве, о волшебной палочке, своего рода «разрыв-траве»[9].

При анализе библиотеки Грозного возникает ряд вопросов: почему Грозный убил хранителей своей библиотеки? Олеография в изображении Грозного, комплименты ему, трафарет, скупо. Вообще, подход не солидный: «доисторическая» пещера в кладовых[10]!.. Могут дискредитировать сделанные ошибки. Детективный роман. Давно уже ищут, а ничего не находят. Вот куда идут народные денежки... Чтобы всем собором рыть Москву, надо знать, как копать. Вообще, в культурном смысле считаю вредным.

Н. И. Соболев[11]. При изучении палат необходимы планы, планы палат около полукруглой анфилады имеются[12]. А. И. Соболевский указывает на провалы. Провалы говорят, что подземные помещения существуют. Но копать — преждевременно, денег нет.

И. В. Рыльский. Считаю несвоевременным поднимать почву Кремля. Нет средств. Возможно разрушение памятников. Где собственно надо искать библиотеку Грозного, докладчик не сказал. Почему?

Ее скорее надо искать вне Кремля, а не в Кремле... Покрышкин[13], собственно, описал все. В сущности, не знаем, откуда начать и куда идти. Боюсь, что отразится на подземных сооружениях. Необходимо ждать, а пока охранять то, что есть.

В. И. Немоловский. Огромное влияние на книги имеет сырость. Все книги в храме Василия Блаженного сопрели. Считаю невозможным найти книги в целости.

И. К. Линдеман. «Доколе ты будешь злоупотреблять нашим терпением»,— воскликнул Цицерон... В открытие библиотеки мало верю: не вижу научных к тому оснований. Фельетон «Кремник» — пыль в глаза. Кремль так назван, по Вельтману, позже. Голословно, указаний нет. А есть ли зарегистрированные камеры? Говорит, сам исследовал сундуки[14] (?). Сундуки исследовал и Петр[15] (Снегирев) (?). Докладчик когда-то делал сообщения, а мы ничего не получали от него уже лет 20. Клоссиус и Дабелов, на которых он ссылается, не ученые...

(?). Колодец в башне (Арсенальной.— И. С.) — уж не люк ли, из которого потом ходы ведут? Павел Алеппский[16] в XVII в. отмечает поднятие воды в башне, так как водные течи испортились, а что там на самом деле, мы не знаем. Подходы к делу не научные.

М. И. Александровский[17]. Благовещенский собор строил Фиораванти. Термин «кремник» появляется с 1333 г., раньше итальянцев... Сокровища обычно помещаются наверху, почему же библиотека Грозного в подземелье?.. Она целиком попала в патриаршую библиотеку: все это жевано-пережевано Белокуровым. Самый доклад лучше фельетонов докладчика. Мой вывод — искать библиотеку Грозного незачем!..

М. И. Щелкунов[18] (подытоживая прения). Я вынес разочарование от наших прений. Одни — рыть надо, другие — рыть не надо... Линдеман оставил без ответа вопрос, так интересующий собрание.

Докладчик — энтузиаст, так обольем же его холодной водой! Между тем вопрос этот крайне важный. Он сводится к тому, что подземный Париж обследован, а «Старую Москву» подземная Москва не интересует.

Между тем под Москвой мы найдем больше, чем в любом кургане. Фельетоны докладчика в «Известиях» написаны в духе американских фельетонов. Говорят, «пренебрег точностью». В действительности этого нет. Роль Игнатия Яковлевича — тяжелая, неблагодарная. До 17-го года дело с подземной библиотекой тянулось вяло, до 1924 г. было не до этого. Теперь надо вести с коллективом: неправильно — одному.

Вопрос о подземной библиотеке Ивана Грозного представляет жгучий интерес, и мы благодарны Игнатию Яковлевичу за инициативу в этом деле. А дело может иметь крупные последствия. Дайте возможность быть уверенным, что Комиссия дело поддержит. Легкие исследования, возможно, много дадут. Необходимо только взяться за лопаты учеными руками.

ВОЗДЕРЖАВШИЕСЯ: Н. П. Чулков[19]**, М. Н. Сперанский**[20]**.**

П. Н. Миллер[21]. Комиссия не отмахнулась. Она только осторожно подошла. О «холодной воде» здесь нет речи, но неосторожно со всеми известными сведениями обращаться легкомысленно.

РЕЗЮМЕ. Топографических исследований в подземном Кремле никогда еще произведено не было, но произвести их совершенно необходимо, притом при первой же малейшей к тому возможности. Должна быть образована комиссия, а инициативу должен взять на себя отдел по делам музеев.

ДЕБАТЫ О БИБЛИОТЕКЕ ГРОЗНОГО МОСКОВСКИХ И ЛЕНИНГРАДСКИХ УЧЕНЫХ В АУДИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ 9 ИЮЛЯ 1924 Г.

Академик Н. П. Лихачев. Уже более 30 лет, как я принимаю самое оживленное участие в дискуссиях по вопросу о библиотеке Грозного.

Не согласен, что прения должны вестись только о библиотеке Грозного: ведь в Кремле могут быть и тайники и клады (оставляю вопрос о неолите, о котором говорил докладчик).

Приветствую желание исследовать Кремль — холм, который был бором. В его наслоениях имеются клады. Характерна находка в 1840 г. небольшого горшочка с бумажными и пергаментными документами (1382 г.— И. С.). Бумага выдержала лучше, чем пергамент; чернила выцвели, хранится в архиве Миниидел.

Почва Кремля заслуживает всяческого обследования. 30 лет назад я был

увлечен вопросом о библиотеке Грозного. Белокуров является левым отрицателем библиотеки, а я не был крайним левым.

Вопрос должен быть разделен на две части: а) что такое библиотека и б) могла ли она сохраниться и можно ль ее найти в подвалах?

Из доклада выяснился чрезвычайно важный факт, это вопрос о Collectanea Pernaviensia. Хотя между Дабеловым и анонимом целая пропасть, но нельзя отрицать сплеча: **Белокуров погрешил, отрицая все.**

Референтом допущены расширения точного смысла того, что говорят историки. Сведения о Софии Палеолог имеются точные: все разработано Пирлингом. Это — бедная невеста с приданым от папы. Эпоха наибольшего искания греческих рукописей — эпоха ее отъезда: каждая рукопись была на счету и библиотека не могла уйти из Рима незамеченной, поскольку была в силе частная собственность. При дворе были греки, которые значение библиотеки могли оценить. Важно определить иконы, прибывшие вместе с Софией Палеолог. Определение собраний ее рукописей — вопрос безнадежный, судя по тому, что видел Максим Грек.

Максим Грек имел у себя книгу «о ереси жидовствующих», из «книгохранительницы царской». От него же исходило требование прислать книгу Григория Богослова[22] с толкованиями.

Непреложный закон — греческие рукописи у московских царей были, но отрицаю, что Перновский список составлен точно.

Кто такой Паисий Лигарид? Едва ли не папский агент, личность темная, но ученая. Рукопись «Беседы патриарха Фотия» доселе была известна в одном списке. [...] Рукопись связана с именем Лигарида. Спрашивается, где рукопись написана? Эрнштадт обратился с этим запросом к Лигариду. Лигарид ответил, что «написана она в Москве». В Италии не употребляли бумаги французской; Афон, Греция, Турция пользовались бумагой особой, немецкой.

Бумажный знак[23] — головка шута — был общепринят в московских приказах, значит, Лигарид писал свое послание в Москве, где и подал свое прошение.

Это — плюсы, говорящие в пользу библиотеки.

Ниенштедт Веттермана знал лично, и когда он записал рассказ последнего — неизвестно. Об этом существуют различные вариации.

В отношении подвалов, виденных Веттерманом, может идти речь о двух подвалах. Вся обстановка, при которой Веттерман обозревал подвалы с их содержимым, не подлежит никакому сомнению: все здесь историческая правда и достоверность.

Бакмейстер, разобравши свидетельства хроники Ниенштедта, считает их недостоверным сказанием; это предшественник Белокурова.

Другое, более важное свидетельство, дабеловское; но он не удосужился списать начало, а дал только список книг, которые он видел. Достаточно сказать, что Дабелов — это специалист-филолог, который перечисляет desiderata[24] Европы: что в Европе утрачено, здесь оказывается! Дальше идет перечисление таких рукописей, которые дали право Клоссиусу говорить о золотых переплетах. Но в таких были только выносные Евангелия. Это было откровением для науки. Здесь мы имеем литературные памятники классического мира, которые совершенно уничтожены первоначальным христианством. А потому содержание списка сомнительно. Почему список не был списан вторично? Если бы это был подлинник, мы бы могли доказать его достоверность.

По Дабелову, бумага пожелтела, чернила скверные*. Нельзя допустить, что писалось тайком? Тогда бумага и чернила были превосходны. Мой вывод: если я сам лично проанализирую документ, я признаю его XVI в.: иначе это недостойная подделка.

Факт совершенно необъяснимый, что библиотека веками оставалась сокрытой. На этот счет имелись разные ходячие сказания.

---

* Рыжие.— Примеч. авт.

Кремль и его подземные ходы, повторяю, заслуживают самых подробных исследований. Кстати, дьяк Макарьев не говорил, что в ящиках были книги. Но что-нибудь все же будет там найдено, что поразит удивлением...

Можно приветствовать в деле раскопок эгиду Исторического музея. Необходим в этом деле самый строгий ученый подход, и все средства, какими располагает наука: ковыряться перочинными ножами — заведомо вредное дело.

В свое время подняли поход против Н. И. Веселовского[25], самого счастливого раскопщика. Но даже Веселовского недостаточно для правильных раскопок. Не может служить оправданием тезис: «вследствие недостаточного состояния археологической науки». Значит, надо работать, не дожидаясь спецов. Не буду корить предшествующее поколение археологов... Величественные раскопки в Месопотамии — ведь все это любительские хищнические раскопки.

Самый замысел — исследовать Московский Кремль — глубоко приветствую, при условии руководства со стороны музея; всякое любительство — отвергаю.

И. К. Линдеман. Я вторично выступаю против Игнатия Яковлевича — беру быка за рога. Хроника Ниенштедта. Что это? Не потрудился вникнуть в причину этого документа — не посмотрел в 3-ю главу Белокурова о Форстене[26], Бакмейстре, Клоссиусе — ни слова не сказал. [...] Ниенштедт писал свою хронику со слов Веттермана тридцать лет спустя, тем не менее Лихачев признает ее несомненной!

Со слов Арндта — книги были «вынесены»... Карамзин пишет: велел «разобрать», а Снегирев «разобрал и составил каталог». Каким образом еврейские книги могли прийти из Рима?.. В списке Дабелова нет указания на имя Веттермана.

Ю. В. Готье[27]. В лице докладчика мы имеем единственного человека, убежденного глубоко в том, что библиотека Грозного именно в Кремле. Это не был строго научный доклад: нет критики и скептицизма; это была горячая агитационная речь, проповедь!

Обрисовались путь докладчика и свободное обращение с историческими фактами. Например, стоило или не стоило Грозному прятать библиотеку? Докладчик не обратил внимания на библиотеку Московской духовной академии. Вопрос о существовании библиотеки Грозного как был темен до Игнатия Яковлевича, таким и остался и после него.

Докладчик затронул цель более важную — исследование кремлевских подземелий. Безмерно приветствую начинание, которое мы имеем в лице докладчика Игнатия Яковлевича. Найдут ли что-нибудь, я лично сомневаюсь, но Н. П. (Лихачев.— И. С.) верит, что можно найти нечто весьма важное. Вместе с тем будет исследована топография подземного Кремля. Если раскопки будут осуществлены, то разрешатся научно весьма важные задачи. Если работы произойдут под эгидой Исторического музея, то я всецело присоединяюсь; если к тому же найдутся и средства, то дело получится большое.

Н. Н. Соболев. От слова отказался.

П. Н. Миллер. Уже раньше высказывавшиеся взгляды Игнатия Яковлевича я поддерживаю. Решено научно подойти к делу раньше самой работы, а потом уже работать. По существу сегодняшнего доклада Игнатия Яковлевича — самого существования библиотеки Грозного не отрицает никто. Но замурованной библиотеки в недрах Кремля, считаю, не содержится.

П. Д. Барановский[28]. Не научный подход: характер веры носят не только доклад, но и статьи докладчика. Статьи не выдерживают критики, неприличны по своему содержанию. Что же касается библиотеки, такой библиотеки не могло сохраниться, она обратилась в прах, без вентиляции и прочего,— книги погибли[29].

На диспутах страсти кипели. В раскаленной атмосфере — борьба чуть ли не врукопашную! Ее отголосок в «Известиях» от 19 июня, № 137.

«10-го июня 1924 г.,— начиналась заметка «Кастовая наука»,— в Историческом музее тов. И. Я. Стеллецкий сделал доклад о «Подземной Москве». Тов. М. Турбина отмечает специфический характер выступления оппонентов тов. Стеллецкого. Знаменательно то,— пишет тов. Турбина,— что помимо скептического и часто злоиронического отношения к мерам, предлагаемым тов. Стеллецким для отыскания библиотеки Грозного, и обвинений его в неправильном толковании некоторых исторических фактов, было возмущение той «шумихой», которую вызвал докладчик своими фельетонами о подземной Москве. По мнению тов. Турбиной, т. Стеллецкому принадлежит большая заслуга в том смысле, что он именно на страницах газеты, а не в каком-нибудь историческом журнале или специальных, доступных лишь немногим археологических статьях, осветил этот интересный вопрос. Но члены ученого ареопага, археологи из общества «Старая Москва», очевидно, смотрят на это дело иначе и обрушились на тов. Стеллецкого именно за профанирование науки, монополистами которой они, вероятно, себя считают».

Глава XVI
ПО СТУПЕНЬКАМ ВВЕРХ

«ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА». Разуверившись в возможности склонить на свою сторону какое-либо учреждение (как это удалось в свое время с архивом юстиции), а также убедившись, что из прессы ничего, кроме шума («шумихи»), выйти не может, я остановился на мысли обращаться непосредственно к разным влиятельным и ответственным лицам в отдельности. Таких обращений за первые десять лет в советской Москве насчитывается целый ряд: по ним, как по ступенькам невидимой лестницы, обращался я все выше, стучась в те или иные двери и твердо памятуя древний лозунг: «Толцыти и отверзется».

Первая такая «дверь», куда я постучался 29.XII.1924 г., был председатель Моссовета — «наш почтенный городской голова», по характеристике М. Н. Покровского, направившего меня к нему.

«Как инициатор поисков культурного клада в XX столетии,— между прочим значилось в обращении,— я чувствую себя обязанным вести дело дальше. Очередным шагом,— по правильной коллективной мысли советских ученых, является проведение предварительных изысканий в этом направлении. Первым объектом последних должны стать две башни: Арсенальная и Гаиницкая.

Обследование их ныне было бы лишь прямым продолжением прерванного ураганом исторических событий чисто научного предприятия конца XIX в. Советское правительство, высказывавшееся неоднократно за разоблачение всякого рода исторических тайн и мистификаций, пребыло бы лишь верным самому себе, вскрыв, наконец, и эту вековую зудящую загадку учеными советскими руками».

НЕОЖИДАННАЯ ОПОРА. Новый 1925 г. открылся 9 января моей публичной лекцией о библиотеке Грозного в Большой аудитории Политехнического музея, вступительное слово к которой сказал академик А. И. Соболевский. Пространный отчет об этой лекции был помещен в «Известиях» от 13.I.1925 г., № 10, под заглавием «Тайны подземной Москвы». «Открытие этого ценного книгохранилища,— говорит газета в заключение,— имело бы огромную важность для научного мира не только России, но и заграницы».

НАРКОМПРОС. Четыре недели спустя я предпринял новую попытку «обращения», на этот раз к наркому просвещения СССР, от 12.II.1925 г.

«В качестве очередной задачи нашей современности в области науки на передний план выдвигается жизнью во весь рост вопрос об исторической библиотеке Ивана Грозного, сокрытой в подземных хранилищах Кремля.

Вопрос этот в науке не нов, но до сих пор он не привлекал к себе такого пристального внимания ученого мира, какого он по справедливости заслуживал.

Вторая половина XIX в. была эпохой шумных дискуссий и поисков следов названного таинственного книгохранилища, однако исключительно кабинетно-архивных. В результате оказался научно установлен факт, что библиотека Грозного не только конкретно существовала, но и даже сохраняется в полной неприкосновенности в подземельях Кремля.

Возражения на двукратных диспутах не касались вопроса о существовании библиотеки, которое не оспаривалось. Сейчас вопрос шел о том, как ее найти. Было признано, что без прямой заинтересованности в деле Советского правительства ничего сделать нельзя.

Ввиду изложенного, я, в качестве инициатора вопроса, позволяю себе обратиться к Вам, как наркому просвещения, как передовому ученому представителю советской власти, с предложением — взять на себя роль посредника и побудить Совнарком к активному вмешательству в это дело.

Ходячие возражения против проекта лишены внутренней силы. Говорят: «Обнаружение подземных тайников повлечет необходимость их охраны».

Известно, что царское правительство упорно отклоняло городской проект метрополитена под Красной площадью, ссылаясь на небезопасность при проезде высочайших особ. Между тем существуют и даже известны в печати тоннели и подземные ходы XV — XIX вв. Вдобавок, тоннельный узел неизбежного для Москвы метрополитена не только предрешен, но и приступлено уже к практическому осуществлению этого грандиозного проекта. При этом неизбежны гибель и уничтожение многих ценнейших памятников старины в виде древних подземных ходов и сопутствующих им.

Практика Парижа и Берлина в аналогичном случае наглядно показала, что прежде сооружения собственно метрополитена необходимо проведение узких подземных галерей, расширяемых затем в обширные тоннели. Вот почему практическое использование в Москве этих древних ходов дало бы в результате крупную экономию в средствах. Полученные сбережения с успехом можно бы бросить на генеральный розыск давно интригующего Европу русского сокровища — библиотеки Грозного. Историко-археологические данные намечают приблизительное местонахождение последней, что в значительной мере избавляет от необходимости топтания на месте и игры в жмурки.

Отсутствие у правительства средств. Ссылкой на это, между прочим, прикрылся отдел по делам музеев в ответ на мой аналогичный проект.

Лично я стою всецело на платформе, выраженной в резолюции коллектива московских ученых на диспуте 9 июля 1924 г.: «Раскопок без предварительных исследований не производить; предварительные же исследования начать немедленно».

Настоящим прошу Вас исхлопотать мне лично или комиссии ученых доступ в необходимые, строго определенные пункты подземного Кремля и прежде всего в башни Тайницкую и Наугольную Арсенальную. При этом — как утверждал, так и повторяю — на предварительные исследования подземной топографии Кремля никаких специальных ассигнований я не требую. По завершении разведочных работ наркому просвещения будут представлены отчет, план и точно выработанная смета.

Судя по современным откликам о библиотеке Грозного западноевропейской прессы, можно, не обинуясь, предприятие по розыску последней считать делом европейского международного значения. Европа не без зависти взирает на Москву, с надеждой — весь культурный мир!

Хочу быть уверенным, что с наркомом просвещения Вашего типа историческое предприятие — на верном пути; тайна веков в наши дни нашим поколением должна быть и будет, наконец, раскрыта».

Нарком, явно, крепко помнил о сделанном предложении, так как и несколько лет спустя, в личной беседе, напомнил: «Ваша любимая идея...»

СНК СССР. Почти весь 1925 г., от февраля до ноября, я тщетно прождал ответа от НКП. Под конец увидел себя вправе поставить на нем крест и обратиться к Председателю СНК СССР с докладной запиской от 14.XI.1925 г.

«Библиотека Грозного,— писал я в ней,— есть историческая загадка, близкая к разгадке. Современная наука не отрицает ее существования, считая сохранившейся вплоть до наших дней. Весь вопрос в том, как ее найти и вскрыть. Если бы Советскому правительству показалось стоящим отыскать это мировое сокровище и угодно бы было поручить это сделать мне, то (мой многолетний спелеологический опыт в том порукой) я бы ее разыскал. Пока я жив, я бы всего себя хотел отдать этому делу — свой опыт, свою любовь к идее, которую я бы не хотел унести с собой в могилу бесплодно, не претворенной в жизнь».

Ответа, увы, также не последовало. И я замолчал надолго, на целых четыре года...

ЦИК СССР. Только 22 августа 1929 г. я вновь поднял упущенную было нить — систему хождений «по ступенькам вверх», долбя, как дятел, в наглухо запертую подземную кремлевскую дверь. На очереди стал ЦИК СССР, которому направлено было обращение в виде докладной записки «Об исторической неотложности поисков библиотеки Грозного».

«Противники идеи исторического существования библиотеки Грозного до наших дней успели — в обоснование своей фальшивой концепции — составить в свое время и опубликовать две резко отрицательные книги (А. Белокурова и Н. П. Лихачева), а защитники ее не удосужились на большее, как только на несколько газетных и журнальных статей. Между тем на деле имеется гораздо больше научных данных в пользу ее существования до наших дней, нежели наоборот. Особенно характерно и показательно то, что среди методов отыскания кремлевского сокровища до сих пор никогда, ни разу не был применен метод спелеологический, впервые пущенный в ход мною».

Попутно я вносил, в интересах дела, предложение «поручить мне написать и представить как раз недостающую делу книгу,

излагающую историю поисков библиотеки и базирующуюся строго на документальных данных».

Ни такого поручения, ни хотя бы ответа на предложение я не удостоился. Однако, учитывая, что если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе, я собственными возможностями составил 15 лет спустя трехтомник о библиотеке Грозного, при этом представляемый.

Глава XVII
ГОЛОС ОБЩЕСТВЕННОСТИ

СОВЕТСКОЙ. Такой голос имеет большое показательное значение, так как наглядно свидетельствует о глубоком интересе к кремлевской тайне, существующем в толщах народных, в широчайших кругах как Советского Союза, так и зарубежных.

Можно прямо сказать, что тайна библиотеки Грозного стала народным достоянием, более того — проблемой международной.

Первые советские читательские запросы восходят ко времени свыше двадцати лет тому назад...

Вот под рукой один из наиболее ранних, от 16.II.1926 г., из «кровопийственного града» Грозного, бывшей Александровой Слободы, где мною производились в царское время изыскания на тему филиала библиотеки Грозного царя. Писал столяр Корнилов: «Глубокоуважаемый профессор! Я желаю лично переговорить с Вами об интересующем Вас вопросе относительно библиотеки Грозного. Я лично прочитал заметку в газете «Правда», где говорится, что вы очень заинтересованы в этом деле и стараетесь найти столь ценную находку. Я, со своей стороны, могу дополнить к тем сведениям, которые Вы уже имеете, кое-что более определенное, но для этого мне необходимо видеть Вас лично».

В царскую эпоху, как упомянуто, я одно время вплотную занимался розыском следов филиала библиотеки Грозного в его «кровопийственном граде», ныне г. Александрове. Частично достижения подытожены в статье «Забытый уголок Ивана Грозного» с рисунками, напечатанной в журнале «Исторический вестник» (1916 г.). По-видимому, столяр Корнилов в свое время ознакомился с этой статьей, а десять лет спустя заметка в «Правде» удостоверила его, что, дескать, «жив курилка», дай напишу! Встреча не состоялась, а жаль: он мог сообщить или о его личных наблюдениях, или поведать о забытых преданиях, какие еще ходят в народе по части «забытого уголка».

В конце 20-х и в начале 30-х гг. XX в. состоялся ряд

(в количестве семи) моих публичных лекций в Большой аудитории Политехнического музея — «Аудитории для всех» — на темы подземной Москвы и библиотеки Грозного. Аудитория, по составу, главным образом, молодежная, обычно бывала переполненной. [...] Факт показательный, говорящий сам за себя: подземная Москва москвичей волнует! Слышанное в аудитории проникало в широкие массы, откуда другой раз попадало в печать в искаженном виде, с примесью авторских фантазий и невежества, а иногда возвращалось к лектору в виде запросов «по поводу». [...]

Иногда, за неведением моего адреса, запросы поступали в журналы, которые по своему характеру не могли дать грамотного ответа. Иногда в печати появлялись нелепые безграмотные нападки на библиотеку Грозного и подземную Москву, вследствие чего последние приходилось защищать то в виде статей, то в виде «открытых писем» в редакции.

Нельзя не подчеркнуть также, что другой раз в печати появлялись весьма толковые отзывы о библиотеке Грозного, как, например, Е. Соколова.

С другой стороны, в новейших книгах, в которых можно было ожидать найти дельный отзыв о библиотеке Грозного, как таковой, не находим даже намека на самое ее существование, как, например, в книге С. Ф. Платонова «Иван Грозный». [...]

Глава XVIII
НЕМЕЦКИЙ ТРЮК

ВОЛШЕБНЫЙ ПРИБОР. Наиболее пикантное предложение поступило в августе 1929 г. из Кельна, от немецкого инженера Макса Фридерсдорфа, который писал от 27.VII.1929 г. следующее:

«Глубокоуважаемый профессор Стеллецкий! Прилагаемая при этом вырезка газетной статьи «Подземный Кремль» [...] дает мне повод довести до Вашего сведения, что я при помощи моих разведывательных приборов буду в состоянии точно определить местонахождение тех или иных предметов в подземном Кремле, а также глубину их залегания.

Для удостоверения своей личности присовокупляю:

1. Четыре удостоверения о производстве мною подземных поисков предметов при помощи моих шифровальных аппаратов, а также о том, что предметы действительно были найдены на предуказанной мною глубине.

2. Две страницы таблиц о результатах разведок с применением моего прибора.

3. Удостоверения об удачных разведках подземных вод.

Дабы доказать Вашему высокоблагородию, что я действительно предлагаю свои услуги не ради какой-либо ожидаемой выгоды, я представляю себя и свой прибор единственно из интереса к делу, причем прилагаю ряд положительных отзывов о производимых мною работах при помощи моей системы биологического самоочищения сточных вод. На этом я имею достаточный заработок и являюсь обеспеченным человеком, почему в спекулятивных предприятиях отнюдь не нуждаюсь. Поэтому и выговариваю для поездки в Москву в свою пользу только суточные и подъемные, да содержание в Москве ориентировочно дней на десять.

Я бы не стал предлагать свои услуги, не будь я твердо уверен в том, что моя работа будет иметь безусловно положительный результат. Должен заметить, однако, что я далек от того, чтобы работать при помощи волшебной палочки[1].

В случае, если бы согласились на мое предложение, нетрудно будет высчитать, какой расход потребует моя работа. Необходимо, однако, чтобы правительство СССР снабдило меня достаточными полномочиями, дабы я мог без всяких затруднений со стороны учреждений совершить свою поездку в Москву.

Теперь нам следует прийти к соглашению относительно денежного расчета между нами.

Пока свидетельствую Вам свое почтение. Инженер Макс Фридерсдорф Старший. Фирма: Научная опытная станция сточных вод. Оергиш Глаубах, близ Кельна — 27 июля 1929 г.».

Вырезка из газеты «Фоссие Цейтунг» от 20 июля 1929 г., приложенная М. Фридерсдорфом к своему посланию, носит заголовок, как отмечено, «Подземный Кремль» («Город под Кремлем») и подписана инициалами «М. Л.». Здесь она приводится в переводе на русский язык:

«В недрах царской крепости (в Кремле) зарыты огромные сокровища, которые столетиями ждут раскопок. Такова, между прочим, библиотека Грозного.

Уже много столетий держится поверье, что под Кремлем сокрыт подземный город. Сокровища в виде золота и серебра со времен Новгорода, не поддающиеся оценке, библиотека Грозного, ценные картины и исторические реликвии, жемчуг и драгоценные камни в громадном количестве будто бы зарыты в подземных сокровищницах Кремля.

Эти сокровища, находящиеся там, по преданиям, с начала XVI в., до сих пор пребывают недоступными.

Только Петру I удалось запустить свою руку в этот тайный сейф.

Русские историки относятся к этому весьма скептически.

В течение столетий производились многочисленные попытки проникнуть в подземные ходы под Кремлем, чтобы напасть на след этих сокровищ.

Русский археолог, профессор Игнатий Стеллецкий занят в настоящее время по поручению Советского правительства подробным изучением Кремля. Работы уже начаты.

Когда несколько лет тому назад строили Мавзолей Ленина у Сенатской башни, напали на подземный ход, который находится в связи с этими казнами. [...] Не подлежит сомнению, что входы к тайным камерам защищались остроумными сооружениями, как это было обычно в эпоху Ренессанса в Италии. Стоит вспомнить о механических игрушках Леонардо да Винчи. [...]

Профессор Стеллецкий заявляет, что он не ищет ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, а заинтересован единственно только бесценной библиотекой Грозного. «Если бы удалось открыть эти книги,— так говорит Стеллецкий,— то это превзошло бы знаменитую находку Тутанхамона[2]».

ВАРЯГОВ НЕ ТРЕБУЕТСЯ... Соблазнительное само по себе предложение немецкого инженера относительно «волшебного прибора» Москву, однако, не устраивало.

В интересах советской науки и культуры я обратился к тогдашнему редактору «Известий» (М. А. Савельеву) с просьбой «способствовать положительному решению кремлевской проблемы возможным содействием к опубликованию исчерпывающей о ней книги. Неотложная потребность в таковой как для широкой советской общественности, так и для заграницы совершенно очевидна».

В своем обращении к редактору я старался оттенить ту мысль, что варягов нам не надо, что ни к чему нам иноземные «волшебные приборы», в этом нашем, так сказать, интимном, чисто семейном деле; что мы можем собственными мозгами и руками открыть то, к чему протягивают свои цепкие руки немцы, соблазняя «десятью днями». Пусть нам потребуется на это не 10 дней, а 10 месяцев — результат один: заколдованная библиотека будет найдена! Что для этого нужно? Дело закончить! Вести его метростроевскими темпами и — что самое главное — довести его до подлинного конца!

«Обращаюсь к Вам,— говорилось в заключение письма,— как редактору хорошо известной в Европе, уважаемой и влиятельной советской газеты». Скрытой целью такого подхода было заинтересовать — через посредство редакции названной газе-

ты — и привлечь к этому делу Максима Горького, как это уже имело место перед тем в отношении подмосковных пещерных городов на реке Пахре.

Глава XIX
ЦК ВКП(б)

Миновало еще четыре долгих года... Наконец, я решил постучать в самую труднодоступную дверь, взобравшись по ступенькам на самый верх — в ЦК ВКП(б).

«По долгу совести советского ученого и гражданина довожу, в лице Вашем, до сведения Советского правительства о нижеследующем. Советская наука, в частности — история материальной культуры, не отстающая в общем от действующих темпов социалистического строительства, не является, однако, свободной от всяких «белых пятен», каковыми надо признать, между прочим, вопросы:

1. О библиотеке Ивана Грозного;
2. Об исторических кладах;
3. О газоубежищах и
4. О «плохо лежащих» полезных ископаемых.

1.
БИБЛИОТЕКА ГРОЗНОГО

Возникла она в Москве в XV веке из греческих рукописей и книг царской и патриаршей библиотеки, которые, дабы не достались они туркам, были спешно вывезены в 1453 году Фомой Палеологом из Царьграда вместе с семьей в Рим. Но в Риме книжные сокровища сторожила новая беда, едва ли не большая... исподволь подбиравшийся к ней Ватикан! Тогда Фома решился на героический шаг: выдать дочь за полумифического князя в далеком Московском Залесье, а с нею вместе отправить туда и библиотеку «на хранение», до поры до времени. Сопровождать и устроить книгохранилище на месте, в Москве был приставлен брат Софии, невесты князя, Андрей, вскоре затем вернувшийся в Рим.

Не успела византийский принцесса сориентироваться и приобвыкнуть к полудикой Москве, как деревянный Кремль в который уже раз сгорел, не миновав и княжеских хором и едва не уничтожив завещанного отцом сокровища.

Перепуганная пожаром Кремля, София спешно выписала из Венеции знакомого ей по Риму Аристотеля Фиораванти, слава которого гремела тогда на всю Европу и Турцию как первого гидротехника и подземника, как «мага и волшебника». По мотивам личной обиды на соотечественников Аристотель явился в Москву «на 10 рублев» жалованья в месяц и первым делом соорудил глубокий двухъярусный тайник под Кремлем для заветной Софьиной библиотеки.

Вторым его делом было сооружение (окончен в 1479 г.) Успенского собора с подземным ходом из него в Замоскворечье через Тайницкую башню. Софья ревниво стерегла свой греческий клад, а Ивану III, не понимавшему ни аза по-гречески, было мало дела до непонятных книг. О подземной библиотеке забыли, пока сын и преемник Ивана III Василий, обходя потайные родительские углы, не наткнулся случайно на замурованный каземат. Вскрыв его, зрители ахнули при виде множества рукописей и книг... Для описи и перевода новонайденных книг был выписан с Афона ученый монах Максим Грек. [...] После заточения Максима Грека о ней снова забыли. Но тайну библиотеки выдал юному

Грозному в 1533 году в бывшей Троицкой лавре тот же Максим Грек, незадолго до своей смерти.

Честолюбивый юноша ухватился за открытие, тут же набредя на мысль создать из него себе в веках «памятник нерукотворный». Отовсюду он стал собирать, стягивать со всех концов Европы, не щадя средств и влияния, и прятать в подземных тайниках Кремля книжные раритеты, которые с тех пор хранит Прозерпина[1] и, хныча, бесплодно ищет Европа. Открыть эту, подлинно, Грозного, библиотеку — значит создать в культурной истории человечества второй Ренессанс и притом стране Советов — немеркнущую славу в веках. [...]

Советская и мировая общественность наших дней вправе знать подлинную историческую правду по такому кардинальному вопросу европейской культуры, как исчезнувшее бесследно в тайниках Московского Кремля собрание раритетов письменности.

В Вас я усматриваю человека, способного глубоко судить и видеть далеко вперед и вглубь, подобно Грозному. Опасаясь обратиться со своим предложением в Главнауку или ОГИЗ, где зажим неизбежен, позволяю себе обратиться непосредственно к Вам без опаски — издать мой многолетний на эту злободневную тему труд (около 10—12 печатных листов) под названием «Подземная Москва и библиотека Грозного».

Сама клокочущая жизнь советская с ее московским ударным метро требует внести, наконец, «светлый луч в темное царство» московского подземного мира от времени каменного века до XIX столетия влючительно, установив точные научные положения в хаосе обывательских суждений по этому темному вопросу.

Решению последнего может много посодействовать строящееся московское метро, где я работаю по наблюдению и изучению открываемых подземных памятников древности: метро имеет вскрыть на своем пути именно те узловые центры, которые связаны подземными артериями с заколдованным книгохранилищем — тайником болонского мага и волшебника»[2]. [...]

И что же? Это энное по счету обращение, впервые за десять лет «хождения по мукам», откликнулось гулким эхом, породившим в конечном счете дело, достижения которого способны лечь крупным вкладом в историю не только Москвы, а с нею вместе и всего Союза Советов, и всего прогрессивного человечества. Трудный подъем «по ступенькам вверх», таким образом, оправдал себя: неумолимый Сезам распахнул двери, путь к книжному собранию-недотроге отныне открыт, о чем подробно в третьем томе.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ И. Я. СТЕЛЛЕЦКОГО О РАСКОПКАХ В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

13 ноября 1933 — 16 марта 1935 гг.

13 ноября 1933 г. СИНЯЯ ПТИЦА. Да. Синюю птицу ухватил за хвост! Хотя бы не вырвалась! В 10 часов 13-го уже сидел в заповедном Кремле, в комендатуре, ожидая Петерсона, который задерживался. [...] Скоро пришел и вежливо поздоровался — высокий, представительный, в шинеле и фуражке. Быстро позвал в кабинет.

— Я хотел побеседовать с Вами по поводу подземных ходов. К тому же Вы и Сталину писали. Интересуется ими и товарищ Енукидзе. Как-нибудь сойдемся, поговорим. Я интересуюсь ими, правда, больше с практической стороны, чем с научной. Я с 1920 г. комендант Кремля и постоянно слышу о них. Я обращался за справками к многим ученым. Все говорят, что могли быть, но в течение веков вся почва перерыта и они уничтожены, пройти по ним нельзя. Вы часто писали, я следил, проверял на деле. Иногда статьи и лекции запрещал. Потому, понимаете, комендант обязан охранять Кремль. Кто-нибудь подберется, взорвет... Мы произвели в Кремле раскопки. Строили школу[1], и от Спасской башни почти до Никольской я велел прокопать грунт на 11 метров, думал перерезать ход и — ничего не нашел. Потом у меня возник большой проект. Но осуществить его мне не дали, попросту не разрешили. Я хотел провести глубокую траншею от Водовзводной башни до Свибловой[2], чтобы перерезать ход, мне не разрешили.

«И умно сделали!» — подумалось.

— Теперь... Вы писали, я решил посоветоваться с Вами. Я просил бы Вас изложить письменно и подробно, где, вы предполагаете, она (библиотека) находится. [...]

28 ноября 1933 г. «МЕЧТАТЕЛЬ», — говорила когда-то П. С. Уварова публично на занятиях «Старой Москвы» по поводу розысков библиотеки Грозного. А сегодня? Мечта в кулаке.

Аванс. Долгая беседа с Палибиным В. Е.[3] и Сухо-

вым Д. П. Оба далеки от подземного Кремля вообще, ...* один (Палибин) искренне интересуется и охотно идет этим путем, ну, а Сухов — чувствуется уже холодок и скрытая оппозиция, что дало Палибину повод шутя обозвать его «дьяком», припоминая тех дьяков, которые в решительный момент «подставили ножку» Конону Осипову.

14.XI.1933 г. в Кремле имело место явление большого «подземного» значения. Красноармейцы на физкультуре в Здании Правительства (здании ...**) во дворе, где клумбы. Один прыгнул и сразу же провалился, едва-едва вылез, и под ним в квадратный метр, на глубину до 6 метров провал. Колодец? Ни в коем случае! Петерсон приказал лить туда воду большой шлангой, будто из бочки. Лили с полчаса и будто в пропасть... Потом засыпали песком. Прикажу очистить и впустить трубы***.

1 декабря — к большой исторической работе. План — зафиксировать, во-первых, топографию подземного Кремля in situ[4]. Мечтатель! Мечта, осуществляющаяся после 25 лет ожидания.

Синяя птица поймана... за крылья... [...]

1 декабря 1933. ВЗДОХ ИСТОРИИ. Сегодня знаменательная дата. Сегодня первый шаг большого дела. Сегодня начинается, впервые в веках, розыск научным способом библиотеки в недрах Кремля. До этого времени последние раскапывались только два раза: Кононом Осиповым в первой половине XVIII в. и Н. С. Щербатовым в 1894 г. Но они искали не то: они искали «сундуки до стропу», а библиотека под землей была им не в... ****.

Уже 460 лет как библиотека Грозного спрятана под землей, считая со времени Софьи Палеолог. И за это долгое время почти в полтысячелетия настоящие, серьезные, способом технических и интеллектуальных сил могущественной державы поиски этого удивительного человечекого сокровища начинаются **впервые сегодня!**

А удастся ли довести дело до желанного конца? Не съедят ли меня заранее «дьяки»? Не ждет ли меня судьба Ивана Федорова и Конона Осипова? Однако, как ни был расположен Грозный Иван к скромному Ивану-печатнику, но и он не смог уберечь его от злой силы дьяков. Все же, думаю, что Петр I смог бы защитить Конона от дьяков, если бы рано не умер. А может ли

---

* Не разобрано одно слово.— Т. Б.
** Не разобрано два слова.— Т. Б.
*** Так в тексте.— Т. Б.
**** Не разобрано одно слово.— Т. Б.

Сталин защитить меня от того злого гнезда дьяков, которое называется по-современному МО и без «мо» — ГАИМК?..

Если сможет — открою!

Уверен в этом так же, как в том, что живу. Открою, только вы, дьяки-ученые, не бросайтесь гнилой колодой мне под ноги на моем тернистом научном пути к мечте целого человечества. Dixi![5] [...]

16 декабря 1933 г. РАСКОПКИ ПОД АРСЕНАЛОМ. Колодец в 5 метров глубиной. Опускается Базукин[6], лом без труда уходит целиком, но насыпанная земля уже холоднее и тверже, хотя еще сырая и черная, как уголь. Буду бить до дна. Если дно каменное — историческое открытие. [...]

19 декабря 1933 г. В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ АРСЕНАЛА. Производил осмотр вместе с моим десятником Базукиным и заведующим подземельем Суриковым.

Для меня ясно, что это тот самый «ров», о котором упоминал Конон Осипов. Теперь там «тир». Глубина подземелий — 6 метров! Два громадных тоннеля и более узкий между ними. В конце, т. е. вблизи от Арсенальной (Собакиной) башни, целый ряд загадок: замурованная дверь, шесть люков, заложенные гнилыми от времени досками, пятна в стенах и страшный гул в некоторых местах. Завтра беру каменщиков и землекопов — пробивать дверь и рыть яму колодцем. [...]

27 декабря 1933 г. В ТАЙНИКАХ АРСЕНАЛЬНОЙ. Поиски доступа в башню[7]. Через Троицкую по стене, не подходит ключ, не отпирается замок. Спуск на дно. Архив вывезен года два тому назад (куда, приставленный военный Попов не знает).

Дно — гора земли и мусора, среди которого колодец с водой. Сруб совершенно сгнивший. Сгнившее бревно сползло в воду, только верхушку видно.

Примечательны три входа. Один — сверху, очевидно от Троицкой башни[8]. Это древний ход в подвал башни. Ныне заложен свежим кирпичом. Другой — к Никольской башне, сравнительно узкий. Заложен совершенно кирпичом. И наконец, третий — знаменитый, осиповский. Загроможден мусором с досками, на дне — вода (на одном уровне с колодцем). Закладка — белокаменная, изуродованная, с торчащим, забытым шламбуром[9]. Осиповский ли это ход? По Осипову, архитектор продолбил арсенальный столб и уперся в грунт. Здесь белокаменная закладка (столб?) не пробита насквозь. Если это столб, свод должен быть проломлен, а здесь кирпичный свод уходит вглубь

за тесаными глыбами белого камня. По бокам точно такие же кирпичные стены уходят за белокаменную замуровку. Не знаю, почему тут мудрил пономарь Конон Осипов, строя крепления? Продвигаться вперед, и вся недолга, что бы там ни было: будет ли это белокаменная замуровка или осиповская земля, насыпанная «накрепко».

Большую загадку представляет ход выше, из которого в пяте[10] сферического свода башни пробита брешь и опущена деревянная лестница. В противоположную от лестницы сторону круто сползаешь по осыпи к замуровке (сравнительно старой), издающей под молотком гул. Мусором тут присыпана деревянная рама, из-за которой, судя по свече, значительная тяга.

Словом, все здесь сложнее, чем я думал, и бесконечно интереснее, загадочнее. Здесь хоть купайся в тайнах. Мне здесь будет громадная пожива, если не подставят преждевременно «ножку» могаимковские дьяки.

Получил пропуск в Кремль и за полмесяца. Закладываю колодец, где роют подвал для пристройки, не очень далеко от Успенского собора. Будет вестись наблюдение, пока роется подвал, а потом — колодцем — до грунта. [...]

29 декабря 1933 г. ПЕРВЫЕ РАСКОПКИ. Начал раскопки в подземельях Арсенала, в узеньком коридоре между двумя стенами осиповских «рвов». Мотивы:

1. Выяснить глубину залегания фундаментов, т. к. это историческая тайна. Не так давно вырыли колодец в 9 метров, чтобы узнать глубину залегания фундаментов, но конца не достигли;

2. Выяснить местонахождение боковых стен макарьевского хода, перерезанного стенами (или, может быть, действительно «столбами») Арсенала? Если траншея их не затронет, пройти на глубине подземными ходами в обе стороны. Сделаны первые находки: два обломка, очень тронутые ржавчиной, железной трубки, типа водопроводной, но забитой трухлявым деревом; большая, в 1,5 пробка*, обложенная жестью, которой затыкали дула пушек; дно флакончика; кости и т. п. [...]

«Не в свои сани не садись...» — так приходится сказать о фотографе Петрове, которого дал комендант (другого, мол, нельзя). Снимая подземелье Арсенальной башни, все время ворчал, жалуясь на такую работу: ему, видите ли, сказали, что снять башню, а если бы знал, что лезть в пекло, он бы не пошел.

---

* Так в тексте.— Т. Б.

Сделал шесть снимков ходов: макарьевского, под Никольскую башню, угол колодца, искусственное отверстие в скреплении с приставленной лестницей и крутой спуск от отверстия в противоположную сторону, наполовину засыпанную пылью, но куда сунуться фотограф решительно отказался. Я туда залез со свечкой, а Петров, стоя сверху с магнием — на ура: выйдет ли, нет ли? Теслов[11] по поводу этого: «Мы его усмирим». Я предложил дать мне аппарат, и я сам буду снимать все, что потребуется в решительный момент. [...]

31 декабря 1933 г. НОВЫЙ ГОД. Итак, что год грядущий мне готовит? На щите или со щитом? Если минует чаша с дьяками, конечно, со щитом. Не сомневаюсь в этом ни минуты.

1 января 1934 г. «ЗОЛОТОИСКАТЕЛЬ». Осматривали с В. Е. Палибиным котлован метрах в 30—40 от Успенского собора, где я велел углубить колодец. Три-четыре метра — строительный щебень со сгнившими сваями в нем. Под ним — темный слой рушеной земли. Сбоку — белокаменная стена, не камеры ли, каких немало было находимо в Кремле? На днях выясню. В беседе В. Е. Палибин, между прочим, с усмешкой сообщил, что меня называют «золотоискателем»! [...]

Имел интервью с Зиновьевым, которому в 1928—1929 гг. поручено было с политической целью исследовать подземный Кремль. Результаты: в Арсенальной башне вычистил колодец (рабочих спускал на канате), в осиповском ходу загнал в белую замуровку шламбур на 0,5 метра, да так и не вытянул. В Троицкой башне устроил под склад две палаты, которые раскапывал Щербатов. В нижней залил дно цементом, не зная, что оттуда есть люк в еще более низкую. В Тайницкой башне засыпал ... * большой научной ценности колодец, который я должен очистить. Искал глубину фундамента Арсенала во дворе. Довел до 9 метров, наткнулся на камень и бросил.

— А почему не проделали этого из подвала Арсенала?

— Не пришло в голову.

Зато мне пришло, и там сейчас копают две ямки, в которых гудит, даже рабочие боятся провалиться...

Хорошие идеи приходят в голову как только проснешься. Так и сегодня. Об этом от имени Кремля пишу Роттерту: «Управление комендатуры Московского Кремля просит Вас предоставить временно в его распоряжение одного опытного забойщика с машинизированной техникой». Мысль — поставить его в подзе-

---

* Утрачено одно слово.— Т. Б.

мелье Арсенальной башни, замурованной белым камнем больше, чем на 4 метра. Есть признаки, что это не столб Арсенала, испортивший ход, как думал Конон Осипов, а просто крепкая замуровка хода. Цель? Пока загадка.

2 января 1934 г. В РАЗГАРЕ. Сроду, вероятно, от времен Солари, Арсенальная башня не видела в своих недрах такого множества людей, такого шума, такого яркого света, как 2.I. Каменщик бьет белую замуровку, чернорабочие — замуровки кирпичные, плотники строят желоб, чтоб спускать с таинственно-круто-наклонного хода в подземелье с колодцем*.

В замурованном ходе до, как я думаю, Никольской башни снят верх и обозначилась меньшая арка с пазами для засовов. Интересно в главном ходе, как я называю тот, что с белокаменной замуровкой. Выясняется, что это не только не столб Арсенала, а самая обыкновенная замуровка, а еще, что замуровано не отсюда, а с той, тайной и неизвестной стороны. [...]

3 января 1934 г. ВСЕ! Все, даже жизнь готов я положить на пути к великой цели, который раскрылся неожиданно предо мной. И я ее достигну: это так же ясно, как то, что я пишу эти строки. Но... если не помешают дьяки-ученые, страшные призраки, сорвавшие дело в веках, которые заставили бежать без оглядки Ивана Федорова и довели до кнутов великого энтузиаста Конона Осипова. [...]

В нижнем этаже Арсенальной башни мною нащупаны четыре замуровки. Одна из них, как можно думать, ведет к Никольской башне. Остальные абсолютно загадочны.

Вот, если подходить строго научным путем к делу, непременно нужно все и все размуровать. Когда это строилось, то это имело прямой смысл: потом оказалось лишним или нежелательным и его замуровали. Если замуровали простое окно, будем по крайней мере знать, что окно. А если там таинственные ступени или какая-нибудь другая тайная чертовщина? Ведь дело имею со средневековьем, в котором тайн было хоть отбавляй! И кто гарантирует, что не закрыл все эти отверстия, 70 лет спустя после постройки, сам Иван Грозный, чтобы скрыть какой бы то ни было доступ в подземелья Кремля, в которых замуровано было им его наибольшее в свете сокровище — библиотека? [...]

9 января 1934 г. ФОТО. Аппарат остро необходим при исследованиях в Кремле! Петров как снял, ругаясь, в начале

---

* Так в тексте.— Т. Б.

работ, да только его и слышали. Между тем фото — это главное оружие в борьбе с «дьяками». Поэтому, бросив все, купил аппарат на Арбатском рынке. [...] Все же я не уверен, что все будет хорошо в приобретенном инструменте. [...]

10 января 1934 г. АРКА. В 4-этажном здании, что возле Успенского собора, в подвале строится музей[12]. Под полом, в полстены, на глубине 3 метров от этажа, я нащупал арку, закрытую в один кирпич, шириной до 3 метров. За кирпичом арка заложена немного дальше тоже кирпичом. Оставлена с правой стороны отдушина, оттуда сыплется мусор. [...]

Конон Осипов ничего не понял, что касается «тайника», на который напоролись, копая «ров», а ныне «тир» Арсенала. Потому, конечно, что производил археологические исследования не так, как сам хотел, а как дьяк-архитектор велел. Оказывается, что не столб Арсенала загородил ход, как думал Осипов, а он был нарочно, до дна забран белокаменными...* на извести, после того, как на него наткнулись и проломали. Заполнив середину камнем, сверху засыпали землей. Это видно из того, что сейчас, когда камни уже выбраны на 1,5 метра, справа, в пяте скрепления, показалась между белой замуровкой и кирпичной стеной черная, со строительным мусором, земля, сыпавшаяся сверху. Думаю, что так и обнаружится сегодня, когда выберут камни еще на метр вперед.

Другое открытие — это ход заворачивает на соединение со ступенями, которые ведут из подземелья к первому ярусу. Теперь главное — имеет ли этот замурованный тайник ответвления под Кремль: если нет, то сенсационные рассказы дьяка Макарьева будут не чем иным, как пустой болтовней, на которую попались три правительства: Петра I, Анны Иоанновны и советское. Едва ли это так. Вот скоро увидим.

11 января 1934 г. ПЕРВОЕ ДОСТИЖЕНИЕ. Важное достижение: соединен нижний этаж Арсенальной башни с ее подземельем старинным проходом! Это дает возможность, кажется, ударить белокаменную закладку сзади. Есть признаки, что с противоположной (от прохода на ступени) стороны замуровки прячется «брешь» в тайник, о чем упоминал Конон Осипов. Любопытно, что у последнего щабли ступеней в стене найден железный крюк от дверей, запиравших нижний этаж башни от подземелья. Теперь остается открыть выход из подземелья на свет божий, кажется, выход выведет в Александровский сад, и выйти под землей ходом Макарьева в Кремль. По Петерсону,

* Утрачено одно слово.— Т. Б.

колодец будет взят в бетон, чтобы вода не протекала в Арсенал. [...]

17 января 1934 г. ТАЙНЫ АРСЕНАЛЬНОЙ БАШНИ. Сейчас, так сказать, имею права больше, чем когда-нибудь. Вот факты. На нижнем этаже — две размуровки, далее: одно замурованное окно, а другое — глухая ниша (первый случай). Крепкая закладка на цементе на юго-восток дала уже наполциркульное скрепление пещеры[13]. Со двора слышно, где стучит каменщик, а не видно ни одной замуровки: такое впечатление, что пещера ведет в недра кремлевской стены.

Подземелье. Тут загадок на каждом шагу! Спускаемся по кирпичным ступеням, приводящим на плоскость в квадратный метр. Кругом были стены. Дно — щебенка. Сейчас стена слева разломана, можно пролезть в соседний, в 9 метров шириной, тайник, который был заложен белокаменными столбами (брилями), которые уже выбраны на 2—3 метра. Выходит, что тут имеем два отдельных, самостоятельных тайника.

Выход к Александровскому саду не был выходом, а был в стене трубой, на 4—5 метрах в высоту, где оканчивается полукруглым окном в той же самой грани. Труба замурована откуда-то сверху: замуровка крепкая, на цементе. Кирпичный пол имеет обрез вглубь, в яму, забитую мусором, стены ямы были обложены кирпичом. Полная загадка! Одно ясно: тут выхода наружу не было, я его сделаю впервые, навешу дверь, поставлю сторожа, сделаю забор, и будет это вход и выход из подземного Кремля и в подземный Кремль, который должен быть реставрирован впервые за 450 лет. [...]

21 января 1934 г. ЕЩЕ ТАЙНЫ АРСЕНАЛЬНОЙ БАШНИ, ИЛИ РАЗРУШЕННАЯ ЛЕГЕНДА. До революции была уверенность, что замуровка слева, если стоять против ступеней в стене, замыкает ход к Никольской башне. Сегодня выяснилось, что нет: замуровка пробита насквозь (вынут один кирпич). Оказалось — загадка! Это не окно, так как замуровка в рост. Я пробил верхнюю половину, и что же? Вокруг никаких признаков какого-либо отверстия! Признаком, где загадочная замуровка, вне — белый кирпич, которым я велел забить отверстие. С «кремлевского проезда» этот белый глаз ясно виден. [...]

В главном тайнике нащупан порог из кирпича (в ширину два плоских кирпича). Ступени вычищены до низа, внизу щабли лучше сохранились.

В «бане» (в подвале Патриарших палат) прорыто до грунта, находящегося (песок светловатый) на глубине 4 метров.

В подвале Арсенала докопались до грунта в обоих колодцах: 7 метров от дна подвала и 12 от поверхности! [...]

27 января 1934 г. Он (Сталин) проявил большое мужество и великодушие и доказал лишний раз, что он действительно человек необыкновенный, не напрасно получающий те овации, которые ему и, до известной степени, искренне, расточает XVII (съезд). Когда Октавиан Август вместо того, чтоб казнить Ирода Великого, оказал ему полное доверие, то этим он привлек Ирода к себе навеки, превратив его в наивернейшего друга. И за высокое научное и всякое доверие современного Октавия я чувствую себя в положении Ирода, охваченного чувствами приязни и преданности самыми искренними. [...]

29 января 1934 г. ЗАВЕТНАЯ СТЕНА. Стена, о которой я мечтал 25 лет, найдена! Открытие исторического значения. Всегда я был убежден, что из Арсенальной башни есть белокаменный ход под Кремль. И вот сегодня, 29.I.1934, именно в день моих именин, на конце шестого метра белокаменной замуровки показалась, наконец, справа белокаменная стена из тесаного камня с полом из кирпича. Какое другое может быть происхождение этой таинственной стены, как не это самое? Уверен, что я на пороге большого открытия. [...]

1 февраля 1934 г. НА ВЕРНОМ ПУТИ. В Арсенальной башне по Конону, как по нотам: на тайник нашли и тайник проломали, а проломавши, засыпали «землею накрепко». Исторический корректив: не «землею» накрепко засыпали, а кусками известняка и дикуна[14] на извести заложили. Вот, действительно, «накрепко»! Несмотря на это, пробито уже около 5 метров. Выяснилось, что пробита не только кирпичная стена в 1 метр шириной, а и белокаменная стена, которая за нею и дальше. Последняя пробита на полметра от края кирпичной стены. Линия излома только-только начала проявляться. [...]

7 февраля 1934 г. Средняя Арсенальная башня имеет доступ в два этажа, в средний и нижний. Средний имеет две двери, на восток и на север, обе замурованы. Над дверями восточными в своде — люк, пронизывающий два недоступных сейчас этажа. Через нижний идет переход на стену к Собакиной (Арсенальной тож) башне. Вот в этом переходе, справа, я заприметил арку, замурованную, которую велел размуровать. Замурована она, как

выяснилось, в два кирпича. За замуровкой мусор, за которым видна другая, деформированная арка. Продравшись туда со свечкой, ясно увидел ...* свод, спускающийся вглубь направо и поднимающийся вверх налево, где на 3 метра видна позднейшая замуровка, отставшая от стены. Думаю, что это ход в то подземелье под Арсеналом на 12 столбах, которое я давно ищу[15]. [...]

10 февраля 1934 г. ЗАГАДКИ. Только так и могу назвать те явления, которые открываются одно за другим в подземном Кремле.

Вот Арсенальная (Собакина) башня. Выбраны белокаменные забутовки уже на 6,5 метрах. Из них — 5 метров до пролома в белокаменной стене. Неужели ход дьяка Макарьева? Похоже, что так. Идя вдоль пролома, встречаю возвышение из земли с примесью глины, известняка и т. д., и все это крепко утрамбовано. Так подтверждается лишний раз свидетельство архивного документа: «а проломавши тайник, забили землею накрепко».

А вот Арсенальная Средняя. Вдоль восточной стены, с севера на юг шел полуциркульный коридор сверху куда-то вниз, на юг. Совершенная загадка! Когда строился Арсенал, этот коридор был сбит, а сделан рядом другой, немного ниже, и кончается он отвесной стеной рядом с южным краем арки свода. Противоположная стена замурована кирпичом, а далее видим следы разрушения ступеней из тесаного камня, столбы из такого же камня выпячиваются из пола. Что это и для чего это — выяснится, вероятно, завтра.

11 февраля 1934 г. ТРУБА. В проектном бюро пересмотрел все планы Арсенала и стен Кремля: нет и намека на что-нибудь из того, что я нашел. Не упомянуто ничего из того, что открывается за Средней Арсенальной башней возле Кремля. А тут — белокаменные ступени (почему-то побиты на куски), прогибающиеся под ногами, а в щелях между ними камешки гремят куда-то вглубь, ведут (семь) вверх, где ход замурован кирпичом с отставшим от старой стены башни разрушенным сводом. Вниз ступени приводят сегодня к мусору, из которого слева выглядывает арка, а под нею — черная пустота. Расширил отдушину, осветил середину лампой. Там пошла к Кремлю труба, диаметром где-то с полметра, пустая, только несколько штук кирпича. Что за трубой — загадка! [...]

---

* Не разобрано одно слово.— Т. Б.

13 февраля 1934 г. GAUDEÁMUS IGITUR[16]... В душе звенит Gaudeamus! Ведь открытие! Стопроцентный «секрет Стеллецкого»! Синяя птица, кажется, вся в руках. Но к делу. Открытие в подземном Кремле. В тайнике древнекаменная стена, идущая на юго-запад, прогнана на 3 метра. Далее пошли... кирпичи. Да как!

17 февраля 1934 г. ЗАБОР. Часов в 10 утра Тюряков[17] показывал Петерсону мои подземные работы. Пробыл там Петерсон, по словам рабочих, минут семь и все посматривал на потолок, жалуясь, что мало распорок и рвутся у нас шинели. Вечером, на открытии клуба в Арсенале, встретил Тюрякова: «Вы знаете, мы были сегодня утром с Петерсоном в башне. Я ему рассказал все, что говорили Вы. Он пошел к Енукидзе. 20-го будет у меня совещание, приходите. Будет Роттерт, обсудим все. Поставим забор. Только не разбрасывайтесь».

Забор — это прорыв подземного Кремля, в который потечет весь его гной, все лишнее и останется реставрированный впервые за 400 лет подземный Кремль во всем своем величии и тайной красе. [...]

21 февраля 1934 г. КАК МЕТРО. В 11 часов утра в Арсенал явился молодой представитель Моссовета в военной форме вместе с комендантом здания Арсенала Алешкиным и моим новым десятником. Я показал место в Александровском саду для забора. Отметили под прямым углом 14 × 15 метров и решили поставить забор в унисон с метростроевским[18], тут же в Александровском саду, близ Троицких ворот. Алешкин сообщил, что заболевший Ф. И. Тюряков, получивший вчера «Красную Звезду», и Петерсон — орден Ленина, нажимают, чтобы скорее ставили забор. Это значит, что верхи чрезвычайно заинтересованы в темпах исследования тайн подземного Кремля.

Сегодня начал расчистку арки после того, как сделал фото с магнием. Выбран слой песка в центре земляной стенки. Верхняя часть рухнула, образовав косые слои земли и песка. Работает пять человек в перекидку. Ремонтируется арка входа с лестницы, сооружается деревянная дверь на лестницу в нижний этаж башни, которая будет изолирована вместе с Троицкой от рабочих тревог: все будет вестись через открытый мною проход в Александровский сад, что чрезвычайно для Кремля удобно. [...]

Под Арсеналом, где «Гранд отель»[19], роется громадный котлован под ледник — целое археологическое Эльдорадо. Уже выкопано до 5 метров. В северо-восточном углу отчетливо видны

на 5-метровой глубине все наслоения веков, перерезанные кирпичной стеной Арсенала: на глубине метра — булыжная мостовая; на глубине 5 метров — мощный черный слой от пожарища, где найден целый ворох сгоревших хлебных злаков (рожь, ячмень, пшеница), уголь, обожженные кости людей и животных и целых четыре обугленных человеческих черепа. Череп коровы — нормальный. Подле этого места вылезает кирпичная стена, а из противоположной стороны котлована вырисовывается каменный полукруг церковной апсиды. По-видимому, это руины и пожарище времен Грозного. Здесь опущусь до материка. Сделаю фото пожарища с выдержкой в 15 минут. [...]

23 февраля 1934 г. ОБВАЛ, ИЛИ СМЕРТЬ ЗАМАХНУЛАСЬ, НО ПРОМАХНУЛАСЬ. [...] По краю исполинской арки, забитой землей, я вырыл проход между землей и песком (палата была забита землей, закрыта досками, засыпана извне белым песком и по нему заложена белым камнем на извести, шириной около 0,7 метра). В пять часов отпустил рабочих и начал раскапывать один пустоту (вроде ниши, забитой песком). Потом перешел на противоположную сторону — раскапывать под входом. Вдруг, возле локтя, выпал комок.

«Неужели,— думаю,— обвал?» Едва успел подумать, как рядом со мной грохнуло земли с полпалаты, несколько кубометров!..

Какое счастье, что ушли рабочие! А меня судьба бережет... Вероятно, не все сделал, чего она ждет. Во всяком случае, это суровое предупреждение, следует быть очень осторожным... Неразумно погибнуть на последнем пути к мечте человечества благодаря собственному ротозейству, когда в руки даны все способы... [...]

27 февраля 1934 г. «Открыто обширное, 6 метров в диаметре, сводчатое помещение, туго забитое землей, забранное досками и засыпанное песком» — так начинается докладная записка, поданная сегодня Петерсону с требованием с 1 марта учредить работу в две смены под моим непосредственным руководством. Этими днями раскопан подземный ход в Арсенальную башню со стороны Александровского сада, а забор уже строится — выведена стена и строятся широкие ворота для грузовиков. Забор развязывает руки: башня и ход заложены до nec plus ultra[20], даже на сегодня сокращаю рабочих[21].

Лично начал раскопку продолжения хода за кирпичным сводом. Обнаруживается любопытное: массив из белокаменных

столбов положен по дну хода и неизвестно в какую высоту, в направлении с северо-запада на северо-восток, протяжением 9 метров, к углу белокаменной стены и дальше, неизвестно на какое расстояние. Начиная от этой стены до закладки, присыпан на 1 метр слой глины и слой песка, уже в направлении юго-запада, т.е. мимо арки. На эту подсыпку наворочено снова белокаменных столбов на извести на протяжении метров 3, дальше еще подсыпом, уступ наверх на полметра, протяжением метров на 2,5 и снова возвышение на 0,5 метра. Вот здесь именно и любопытное явление, что я раскопал, вытаскивая на себя песок: каменный потолок снова повышается, однако уже аккуратно, переходя за 0,5 метра в ровный плоский белокаменный потолок со стороны арки, базирующейся на выступе белокаменной стены, идущей куда-то вперед. В песке возле стены встретился довольно большой кусок перегоревшего в уголь дерева, черный черепок от горшка с линейным орнаментом по краям, кости зверя.

Что это за ровный потолок?

Думаю, что до этого места был разрушен тайник, о чем свидетельствует Конон Осипов, а отсюда и далее он остался целым и только засыпан песком на какое-то, вероятно, небольшое расстояние.

Очень интересно... Пока обедали рабочие, навернул за час целую гору песку, даже удивились. Ой, когда бы так оперировали рабочие, которых у меня до 12 человек, давно б уже был далеко под Кремлем. А то работают, как мокрое горит, одного десятник захватил даже спящим. Не выгодно, говорят, как ни работай, выше обязательного минимума не получишь. На время расчистки подземелий думаю перейти на сдельщину.

Получил сапоги, рукавицы и комбинезон. Сегодня работаю лопатой весь день: все по боку. Потерял продуктовые карточки — все равно. [...]

Предки, люди времен Петра I, думали, что они так хитро замуровали тайник, на который напоролись при постройке Арсенала, что никакой археолог никогда не разгадает их секрет! Пустое! Их хитрости передо мной как на ладони...

Сегодня уже нащупал шов, каким связана белокаменная закладка 230 лет тому назад с белокаменным ровным потолком итальянского хода 430-летней давности, забитого до конца речным песком. Сделаны распорки и завтра буду выбирать песок и искать противоположную стену. Если найду — библиотека Грозного («Ивана Губителя», по выражению Забелина) найдена! [...]

3 марта 1934 г. Историческая телеграмма, или «решение тускнеет под сенью размышлений»,— как сказал Шекспир. Сегодня важное открытие в Арсенальной башне, где я работаю забойщиком. Выгребая уйму песка и очистив хорошо потолок, я заметил явление, которого никогда не видел: потолок из тесаного камня (белого), но плоский!.. Как это держится — не понимаю. Особенно принимая во внимание, что восточная сторона, до которой я докопался, оказывается без стены и забитая песком, а далее землей и (ведущая, я уверен, в подвал Арсенала, тем лишний раз доказывает историческую правдивость Конона Осипова) просто висит в воздухе. Дал распоряжение завтра же подвести тут прочные крепления.

Теперь картина ясна. И как ров вели, и как тайник нашли, проломавши, забили землею накрепко. Не только землей, а и массой песка и камнем, широчайшими уступами, все выше и выше, пока не добрались до потолка старинного хода, к которому прижали каменную закладку, грубую и неуклюжую, в сравнении с ровным, будто под шнурочек, итальянским потолком свода.

Дальше надо пробиться в Арсенал и проходить под Кремль, выгребая тонны песка. Это не так будет тяжело, принимая во внимание, что от коменданта сегодня получено разрешение на две смены и что завтра навешивают ворота из Арсенальной башни к Александровскому саду.

Сделав подсчет, оценку первых фактов, я решил уведомить о достижениях Сталина, по личной инициативе которого проводится это большое, исторического значения, дело. А чтобы решение не потускнело под гамлетовским размышлением — на другой день я решил немедленно послать телеграмму: «Поздравляю двести лет запакованным тайником Аристотеля Фиораванти. Поиски на верном пути. Блестящие условия научной работы гарантируют достижение исторической цели. И. Стеллецкий». Стоит 2 р. 24 к. Сейчас он уже ее получил. И в этот момент только два лица знают об этом — я и Сталин. [...]

9 марта 1934 г. СЕЗАМ, ОТВОРИСЬ! Исторический день: впервые за долгий срок открылись двери Арсенальной башни в Александровский сад и рабочие гонят из нее мусор в перекидку, потому что устье входа довольно узкое и для носилок и для тачки. Красивый забор, копия забора здешней шахты. За забором дежурный. Именно так я себе представлял. [...]

— Скоро будем (показал знаками) листать? — спросил Н. Д. Виноградов, встретившийся в Александровском саду.

— Закупорили сильнее, чем я предполагал, но при нынешних темпах...

А темпы — две смены, обе под моим руководством и почти ежедневно фото. [...]

12 марта 1934 г. АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОКУСЫ. Несмотря на выходной, сегодня проводится очистка башни до обеда. Вчера вечером, отпустив рабочих, долго копался в песке один, добиваясь выяснения архитектурных загадок. Осматривая в Сирии и Палестине римские и средневековые своды в замках и театрах (конечно, в руинах), я ни разу не заметил плоского каменного потолка.

Сухов говорит, что такие явления встречаются в римское время в Сирии. Прокопал снова в сторону, на восток. На потолке, к которому крепко прилип песок, падающий тугими кусками, показались выступы вверх, под прямым углом, сначала на 7—8 сантиметров вверх, потом сантиметров 30 и снова сантиметров 8—10. Интереснее всего, что потолок кончается на восток точно так же, как и прежде,— пролетом, туго забитым песком. Остается выяснить, так же ли и здесь стена вверху обшита досками.

Непонятно, как и на чем держится эта тяжелая масса камней, принимая во внимание, что к стене западный потолок только приложен: между ним и стеной встречаются прослойки... земли с мелкими кусками кирпича. Закладываю крепления и — вперед... А позади мусор земли, песка и камней — сотни тонн. Суриков[22] предпринял шаги для организации работ по вычистке аккордно, с разрешения Тюрякова, которое я ему обещаю. [...]

14 марта 1934 г. ЛЮК. На вторую смену рабочие не вышли. Да и хорошо. Продолжал один свою щель в песке в длину потолка и свода справа. Не скоро сюда дойдет очередь вычищать песок. Прокопал метра 3—4, и вдруг до того рва* потолок дал неожиданно выступ: висит большой камень!

Что же оказалось? В потолке пробит люк и заложен неровно мелким камнем и щебнем на извести. Что за люк? О, этот люк — ключ к разгадке этого сооружения и очевидное доказательство правдивости свидетельства Конона Осипова. Именно здесь «нашли» тайник, «проломали» (сделали этот люк)... и забили «землею накрепко», т. е. спустили сквозь него все камни (которые я выломал), землю под сводом и песок. А чтобы скорее и лучше было забивать землю и песок, выломали всю внешнюю сторону тайника метров на 16.

Прокопал под люком с полметра — не упадет ли? Нет, держится будто крепко. Думаю проскочить под ним и двинуться

* Так в тексте.— Т. Б.

дальше, к пустоте хода, которая уже близко. Только никому об этом, кроме Енукидзе, выразившего через Петерсона желание видеть все собственными глазами, особенно же колодец, вероятно, после протокола комиссии, где я показывал, что единственная причина «трещин» Арсенала — колодец...

Поэтому принялись разгружать башню от камней и мусора. [...]

16 марта 1934 г. «НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕЩЕРОЙ...» В тайнике — тупик, закупорился. Только и скважина, что открытый мною ход на Неглинку. Пока идет чистка, мне делать нечего. Но начинать другую башню не хочется, и здесь ожидает много работы. А пока я иду вперед в песке неолитической пещерой, между каменной и песчаной стенами с плоским белокаменным потолком. Прошел уже (когда уходят вечером рабочие) метров 5 — оказалось интереснейшее открытие: люк — 1 × 0,5 метра! В него вломились, осмотрелись и решили тайник навеки заложить камнем, забить землей и засыпать песком, для чего, для большего удобства, выломали заднюю стенку на протяжении... неизвестно каком, но уже установлено 18 метров[23].

В Средней Арсенальной также интересно: пробита стена (метровая) в рост. Там — налево — грубой кладки стена, а кругом — черная, слежавшаяся земля, которую сегодня начали вычищать. [...]

19 марта 1934 г. АРХИТЕКТОР В КАЛОШУ... Осматривали тайник Тюряков, Сухов, Суриков и я. Мутит Суриков. Ему кажется, что потолок тайника — фундамент Арсенала, а песок не тронут человеческой рукой, на нем-то и покоится фундамент. Сухов соглашается с Суриковым, что «песок не тронут человеческой рукой», несмотря даже на мой доброжелательный подсказ, что на днях я встретил ком черной земли. Сухов, не говоря уже о Сурикове, совсем не разбирается в памятнике. У них и мысли нет, что это подземный тайник Аристотеля Фиораванти. Я умалчиваю об этом, обещая обо всем рассказать в лекции или докладе, если мне такой разрешат.

Суриков добился у Тюрякова разрешения сделать раскопку, чтобы узнать, что за сооружение. Это лишнее, но для археолога всякая раскопка, а тем более в подземном Кремле, вода на мельницу. Прийдя в башню в 10 часов утра, уже застал там помощника коменданта Королева. «Берите больше рабочих»,— как бы между прочим сказал он. Согласен на три смены. Только бы скорей. Тюряков говорит о скорейшем вскрытии колодца, который будет взят в бетон. «Енукидзе,— повторил он,— очень хочет видеть колодец. Надо спешить очистить сводчатое помещение, а дальше не идти».

Арка, по Сурикову, выводит в Александровский сад. Тюряков спросил меня: «Арка не может выводить в Александровский сад: тогда бы Кремль был безоружен. Если можно замаскировать узкий, ныне открытый выход, то такой громадный, в 6 метров, не удалось бы. Вломиться могла бы не только пехота, но и целый эскадрон».

Что касается сооружения, то скоро должно оказаться: или перпендикулярно идущая стена, или под углом вниз идущий потолок. В первом случае это будет изолированное, индивидуальное сооружение, в последнем — связанное с подземным Кремлем.

Тюряков ушел, а Суриков принялся хлопотать о раскопке с завтрашнего дня. Все видя, не видят, но Сухову (маститому работнику Кремля) стыдно так сесть в калошу. [...]

25 марта 1934 г. ВОДА! После заседания комитета научного содействия метро[24] 23.III я зашел на башню. Работала вторая смена. Была половина 11-го ночи. Прокапывали ров вокруг колодца так, чтобы уровень воды в колодце был один с дном рва. Очень беспокоит мысль, как бы вода не прорвалась. Ведь сруб колодца гнилой. Дома даже приготовил докладную записку Петерсону — немедленно взять в бетон колодец, иначе зальет тайник. 23.III был выходной день. Утром 24.III захожу на башню. Рабочие смотрят, улыбаются. Дежурный спросил: «Фамилия?» Прыгаю вниз, в двери, которые я впервые открыл, вхожу: вода залила совершенно ров и полилась в тайник, вероятно, до самого песка.

Скоро после того, как я ушел, рассказывали рабочие, в левом углу тайника появилось пятно. «Кто эту воду разлил?» — спросил землекоп. Вдруг, рядом, другое, большее... вода начала бить небольшим фонтаном, в разных местах, даже в глубине тайника, где лежал большой камень, который перед тем выкатился. За день залило все на 0,5 метра, а в колодце вода повысилась почти на 3/4. Сруб обложен глиной и потому ...* она не протекает.

Во рву найдены медные 2 копейки Павла I, 1799 г. Значит, забит источник и устроен колодец в начале XIX в. 25.III осматривали, по поручению В. Е. Палибина, колодец А. А. Хлебников, мастер Седов и я. Отыскали мотор в 2 д.**, и завтра выкачивать и в то же время копать до кирпичей — древнее дно башни, после чего класть бетон.

---

* Утрачено одно слово.— Т. Б.

** Так в тексте.— Т. Б.

В пять часов снял тайник с водой и колодцем с выдержкой 10 минут. Вышло очень хорошо. [...]

29 марта 1934 г. Утром зашел в башню. Мотора нет, рабочие вяло вычищают мусор. Вдруг в рыжем кожаном пальто входит Королев. Пришлось пожаловаться на темпы: разрешение коменданта и мое распоряжение о двух сменах не исполняются.

«От кого зависит?» — «От Сурикова».— «Кто это?» — «Десятник»,— подсказывают рабочие.— «Скажите ему, что комендант приказал и не 2 смены, а 3». [...]

31 марта 1934 г. ПАТРИАРШИЙ ДОМ. Обедал с В. Е. Палибиным, потом пошли осматривать Патриарший дом, в котором оказалась столовая ИТР. «Сколько работаю, а до сих пор не был». Я ему был за гида.

На третьем этаже, в Малой Крестовой оббивают стены и свод, окрашенный в бордо с золотыми разводами. Три таинственных, заложенных двери куда-то вели. Средние пробиты на полтолщины. А один кирпич — насквозь. А там что-то вроде чердака, забросано каким-то хламом. Интересно, надо исследовать. На второй этаж до ...* палаты спуститься иначе нельзя, как по шаткой лестнице. Не так давно я лазил по ней. В. Е.** решительно отказался. Завтра буду оттуда вытаскивать музейную витрину через церковь[25], а за ключами к Клейну[26], в Оружейную палату. [...]

В Арсенальной (Собакиной) башне установили электромотор. Вода между тем пропала. Копать будет вязко. Условились с В. Е. Палибиным переговорить с Тюряковым о трех сменах, на чем настаивает и УКМК.

1 апреля 1934 г. ВОДА! Вода там, где я ее ждал, где она должна быть для безупречности картины — под Средней Арсенальной и стеной. На глубине от пола проходной палаты башни в 6 метров. Конца фундамента башни и стены не нащупывается: он идет, вероятно, на глубине еще двух или больше метров. Однако загадку щелей Арсенала разгадаю. [...]

5 апреля 1934 г. УЖАС ПОДЗЕМНОГО. Просто удивительно мне сегодня показалось, с каким опасением, почти с ужасом, проходили по щелям тайника Аристотеля Фиораванти члены комиссии: Палибин, Лопухов, Куксов, Алешкин, Суриков. В глу-

---

* Утрачено одно слово.— Т. Б.
** Палибин.— Т. Б.

бине я пролез сквозь отверстие в песке до норы, что сам вырыл вдоль каменного потолка, приглашая посмотреть воочию, так не продвинулись, чтобы взглянуть хоть одним взглядом. Осмотрели подвал «о 12 столбах». Подал хорошую мысль — пройти засыпку вдоль стены буром. [...]

9 апреля 1934 г. ШАГ. Решительный шаг, вызванный ситуацией пока тайной борьбы,— докладная записка Сталину о достижениях и отпуске. Заказным.

10 апреля 1934 г. ВРЕДИТЕЛЬ. Кто есть вредитель? Кто тайно идет против видов и распоряжений правительства. Таков Суриков. Прикрываясь Тюряковым, под предлогом опасности, он хотел тайно похерить дело Сталина и мое: перегородить даже не одной, а двумя стенками тайник, чтобы закрыть доступ не только мне. Вообще, я заметил в нем тайные тенденции к реставрации. Один раз он даже проговорился: «Зачем вывозить камень? Ведь придется закладывать?» [...]

Палибин в столовой подсел и сказал, что он уже объяснил Тюрякову. Я ему рассказал и показал мой рисунок тайника. Необходимо проследить тайник до поворота, а для этого копать в «тире», где я укажу. Это действительно поворот: или «да», или «нет». Думаю, «да», т. к. Сталин — «человек с негнущейся спиной». А в таком случае, меняю помощников[27].

Каменное дно в Арсенальной башне прощупывается уже на глубине полуметра. Монеты XVIII в., преимущественно Екатерины II, в особенности Павла I. Одна монета Александра I.

13 апреля 1934 г. «БОЛЬНОЕ МЕСТО». Напечатал на машинке объяснение по поводу благоглупостей Сурикова и подал Тюрякову и Палибину. Тюряков прочитал, и видно было, что впервые обо всем этом слышит. «Завтра,— говорит,— возвращается комендант, и вы с ним переговорите». А Палибин говорит: «Все хорошо, одно у Вас больное место — зачем строителям Арсенала потребовалось ломать боковую стенку, а не потолок, чтобы насыпать песок в ящик и возводить на нем уже стену Арсенала?» Вопрос очень слабенький, а значит, ничего у меня не видит. Да это стопроцентный тайник Аристотеля Фиораванти, который приписывают Солари. [...]

15 апреля 1934 г. САМОУПРАВСТВО. Суриков начал раскопку кремлевской стены в моей ограде, чтоб скорее будто бы очистить найденную при тайнике арку. Решительно протестую и обраща-

юсь к коменданту. Можно удобно очистить тачками, т. к. Арсенальная башня очищена до кирпичного древнего дна. [...]

24 апреля 1934 г. НАДЛОМ. Чувствуется в воздухе новое. Поезд сошел с рельсов или стал на новые, еще лучше, или же... по шпалам.

Подал Петерсону на пишмаш докладную записку о результате работ и о предложении нового фронта — Успенский собор. Петерсон вернул Тюрякову. Тот ко мне. «Почему вы не информировали меня?» — спрашивает он. А я стою, как дубина, вытянувшись по-военному: «Ничего не знаю». [...]

23.IV в 11 часов утра Петерсон и Енукидзе подошли к дверям башни с Александровского сада. Енукидзе хотел лезть в проход, оттуда выкидывали грязь, чистят колодец, Петерсон не пустил: «Когда будет убрано». Рабочие слышали слово: «Замуровать?» «Конечно, замуровать»,— Тюряков сказал. Палибин, уклончиво: «Что дальше делать?» — Подаю докладное заявление Сталину. [...]

25 апреля 1934 г. ПЕРЕЛОМ. Чувствую внутренний перелом. Конец с Москвой. Вот только ниточка кремлевская разорвется — назад на родную (Украину), т. к. «и дым Отечества нам сладок и приятен». [...]

6 мая 1934 г. Шаги готовятся предпринять а) со стороны поликлиники № 2 Кремля — «переутомление, санаторий общего типа». А у меня на душе — «душу номада[28] даль зовет»; б) подаю докладную Сталину (через Стецкого) о сухопутном Эпроне и Тюрякову о «загадке колодца», где на глубине сверх 4 метров обнаружился полукруг из кирпича на извести старого римского колодца или цистерны. Таким образом, всю башню следует копать еще на глубине 3 или больше метров.

9 мая 1934 г. «СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЦИСТЕРНА». Под таким названием напечатал на пишмаше докладную записку коменданту, заму и главе инженеров Палибину об открытии чудесного сооружения в Угловой Арсенальной башне — средневековой цистерны (во всю ширину башни). Колодец XVII в. Всю эту царистскую кустарщину — долой! Прекрасный памятник встанет во всей своей красе. Из «арки» вычищается «забитая накрепко» земля Осипова. Дурака Сурикова беспокоит «слом». Она, мол, «дело рук человеческих», но «человек не может так сделать». Так кто же, дух святой? — «Не знаю». И вот такие головотяпы-дьяки вмешиваются, своими бессмысленными сомнениями сбивают

с толку тех, кто власть имеет, и наконец, срывают большое историческое, общечеловеческого интереса дело. [...]

10 мая 1934 г. КОНЕЦ АРКИ. Три метра — один. А вот и награда — я первый и единственный пробился к задней стенке арки на 7,4 метра. Стена странная, выложена из красного и белого щебня на извести, но только на один метр, а ниже — земля и камни, которые подкопаны, отрываются и падают.

Над этой стеной из потолка свисают сталактиты. Видно, что арка кончается, а закладка идет будто вверх. Внизу какие-то стенки из кирпича, пустоты и другие загадки. А у пяты арки (справа к стене стоя) кирпич 0,4 метра, шириной 4—5 сантиметра, оттуда дует холод. [...]

13 мая 1934 г. Подал доклад о цистерне Н. Г. Теслову и требование еще 9 рабочих. Переговорил с Петерсоном. Десятником опять Базукин — это лучше. «Секрет,— сказал А. А. Хлебников,— завтра в 10 часов приходите, будем осматривать колодец в башне, чтоб строить артезианский».— «А цистерну не убьете? Будет она с водой?» — «Ручаюсь».

14 мая 1934 г. АРТЕЗИАНСКИЙ. Согласились идти в Арсенальную башню осмотреть, что касается сооружения артезианского. И вдруг, внезапно, от коменданта запрещение: не делать в башне, а делать во дворе Арсенала, в уголке.

Встретился в коридоре с В. Е. Палибиным: «Рабочие есть?» — «Где там». А он еще 5.V наложил резолюцию: «Поставить пять». Такая тут сила главного... Все мы — «странники и пришельцы» тут. [...] Приказал Базукину бросить все силы, чтоб очистить заднюю стенку арки. Завтра разгадывать тайны, что это и для чего. [...]

17 мая 1934 г. ПО-МОЕМУ. Без меня башню осматривал Петерсон. Хотелось лично дать объяснения. Базукин рассказывал, а Палибин подтвердил, что Петерсон решил так, как я предполагал:

а) заднюю стену в арке пробить;

б) башню очистить всю до дна цистерны, выкинув деревянный колодец, хотя и двухсотлетний, т. к. цистерна древнее — 450 лет! Рабочих прибавилось — всего 12. Комендант приказал снять колодец. Делает ему честь. [...]

Стена в арке — форменная загадка. На первый взгляд что-то совершенно нецелесообразное. В конце арки на 7,5 метре насыпан толстый слой песка, по нему слой земли в 0,2 метра.

Выше слой обломков известняка, слой извести. Копал один. Важное открытие. Долбил в спецовке лично и ломом поранил палец, зато важное открытие — арка в обрез. Что же это такое? Люк или потайной ход к Неглинной, о котором никто в мире не думал? А если так, то над аркой должна быть пустота, потому что чего же так дует (свеча гаснет) в щель, что на пяте арки, справа от входа? Комендант советует ее пробить. В крайнем случае согласен. А может, и так до нее доберусь? [...]

25 мая 1934 г. ФОКУС-ПОКУС. В Арсенальной башне неожиданность. Ниже на 0,75 метра нынешнего уровня колодца, под стеной башни, пустота, забитая грузом белым и из кирпича на сухой извести. Что это — пока в толк не возьму. Суриков говорит: «Конец стене». 5-метровая стена на грузе[29]? То он назад: «Может быть, и нет». Смотрел вокруг колодца. Это не выход из положения. Палибин подмигнул Сурикову: «Какая там цистерна, если, мол, конец стене». Его не разберешь. [...]

26 мая 1934 г. ТРИ ШАХТЫ. Возможно, целых три шахты я оттяпаю у МОГАИМКа, куда он и носа не будет иметь права сунуть. Одним словом — предложение об археологическом заповеднике из шахты 30—31 [...], что граничит с Кремлем. [...]

31 мая 1934 г. ЗАГАДОЧНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ. В шахте № 30, что возле Кутафьи, на глубине 7—8 метров найдено очень интересное погребение: в выдолбленной колоде белый труп, все сохранилось как следует, только кончик носа поврежден. Ляжки будто у живого. Куски савана (полотно) и толстая подошва. Только в середине будто известь и ломается. Гроб со скелетом был выставлен наверх и рабочие делали с ним, что хотели: развернули челюсти, искали золота, перебили ноги, попортили гроб. Наконец, через неделю, вывезли куда-то и следа нет. Начальник участка Волков трижды звонил не то в музей, не то в МОГАИМК — никто не пришел.

1 июня 1934 г. КУТАФЬЯ. С моим шефом Поповым из комитета[30] и с Суховым осматривали в шахте 30 стену, которую уже было забрали досками. Королев в тот же день раскопал и подвел потолок. Обнаружился крепкий фундамент Кутафьи из больших, плохо тесанных столбов. Он идет выступами на 1,5 метра, а может, и ниже. Должен исследовать. Самое интересное: к стене Кутафьи прилегает нечто вроде «желоба», только не он: две толстые доски в ряд на 0,2 метра ширины, одна спереди и ни одной сзади. Сверху песок насыпанный, великозернистый, соору-

жение позднейшее. Что же это за доски? По Сухову — полок для выбрасывания земли. Как не археолог, он не знает. Такого «полка» землекоп не в силах использовать, очень узко, и он покатился бы прочь. Это — что-то другое, а что — покажут дальнейшие раскопки! В этой же шахте, точнее возле Кутафьи, найдена гробница с рыцарем в кольчуге. Гроб повредили и куски кольчуги вытащили, но главное осталось в земле. Вытащу! [...]

16 июня 1934 г. Понимаю... все хитрости интриг, ткущихся против меня во главе с Палибиным. Все делается тайно от Сталина с опаской, оглядываясь, не стегну ли? А когда передали через Петерсона Сталину предложение о розыске кладов, так Палибин понял это так, что я не имею или утратил известную тропинку к Сталину, и потому почувствовал себя с развязанными руками. Новый пропуск — без права входа в Кремль (идут переговоры об этом), некоторое время запрещал вход даже в башню. Я совершенно уверен, что все это делается за спиной Сталина. Последний, вероятно, уверен, что я работаю изо всех сил, без всяких помех и каких-нибудь палок в колеса. Необходимо выяснить действительное положение вещей. [...]

20 июня 1934 г. СОН ПЕТРА, ИЛИ АЭНДОРСКАЯ ВОЛШЕБНИЦА. Как гляжу-погляжу, вокруг плетется тайная интрига, растет и углубляется. «Дьяки» рождаются, как грибы после дождя, но пока — до времени — тайно. Саботаж Сурикова усиливается, десятник отбился, рабочие работают, как арестанты. Как Палибин говорит: «Мрачное положение». Такая вакханалия вокруг потому, что чувствуют, откуда ветер дует. На «сон Петра» явился «прекрасный Иосиф», лысый Суриков. Подозрения и наговоры последнего нашли сочувствующие уши... А учуяв, испугались — тень Самуила опечалила их. Рады были бы ликвидировать, да ба... неизвестно, что Сам думает, а то... как бы чего не вышло[31]. [...]

22 июня 1934 г. СВАЯ. Из глубины 1 метр из-под Кутафьи вытащил дубовую сваю ($2 \times 0,25$ метра), типичную для кремлевских стен над реками Неглинной и Москвой. Там их было гнездо — 7 штук, две, наклоненные нарочно или от тяжести. Грунт сверху — тронутая земля до глубины в 4 метра, далее мелкое дерево с прослойками земли до глубины 11 метров. Под ним слой бута из кирпича и камня (сантиметров 15), под ним — сваи в плывуне. Между сваями — груз, за сваями — белый камень фундамента башни, перед сваями настил из больших

белокаменных столбов, под которыми уже в плывуне — слой кирпича (иногда целого, один такой взят), дикого камня и кусков каменного угля.

Сделано фото трех свай. [...] Наибольшую сваю вытащили, обмыли, и двое рабочих едва донесли (около 10 пудов) до будки Никольской башни. Оттуда ее донесут до музея подземного Кремля. [...]

27 июня 1934 г. ДНО. В Арсенальной башне добрался до исполинского дна в проходе от ступеней, что в стене с нижнего этажа в подземелье к цистерне в середине башни. Пол выложен чисто, из целых кирпичей. За метр далее начинались, очевидно, кирпичные ступени (ныне разрушенные) к полу из белого камня, до которого сегодня сам докопался (здесь пошла уже работа ажурно-археологическая), но их заливает вода, поднимающаяся и просачивающаяся сквозь венец колодца. А электромотор как взяли 2 недели, да и забудь как звали. Купили новый, обещают установить ночью или завтра. [...]

5 июля 1934 г. «ФУНДАМЕНТ». Осматривали «мою» башню с Палибиным и Суховым. Повод — находка итальянского пола. Вообще, все как по нотам: как предполагалось, так и есть. Еще до раскопок я знал, что будет итальянский пол. Сегодня без рабочих (сняты, т. к. башня была затоплена из-за отсутствия мотора, который вовремя не вернули) самостоятельно раскопал и вытер часть гладкого белокаменного пола, на 0,5 метра от теперешней поверхности раскопок. Кажется, ребенку ясно, а Сухову — нет. «Это фундамент!» Этот господин пошел еще дальше. В свое время я велел копать шурф[32] возле колодца, чтобы выяснить сначала, как глубоко дно цистерны и что это за груз под стеной башни. Сухов (т. к. вопрос касался будто бы стены, т. е. архитектуры) велел землекопам через Сурикова копать вокруг колодца. Теперь и Суриков за шурф. Напоминаю об этом Сухову, а тот: «Я не говорил». Это мелочи, а из таких мелочей складывается моя работа тут. Я в положении Конона Осипова XX в., а эти «я... я не я...» Это типичные осиповские «дьяки», только, кажется, еще худшие.

Вернулся из отпуска комендант. Добьюсь свидания и посмотрю, не сидят ли дьяки где-то еще выше и дергают ниточки. [...]

15 июля 1934 г. ЛЕСТНИЦА. В Арсенальной башне важное открытие: к цистерне пошли кирпичные ступени, по которым разбросано немало чугунных ядер, больших и малых. Мало

того — в длину и поперек лежат, связанные деревянными клиньями, палки, на которые уже насыпан груз и мусор. Приставлен новый десятник — П. К. Белов, который с первого взгляда понравился больше предыдущих. Посмотрю, оправдает ли такое впечатление. [...]

В Арсенальной башне на ступенях, идущих к цистерне, найден «козел», т. е. ...* с подножками, брошенный поперек, как распорка для...** под стенами. Над «козлом» — ряды резаного белого камня, а сверху — груз с железными и каменными ядрами. [...]

16 июля 1934 г. «ЭХО». Захожу утром в кабинет Тюрякова, он уже издали: «Товарищ Стеллецкий, комендант сказал, чтобы вы ему позвонили во всякое время, он назначит, когда видеться». [...]

21 июля 1934 г. «ГАЛЬВАНИЗАЦИЯ». Каждый раз, когда подаю обоснованную докладную записку, она производит впечатление в «сферах». Последняя о разгаданных и неразгаданных загадках — тоже взволновала. Вчера утром заходил в башню Тюряков, а сегодня, вместе с ним, сам комендант. Но это не все. За обедом подали записку... 22.VII в 8 часов 30 минут явиться к коменданту, да не одному, а вместе с Суховым и Палибиным. Что вместе — очень хорошо, кстати и выясню воочию бессмысленность Сухова, допускающего, что Арсенальная башня стоит без фундамента, просто на строительном грузе, говорит, что знает примеры. А я говорю, что не может быть таких примеров.

Кстати, сегодня как раз разгадал эту предпоследнюю загадку: башню мочила вода 30 лет на одном уровне и вымыла под нею, вокруг пустóты от 0,2 до 1 метра. Только с 1731 г. начали башню забивать, и прежде всего подбит груз и большие камни на подпорки, которые перед тем прислонили к выгрызенным стенам. Ступени идут все ниже (уже 14 ступенек, но очень хрупкие, т. к. 20 лет в воде).

22 июля 1934 г. «ДВОРЦОВЫЙ КОМЕНДАНТ ДЕД*... ИЛИ НА ОБЕ ЛОПАТКИ».** В 8 часов 30 минут утра собрались в Кремле возле комендатуры: я, Палибин, Тюряков и Петерсон, не было Сухова, но его встретили в воротах Троицкой башни. Я ожидал

---

* Утрачено одно слово.— Т. Б.

** Утрачено одно слово.— Т. Б.

*** Так в тексте.— Т. Б.

другого — обсуждения моей докладной записки в кабинете, а тут — поход в башню.

Сухов и Палибин не знают того, что знают Тюряков и Петерсон (о моей докладной записке). Тюряков, вероятно, не знает того, что знают Палибин и Сухов.

Можно думать, что моя докладная записка стала известной Сталину и кое-кто получит нагоняй, т. к. поведение сразу другое: полгода Петерсон не мог собраться в Среднюю Арсенальную, а тут пошел и велел продолжать. В Наугольной Арсенальной Тюряков предложил остановить совсем раскопки до зимы, ссылаясь на недостаток рабочей силы, а Петерсон не только оставил рабочих, а еще велел их усилить. Особенно же удивительно — много месяцев нельзя было добиться грузовика, чтобы вывезти мусор из загородки, а тут вдруг, как лист перед травой: явился и давай грузиться.

«На грузе стоит башня или на фундаменте?» — «Пусть решает архитектор»,— поставил я ребром вопрос. Тот что-то лепетал несуразное. «Нет, не думает,— смилостивился над ним Петерсон,— как вы?» А я вот как!

В 1702 г. водоотводы из цистерны Солари были прерваны Арсеналом, и вода стояла 30 лет на одном уровне. Поэтому выточила и выгрызла стену вокруг до метра в середине, до 0,5 метра на углу хода и до 20 сантиметров по верху ступеней.

Урядник Галин Иван впервые ужаснулся — башня упадет! Выкачал воду и давай бросать на ступени доски, бревна, козлы и прочее, а на дно цистерны еще неизвестно что. Под промытые стены положили бревна, доски и засыпали камнями и строительным материалом. Так объяснялась уже одна из «загадок неразгаданных», о которых писал в записке. «Откуда вы знаете?» — ядовито бросил Сухов. «Монеты найдены, которые решают все».

Таким образом, «суриковщина» — на обе лопатки. Конечно, пока, еще «козноделы» проявят себя авторами многих «козней». [...]

7 августа 1934 г. НА ДНЕ. Найдено итальянское кирпичное дно Арсенальной башни с большой круглой цистерной-бассейном в центре, а на дне — кучи каменных ядер небольшого размера. Одно только каменное крупное и одно чугунное в крупное яблоко. Сруб колодца на метровом слое мусора, сруб с футляром в нижней части. Суриков в «эпоху» его вмешательства опустил по дурости нижнюю часть сруба до уровня цистерны, а теперь надо его водворять на место, чтобы иметь возможность очистить резервуар и устроить водопровод.

Летней деревянной лестницы времени, как думается, царевны

Софии снимать не буду, пока не получу ответа от Енукидзе — осмотреть раскопки. [...]

15 августа 1934 г. КАТАСТРОФА. В Арсенальной башне — обвал. Невнимание десятника (Белова), который также под влиянием. Он не дал своевременно плотникам доски подпереть сруб колодца, с которого выкинут (будто бы стоит под солнцем собранный) сруб в пять колец. Белов велел расчищать возле цистерны, а земля сверху и грохнула, а с нею и один из рабочих, а остальным досталось по ногам. Могло быть и хуже. Я сказал Ф. И. (Тюрякову). Он запиской Куксову велел срочно удовлетворить мои нужды. Сразу откуда и взялись доски и каменщики (полки ставить на рельсах, загнанных в стену башни). А Суриков и тут прохаживается: «Нельзя, опасно расчищать колодец, а следует выбирать вокруг». Мысль ясна: это бы затянуло дело на несколько месяцев, а саботажнику только этого и надо. Но и на этот раз не выгорело.

Под Арсеналом выяснилось: стена пошла вниз подземелья выступами в 4 сантиметра высотой. Открыты 3 выступа. Глубже идти небезопасно от обвала. Да и главное выяснено: подвал, а это окно, через которое подавалось оборудование и разное оружие, порох и т. п., которые сохранялись более тайно в большом подземелье. [...]

30 августа 1934 г. «АВГИЕВЫ КОНЮШНИ». Печатаю на пишмаше очередную докладную записку о раскопках в Арсенальной башне. Сто лет занавоживали под землей, а я его (ход) раскопал в три месяца и нашел цистерну Солари — грандиозное сооружение, нашел также подвал Ухтомского, засыпанный с 1731 г., размером в 500 квадратных метров. Что найдется там в случае раскопок, нельзя предвидеть, а уж что-то неожиданное будет. [...]

1 сентября 1934 г. ТРИ. Закончил и подал, как обычно, с итогами достижений докладную. Оглядываясь на весь пройденный путь работ за 8 месяцев, ярко вырисовываются три главные, исторического значения, открытия: 1. Тайник Аристотеля; 2. Цистерна Солари; 3. Подземелье Ухтомского.

А если бы не «дьяки» Былинские да Нестеровы et Tutti quanti[33], я бы не только эти, а еще безмерно более интересные уложил бы в 3—4 месяца*. [...]

---

* Так в тексте.— Т. Б.

29 сентября 1934 г. КОМИССИЯ. Ф. И. Тюряков предложил мне представить список лиц для приглашения в комиссию по обсуждению результатов раскопок в Арсенальной башне. Это значит, что своим архитекторам нет доверия. Вообще в этом есть смысл. Другая черта — работы выходят из стадии глубоко тайных. Намечены к приглашению Щусев, Н. Д. Виноградов и гидролог из метро. Историкам тут делать нечего: все, что открыто, абсолютная для них новость. [...]

3 октября 1934 г. ВОЛК — ЭТО КЛЕЙН. Мне приснилось не так давно. Иду перелеском. Сидят два знакомых охотника, от которых побежала собака. Я позвал ее, а она — назад, глядь, это волк! Я хотел погладить ее, вдруг ужаснула мысль, а как схватит? Волк как будто на минуту задумался. В это время между мной и волком протиснулась большая собака, злая на волка, даже шерсть дыбом... И проснулся! Ясно было необыкновенно. На утро была назначена комиссия для осмотра моих раскопок в Арсенальной башне. Мною приглашены Щусев и Виноградов Н. Д. Тюряков пригласил Клейна. [...]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ОБСУЖДЕНИЮ ДАЛЬНЕЙШИХ МЕРОПРИЯТИЙ В СВЯЗИ С ОТКРЫТИЯМИ В РЕЗУЛЬТАТЕ РАСКОПОК, ВЕДЕННЫХ В УГЛОВОЙ АРСЕНАЛЬНОЙ БАШНЕ

КРЕМЛЬ. **3 октября 1934 г.**

Заседание состоялось 3.X в помещении Гражданского отдела УКМК, под председательством зам. коменданта Кремля Ф. И. Тюрякова. Присутствовали: А. В. Щусев, И. Я. Стеллецкий, Н. Д. Виноградов, В. К. Клейн, Н. М. Куксов, Т. Т. Салопов, Алешин.

Заседание открыто в 12 часов дня заявлением председателя комиссии, что производимые в Арсенальной башне археологические раскопки уже находятся в данный момент в такой стадии, когда потребовалось создать специальную комиссию для обсуждения их результатов, так и дальнейших, в связи с этим, мероприятий.

Ф. И. ТЮРЯКОВ. Работы ведет И. Я. Стеллецкий. О них известно правительству. Целью исследований, между прочим, является открытие библиотеки Грозного. Изыскания ведутся в Арсенальной башне. В настоящее время подземелье башни расчищено до дна, причем целиком обкопан сруб колодца. В каменном полу подземелья оказалась вырезанной круглая цистерна 3,5 метра в диаметре. Вопрос стоит о том, что дальше делать? Удалить ли сруб из башни или же, как рекомендует Игнатий Яковлевич, оставить его на месте, лишь подвесив на тросах. Как нам быть с цистерной и вообще со всей произведенной работой: утилизировать ли сделанные открытия или подземелье вновь засыпать?

В. К. КЛЕЙН. Вопрос о библиотеке Грозного очень спорный. Ее никто не видел. Иван Грозный не мог собрать тысячи книг. Если у него и были отдельные книги, то все они разошлись по библиотекам. С. А. Белокуров детально вопрос разработал и указал, что библиотека Грозного — это миф. Но, конечно, если начать

вообще изучать подземную топографию Кремля, то могут быть неожиданные находки. Искать же библиотеку, как таковую, я лично считаю излишним.

И. Я. СТЕЛЛЕЦКИЙ. Прежде чем ответить на замечание Владимира Карловича, я прошу комиссию уделить мне несколько минут для заслушивания краткой истории подземелья, восстановленной на основании сделанных при раскопках находок, главным образом, монет.

Из истории известно, что строитель Наугольной Арсенальной (Собакиной) башни Петр Антонио Солари построил ее «на новом месте», т. е. как раз на том, где тогда еще проявил себя мощный и даже, как ныне установлено анализом, минеральный по своим свойствам, родник, заключенный Солари в специальную круглую каменную цистерну.

Вполне логично представить, что Солари поставил башню «на новом месте» исключительно ради минерального источника. Последний образовал единственный в Кремле природный бассейн, способный поить весь Кремль в годину неприятельской осады. Дело в том, что из Тайницкой башни не было никакого сообщения с Москвой-рекой, а был лишь потайной тоннель под руслом реки в Замоскворечье.

Из упомянутого бассейна Арсенальной башни были проведены водотоки (летописные «водные течи») в кремлевские княжеские терема и боярские хоромы. Трубы были проложены по специальному, в 3 метра шириной, так называемому «макарьевскому» подземному ходу вдоль кремлевской, по направлению к Троицкой башне, стены, с загибом под Успенский собор, а оттуда под Тайницкую башню.

Место стыка этого подземного тоннеля с каменной лестницей, ведущей к цистерне, было разрушено и исчезло под массивной белокаменной стеной Арсенала [...], начатого стройкой в 1702 г. Стена эта была мною пробита на 5 метров, причем обнаружены были ходы: влево — на потайную лестницу в стене, ведущую на первый ярус башни, и вправо — в упомянутый «макарьевский» тайник. Строители Арсенала немец Х. Конрад и датские архитекторы[34], предвидя затопление подземелья башни в результате закупорки его устоем Арсенала, в пункте, где тайник повернул круто, под прямым углом, к югу, заградили его слоем, мощностью свыше метра, глины, понижающимся вглубь хода и сходящим на нет. Сверху слоя глины, где последний кончался, прямо на дно хода был плотно насыпан речной песок до самого потолка тайника. Не одна, видно, тысяча «коробов» песка пошла на это дело. За слоем песка, надо думать, тайник свободен для беспрепятственного движения вплоть до Тайницкой башни: никакими «столбами» Арсенала или иными фундаментами тайник уже не загорожен. Недаром по нему свободно от Тайницкой до Арсенальной прошел в 1682 г. доверенный дьяк царевны Софьи Василий Макарьев, давший ходу свое имя. Оный дьяк увидел подземелье башни залитым водой вплоть до нижних ступеней кирпичной итальянской лестницы. По приказанию Софьи эта кирпичная лестница была засыпана слоем мусора в полметра толщиной до самой цистерны, а на слое мусора была устроена массивная деревянная лестница, остатки которой раскопаны и, частично, взяты в музей подземного Кремля.

Как предвидели строители Арсенала, уровень воды в закупоренном подземелье поднялся высоко, однако не настолько, чтобы перелиться за упомянутое глиняное заграждение. Это случилось уже позже, в результате мероприятий Анны Ивановны, когда мерой борьбы с непрерывным затоплением башни была признана за лучшее сплошная засыпка подземелья мусором. Взошедшая на русский престол с условием обратить Москву в свою резиденцию, Анна Ивановна сразу же принялась приводить Москву в порядок.

Вспомнили и о закупоренном подземелье Арсенальной Угловой башни. Пробили отверстие в своде последнего [...] и установили, что вода, стоявшая спокойно на одном уровне в течение 30 лет, размыла кладку стены башни кругом и вглубь почти на метр. Графу Миниху[35] в 1731 г. приказано было принять меры.

Миних выкачал воду (найдены остатки желоба) и забил родник и всю окружность подземелья плотным слоем глины с землей в 1 метр толщиной. Спустя несколько лет («деньга» 1734 г.) обнаружили, что вода, несмотря на плотную засыпку, снова залила подземелье. Тогда последнее засыпали строительным щебнем по всему кругу, до самых ребер подмытых стен, т. е. на 2,5 метра от уровня цистерны. Пожар Арсенала в 1737 г. снова заставил заглянуть сюда и убедиться, что вода над засыпкой 1734 г. поднялась еще на 2 метра, оставив следы в виде выкрошенных ребер лестничной арки. Борьба с водой в таком роде продолжалась и во все последующие царствования: Елизаветы (монеты за 9 лет), Екатерины (9 лет), Павла I (за все годы царствования), Александра I (за 3 года — 1812, 1817, 1821), при котором постройка Арсенала была, наконец, закончена.

Тем не менее, несмотря на упорную, свыше столетия, борьбу с мощным минеральным родником, все попытки амортизации его закончились неудачей.

Действительно, при начале моих здесь работ в конце 1933 г. подножие белокаменной, на растворе, заградившей доступ в «макарьевский» тайник, стены Арсенала омывала вода, уровень которой приходился значительно выше уровня верхней площадки итальянской лестницы, некогда ведшей к цистерне.

Однако бывали случаи, когда вода поднималась и того выше, просачиваясь даже сквозь белокаменную стену (при ломке попадался раствор в виде жидкости) над упомянутым глиняным заграждением и заливая фундамент Арсенала с тем большей легкостью, что находила за ним сперва засыпанный песком, а потом, по-видимому, и совсем пустой подземный ход. Понятно отсюда, почему у подножия Средней Арсенальной, а также между Угловой Арсенальной и Никольской башнями при бурении артезианского колодца была встречена проникшая сквозь стену, затхлая вода в культурном слое,— подлинная причина пока 9 обнаруженных трещин в стенах Арсенала, образовавшихся в результате оседания фундамента его, вызванного, как считали, наполеоновским взрывом 1812 г. [...]

А что печатные книги и даже греческие манускрипты дошли до нас в полной сохранности, за это ручается сухой мячковский известняк, который присутствующий здесь Алексей Викторович Щусев признал на упомянутом диспуте почти не поддающимся отрицательному действию времени. Таким он и оказался, судя по нынешним раскопкам, в действительности. Кроме того, кремлевский холм сам по себе достаточно высок, чтобы подземные сооружения в нем даже на значительной глубине оказались гарантированными от подпочвенных вод. Наличие же затхлой воды в культурном слое, на глубине всего 3 метров, обнаруженное, как отмечено, артезианским колодцем у стены Арсенала, представляет случайность, аномалию, обусловленную порчей системы «водных течей» (водоотводов) цистерны Солари.

А. В. ЩУСЕВ. В вопросе о библиотеке Грозного главную роль, конечно, играет греческая библиотека Софьи Палеолог. О ней историкам известно, что она действительно привезена Софией в Москву и где-то спрятана в Кремле так, что до сих пор не найдена. Отсюда можно заключить, что библиотека действительно скрыта в недрах Кремля. Искать ее, конечно, следует, тем более, что попутно может быть открыто многое. Продолжать работы вообще следует, как следует расчистить уже открытый ход.

Архитектурных памятников XV в. сохранилось крайне мало, и потому реставрацию подземелий данной башни можно только всячески приветствовать. Будучи надлежаще реставрированной, она представит строго законченный и единственный в своем роде архитектурный памятник, который с успехом можно демонстрировать на месте нашим молодым инженерам и архитекторам, проходящим курс в институтах.

Н. Д. ВИНОГРАДОВ. Я не буду касаться вопроса о библиотеке Грозного, а отмечу лишь, что необходимо озаботиться устройством водоотводов из новооткрытой цистерны. Кроме того, меня интересует наличие воды под Средней

Арсенальной башней. Это явление делает правдоподобной предложенную версию о происхождении трещин в стенах Арсенала. На какой глубине там встречена вода?

И. Я. СТЕЛЛЕЦКИЙ. На глубине 6 метров, примерно на метр ниже дна арсенального подвала «о 12 столбах», засыпка которого начата, судя по найденной при его расчистке медной монете, при Петре I, а закончена князем Ухтомским в 1754 г. Отдушина в виде арочного отверстия выводила из подвала Ухтомского на лестницу в Средней Арсенальной башне, а окно с белокаменной аркой, через которое человек, согнувшись, мог бы пролезть, было обнаружено недавно, при прокладке водопроводной трубы в трехметровом фундаменте Арсенала, ниже поверхности двора последнего.

Окно устроено как раз между двух кирпичных фундаментов стен тех амбаров, которые здесь в количестве 18 стояли при Алексее Михайловиче и были снесены «до подошвы» по приказу Петра I.

Любопытно, что окно дает уклон внутрь. Внутри вместо лестницы несколько выступов, а потом отвес. Это говорит о том, что здесь имеем не дверь, а именно окно, для подачи в подвал разных военных и иных припасов. Не исключена возможность, что многое из числа последних будет найдено при расчистке подвала Ухтомского до дна. Этот подвал Ухтомского тянется, по всей видимости, начиная от Средней Арсенальной башни до самого конца Арсенала у Троицкой башни, образуя, таким образом, резервную потайную площадь, примерно 500 квадратных метров минимально.

Г. Г. САЛОПОВ. (Говорит о природе воды в цистерне Солари и утверждает, что напорные воды покоятся значительно ниже дна цистерны. [...] Товарищ Салопов предлагает при решении вопроса об уровне воды в цистерне:

1. Метод механической откачки воды с установлением прибора постоянного действия;

2. Метод водопонижения в виде устройства дренажной канавы в общую сеть московской канализации;

3. Произвести опыт полного уничтожения цистерны, как таковой, спустив из нее воду посредством водоспускной скважины. [...]).

Когда будет сделан выбор, можно будет приступить к составлению рабочего проекта, для чего потребуется пробурить одну разведочную скважину в самой цистерне, другую в районе башни. [...]

Кроме того, необходимо иметь абсолютные отметки дна цистерны, уровня воды на дне башни на данное число, отметку линий размытой кладки башни и отметки заложения городской канализации у Александровского сада.

В заключение комиссия in corpare[36] осмотрела место раскопок в Наугольной Арсенальной башне: кирпичный круг цистерны в дне башни, кирпичную лестницу, ведущую от цистерны в «макарьевский» подземный ход, и остатки деревянной лестницы времени правительницы Софии.

ПОСТАНОВЛЕНО

1. Расчистить цистерну до ее исторического дна;

2. Устроить водоотвод в виде дренажной канавы в общую сеть московской канализации;

3. Реставрировать цистерну, пол и подмытые стены башни;

4. Восстановить кирпичную лестницу к цистерне в ее первоначальном виде;

5. Продолжить расчистку от песка новооткрытого хода[37].

13 октября 1934 г. РЫКОВ. В 1928 г. в Кремле разрушали церковь «Спас за золотой решеткой». Было найдено до 28 погребений в каменных гробницах. Рабочие и военные, ругаясь, били,

рубили, ломали и будто с наслаждением выкидывали драгоценные памятники русской народной старины, которые им попадались. Не было ни одной души, которая бы их остановила, объяснила, применила действия. Работы производились под наблюдением Д. П. Сухова, который не только ничего не делал из того, что должен был, как один из основателей «Старой Москвы», но и очень редко заглядывал туда (по словам очевидца А. А. Хлебникова). По поводу этого А. И. Рыков выразился, что вот вы, мол, стараетесь сберечь памятники, которым 100—200 лет, а разрушаете древние, а лет через 200 нас будут ругать, зачем мы их разрушили вместо того, чтобы сберечь. Когда начинали снимать с Ивана Великого[38] колокола (и уже один из трех сняли), Рыков принял меры, чтоб злое намерение было отклонено. И теперь еще можно видеть два колокола вместо трех. [...]

16 октября 1934 г. ПОБЕДА, ПОКА ЧТО... Прихожу утром в башню, а там целых 8 работников вместо обычных 4 и с ними — постоянный новый десятник (Кремля!). Плотники строят новые ступени, каменщики будут реставрировать стены и основания кирпичных ступеней. Что сие значит? Ясно, к Сталину попал наконец мой протокол, и он отреагировал.

Осмотрел место возле Тайницкой башни (за стенами Кремля). Роют ров для водостока глубиной до 1,5 метра. Грунт — кирпичный груз. Валяются остатки старых металлических труб. От колодца же Фиораванти ни малейшего следа. Тем лучше, я уже было испугался: не его ли копают? Нет, не понимают, какое большое научное сокровище кроется тут близко под землей... [...]

20 октября 1934 г. «НА РАЗДУТЫХ ПАРУСАХ». Виделся с Ф. И. (Тюряковым) относительно монтера по поводу неудовлетворительного положения в башне. Я доказал, что благодаря усилению рабочей силы я думаю довести дело до конца, а потом уже ехать в отпуск, хотя бы и зимой. Оказывается, что он до сих пор о моем отпуске с комендантом не говорил... Вдруг сам спросил о каменщиках. «Ни каменщиков,— говорю,— ни кирпича, ни цемента...» Он, раздраженный, тут же служебную записку Куксову с выговором, употребив слово «безобразие». Мало того, введено в план, чтобы с 24.X вывезти из ограды весь груз... Это значит, ударило сверху на мою только научную волну. [...]

3 ноября 1934 г. «ПЕРЕМЕНА ДЕКОРАЦИЙ». Сейчас уже 3.XI, а вышло распоряжение от коменданта до праздников

вывезти всю землю из ограды и замуровать башню. Успеют ли? Не думаю, чтобы была «ликвидация». Вероятно, после праздников должно быть продолжение.

4 ноября 1934 г. ЗАМУРОВАНА... Арсенальная башня так же внезапно, как библиотека Грозного! Беспрестанно мажут 10 каменщиков, замуровывают арку из середины. С ними Суриков. Что это? Неужели «ныне отпущаеши»? А впрочем — всегда готов! Пусть так! Зато башня в кармане. Я всю ее узнал, все тайны понял. Например, что это за «ползучие ходы»? Это амбразуры[39] нижней стороны, выходящей на левый берег Неглинки. Они должны были обстреливать оба, главным образом, правый берег реки на довольно большую дистанцию. В то время берег от фундамента башни круто спадал к воде, оставив наверху железные двери в башню (которые я отворил).

На случай, если бы враг их разбил и ворвался бы в башню, он нашел бы перед собой пропасть и водохранилище неизвестной глубины. Открывши, я удивлялся, как крепко была сооружена эта дверь, т. к. было непонятно. Сейчас все как на ладони...

Одна только загадка осталась загадкой — как древние отводили воду из цистерны, как они умели держать ее на одном уровне. Разгадка опять-таки на дне цистерны. Надеюсь, что разгадаю и эту. [...]

13 ноября 1934 г. «НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ...» 13 ноября — это дата! Конец кремлевской авантюры. Кругленький годик. Что бы я сделал за тот короткий срок, если бы не «исполнители, глухие супостаты»? Я бы эту работу выполнил в 4 месяца. А что бы еще сделал за 8 месяцев темпов по моему вкусу? Как жук-точильщик избороздил бы Кремль и уж конечно бы нашел «затерянный клад России».

Но пусть я не нашел! Не дали найти! Зато я указал верную дорогу к нему. Я ли, другой ли — не все ли равно: лишь бы нашли! Мое — мой приоритет — неотъемлем от меня. А башня Арсенальная, превращенная мною в ключ к библиотеке, отныне «башня Стеллецкого». [...]

25 февраля 1935 г. УКМК. Гражданский отдел. Главному инженеру В. Е. Палибину. «Прошу Вас выяснить, будут ли иметь продолжение археологические работы в Кремле под моим руководством. В противном случае прошу о распоряжении оформить их прекращение. Профессор Стеллецкий». [...]

С утра у Палибина на дому. Подал отношение, как базу для мероприятий.

Мое предсказание, что вода затопит Кремль, оправдалось.

Я предупреждал об этом Тюрякова перед отъездом на курорт и просто приказывал Сурикову немедленно принять меры для этого. Оказывается, Сурикова давно прогнали, а о башне забыли. Ну и вода до самого тоннеля. Случайно об этом узнали. Принимают меры — пробить стену и спустить ее (воду) в канализационную сеть. [...]

6 марта 1935 г. LA REACTION[40]. Гражданский отдел пять дней тому назад до конца ликвидирован. Остались только Палибин, Травин и Умнов, чтобы подмести остатки. [...]

7 марта 1935 г. КАИН И АВЕЛЬ. Подал Авелю (Енукидзе) записку о делах подземного Кремля (через Троицкую будку). Думаю, такое чувство, что ответ будет. Кандидатов на Каина двое[41]. Увидим... [...]

16 марта 1935 г. РЕБРОМ. «Согласно выработанному мною плану,— пишу Петерсону с Тюряковым,— я начал работать в Арсенальной башне, заранее зная о существовании подземного хода под Кремль. Фактическое открытие подземного хода служило краеугольным камнем всего предприятия. Мое предположение оправдалось, ход был открыт. Оставалось только заняться его расчисткой, неуклонно продвигаясь вперед, к намеченной цели. Но здесь мне было указано заняться расчисткой одной только названной башни, что не входило в мои планы как момент неотложный. Работы по расчистке башни сверх ожидания потребовали много времени и, в результате, моего отпуска для лечения. Ныне я чувствую себя вполне окрепшим для трудной работы и предлагаю продолжить работу **основную — расчистку новооткрытого тоннеля.** Жду Ваших указаний по организации работ. И. Стеллецкий». [...]

Справился в личном столе: «с 14 января», без мотивации. А когда был в Сочи — «с 3 декабря»[42]. [...]

Я совершенно надломлен в момент и для меня очевидно, что борьба за идею перешла с научной и общественной почвы на самую страшную — «придворную». Ну что же! От идеи, которой прослужил 25 лет, все равно не откажусь ради сладкой жизни, из-за каких-нибудь выигранных, возможно, нескольких лет жизни...[43]

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАЙНИЦКАЯ БАШНЯ В 1827 г.

Ворота Тайницкие названы так оттого, что служили прежде во время осад города тайным выходом на Москву-реку за водою или для вылазок, в выдававшейся к реке части башни, образующей правильный квадрат, **виден доныне глубокий, обширный колодец, совершенно засоренный и почти заросший:** должно думать, что сей колодец снабжал город во время осад водою; близость его к Москве-реке подтверждает догадку сию.

Впрочем, в народе сохраняется предание, будто бы **сия яма была не что иное, как тайный подземный ход за Москву-реку.** Нелепость басни сей очевидна: для подобного схода надлежало бы тут быть лестнице или в которую-нибудь сторону отлогости, но ни того, ни другого здесь не приметно.

Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского. 1827, ч. II, с. 3.

ТАЙНИЦКАЯ БАШНЯ ПО ИВАНУ СНЕГИРЕВУ

Петр Солари в 1491 г. воздвигнул Флоровские (Спасские.— И. С.) ворота, в 1485 г. Антоний Фрязин у Чушковых ворот (Тайницкая башня.— И. С.) стрельницу, **под коей выведен был тайник, т. е. подземный** ход на Москву-реку, а в 1488 г. заложил стрельницу вверх по Москве, где стояла Свибловская, а под нею вывел тайник.

Снегирев И. М. Памятники московской древности. 1842, с. XIX.

ТАЙНИЦКАЯ БАШНЯ ПО М. П. ФАБРИЦИУСУ

Перед нами один из памятников глубокой старины, одна из старейших башен — башня Тайницкая, с воротами под ней, открытыми только для пешеходов. Построена она итальянским зодчим Антонием и впоследствии несколько раз реставрировалась.

Название свое получила, по всему вероятно, от того, что в ней **находился потайной, скрытый колодец,** и нет серьезного основа-

ния придавать значение молве, приписывающей это название существовавшему, будто бы, здесь потайному ходу из Кремля.

Колодец, о котором я говорю, есть и теперь; конечно, он потерял свое значение, а между тем в былые времена, при осадах Кремля, он должен был играть чрезвычайно важную роль, снабжая осажденных водою, которой нет (sic!) более во всем высокостоящем Кремле.

Вот чем может быть объяснено главное значение башни, заложенной прежде всех других.

Фабрициус М. П. Кремль в Москве. М., 1883, с. 215.

ТАЙНИЦКАЯ БАШНЯ ПО Н. А. СКВОРЦОВУ

Прибывшие по приглашению Ивана III в Москву итальянские инженеры Антоний и Марк Руффо начали постройку кремлевских укреплений с Тайницкой башни. Новая стрельница здесь заложена 29 мая (по другим сведениям, 19 июля) 1485 г., под нею устроен тайник, т. е. тайный родник для добывания воды во время осады.

Вероятно, прежние осады показали полную невозможность пробираться к реке за водою через ворота, а новые строители нашли иной, совершенно безопасный способ добывания ее.

Стрельница и ворота от устроенного под ними тайника получили название Тайницких.

Скворцов Н. А. Археология и топография Москвы. М., 1913, с. 92.

АРСЕНАЛЬНАЯ (СОБАКИНА) БАШНЯ ПО И. СНЕГИРЕВУ

Над Неглинною в 1492 г. сооружена неизвестными зодчими башня с Неглинненскими воротами («Софийский Временник», № 3, с. 203).

«По велению великого князя Ивана III Васильевича Петр Фрязин,— как замечает Крекшина летопись,— построил две отводные стрельницы, или тайники, и многие палаты и пути к оным с перемычками и под землею, на основаниях каменных водные течи, аки реки, текущие через весь Кремль-град осадного ради сидения».

В таком-то тайнике князь Прозоровский показал Петру I, когда царь, после Полтавской битвы, нуждался в деньгах, старинную серебрянную посуду и монеты.

Снегирев И. М. Памятники московской древности. М., 1842. С. XX.

АРСЕНАЛЬНАЯ (СОБАКИНА) БАШНЯ ПО М. Н. ФАБРИЦИУСУ

Третья Круглая Угловая Арсенальная башня заканчивает собою северо-восточную часть Кремлевской ограды.

Башня эта замечательна потому, что в ней помещались резервуары с водой старых московских водопроводов, о чем свидетельствуют сохранившиеся чертежи и планы. Теперь эта башня ничем не занята и мало чем обращает на себя внимание. Известно только, что из этой башни шла в толще стены лестница, в настоящее время уничтоженная. У башни справа примыкает старинная полуразрушенная чугунная решетка с золочеными украшениями... с фонтанами перед входом в ворота (Александровского) сада.

Фабрициус М. П. Кремль в Москве. М., 1883, с. 221.

АРСЕНАЛ ПО И. СНЕГИРЕВУ

Между Троицкими и Никольскими воротами, там, где в XVII в. было сборное место стрельцов, дворы князя Лыкова и других бояр, теперь стоит величественный Арсенал, или, как прежде его называли Артиллерийский Цейхаузный, Оружейный дом. Здание было начато строением по образцу Венецианского арсенала с 1701 г. саксонцем Иоанном Конрадом.

После пожара 1737 г. возобновлен в 1754 г. под надзором архитектора князя Ухтомского.

Под сводами Цейхауза находился погреб на 12 столбах, а в палатах потолки опирались на своды...

Здание долго оставалось опустелым и только в царствование Александра I совершенно приведено к окончанию.

Снегирев И. М. Памятники московской древности. М., 1842, с. 314.

АРСЕНАЛ ПО А. ВЕЛЬТМАНУ

Арсенал, или Цейхауз, заложен Петром Великим в 1702 г. на пространстве, занимаемом в старину стрелецким Лыкова двором, подворьем Рождественского Владимирского монастыря, церковью Вход в Иерусалим, двором Ф. И. Шереметьева (в 1626 г.) и двором князя И. Голицына (1626 г.). В 1812 г. большая половина со стороны Никольских ворот подорвана французами; Никольская башня также была взорвана. Закончена постройка при Николае I. Устройство и расположение необъятного количества амуниции (на 200 000 воинов) не имеют себе подобных.

Вельтман А. Ф. Достопримечательности Московского Кремля. М., 1843, с. 72.

КОММЕНТАРИИ

Предисловие

[1] Дабелов Христофор Христиан (1768—1830) — юрист, профессор университетов в Галле, Лейпциге, Дерпте. В 1822 г. нашел в Перновском архиве (г. Пярну) список книг библиотеки Ивана Грозного.
[2] Клоссиус Вальтер Фридрих (1796—1838) — юрист, профессор Дерптского университета.
[3] Соболевский Алексей Иванович (1856/57—1929) — филолог, академик. Автор трудов по древнерусской письменности, палеографии, этнографии и др.
[4] Осипов Конон (? — ок. 1736) — пономарь церкви Иоанна Предтечи на Пресне. Дважды (1724, 1734) искал подземные палаты в Московском Кремле.
[5] Тремер Эдуард — филолог, профессор Страсбургского университета. В 1891 г. искал в Кремле подземные палаты, где, по его мнению, должна была храниться библиотека Грозного.

ТОМ I

Введение

[1] Ниенштедт Франц (1540—1622) — дерптский купец, с 1565 г. бургомистр Риги. Оставил после себя записки и ливонскую хронику, куда вошел рассказ пастора Веттермана о знакомстве его с книгами библиотеки Грозного.
[2] Тель-Амарна — в настоящее время населенный пункт Эль-Амарна на территории Египта. В XV в. до н. э. здесь находилась столица Древнего Египта Ахетатон.
[3] Аменхотеп IV (1419 — ок. 1400 до н. э.) — египетский фараон.
[4] Лейярд — английский археолог, в 1845—1846 гг. осуществлял раскопки на территории древней Ассирии.
[5] Ниппур — древнешумерский город, ныне г. Нуффар на территории Ирана.
[6] Храм Бела — выстроен в честь царя вавилонских богов Бэл-Мардука.
[7] Эламиты — жители государства Элам (IV тыс. до н. э.), находившегося на территории нынешнего Ирана.
[8] Ангора — древнее название Анкары.
[9] Аль-Хакем I (Альмостансер) (? — 976) — халиф из династии испанских Оммиядов, правитель Кордовы.
[10] Птоломеи (Лагиды) — царская династия в эллинистическом Египте в 305—30 гг. до н. э.
[11] Киренаки Федор — служитель библиотеки Птоломеев, привез в Египет из Иерусалима евреев для перевода священных книг.
[12] Александрийская библиотека — крупнейшее в древности собрание рукописных книг. Одновременно это была и библиотека, и учебное заведение, и научное учреждение. Большая часть книг хранилась в Брухейоне — специальной пристройке к дворцу, меньшая — в Серапейоне, пристройке к храму бога Сераписа. Библиотека трижды горела: 47 г. н. э., 391 г., VII — VIII вв.
[13] То есть правила оформления рукописей.

[14] Синкелл Георгий — византийский хронист (VIII в.).
[15] Манефон (2-я пол. IV н. III в. до н. э.) — египетский историк. Автор истории Египта на греческом языке.
[16] Эратосфен Киренский (ок. 276—194 до н. э.) — древнегреческий ученый. Автор трудов по философии, математике, астрономии, музыке.
[17] Речь идет о Законе (заповедях), который был дан пророку Моисею Богом на горе Синай.
[18] Ириней (ок. 130 — ок. 202) — церковный писатель, епископ Лиона.
[19] Иустин (? — ок. 165) — греческий философ, церковный деятель.
[20] Иоанн Златоуст (ок. 350—407) — византийский писатель, епископ Константинополя.
[21] Тертулиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160—240) — христианский теолог, писатель.
[22] В 47 г. римский диктатор Гай Юлий Цезарь в ходе боевых действий осадил Александрию, он поджег египетский флот, и пожар перекинулся на город.
[23] Евсевий Кесарийский (265—339) — римский церковный писатель, епископ Кесарии (Палестина).
[24] Кедрен (к. XI — н. XII вв.) — византийский писатель.
[25] Сенека Лиций Анней (ок. 4 г. до н. э.— 65 н. э.) — философ, писатель, политический деятель.
[26] Орозий (ок. 380 — ок. 420) — римский историк, священник.
[27] Манассис Константин — византийский писатель и летописец (XII в.).
[28] Аристей — греческий писатель, служил в Александрийской библиотеке (III в. до н. э.).
[29] Флавий Иосиф (37 — после 100) — древнееврейский историк.
[30] Зонар (к. XI — сер. XII вв.) — византийский летописец.
[31] Теофраст (Тиртам) (372—287 до н. э.) — древнегреческий философ. Ученик и друг Аристотеля.
[32] Нелей получил рукописи Аристотеля в 227 г. до н. э. по завещанию Теофраста.
[33] Андроник Родосский — древнегреческий философ. В 43 г. в его руки попали рукописи Аристотеля, которые он издал.
[34] Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936) — историк, академик. Автор трудов по истории, исторической географии России и Литвы до XVI в.
[35] Софийский собор в Киеве построен в 1037 г. в княжение Ярослава Мудрого. Перестраивался в XVII в.
[36] Десятинная церковь — первый каменный храм Киевской Руси, была построена в 989—996 гг. Разрушена во время нашествия татар в 1240 г.
[37]См.: Лебединцев П. Г. О святой Софии Киевской // Труды III Археологического съезда. Киев. 1878. Т. 1. С. 53.
[38] Эртель А. Д.— украинский археолог, до революции неоднократно участвовал в раскопках вместе со Стеллецким.
[39] Костер (Кистер) Лаврентий (Лоуренс-Янсон) (ок. 1370 — ок. 1440) — голландский первопечатник. Некоторые исследователи приписывают ему изобретение книгопечатания.
[40] Фауст (Фуст) Иоганн (? — ок. 1466) — купец из Майнца, ссудивший деньги Гутенбергу на открытие типографии в 1459 г. По суду он получил типографию и весь тираж Библии.
[41] Александр Галле. Доктринал.
[42] Гутенберг Иоганн (ок. 1394—1468) — немецкий первопечатник, создатель печатного станка.
[43] Шеффер Петер (1420/1430—1502/1503) — один из помощников Гутенберга.
[44] Бальмарский кодекс.
[45] Граф Адольф Наусский захватил Майнц 28 октября 1462 г.
[46] Удальрис (Ульрих) Ган вместе с Конрадом из Свенгейма и Арндольдом

Паннарцем из Праги создал типографию в монастыре Субиако, близ Рима (1465 г.), затем они организовали типографию в Риме.

[47] Ласкарис Константин (1434—1501) — византийский ученый. После взятия турками Константинополя бежал в Италию, преподавал греческий язык в Мессине.

[48] Мануччи (Мануцци) Альдо (1448—1515) — основатель типографии в Венеции.

[49] Какстон Вильям (ок. 1422—1491) — английский первопечатник и писатель.

[50] Этьен Роберт (1503—1599) — основатель типографии в Париже и Женеве, писатель.

[51] Плантен Христофор (1514—1589) — основатель типографии в Антверпене (Нидерланды).

[52] Димитрий Халкондид (ок. 1424—1510) — греческий ученый, автор греческой грамматики.

[53] Николай Афинский (ок. 1450 — ?) — византийский историк.

[54] Бадий Асцезия Фландрский (1462—1537) — основатель типографии в Лионе и Париже.

[55] Алеандр Иероним (1480—1542) — итальянский богослов, философ, кардинал.

[56] Навижеро (Наваджеро) Андреа (1593—1529) — итальянский гуманист, писатель.

[57] Бальзони — возможно, речь идет о Баккео Бальдини (ок. 1436 — после 1480), он изготовлял гравюры для книг по рисункам Боттичелли.

[58] Енсон (Иенсон) Николай (1420—1480) — писец, художник, гравер, первым изучил типографское дело у Гутенберга. В 1461 г. перебрался в Италию (Венеция).

[59] Барцизи Гаспарини. Послание.

[60] Зерцало человеческой жизни.

[61] Слово не разобрано.

[62] «Стрела божественной любви святого Бонавентуры».

[63] Викентий де Бове (? — 1264) — чтец при французском короле Людовике Святом. Автор энциклопедии в 73 книгах.

[64] «Гностики».

[65] «Зачатие Пресвятой Богородицы».

[66] Скорина Франциск (Григорий) (до 1490 — не позд. 1551) — первопечатник и просветитель.

[67] Будный Симон (ок. 1430—1493) — просветитель и первопечатник, один из руководителей реформаторского движения в Белоруссии и Литве.

[68] Бамберг — город в Баварии.

[69] Орден бенедиктинцев основан Бенедиктом Нурсийским ок. 530 г. в Италии. В X в. у ордена появляются ветви: ордена цистерианцев и картезианцев.

[70] Клюнийский монастырь находился в Бургундии.

[71] Картезианцы имели монастыри Салетт на Роне и Премоль близ Гренобля.

[72] Цистерианцы имели монастыри во Франции: Солемский, Клервосский, Лаферте, Понтиньи, Моримонский.

[73] Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский историк. Автор «Истории, упадка и разрушения Римской империи».

[74] Галлам Генри (1777—1859) — английский историк. Автор трудов по истории средних веков.

[75] Дукас. Византийский хронист XV в.

[76] Андроник II Палеолог (1258/1259—1332) — византийский император.

[77] Иоанн IV Кантакузин (1293—1383) — византийский император.

[78] Грек Максим (Михаил Треволис) (ок. 1475—1556) — писатель, философ, переводчик.

[79] Константин I Великий (ок. 285—337) — римский император.

[80] Феодосий I Великий (ок. 346—395) — византийский император.

[81] Фут равен 0,3048 м.

[82] Лев III Исаврянин (717—741) — византийский император.
[83] Порфирогенет (Багрянородный) — так называли детей императоров. В данном случае речь идет о сыне Константина Великого — Констанции.
[84] Комнины — династия византийских императоров, правившая в 1081—1185 гг.
[85] Магомед II (1451—1481) — турецкий султан.
[86] Николай V (? — 1455) — папа римский.
[87] Матвей (Матиаш) Корвин (1458—1490) — венгерский король.
[88] Гумиад (Янош Хуньяди) (1387—1456) — правитель венгеро-хорватского королевства.
[89] Диодор Сицилийский (ок. 90—21 до н. э.) — древнегреческий историк. Автор сочинения «Историческая библиотека», 40 книг, до нас дошли 1—5, 11—20, остальные в фрагментах.
[90] Фома Палеолог (? — 1465) — младший сын византийского императора Мануила II, деспот Мореи (Сев. Греция).
[91] Ахмет III (1673—1736) — турецкий султан.
[92] Амурат IV (1623—1640) — турецкий султан.
[93] Академия в Багдаде, средневековый университет, где преподавались точные и естественные науки, философия и медицина, была создана халифом Харун ар-Рашидом (763 или 766—809). Он же создал знаменитую дворцовую библиотеку. Сын Харуна халиф Аль-Мамун сделал дворцовую библиотеку публичной, присоединив ее к академии.
[94] Эльгин (Эльджин) — английский генерал и дипломат, был посланником в Стамбуле.
[95] Порта — принятое в европейских документах и литературе название правительства Османской империи.
[96] Карлейль Томас (1795—1881) — английский историк и философ.
[97] Дионисий Галикарнасский (2-я пол. I в. до н. э.) — древнегреческий историк. Автор истории Рима в 20 книгах. До нас дошли 1—9.
[98] Фунт равен 0,4 кг.
[99] Медичи — итальянский род, известен с XII в., среди них были торговцы, менялы, ростовщики. Первым достиг высокого положения Козимо Медичи (1389—1464) — он стал неофициальным правителем Флоренции. В дальнейшем Медичи играли важную роль в политической жизни Италии и Франции.
[100] Владислав V (1490—1516) — венгерский король.
[101] Базили Константин Михайлович (1809—1884) — русский дипломат и писатель, был посланником в Стамбуле. Автор трудов по истории Востока.
[102] Ришар де Бюри (Ричард де Бери) (1287 — ?) — канцлер Англии, епископ. Его библиотека насчитывала 1500 томов.
[103] «Филобиблион» — книга содержала советы по покупке книг, их хранению, переписыванию и т. п.
[104] Монастырь св. Пахомия был создан в 312 г. в Верхнем Египте неподалеку от Фив. Устав монастыря отличался особой строгостью.
[105] Капитулы — советы при епископах или коллегиях при высших сановниках католической церкви.

Часть I

Глава I

[1] Успенский Федор Иванович (1845—1928) — историк, археолог. Автор «Истории Византийской империи».
[2] Пий II (1405—1464) — римский папа, гуманист и поэт.
[3] Золотая роза, усеянная алмазами, ежегодно в 4-е воскресенье (воскресенье

роз) освящается папой в присутствии коллегии кардиналов; она жалуется папой в качестве особого отличия лицу, принадлежащему к влиятельному дому.

[4] Виссарион Никейский (ок. 1403—1472) — архиепископ Никейский. После подписания Флорентийской унии был обвинен в том, что «предал свою веру». Вернулся в Рим, где получил сан кардинала. Переводчик трудов Аристотеля, Теофраста, Ксенофонта, составил прекрасную библиотеку.

[5] Исидор (XV в.) — митрополит-грек, в 1437 г. был назначен Константинопольским патриархом митрополитом в Москву. Во Флоренции подписал унию. По возвращении в Москву был объявлен предателем и заключен в Чудов монастырь. Бежал в Рим, где получил сан кардинала.

[6] Пирлинг Павел (1840—1922) — родился в Петербурге, образование получил в Вене и Риме. Секретарь ордена иезуитов. Автор труда «Россия и папский престол».

[7] Говоря о младшей дочери Фомы Палеолога, автор называет ее то Зоя, то София. Зоя — имя, данное ей при крещении. Софией она стала себя называть по приезде в Москву.

[8] Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1. М., 1912. С. 156.

[9] Там же. С. 187.

[10] Гонзаго Людовик (XV в.) — представитель знатного итальянского рода, правившего Мантуей.

[11] Карачиоло Роберто (1425—1475) — итальянский прелат.

[12] Речь идет о будущем короле Кипра Иоанне III (1460—1463).

[13] Карнаро Екатерина (1454—1510) — королева Кипра.

[14] Сфорца Галеаццо Мария Второй (1466 — ок. 1474) — миланский герцог.

[15] Пирлинг П. Указ. соч. С. 172.

[16] Там же.

[17] Владимир I (? — 1015) — князь новгородский и киевский, был женат на сестре византийского императора Василия I Анне.

Глава II

[1] Консистория — в католической церкви собрание кардиналов в присутствии папы.

[2] Маффен Джовани-Пьетро (1535—1603) — итальянский историк, иезуит. Автор трудов по истории Италии.

[3] Орсини Кларисса — жена миланского герцога Лоренцо Медичи Великолепного.

[4] Пульчи Луиджи (1431—1487) — итальянский поэт, жил при дворе Лоренцо Медичи во Флоренции.

[5] Лоренцо Медичи Великолепный (1449—1492) — правитель Флоренции, поэт и меценат.

[6] Пирлинг П. Указ. соч. С. 188.

[7] Венецианская сеньория — правительственная коллегия из 6 сановников в Венецианской республике.

[8] В XV в.— монастырь.

[9] Дочь Ивана III и Софьи Палеолог Елена (ум. 1513) была замужем за великим князем литовским Александром Казимировичем. Он проявлял веротерпимость по отношению к православным под влиянием жены.

[10] Пирлинг П. Указ. соч. С. 267.

[11] Хризобулла (хризовула) — торжественная грамота византийских императоров. В форме хризобуллы публиковались законы, договоры с другими государствами, важные императорские пожалования.

[12] Фиораванти Аристотель (1415—1485) — итальянский и русский зодчий.

Участвовал в строительстве Московского Кремля. Ходил в походы с Иваном III на Тверь и Новгород в качестве мастера пушечного дела.

[13] Солари Пьетро Антонио (1450—1495) — итальянский и русский зодчий. Строитель стен и башен Кремля, а также Грановитой палаты.

[14] Пирлинг П. Указ. соч. С. 272.

[15] Там же. С. 270.

[16] Там же.

[17] Палладио Андреа (1508—1580) — итальянский зодчий.

[18] Чарыков Н. В. Об итальянской фреске, изображающей Иоанна III и Софию Палеолог // Записки Московского археологического института. Т. 15. М., 1912. С. 1—5.

[19] Там же. С. 5.

Глава III

[1] См.: Пирлинг П. Указ. соч. С. 197.

[2] Там же.

[3] Траханиот Юрий Мануилович (2-я пол. XV в.) — дипломат, переводчик, служил у московского князя Ивана III.

[4] Василий II Темный (1415—1462) — великий князь Московский, сын Дмитрия Донского.

[5] Пирлинг П. Указ. соч. С. 198—199.

[6] Иона (1448—1461) — митрополит Московский, первый глава русской православной церкви, фактически независимой от Константинопольского патриарха.

[7] Пирлинг П. Указ. соч. С. 200.

[8] Там же. С. 179—180.

[9] Орден нищенствующих проповедников был основан в 1215 г. испанским монахом Домениаком.

[10] Пирлинг П. Указ. соч. С. 202.

[11] Ганзейский союз — в XIV — XVI вв. торгово-политический союз северонемецких городов во главе с Любеком, осуществлял посредническую торговлю между Западной, Северной и Восточной Европой.

[12] Ревель (Колывань) — ныне г. Таллинн (Эстония).

[13] Тевтонский (немецкий) духовно-рыцарский орден образовался в к. XII в. в Палестине во время крестовых походов. В XIII — XV вв. на землях, захваченных у пруссов, литовцев, поляков существовало государство Тевтонского ордена.

[14] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Спб., 1848. Т. 4. С. 245.

[15] Филипп (1466—1473) — митрополит московский.

[16] Строительство Успенского собора в Московском Кремле было начато в 70-х годах XV в. псковскими мастерами Иваном Кривцовым и Мышкиным. В 1474 г. при землетрясении северная стена храма рухнула. Внутри храма находилась небольшая деревянная церковь, где были обвенчаны Иван III и Софья Палеолог.

Глава IV

[1] «...золотой век Августа» — Октавиан Август (63 до н. э.— 14 н. э.), основатель принципата, положившего начало Римской империи. В его правление наблюдался пышный расцвет культуры.

[2] Анджелико (Фра Джованни да Фьезоле) (ок. 1400—1455) — итальянский художник.

[3] Мелоццо да Форли (Марко дельи-Амброджи) (1438—1494) — итальянский художник.

[4] Перуджино (Ваннучи) Пьетро (между 1445 и 1452—1523) — итальянский художник.

[5] ПСРЛ. Спб. 1859. Т. 8. С. 158.
[6] Там же. С. 173.
[7] Там же. С. 177.
[8] Муроль — каменщик.

Глава V

[1] ПСРЛ. Т. 4. С. 199.
[2] Там же.
[3] Усов А. С. Сочинения. Т. 4. М., 1892. С. 110.
[4] ПСРЛ. Т. 8. С. 181.
[5] Речь идет о памятнике римскому императору Калигуле.
[6] Аристотель был дважды обвинен в изготовлении фальшивых денег и оба раза оправдан.
[7] Строки из поэмы Дж. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда».
[8] Успенский собор (1475—1479) — главный храм Российского государства. Здесь происходили венчания на царство и коронации. Собор являлся усыпальницей митрополитов и патриархов.
[9] ПСРЛ. Т. 4. С. 199.
[10] Там же. С. 199—200.
[11] Там же. С. 200.
[12] Там же. С. 199.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Кутафья башня (1516 г.) — высота 13,5 м, сооружена зодчим Алевизом Фрязиным.
[16] Речь идет о музее «Подземный Кремль», который пытался организовать Стеллецкий. Судьба его экспонатов неизвестна.
[17] Снегирев Иван Михайлович (1793—1868) — историк, писатель, автор трудов по истории Москвы.
[18] Благовещенский собор (1484—1489) — домовая церковь русских царей.
[19] Тайницкая башня (1485 г.) — высота 38,4 м. Башня имела отводную четырехугольную стрельницу, снесенную в 1953 г. при расширении кремлевской набережной.
[20] Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867—1934) — историк, профессор. Автор трудов по истории Литвы, Белоруссии, России XIV — XIX вв.
[21] Макарий (1482—1563) — митрополит московский.
[22] Платонов С. Ф. Москва и Запад. Берлин, 1926. С. 8.
[23] См.: Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912. Т. 1.
[24] Мартынов А. А. Успенский собор в Москве. М., 1856. С. 3.
[25] Артлебен Н. А. Казна Московского Успенского собора // Древности. Труды МАО. Т. 8. С. 123.
[26] Быковский К. М. Доклад на заседании Московского археологического общества 12 декабря 1912 г. Отдельный оттиск.
[27] Вершок равен 4,45 см.
[28] Аршин равен 72,12 см.
[29] Быковский К. М. Указ. соч. С. 3.
[30] Забелин Иван Егорович (1820—1908/1909) — историк, археолог, сотрудник Оружейной палаты, фактический директор Исторического музея в Москве. Автор трудов по истории Москвы.
[31] Мейерберг Августин (1622—1688) — австрийский дипломат. В Москве был с посольством в 1661—1662 гг. Автор «Путешествия в Московию».
[32] Грановитая палата (1487—1491) — главный парадный зал Московского Кремля, здесь проходили приемы послов, земские соборы и т. п.

[33] Пыпин А. Н. История русской литературы. Изд. 2-е. Спб., 1902. Т. 2. С. 304.
[34] Алевиз Новый (Фрязин) (конец XV — начало XVI в.) — итальянский и русский зодчий. В 1503—1504 гг. строил дворец Бахчисарая для хана Менги-Гирея, с 1504 г. работал в Москве. Один из строителей Московского Кремля и Архангельского собора (1505—1508).
[35] Первооснова (*франц.*).

Глава VI

[1] Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. I; Киев, 1908. Т. 2.
[2] Антон Фрязин появился в Москве в 1469 г., можно предположить, что он был одним из строителей Московского Кремля.
[3] Марко Руффо (Фрязин) работал в Москве в 1487 г., точная дата его приезда в Москву неизвестна.
[4] Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 8.
[5] Павийская Чертоза (1453—1475) — католический монастырь в Павии (Италия).
[6] «...в сундуках до стропу» — до сводов палаты.
[7] Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 2. Казань, 1860. С. 316.
[8] ПСРЛ. Т. 4. С. 155.
[9] Бартенев С. П. Указ. соч. С. 29.
[10] В повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» Андрей пробирается в город к осажденным полякам по подземному ходу.
[11] Вужище — вожжи.
[12] Стена плача в Иерусалиме на месте, где стоял храм Соломонов, разрушенный Титом I, уцелела часть стены. К ней 20 веков евреи приходят перед закатом солнца, чтобы молиться и оплакивать разрушение храма и утрату независимости.
[13] В это время происходил не снос пристройки, а прокладка канализационных труб.
[14] Беклемишевская (Москворецкая) башня (1487—1488) — высота 46,2 м. Названа по двору бояр Беклемишевых, примыкавшему к башне. Некогда использовалась как тюрьма.
[15] Свиблова (Водовзводная) башня (1488 г.) — высота 59 м. Свибловой названа по двору бояр Свибловых. В 1633 г. получила название Водовзводной, т. к. в ней была устроена машина для подъема воды. В 1805 г. башня была разобрана до фундамента, т. к. угрожала падением, и отстроена заново. В 1812 г. была взорвана французами, затем отстроена заново.
[16] ПСРЛ. Т. 8. С. 217.
[17] Возможно, что этот «тайник» был разрушен при взрыве башни в 1812 г.
[18] Прясло — участок стены между двумя башнями.
[19] Боровицкая башня (1490 г.) — высота 50,7 м. В старину башня имела отводную стрельницу. Башня перестраивалась при Екатерине II и после взрыва 1812 г.
[20] Песок-плывун — песок, насыщенный водой, способный под давлением вышележащих толщ переходить в текучее состояние.
[21] Речь идет о Константино-Елининской башне (1490 г.) — высота 36,8 м. В старину она имела проездные ворота и отводную стрельницу, в последней в XVII в. была устроена пыточная тюрьма.
[22] ПСРЛ. Т. 8. С. 219.
[23] Набатная башня (1491 г.) — высота 38 м. В старину на башне висел набатный колокол. За призыв к бунту 1771 г. Екатерина повелела вырвать у колокола язык.

[24] Сенатская башня (1491 г.) — в старину башня имела шатровое покрытие, наверху находился медный шар и «кованый железный кустик». Никаких сведений о назначении и использовании этой башни не найдено.
[25] Спасская (Фроловская) башня (1491 г.) — высота 67,3 м. Первые часы на ней были установлены в XVI в. Новые часы были поставлены в XVII в. При реставрации башни в 1911 г. за циферблатом часов найдена надпись, сделанная из медных, вбитых в стену букв, буквы чередуются с плоскими фигурками людей, животных. Ученые датировали надпись XV — XVI вв. Была ли прочитана эта надпись — неизвестно.
[26] Никольская башня (1491 г.) — высота 67,1 м. Была взорвана в 1812 г. и отстроена в готическом стиле. В 1917 г. башня пострадала при обстреле Кремля красногвардейцами.
[27] ПСРЛ. Т. 4. С. 38.
[28] Собакина (Арсенальная, Наугольная) башня (1491 г.) — высота 60,2 м, ширина стен до 4 м.
[29] ПСРЛ. Т. 4. С. 161.
[30] То есть летописи, найденной П. Н. Крекшиным (1684—1763), собирателем материалов по русской истории.
[31] ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 36. Л. 272—273.
[32] Сажень равна 2,1336 м.
[33] ПСРЛ. Т. 8. С. 226.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Там же. С. 226—227.
[37] Щербатов Николай Сергеевич (1853—1929) — историк, археолог, директор Исторического музея в Москве. В 1894 г. производил раскопки в подземельях Кремля.
[38] Бартенев С. П. Указ. соч. С. 129.
[39] Алоизо Каркано — итальянский мастер стенного дела и инженер. Некоторые исследователи считают, что Алоизо — это Алевиз Старый.
[40] Микале Парпайоне — кузнечный мастер.
[41] Бернардин из Боргаманейро — каменотес.
[42] Мастер стенного дела (*итал.*).
[43] ПСРЛ. Т. 8. С. 229—230.
[44] Таннер Бернгард — находился в составе польского посольства в Москве в 1678 г. После него осталось «Описание путешествия польского посольства в Москву».
[45] ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 36. Л. 274.

Глава VII

[1] ПСРЛ. Т. 8. С. 234.
[2] Израда — измена, обман, предательство.
[3] Елена — дочь молдавского господаря Стефана III, жена сына Ивана III от первого брака Ивана Ивановича Молодого.
[4] Герберштейн Сигизмунд (1486—1566) — немецкий дипломат и купец. Находился в Москве с посольством в 1517 г. Автор «Записок о московитских делах» и первого приблизительного плана Москвы.
[5] Паоло Джовио (Павел Иовий Новокомский) (?—1558) — итальянский историк. Автор сочинения «О московском посольстве», составленном по рассказам Дмитрия Герасимова.
[6] Герасимов Дмитрий (Митя Малой) — дипломат и переводчик, учился в ливонской школе, принимал участие в переводе книг с Максимом Греком.
[7] Филарет (Гумилевский). Максим Грек // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 2. С. 47.

[8] «...ересь жидовствующих» — жидовствующие — приверженцы новгородско-московской ереси (к. XV — н. XVI вв.). Отрицали авторитет церкви, образа и т. п.
[9] Прот — глава всех афонских монастырей.
[10] См.: Иконников В. С. Максим Грек. Киев, 1865. Вып. 1. С. 107.
[11] Там же.
[12] См.: Снегирев И. М. Памятники московской древности. М., 1842—1845. С. 178.

Глава VIII

[1] Варлаам (1511—1521) — московский митрополит.
[2] См.: Иконников В. С. Указ. соч. С. 109.
[3] Иосифляне — приверженцы учения Иосифа Волоцкого (1440—1515), игумена Иосифо-Волоколамского монастыря. Отстаивали незыблемость церковных догматов, защищали церковное и монастырское землевладение.
[4] См.: Иконников В. С. Указ. соч. С. 109.
[5] Там же.
[6] Автор считает, что летом Максим Грек работал в с. Коломенском, а зимой — в Чудовом мужском монастыре в Кремле.
[7] ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 36. С. 358.
[8] «Карач» — присяга, которую зависимые князья давали крымскому хану.
[9] См.: Чернов С. Н. К ученым несогласиям и суду над Максимом Греком // Вопросы истории. 1946. № 2—3. С. 123.

Глава IX

[1] По преданию, Соломония Сабурова в монастыре родила сына Георгия и передала на воспитание в Тверь. Похороны ребенка были инсценированы. В 1934 г. при ликвидации усыпальницы Покровского монастыря рядом с гробом Соломонии было обнаружено маленькое надгробие, под ним находилась деревянная колода с искусно сделанной куклой.
[2] Витовт (Витаутас) (1350—1430) — великий князь литовский.

. . . .

Глава XV

[1] Макарий архиепископ. История русской церкви. Т. VII. Кн. 2. Спб., 1894. С. 117.
[2] Земля неведомая (*лат.*).
[3] Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VII. Спб. С. 177.
[4] Арндт Вильгельм (1839 — ?) — немецкий историк, профессор Лейпцигского университета.
[5] Феогност (1328—1353) — митрополит московский.
[6] Фотий (1408—1431) — митрополит московский.
[7] См.: Иконников В. С. Указ. соч. С. 107.
[8] Снегирев И. М. Указ. соч. С. 178.
[9] Лихачев Николай Петрович (1862—1936) — историк, академик. Автор трудов по вспомогательным историческим дисциплинам, истории книги, древнерусскому и византийскому искусству.
[10] Лихачев Н. П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. Спб., 1894. С. 108.
[11] Клоссиус Фр. Библиотека великого царя Василия (IV) Иоанновича и царя Ивана (IV) Васильевича // ЖМНП. 1894. Июнь. С. 416.
[12] Там же. С. 417.
[13] Там же. С. 416.

[14—16] Корпус Ульпиана, Папиниана, Павла— речь идет о сочинениях корифеев римского права.
[17] Кодекс конституций императора Феодосия.
[18] Кальва орации и поэмы.
[19] Кальв Лициний (1 в. до н. э.) — римский оратор и поэт.
[20] Юстинианов кодекс конституций — составлен в 529—534 гг. В него входили дигесты (пандекты) 50 книг, составленные из сочинений выдающихся римских юристов и институций, 12 книг, учебники для будущих юристов, а также сюда входило собрание императорских постановлений.
[21] Кодекс новелл — в 535—565 гг. кодекс Юстиниана дополнялся новыми постановлениями императора, они назывались «новеллами». Подлинный текст кодекса и новелл до нас не дошел.
[22] Надо полагать, что речь идет о византийском императоре Константине XI Палеологе.
[23] Сочинение Саллюстия «Югуртинская война».
[24] Цезаря Комментарии к Гальской войне.
[25] Кодра эпиталамы.
[26] Сочинение неизвестно.
[27] Сочинение неизвестно.
[28] Пиндаровы стихотворения — олимпийские песни Пиндара прославляли победителей общегреческих конных состязаний. У него же были еще плачи и застольные песни.
[29] Автор неизвестен.
[30] Гефестионовы географии.
[31] Феодора, Афанасия... и других толкования.
[32] Ежегодник для получивших юридическое образование в России. Рига, 1822.
[33] Галльская всеобщая литературная газета.
[34] Иордан Варн Кенинг.
[35] Простонародное немецкое наречие.
[36] Буквально: связка, составленная из разных документов, хранившихся в Перновском архиве.
[37] Лихачев Н. П. Указ. соч. С. 39—41.
[38] Белокуров Сергей Алексеевич (1862—1918) — историк, автор трудов по истории Москвы.
[39] Хроника Ливонии / II Галле. 1753.
[40] Бакмейстер Гартвиг-Людвиг Христиан (1730—1766) — историк литературы.
[41] Лихачев Н. П. Указ. соч. С. 42.
[42] Ниенштедт Ф. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3. Рига, 1880. С. 358.

Глава XVI

[1] Т. е. Иван Грозный.
[2] Щелкалов Андрей Яковлевич (? — ок. 1597) — думный дьяк, дипломат. Возглавлял ряд приказов. В 1594 г. отошел от дел и постригся в монахи.
[3] Висковатый Иван Михайлович (? — 1570) — думный дьяк, дипломат, более 20 лет руководил внешней политикой России. В опричнину был обвинен в измене и казнен.
[4] Фуников Никита (? — 1570) — дьяк, государственный казначей. Казнен вместе с Висковатым.
[5] Ниенштедт Ф. Указ. соч. С. 355—358.

Глава XVII

[1] Печатный двор в XVI в. находился в Кремле, а в 1613—1614 гг. был перенесен на Никольскую улицу.

[2] В XIII в. стоимость Архангельского Евангелия составляла 2 гривны (столько же стоил конь), в XIV — XVI вв. цены возросли, но в это время книги чаще дарили и обменивали, чем покупали.

[3] Ногаи — татарское ханство в XVI в., было расположено в южнорусских степях.

[4] [Наказ сыну боярскому Михаилу Федоровичу Сунбулову о исправлении посольства к ногайскому князю Тинехмату] // Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. 2. Спб., 1801. С. 150.

[5] Трутовский Владимир Константинович (1862—1932) — археолог, искусствовед, хранитель Оружейной палаты.

[6] Космография — буквально: описание Вселенной.

[7] Доскончальные грамоты — в XIV — XV вв. такими грамотами определялись отношения великих и удельных князей между собой.

[8] Острожский Константин Константинович (1526—1608) — князь, киевский воевода. Защищал православное население от окатоличивания и полонизации. Основал школу и типографию в Остроге, где работал Иван Федоров.

[9] Геннадиевская Библия — первый полный свод Священного Писания на славянском языке. Она появилась в 1499 г., называют ее по имени составителя архиепископа новгородского Геннадия.

[10] См.: Филарет. Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1854. С. 255.

[11] Романов Филарет Никитич (ок. 1554/1555—1633) — русский патриарх, отец царя Михаила Федоровича.

[12] «...выбиваны золотом» — речь идет об украшении переплета тончайшими золотыми листочками, что придавало им вид золотых.

[13] Камка — шелковая цветная ткань с разными узорами.

[14] «...по таусиной земле» — т. е. по темно-синему фону (основе).

[15] Хартея — в переводе с греческого «мех», «кожа», т. е. пергамент.

[16] Иезуиты — члены монашеского ордена «Общество иезуитов», основанного в 1534 г. в Париже Игнатием Лайолой.

[17] «...резаны финифтью» — украшение разноцветной и непрозрачной эмалью. Эмалью могли заполняться узоры, выложенные из сканных нитей, такой узор казался вырезанным.

[18] Басменная работа — на тонких металлических листах вытиснялся узор — басма.

[19] Сканная работа — от скручивания двух проволочек получалась веревочка, которую использовали для украшений, выкладывая из нее узоры.

Глава XVIII

[1] Бельский Мартин (ок. 1495—1575) — польский историограф и писатель.

[2] См.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899.

[3] В 1613 году.

[4] Соболевский А. И. Еще о библиотеке и архиве московских царей // Новое время. 1894. № 6511.

[5] Дефтери — списки ярлыков (грамот) золотоордынских ханов.

[6] Соболевский А. И. Указ. соч.

[7] Там же.

Глава XIX

[1] Румянцев В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. Вып. 1. М., 1872.

[2] Румянцев В. Е. Указ. соч. С. 5.

[3] Мстиславец Петр Тимофеевич — русский первопечатник. Вместе с Иваном Федоровым выпустил первую русскую датированную книгу «Апостол» 1564 г. С начала 70-х годов XVI в. работал в Вильно.
[4] Нефедьев Маруша — первопечатник, участвовал в печатании Евангелия в Новгороде (1554—1564), затем работал в Москве.
[5] Апостолы — в раннем христианстве — странствующие проповедники.
[6] Афанасий (1563—1564) — московский митрополит.
[7] Речь идет об Александровской слободе.
[8] Хоткевич Григорий Александрович (XVI в.) — литовский магнат, защитник православия и противник унии.
[9] Мамоничи Кузьма и Лука (XVI в.) — литовские магнаты, представители православного лагеря.
[10] «Юсы» — большой и малый — буквы кириллического алфавита, первоначально обозначавшие особые носовые гласные.

ТОМ II

Часть I

Глава II

[1] См.:Забелин И. Е. Подземные хранилища Московского Кремля // Археологические известия и заметки. 1894. № 2.
[2] Забелин И. Е. Указ. соч. С. 37.
[3] Иконников В. С. Опыт русской историографии. Указ. соч. С. 53.
[4] Забелин И. Е. Указ. соч. С. 38.
[5] Штаден Генрих (ок. 1542 — ?) — немецкий авантюрист, был в России опричником. Автор «записок «О Москве Ивана Грозного».
[6] Эреб — бог мрака, сын Хаоса в древнегреческой мифологии.

Глава III

[1] Белоозеро — озеро на севере Ярославской области, в него впадает река Шексна.
[2] Аркудий Петр (? — 1634) — католический миссионер, иезуит.
[3] Сапега Ян Петр (1569—1611) — литовский магнат.
[4] Лигарид Паисий (1614—1678) — митрополит газский, доктор богословия.

Глава IV

[1] Ошибка автора. В Смоленске присутствовал Лев Сапега (1557—1633) — королевский секретарь, литовский канцлер.
[2] Речь идет о Фоме Палеологе.
[3] Лев X (1513—1521) — папа римский.
[4] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. С. ДХXI — ДХXIII.
[5] Речь идет о походе Лжедмитрия I на Россию, в котором участвовал Лев Сапега (1604—1606).
[6] Белокуров С. А. Указ. соч. С. ДХXIV.

Глава V

[1] Лавровский Л. Я. Несколько сведений для биографии Паисия Лигарида, митрополита Газского // Христианские чтения. 1898. № 11—12. С. 681.
[2] См.: «Мертвые книги...». Т. 2. Гл. XV.
[3] Субботин Николай Иванович (1827—1905) — историк церкви, профессор.

[4] Болхвитинов Евгений (1767—1837) — митрополит Киевский и Галицкий, историк.
[5] Лавровский Л. Я. Указ. соч. С. 681.
[6] Там же. С. 685.
[7] Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. Спб., 1884. С. 893.
[8] Лавровский Л. Я. Указ. соч. С. 699—700.
[9] Там же. С. 703.
[10] Там же. С. 704.
[11] А. Суханов привез с Афона греческие рукописи.
[12] Соболевский А. И. Указ. соч.

Глава VI

[1] Софья Алексеевна (1657—1704) — русская царевна, правительница государства в 1682—1689 гг. Свергнута Петром I и заключена в Новодевичий монастырь.
[2] Голицин Василий Васильевич (1643—1714) — князь, возглавил ряд приказов. Фаворит царевны Софьи. Сослан Петром I в 1689 г. в Архангельский край.
[3] Большая казна (XVI — XVIII вв.) — приказ, заведовавший государственными доходами, ему же был подчинен Денежный двор.

Глава VII

[1] Этот документ был найден Стеллецким в 1924 г. в Древлехранилище (ныне Центральный государственный архив древних актов.
[2] Говоря о «страшном» Ромодановском, автор подразумевает сподвижника Петра I, правителя страны в отсутствие последнего Ромодановского Федора Юрьевича, которого не было в живых в 1717 г. Доношение пономаря было подано Ивану Федоровичу Ромодановскому.
[3] Забелин И. Е. Указ. соч. С. 40.
[4] Там же. С. 44.
[5] Журнал Министерства народного просвещения.
[6] Речь идет о событиях 1611 г.
[7] Забелин И. Е. Указ соч. С. 40.
[8] Там же. С. 40—41.
[9] Торквемада Томас (ок. 1420—1498) — глава испанской инквизиции (великий инквизитор).
[10] Забелин И. Е. Указ. соч. С. 41.
[11] Там же.
[12] Там же. С. 41—42.
[13] Там же. С. 42.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] См.: Зерцалов А. Н. По поводу раскопок в Кремле // Московские ведомости. 1894. № 335.
[19] Забелин И. Е. Указ. соч. С. 42.
[20] Там же. С. 42—43.
[21] Там же. С. 43.
[22] Рентарея — казначейство.
[23] Забелин И. Е. Указ. соч. С. 41.
[24] Соболевский А. И. Подземные палаты московских царей // Новое время. 1894. № 6479.

[25] Зерцалов А. Н. О раскопках в Московском Кремле в XVIII в. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1897. Кн. 1. (180). С. III.
[26] Там же.
[27] ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 36. Л. 137—159.

Глава VIII

[1] Церковь Воскрешения св. Лазаря (XIV в.); остатки ее находились под церковью Рождества Богородицы. В XIX в. последняя вошла в состав Большого Кремлевского дворца.
[2] Нумизматический словарь (*нем.*).
[3] См.: Бутковский А. Нумизматика. М. 1861.
[4] Оболенский Михаил Андреевич возглавлял архив в 1805—1873 гг.
[5] Григорий Назианский (Назианин, Богослов) (ок. 330 — ок. 390) — греческий писатель, поэт, церковный деятель.
[6] Т. е. в предисловии к «Гомеру», изданному Г. Гейне.
[7] Т. е. Троице-Сергиевской лавры.
[8] Тремер Э. Библиотека Иоанна Грозного // Московские ведомости. 1891. № 315.
[9] Буссов Конрад — служащий шведского короля Карла. Жил в Москве при дворах Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Описал события 1611—1612 гг. в своей хронике.
[10] Тремер Э. Библиотека Иоанна Грозного // Московские ведомости. 1891. № 334.
[11] Казимир IV Ягеллончик (1427—1492) — великий князь литовский, король польский.
[12] Соболевский А. И. Еще о кремлевском тайнике // Новое время. 1894. № 6548.
[13] См.: Газетная литература по поводу статьи И. Е. Забелина «Подземные хранилища Московского Кремля» и раскопки в Кремле // Археологические известия и заметки... 1894. № 6—7. С. 192—219.
[14] Щербатов Н. С. К раскопкам в Кремле // Археологические известия и заметки... 1894. №. 12. С. 398—400.

Часть II

Глава IX

[1] Московский археологический институт был открыт в 1907 г. В институт принимались лица с высшим образованием в действительные слушатели, без высшего образования — в вольнослушатели. Институт имел два отделения — археологическое и археографическое (архивное).
[2] Уварова Прасковья Сергеевна (1840—1924) — археолог, председатель ИМАО с 1884 г.
[3] Труды XV Археологического съезда. М., 1914. Т. 1. С. 145.
[4] Московский губернский архив старых дел был учрежден в 1823 г. Он включал материалы канцелярии генерал-губернатора, губернского правления, казенной палаты и др.

Глава X

[1] Чудов монастырь (XVI в.) — разрушен в начале 30-х гг. XX в.
[2] Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826) — военный губернатор и главнокомандующий Москвы.

[3] Гермоген (Ермоген) (ок. 1530—1612) — митрополит казанский, патриарх московский. Рассылал грамоты, призывая народ к борьбе против поляков. Был заключен в Кирилло-Белозерский монастырь, потом в Чудов монастырь, где умер от голода.

[4] Александров Н. А. был служителем Московского губернского архива старых дел.

[5] Труды XV Археологического съезда. С. 146.

[6] Дом № 1 по ул. Никольской.

[7] Известия Императорской археологической комиссии: Прибавление к вып. 46. М., 1912. С. 17.

Глава XI

[1] Раскопки на Девичьем поле вела комиссия «Старая Москва».

[2] Ныне ул. Москвина.

[3] Ныне Пушкинская ул.

[4] Палаты XVII в. в Б. Харитоньевском пер.

[5] Ныне шелкоткацкая фабрика им. Свердлова.

[6] Ныне городская клиническая больница № 1 им. Н. И. Пирогова (Ленинский проспект, д. № 10).

[7] С. Р.— инициалы анонима, подписавшего заметку, опубликованную в «Русском слове».

Глава XII

[1] Запрет (*лат.*).

[2] Императорская археологическая комиссия.

Глава XIV

[1] Цветаев Дмитрий Владимирович (1852—1920) — историк, профессор, управляющий МАМЮ.

[2] Романов Николай Николаевич (1856—1929) — великий князь, в 1914—1916 гг. главнокомандующий войсками Кавказского фронта.

Глава XV

[1] Отдел по делам музеев и охране памятников Наркомпроса РСФСР возглавляла Н. И. Троцкая.

[2] Феодосий Печерский (? — 1074) — игумен Киево-Печерского монастыря. Автор поучений и посланий.

[3] Анучин Дмитрий Николаевич (1843—1923) — археолог, этнограф, антрополог.

[4] Тарабрин Иван Мневнович (1876—1942) — ученый секретарь Исторического музея в Москве.

[5] Батенин-Батый Э. С.— один из первых российских спелеологов, профессор.

[6] Летом 1917 г. группа подростков прошла подземным ходом от д. № 28 по Б. Дмитровке до Театральной площади. По словам одного из очевидцев, путешествие это длилось пять часов. В 1924 г. поиски хода здесь начало ГПУ. Люк, ведущий в ход, оказался засыпанным землей. Работы эти не были закончены.

[7] Сухов Дмитрий Петрович (1867—1958) — архитектор, профессор.

[8] Виноградов Николай Дмитриевич (1885—1980) — архитектор, реставратор, директор музея русской архитектуры.

[9] Речь идет о докладе Стеллецкого, посвященном «волшебной лозе», биолокатору.

[10] Речь идет о версии автора, по которой Аристотель Фиораванти связал неолитические пещеры, находившиеся под Кремлем, подземными ходами.
[11] Соболев Николай Иванович (1880—1949) — сотрудник Исторического музея в Москве.
[12] Имеется в виду анфилада под памятником Александру II, стоявшим в Кремле на месте, где ныне находится памятник В. И. Ленину.
[13] Покрышкин Петр Петрович (1870—1921) — архитектор, академик.
[14] Можно предположить, что речь идет о дьяке Василии Макарьеве.
[15] Линдеман путает здесь сундуки, виденные Макарьевым, и сундуки, которые боярин Прозоровский показал Петру I в потайных палатах Кремля.
[16] Павел Аллепский (XVII в.) — архидьякон, посетил Москву вместе с патриархом антиохийским в 1654 г. Автор путевых «Записок».
[17] Александровский Михаил Иванович (1865—1943) — член комиссии «Старая Москва», сотрудник Исторического музея в Москве.
[18] Щелкунов Михаил Ильич (1884—1938) — историк, краевед, книговед.
[19] Чулков Николай Петрович (1870—1940) — архивист, библиограф, историк Москвы.
[20] Сперанский Михаил Нестерович (1863—1938) — историк литературы, академик.
[21] Миллер Петр Николаевич (1867—1943) — историк Москвы, секретарь комиссии «Старая Москва».
[22] Григорий Богослов — см. Григорий Назианский.
[23] Бумажный знак — водяной знак, видимое на просвет изображение на бумаге, служит для датировки рукописей и старопечатных изданий.
[24] Желанные, сокровенные (книги в данном случае).
[25] Веселовский Николай Иванович (1848—1918) — археолог, профессор.
[26] Форстен Георгий Васильевич (1857—1910) — историк, автор трудов по истории Прибалтики XV — XVII вв.
[27] Готье Юрий Владимирович (1873—1943) — историк, археолог, академик. Автор трудов по археологии Европы.
[28] Барановский Петр Дмитриевич (1892—1984) — архитектор, реставратор, знаток древнерусского зодчества.
[29] ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 36. Л. 282—295.

Глава XVIII

[1] Т. е. с помощью биолокатора.
[2] Гробница Тутанхамона (ок. 1400—1392 до н. э.) была раскопана в 1922 г. археологом Х. Картером и содержала большое количество предметов из золота высокой художественной и исторической ценности.

Глава XIX

[1] Прозерпина — в римской мифологии богиня плодородия и подземного царства.
[2] ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 36. Л. 356, 362.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ И. Я. СТЕЛЛЕЦКОГО О РАСКОПКАХ В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

[1] Военная школа ВЦИК для кремлевских курсантов (1932—1934), перестроена в конце 50-х гг., ныне здесь находится Президиум Верховного Совета СССР.
[2] В тексте ошибка: Водовзводная и Свиблова — два названия одной и той же

башни. Возможно, траншею предполагали провести от Водовзводной до Спасской башни.
[3] Палибин В. Е.— главный инженер Гражданского отдела Управления коменданта Московского Кремля (УКМК). Ввиду закрытости архива комендатуры Кремля сведения о лицах, работавших в 1933—1934 гг., получить не удалось.
[4] На месте (*лат.*).
[5] Я сказал (*лат.*).
[6] Базукин — десятник Гражданского отдела УКМК.
[7] В подземелье башни можно было попасть только через пролом в полу первого этажа, все остальные входы были замурованы.
[8] Троицкая башня (1495—1499) — высота 77 м, в старину имела часы и колокол. В 1894 г. в подземной части были найдены двухэтажные палаты, засыпанные землей. Археологи предполагали, что из них есть ход в подземный Кремль, работы по расчистке палат не были закончены из-за запрета архитектора.
[9] Шламбур — устройство для пробивания отверстий в стене.
[10] Пята свода — основание свода.
[11] Теслов Н. Г.— работник Гражданского отдела УКМК.
[12] Возможно, речь идет о Патриарших палатах (1653—1655), но они имеют три этажа.
[13] Т. е. в форме полукруга.
[14] Дикун — дикий камень, булыжник.
[15] Вход в подвал «о 12 столбах» был найден Стеллецким из Арсенала. Подвал этот был засыпан при работах в Арсенале князя Ухтомского.
[16] «Возрадуемся же» — первые слова старинного студенческого гимна.
[17] Тюряков Ф. И.— заместитель коменданта Московского Кремля.
[18] В Александровском саду забором были огорожены две шахты метрополитена.
[19] Неясно, какую часть Арсенала Стеллецкий именует «Гранд отелем».
[20] Сверх того, гораздо больше (*лат.*).
[21] Расчистка хода была невозможна из-за того, что подземелье башни было завалено мусором и землей.
[22] Суриков — десятник, возглавлял бригаду рабочих, участвовавших в раскопках.
[23] Неясно, для чего строителям Арсенала понадобилось в этом случае ломать одну из стенок хода.
[24] Комитет научного содействия метрополитену был создан в 1933 г., в него входили археологи, архитекторы, геологи.
[25] Речь идет о соборе Двенадцати апостолов (XVII в.).
[26] Клейн Владимир Карлович — историк, директор Оружейной палаты. В 30-е гг. был арестован и скончался в тюрьме.
[27] У Стеллецкого не сложились отношения с десятником Суриковым, он собирался просить ему замену.
[28] Номад — кочевник.
[29] Суриков высказал предположение, что Арсенальная башня стоит не на материке, а на насыпном грунте.
[30] Имеется в виду Комитет научного содействия метрополитену.
[31] Не добившись быстрых результатов, работники Гражданского отдела УКМК охладели к раскопкам. Археолог неделями не мог получить рабочих, технику и т. п. Стеллецкий считал, что только страх перед Сталиным удерживает УКМК от прекращения работ в Арсенальной башне.
[32] Шурф — вертикальная или наклонная горная выработка, имеющая выход на поверхность, небольшое сечение и глубину до 25 м. Служит для разведочных работ.
[33] И прочее (*лат.*).

[34] Строителями Арсенала были Д. Иванов, К. Корнатович, М. И. Чоглоков, Д. В. Ухтомский и др.
[35] Миних Иоганн Эрнст (1707—1788) — граф, дипломат. В начале 1740-х гг. был обергофмаршалом двора.
[36] В совокупности (*лат.*).
[37] ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 2. Д. 2. Л. 33—37.
[38] Колокольня Ивана Великого (1505—1508) — высота 81 м, зодчий Бон Фрязин.
[39] Амбразура — отверстие в стене оборонительных сооружений для ведения огня из орудийного и стрелкового оружия.
[40] Обратное действие (*франц.*).
[41] Возможно, речь идет о Сталине и Енукидзе.
[42] Во время отпуска Стеллецкому пришло извещение из Гражданского отдела УКМК о том, что он уволен с 3 декабря 1934 г.
[43] ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 64. Л. 36—89.

Т. БЕЛОУСОВА.

СЛОВО О ВЕЛИКОМ ИСКОМОМ

Вот и перевернута, почтенный читатель, последняя страница захватывающего повествования о византийских басилевсах и русских великих князьях, об итальянских архитекторах и греческих ученых иноках, о лютеранских пасторах и восточных святителях, о ватиканских агентах и международных авантюристах, об античных писателях и российских археологах, о московских дьяках и петербургских бюрократах, о разномастных кладоискателях и советских чекистах — имя им, персонажам этого повествования, поистине легион, а также о пещерах, склепах подземных ходах, заговорах, интригах, погонях, таинственных исчезновениях и о многом-многом еще. И в центре этого вихря — Грозный царь Иоанн IV Васильевич и его знаменитое сокровище: библиотека. Великое искомое — так любил определять предмет своих исследований автор прочитанного тобой повествования Игнатий Яковлевич Стеллецкий...

Житие его — как то отчетливо видно из предисловия к книге — было бурным и насыщенным событиями необычайными. Десятки раз земное бытие его могло оборваться прежде срока, но любит судьба таких людей — дожил автор до преклонных лет и успел — почти успел — дописать последнюю книгу своей жизни. Судьба книги столь же полна разного рода приключений, как и жизнь автора. О ней было известно еще задолго до того, как сам автор взялся за перо и выписал первые строки своего труда. Третий том ее исчез после кончины автора. Долгое время не ясно было, уцелела ли вообще рукопись. Время от времени это описание попадалось на глаза тому или иному ученому, журналисту, публицисту. Во времена хрущевской оттепели опубликованы были даже несколько отрывков из нее. А затем — снова неизвестность, снова подпольное бытие. Да и мудрено ли? Ведь в недоброй памяти семидесятых эта книга могла принести и серьезные неприятности...

Думаю, что вряд ли кого оставит она равнодушным. Одних привлечет в ней аромат таинственных случаев и приключений. Другие найдут множество любопытных и не слишком известных черточек и штрихов из нашей новейшей истории. Третьи воспримут эту книгу как потрясающий психологический портрет эпохи. Четвертые — как очередное очевидное свидетельство величия нашей истории. Пятые... Я читал эту книгу как профессионал-источниковед. А источниковеды, надо сказать, читатели весьма своеобычные:едва ли не на уровне инстинкта заложена в них заряженность на поиск несоответствий, нестыковок, недоговоренностей, прочих «не...». И как источниковед, читая эту книгу, я преклонялся перед целеустремленностью ее автора, восхищался его

широчайшей эрудицией, наслаждался нетрадиционными ходами и поворотами мысли. Но — неутолимая потребность — и с трудом сдерживался от жестокого соблазна: начать спор с ним, с его тезисами, с его аргументами, засесть за развернутый постраничный комментарий. Ибо занимаясь на протяжении длительного времени теми же, по существу, проблемами, я вероятно, лучше, чем кто-либо, видел как очевидные достижения, так и очевидные слабости И. Я. Стеллецкого, отраженные в его труде. Впрочем, не буду лишать читателя огромнейшего удовольствия самостоятельного решения тех загадок, что щедрой рукой автора рассыпаны на страницах книги. Ибо книга эта, хотя и доступна каждому, но рассчитана на читателя мыслящего, на читательскую элиту прежде всего. Книга эта из тех, что будят мысль и настоятельно уводят с прямого пути незамысловатого бытия в дебри нехоженых (в буквальном смысле!) тропинок, в сказочные заповедники, где скрыто нечто, обещающее что-то тому герою, кто решится пройти дальше других и распутать хитросплетенные клубки неизреченного нашего прошлого...

Но было ли то, не знаю что? Существовало ли на самом деле Великое искомое? Не ломал ли копья о чиновные препоны неистовый археолог из-за призрака, фантома? О воззрениях современной науки на предмет поисков И. Я. Стеллецкого и надобно сказать несколько слов, дабы указать читателю-непрофессионалу если и не на путеводную нить, то хотя бы на общее направление странствия в поисках Великого искомого.

В 1944 г. вышла в свет последняя, наверное, прижизненная публикация И. Я. Стеллецкого, посвященная предмету его многолетних поисков. Смерть ученого воспрепятствовала завершению его трудов, но не сняла проблемы.

В сентябре 1951 г. в стенах старейшего научного центра России — библиотеки Академии наук состоялся доклад М. И. Слуховского, посвященный рассмотрению вопроса о библиотеке Ивана Грозного в научной литературе. М. И. Слуховский — впоследствии один из крупнейших историков книжной культуры — не дал определенного ответа на вопрос о составе и судьбе библиотеки, но сформулировал своего рода программу действий: признав, что «академический спор остался неразрешенным», он призвал к поискам нового источника, «каким может быть широкое историческое обобщение». Формулировка весьма неудачная, но постановка проблемы вполне справедливая: соответствовал ли общий уровень культурного развития России XVI в. возможности бытования в стране произведений античной классики и хранения их в составе особой библиотеки?

Вполне независимо от М. И. Слуховского (доклад и стенограмма обсуждения его опубликованы не были) к исходным выводам пришел академик М. Н. Тихомиров. В 1960 г. в журнале «Новый мир» публикуется темпераментно написанная и превосходно аргументированная статья, в которой виднейший знаток истории феодальной России положительно утверждает: Российское государство было готово к восприятию античной мудрости, наличие древних рукописей в библиотеке московских государей не миф и не досужий вымысел. Выводы М. Н. Тихомирова тогда были признаны убедительными; многие видные

специалисты по истории Византии и Руси засвидетельствовали серьезность и обоснованность аргументов ученого.

Публикация исследования историка в массовом журнале привлекла внимание не только профессионалов, но и «широкой общественности». Интерес к запутанной проблеме был оживлен публикацией первых изданий популярных книг Р. Т. Пересветова, где поискам библиотеки Грозного было уделено почетное место. Рецензия на книги появилась в «Неделе», что уже само по себе выделяло их из общего ряда литературных новинок.

События ускорялись. В № 35 «Недели» за 1962 г. публикуются фрагменты труда И. Я. Стеллецкого, а в следующем номере помещен пространный репортаж с пресс-конференции, посвященной архивным разысканиям в стране. На пресс-конференции был задан вопрос и о судьбе библиотеки Грозного... М. Н. Тихомиров в своем сообщении развил некоторые положения статьи 1960 г.; А. А. Зимин полностью поддержал идею поисков библиотеки и предложил свое видение ее судьбы. С. О. Шмидт призвал начать археологические разведки с того, на чем в свое время был вынужден остановиться И. Я. Стеллецкий... А. А. Зимин не ограничился участием в пресс-конференции, и через два номера в «Неделе» появилась его пространная статья, перепечатанная затем с дополнениями в солидной академической «Русской литературе»...

Нечто подобное уже было на страницах отечественной периодики: в 1890-х гг. газетная дискуссия переросла в затяжной академический спор, увенчавшийся изданием нескольких фундаментальных трудов. В 1920-х гг. инициатором подобной дискуссии выступил сам И. Я. Стеллецкий, в результате чего смог-таки пробить бастионы охранного ведомства и на какое-то время прорваться в кремлевские подземелья. Все указывало на то, что «продолжение следует...».

И продолжение последовало. Новый, 1963 год ознаменовался тем, что на протяжении четырех номеров «Неделя» опубликовала еще ряд фрагментов из книги И. Я. Стеллецкого. Общественность не выдержала информационной атаки, и, когда редколлегия «Недели» выступила с инициативой создания общественной комиссии по поискам библиотеки Грозного — 21 января (в день публикации последнего фрагмента книги И. Я. Стеллецкого), по старому выражению, «вся Москва», т. е. весь ученый мир собрался в дирекции Музеев Московского Кремля на учредительном заседании комиссии. В жарких спорах истина, как ни странно, не была погребена: комиссия предложила обширную и хорошо структуированную программу работ, рассчитанную на длительный срок. В число запланированных разысканий входили и поиски новых источников в библиотеках и архивах, и археологические разведки и раскопки в Кремле, и культурологические штудии истории грозненского периода... В апреле того же года новоучрежденная комиссия под председательством академика М. Н. Тихомирова провела первое рабочее заседание, в ходе которого были заслушаны и обсуждены доклады археолога М. Г. Рабиновича и архитектора В. И. Федорова, затрагивавшие историю и топографию Московского Кремля.

Казалось, что намеченная программа мало-помалу будет выполняться. Однако вскоре иное случившееся событие отвлекло внимание и ученых,

и общественности. Была вскрыта гробница последних Рюриковичей в Архангельском соборе. Действие, сенсационное само по себе, было еще более усугублено последовавшей затем реконструкцией внешнего облика Грозного царя. Эта работа, с блеском проделанная М. М. Герасимовым, заслонила проблему библиотеки. А тем временем Хрущев был смещен, и сама попытка поставить вопрос об углубленных исследованиях кремлевских подземелий на долгие годы стала рассматриваться как явная крамола.

Поделюсь воспоминаниями, хотя, может быть, и не ко времени. Во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. мне доводилось довольно часто выступать с лекциями и рассказами о библиотеке царя Ивана Васильевича в разных, подчас вполне неожиданного профиля, организациях и обществах Ленинграда. И везде практически находился слушатель (порой и не один), особо внимательно следящий не за смыслом рассказа, а за словами его. Стоило только подойти к подземным лабиринтам и начать размышлять о возможных путях движения под Соборную площадь и Теремной дворец, как глаза таких слушателей загорались очень характерным блеском и нередко следовал вопрос: а откуда, собственно, лектору известно то, о чем, в общем-то, знать и не положено?..

В период известного безвременья проблемами библиотеки московских государей серьезно занимался разве что М. И. Слуховский, педантично, по крупицам собиравший скудные сведения источников XVI столетия. Было, правда, в разных периодических изданиях около десятка статей писателя В. Н. Осокина, но ничего существенного в понимание проблемы они не внесли...

Новый материал в науке накапливался постоянно. И когда в конце 1970-х гг. стало возможным опубликовать интереснейшую работу Н. Н. Зарубина, выполненную в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР еще в 1930-х гг., видно стало, что за последние десятилетия расширился не только круг источников о грозненском времени, расширились — подчас кардинально — наши представления о той эпохе, о ее людях, об их действиях и помыслах. Комментированное издание исследования Н. Н. Зарубина, подготовленное мной в 1982 г. под редакцией С. О. Шмидта, по сей день остается наиболее полным сводом материалов о библиотеках Ивана Грозного: библиотеке реальной, отражавшей постоянный круг чтения царя, и библиотеке искомой, включавшей — по преданиям — древние рукописи. Той библиотеке, поискам которой отдал столько времени и сил Стеллецкий, как до него Тремер, как ранее Клоссиус, как прежде Конон Осипов, как еще ранее Паисий Лигарид...

Сейчас вряд ли кто решится подвергнуть сомнению факт наличия у Грозного большого количества русских книг: многочисленные прямые и косвенные свидетельства источников рисуют картину массового движения книжности вокруг этого нетрадиционного (по классическим российским понятиям) монарха. Дискуссионным был — да и до сих пор остается — вопрос о наличии в царской библиотеке сколько-нибудь значительного количества иноязычных, прежде всего греческих и латинских рукописей.

Что знаем мы об этой, «атичной» библиотеке царя Ивана?

Сохранилось всего четыре прямых свидетельства об этом гипотетическом комплексе. Первое из них принадлежит знаменитому в русской истории и литературе святогорскому иноку Максиму Греку, упоминающему в некоторых фразах своего послания князю Василию III о получении от последнего греческих рукописей для перевода. Свидетельство Максима Грека говорит о библиотеке в общей форме и поэтому, вероятно, не попадало обычно в поле зрения исследователей. Второе сообщение содержится в Сказании о Максиме Греке, где между прочим повествуется об осмотре афонским иноком сокровищ книжности и высказанном им по этому поводу изумлении и восторге. Третье известие — рассказ Хроники Франца Ниенштедта об осмотре царской библиотеки дерптским пастором Иоганном Веттерманом, бывшим в России в 1565—1570 гг. и даже получавшим предложения о переводе некоторых книг; рассказ этот был сообщен хронисту самим пастором и его спутниками. Наконец, четвертый источник — анонимная опись царской библиотеки, известная в литературе как Список Дабелова, или Аноним Дабелова.

В старой литературе Сказание о Максиме Греке вызывало сомнение у одних исследователей и пользовалось поддержкой других. Несколько большее доверие вызывал рассказ Ниенштедта. В начале 1960-х гг. эти показания были обстоятельно и с разных сторон рассмотрены М. Н. Тихомировым и А. А. Зиминым; в результате сопоставления многих фактов, сопутствующих появлению того и другого источника, оба исследователя пришли к выводу о высокой степени достоверности как Сказания о Максиме Греке, так и рассказа Ниенштедта.

Список Дабелова, вызывавший наибольшие споры, М. Н. Тихомировым специально не рассматривался и даже не упоминался, что, вероятно, следует трактовать как недоверие к нему. А. А. Зимин также не исследовал пристально этот источник, ограничившись замечанием, что «обнаружение списка существенно помогло бы разгадать тайну библиотеки Ивана Грозного». Против такого вердикта вряд ли можно что-то возразить в принципе. Обнаружение оригинала Дабеловского списка, исследование бумаги, чернил, почерка позволило бы установить подлинность или неподлинность документа. Однако некоторые суждения о степени его достоверности можно сделать и на основании существующих публикаций.

Одно из доказательств подложности Анонима виделось исследователям в несоответствии формы документа его содержанию. В частности, по мнению С. А. Белокурова, высказанному еще в 1899 г., простонародный язык, которым написан текст, противоречит обширным филологическим познаниям, проявленным автором списка. Так ли это на самом деле?

Дабелов по каким-то причинам не снял полную копию с обнаруженного им документа, ограничившись выпиской интересовавших его сведений. Форма построения документа — как она передана в дабеловской копии — указывает, что перед нами не каталог библиотеки и не фрагмент какого-то цельного труда, а скорее всего нечто вроде памятной записки, адресованной неизвестным пастором какому-то лицу, запрашивавшему его о книгах царя Ивана. Документ был написан на старонемецком языке, причем грамматика выдерживалась не

всегда достаточно четко; по мнению исследователей (а свои суждения по этому вопросу оставили Ф. Клоссиус, Н. П. Лихачев, С. А. Белокуров), в тексте чувствуются разговорные обороты.

Автор документа — кем бы он ни был — несомненно, хорошо знал древнюю литературу или, как минимум, мог довольно свободно в ней ориентироваться; то же следует сказать и об адресате документа — об этом лучше всего свидетельствуют предельно краткие заголовки перечисляемых в документе памятников. Вероятно, что оригиналом дабеловской копии был черновик, оставшийся у автора, иначе вряд ли возможно объяснить то, что названия произведений подчас обозначены всего лишь первыми буквами начального слова. Кстати, Дабелов с истинно германской педантичностью не забыл упомянуть о чрезвычайно неразборчивом почерке, что также служит серьезным аргументом чернового происхождения оригинала.

Насколько естественным было бы использование латыни — международного научного языка средневековья — для ученого трактата, настолько же обычным представляется и написание черновика делового документа пастором-немцем на своем родном и привычном языке. Что же касается разговорных оборотов и простонародных речений в языке записки, то ни наиболее последовательный скептик С. А. Белокуров, ни его продолжатели не учитывали одного обстоятельства: формирование немецкого литературного языка с присущей ему строго нормированной грамматической системой восходит всего лишь к времени Лютерова перевода Библии, а время это отделено от времени Анонима всего лишь полустолетием. Распространение формируемых нормативных обычаев правописания и лексического фонда происходит не быстро, стало быть, ненормативный язык Анонима служит свидетельством «про», но никоим образом не «контра».

В документе упоминается ряд авторов, неизвестных науке (Вафиас, Кедр, Замолей, Гелиотроп), равным образом как и ряд сочинений, принадлежащих известным писателям, но не сохранившихся до наших дней, либо обнаруженных во фрагментах только в начале XIX столетия. Мог ли провинциальный пастор во второй половине XVI в. проявить столь разностороннюю эрудицию и даже предугадать историко-литературные открытия последующих веков? На столь коварный вопрос ученые, писавшие о библиотеке Грозного, давали, разумеется, отрицательный ответ, усматривая здесь неустранимое противоречие.

Противоречие это, однако, при ближайшем рассмотрении оказывается мнимым. Важна точка отсчета: взглянув на проблему с иной исходной позиции, легко данное несоответствие объяснить. Автор Анонима не ставил своей задачей подробное описание царских книг — в документе не описываются, а всего лишь фиксируются те или иные книги. Пастор в данном случае выступает не как археограф (если брать привычные нам сейчас определения), а как и библиограф по преимуществу. Известно, что католические авторы в XVI в. проявляли весьма обширные познания, примером чего могут быть хотя бы библиографические разыскания небезызвестного и в российской истории Антонио Поссевино, прославившегося не только (может быть, даже не столько!) в качестве дипломата и мемуариста, но и в статусе первоклассного книгописателя. Нет решительно

никаких оснований априорно отрицать подобную подготовленность и их протестантских коллег. Пастор с богословским образованием, полученным в одном из западноевропейских университетов, не только мог, но и обязан был свободно ориентироваться в книжности. Беглого просмотра хорошо сохранившихся рукописей (а это оговорено в сообщении Анонима) было вполне достаточно для определения (хотя бы на основании предисловий, колофонов и выходных записей) автора и названия памятника.

Уместно отметить, что, согласно Ф. Ниенштедту, И. Веттерман (такой же пастор, как и Аноним) при осмотре некоторых книг сразу же, как говорится, «с ходу», определил отсутствие ряда сочинений в библиотеках западных университетов. В задачи Анонима не входило установление степени известности того или иного сочинения: адресат (или адресаты) его, зная, что есть в их распоряжении, по списку Анонима могли и сами легко установить, чего у них нет.

По содержанию документ в известном его фрагменте четко разделяется на две части. В общем перечне книг, просмотренных автором, особым списком выделены те, которые царь желал бы видеть переведенными. В их числе показаны «История» Тита Ливия, сочинения Цицерона, «История» Гая Светония Транквилла, «История» Корнелия Тацита, «Корпус римского права» Ульпиана, Папиниаииана, сочинения Вергилия и Гая Кальвиуса. Список, как легко убедиться, поистине блистательный, такой подбор книг сделал бы честь и любому современному исследователю или издателю, а не только владельцу библиотеки XVI столетия. Относительно двух книг — сочинений Тита Ливия и Светония — автором документа отмечено, что первую он «должен был перевести» («so ick oeversetten müsst»), а вторую перевел («oock von my oeversettet»).

Можно ли предполагать, что где-то на рубеже 1560-х и 1570-х гг. московский государь, отбирая для перевода латинские книги, проявил столь глубокую эрудицию и заинтересованность в делах давно минувших дней? Прежними исследователями данный вопрос оставлялся без ответа, либо ответ давался отрицательный. Так, С. А. Белокуров полагал, что если бы Грозный и надумал организовать переводческую деятельность, то позаботился бы в первую голову о переводах отцов церкви, а не чуждых православию античных авторов. Сейчас, однако, подобный ответ представляется неубедительным. Более того, можно утверждать, что если в XVI в. когда-либо и возникала настоятельная потребность в переводах римских классиков, в частности Ливия и Светония, то этим периодом и был именно канун 1570-х гг.

1550—1570-е годы являются временем активнейшей историографической работы московских книжников. В эти годы не только многократно переписываются ранее известные сочинения, но и создаются новые памятники, отражающие различные концепции мировой и российской истории. В первой половине 1550-х гг. придворными историками был составлен так называемый Летописец начала царства, представлявший собой официальное повествование о вступлении царевича Иоанна на московский престол и его славных деяниях на протяжении первых двух десятилетий правления. Довольно скоро Летописец стал восприниматься как естественное продолжение прежних исторических повествований,

излагавших историю державы Российской от начала ее и до конца первой трети XVI столетия (т. е. практически до времени Иоанна Васильевича). Между тем таких летописей было немало, и каждая из них представляла собой совершенно автономную линию рассказа, отражала несходные концептуальные установки, различные интересы, противоположные подчас задачи. По существу, к середине XVI в. в летописном деле имел место плюрализм и воззрений, и деяний. Происходило соединение прежних фундаментальных летописных трудов с новыми. Так называемая Воскресенская летопись (доводившая рассказ до 1542 г.) была соединена с Летописцем начала царства ранней (не позднее 1553 г.) редакции, продолженным изложением событий 1552—1559 гг. Иная версия истории России, представленная в наиболее полной из всех вообще русских летописей — Никоновской, была соединена с другой редакцией Летописца начала царства, подготовленной — как можно полагать — специально для этого примерно в 1556 г. Третья версия российских древностей, запечатленная в так называемой Львовской летописи, была соединена с Летописцем начала царства вполне подобным тому, что вошел в состав новой редакции никоновской летописи, но продолженным до событий 1560 г. В то же примерно время была составлена так называемая Хронографическая летопись, представлявшая попытку осмысления российской истории как части истории всеобщей, отраженной в известном памятнике — Хронографе редакции 1512 г. Наконец, в это же время начинается и работа по созданию совершенно нового типа исторического повествования, в котором история излагалась не по годам (как это было характерно для русских летописей), а по княжениям носителей верховной власти, как говорили тогда, по степеням. В ходе этих напряженных поисков в умах историков той поры понемногу кристаллизовалась новая официальная концепция, явленная будущим поколениям в Лицевом летописном своде.

Лицевой летописный свод — грандиозная историческая компиляция, сохранившаяся до нашего времени без больших утрат в составе десяти томов. Поражает огромное количество иллюстраций, украшающих страницы рукописи: на десяти тысячах листов памятника насчитывается более шестнадцати тысяч иллюстраций-миниатюр.

С точки зрения составителей Лицевого свода, объединивших достижения предшествовавшей им исторической мысли, генеральное направление развития мировой истории проходило от начального акта творения через древнееврейские царства, восточные монархии (Ассирию, Нововавилонское царство, державу Ахеменидов) к мировой империи Александра Македонского и далее, через эллинистические царства, к Римской империи и ее прямой воспреемнице Византии. Таким образом, в представлении создателей этого уникального памятника мировой исторический процесс выступал как непрерывная последовательность сменявших друг друга монархий. В этой системе Российское самодержавство, в особенности после венчания Ивана IV на царство, осознавалось как высшая из достигнутых уже ступеней. То, что при этом из схемы мирового исторического процесса выпадали целые периоды истории отдельных регионов (в частности, проигнорированы были древнегреческие

полисы, отсутствовал республиканский Рим, где-то на задворках истории ютились средневековые королевства, графства и иные полугосударственные объединения Западной Европы) не смущало составителей Лицевого свода: по их мнению, то, что было нецарством, НЕ ЗАСЛУЖИВАЛО серьезного внимания.

По-своему это была стройная и логичная концепция. И наибольшим вниманием в рамках этой концепции пользовались начальные периоды мировых монархий и личности их основателей. Именно начальным этапам, времени возникновения и становления этих держав посвящены пространные повествования о первых иудейских государях (до распада на Израиль и Иудею), об Александре, о первых римских императорах (в особенности об Августе), о Константине Великом, наконец, о самом Иване Грозном. То, что лежало между этими, как бы ключевыми, определяющими, переломными эпохами, излагалось более конспективно, порой даже откровенно схематично, перечнем. Особое внимание к начальным этапам становления мировых держав в Лицевом своде подчеркивалось и тем обстоятельством, что в первой — Хронографической — его части помещены специальные этюды, описывающие истоки будущих мировых монархий — «Начало царства Римского» и «Начала царства Царяграда», разрывающие логическую последовательность повествования. В летописной русской части памятника аналогию этому можно видеть в пространном изложении эпизода венчания на царство византийским венцом Владимира Всеволодовича Мономаха.

Изучение состава Лицевого свода открывает руководящую установку его составителей. Это — стремление к максимальной полноте и подробности в изложении событий, укладывающихся в рамки концепции. Применительно к этому производился и отбор источников текста. Для изложения событий священной и древнееврейской истории были использованы не сокращенные пересказы, обычные в хронографических компиляциях, а наиболее полные тексты исторических книг Библии как источника наиболее авторитетного. Для изложения событий последующего времени из двух распространенных в ту пору произведений — Еллинского летописца и Русского хронографа избрали первый, как более насыщенный информацией. Составители, однако, чувствовали неполноту своих источников и старались дополнять их. Так, в Священное писание ими сделаны вставки из апокрифических (то есть «отреченных», не рекомендованных для всеобщего чтения) повестей и сказаний. Причем дополнения эти — Откровение Авраама, пересказ Иова праведного, Заветы двенадцати патриархов и др.— несут в рамках концепции совершенно особую идеологическую нагрузку. Для того чтобы более обстоятельно показать истоки Римского царства (еще собственно римской историографией возводимые к древней Трое), в памятник включена огромная «Троянская история», составленная средневековым итальянским писателем Гвидо де Колумна с использованием большого количества разнородных источников. История царствования первых римских императоров, в частности Августа и Тиберия, дополнена вставками из Хронографа, дающими более подробные чтения сравнительно с соответствующими эпизодами Еллинского летописца.

Весьма примечательно, что в первом варианте лицевой истории римских императоров повествование строилось исключительно на известиях Еллинского летописца, вставок из Русского хронографа там еще не было. Эти известия были вмонтированы в уже готовую рукопись, вероятно, по прямому указанию Грозного царя Иоанна Васильевича (а кто бы решился сделать это без его воли и ведома?). У Грозного были особые причины для пристального интереса к этому периоду. Как известно, теория происхождения московских государей от колена Августа-кесаря была официальной доктриной московской дипломатии. Сам царь Иван время от времени напоминал в своих посланиях к «худородным», по его представлениям, европейским государям о высоком происхождении московского правящего дома. Особенно актуальной эта доктрина была в условиях длительной и острой борьбы за признание царского титула московских правителей. В подобной ситуации каждое новое известие о прародителе Грозного Августе должно было приобретать в глазах царя особую ценность — ведь в нем могли содержаться какие-то сведения, подтверждающие официальную генеалогию русских государей. Естественно поэтому, что в 1560—1570-х гг. отнюдь не творения отцов церкви (они и без того имелись в достаточном количестве), а именно сочинения Тита Ливия и Светония, если они были в царской библиотеке, переводились бы в первую очередь.

Замысел грандиозной всемирной истории вызрел в окологрозненских кругах, вероятно, в 60-х гг. Тогда же началось и исполнение его. Именно этим периодом датируют исследователи начальную часть Лицевого свода, содержавшую тексты библейских исторических книг. Работа над написанием и иллюстрированием этой части происходила, судя по всему, не особенно спешно, так как по ходу дела менялись принципы оформления рукописи, стиль и техника иллюстраций, принципы и приемы расположения миниатюр и текстовых фрагментов на плоскости листа и т. д. Только к концу переписки и иллюстрирования первых восьми библейских книг сформировалась та совокупность приемов оформления, которая затем выдерживалась во всех остальных разделах Лицевого свода. Только после этого работа была резко ускорена: над памятником стали трудиться сразу три группы, параллельно оформлявшие три раздела — Троянскую историю, Книги царств из Библии с продолжениями и Александрию с продолжениями. Как удалось установить в результате довольно трудоемкого исследования, написание и иллюстрирование этих разделов Лицевого свода производилось не ранее первой половины 1570-х гг.

Между тем именно во второй половине 1560-х гг. (но никак не позднее середины 1570 гг.), согласно Хронике Ниенштедта, царская библиотека с повеления Грозного была показана пастору Веттерману. Показ книг из состава царской библиотеки сопровождался предложением перевести некоторые из них. Таким образом, обращение к переводческим услугам Веттермана можно поставить в связь с начавшимися работами по составлению лицевых летописей. Не ожиданием ли переводов новых текстов было обусловлено столь медленное вначале движение трудов книгописцев и художников?

Однако Веттерман, согласно Ниенштедту, отказался от переводов, тогда как

Аноним Списка Дабелова будто бы перевел Светония и должен был перевести еще и Тита Ливия. На это обстоятельство весьма последовательно указывали скептически настроенные ученые, усматривая в нем одно из доказательств подложности документа. В частности, по мнению С. А. Белокурова, перевод Светония должен был непременно как-то отразиться в литературе той поры. Поскольку же нет ни текста перевода, ни следов его, то известие Анонима признавалось не заслуживающим внимания. Так ли это, однако, на самом деле?

Соответствующая фраза Анонима («Suetonius Kaysev-Geschichten, oock von my oeversettet») традиционно, со времени Ф. Клоссиуса переводится как «Светониевы истории о царях, также мною переведенные». Конструкция фразы оригинала (если она верно передана Дабеловым), требует использования страдательного залога. Этому вполне удовлетворяет форма глагола — причастие II от oeversetten. Но управляющий глагол, обозначающий оттенок действия, опущен автором (не потому ли, что у Дабелова был черновик документа?). Перевод этой фразы совершенным видом обязателен лишь в том случае, если Аноним предполагал использовать результативный пассив, т. е. если управляющим был глагол sein. Если же управляющим был глагол werden, то вполне допустим, более того — предпочтителен перевод несовершенным видом: не переведенные, а переводимые, переводившиеся. Разница, как видно, заметная: незавершенность действия, может быть, и объясняет отсутствие в русской письменности следов перевода Светония. Если принять такую интерпретацию, то показания Анонима сближаются с рассказом Веттермана и его спутников. Не исключено, впрочем, что рассказ Анонима отражает вторую, постветтермановскую попытку перевода нужных книг: в основу хронографической части Лицевого летописного свода был положен Еллинский летописец, работа над которым началась уже после отказа Веттермана от переводов, но добавления из Хронографа были сделаны лишь по завершении соответствующего раздела — не потому ли, что и вторая попытка не принесла позитивного результата?

Обретение Списка Дабелова и последовавшая затем его утрата сопровождались целым рядом темных обстоятельств. Это в глазах многих исследователей служило одним из аргументов в пользу признания сфальсифицированности документа. Однако история архивов и рукописных собраний зримо показывает любому непредубежденному человеку, что подобная ситуация никак не исключение, а скорее наоборот.

На протяжении столетий существования библиотек и архивов не только отдельные памятники, но и целые фонды неоднократно меняли место своего бытования. В XVII в. многие монастырские библиотеки испытали на себе последствия властного управления патриарха Никона. В XVIII в. целые архивы перевозились из старой столицы в Санкт-Петербург. Со второй половины XVIII в. происходят грандиозные перемещения памятников письменности, обусловленные археографической работой организованных и самодеятельных собирателей. До сих пор не выяснены до конца обстоятельства находок многих памятников и рукописей, в том числе таких, как Слово о полку Игореве (в огромной литературе, посвященной Слову, неоднократно поднимались

вопросы истории рукописи, содержавшей памятник, причем гипотезы и догадки, выдвигаемые разными авторами, были взаимоисключающими). Казалось, что история обретения рукописи Слова заметно прояснилась после издания в 1976 г. интересной книги Г. Н. Моисеевой, однако сплошной анализ учетных документов Спасо-Ярославского монастыря, осуществленный Е. В. Синицыной, исключает сумму гипотез Г. Н. Моисеевой. Лаврентьевская летопись (не известно точно ни место ее бытования до поступления в частное собрание А. И. Мусина-Пушкина, ни время поступления памятника в Императорскую публичную библиотеку), Ипатьевская летопись (в каталогах Библиотеки Академии наук рукопись прослеживается с 1818 г., однако есть литературные данные, свидетельствующие о ее пребывании в библиотеке уже в 1760-е гг.), лицевая Радзивилловская летопись (традиционно считалось, что лицевой манускрипт был привезен в Петербург в 1761 г., однако есть данные, указывающие на то, что рукопись была в Академической библиотеке еще до начала Семилетней войны). А ведь перечисленные памятники являются сверхуникумами и уже в силу этого своего статуса привлекают особо пристальное внимание ученых.

Часто имели место и обратные явления — исчезновения рукописей, сведения о которых были введены в научный оборот. До сих пор остаются неизвестными многие источники В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина. На какое-то время выпадали из поля зрения и считались утраченными такие сверхраритеты, как Библейский кодекс Матфея Торопчанина (впервые был упомянут в литературе в 1859 г., затем пропал и «выплыл» на свет Божий только в 1910 г.), Новороссийский список Новгородской четвертной летописи (введен в научный оборот в 1871 г., использовался исследователями и издателями в первой четверти XX в., затем исчез и лишь после Великой Отечественной войны поступил в Академическую библиотеку). Случается, что бесследно исчезают и в наши дни не только отдельные рукописи, но и целые коллекции (особенно в периферийных хранилищах). Может последовать возражение: это архивное нестроение было характерно только для российских порядков, тогда как в ливонском Пернове документы из архивов просто так не исчезали и не возникали неведомо откуда. Никоим образом, почтеннейший читатель, никоим образом. Источниковеды — такова уже специфика их предмета — знают, что во всех архивах и библиотеках всех стран, не исключая и искони педантичной Германии, беспорядков в архивах на протяжении последних столетий было неисчислимое множество. Впрочем, что говорить о прошлом — в наши дни подчас уничтожаются важнейшие документы едва ли не вагонами — и ничего... А Пернов, между прочим, хотя и имел ливонское прошлое, но ко временам Дабелова уже давным-давно благополучно пребывал в составе Российской империи, и порядка там было не многим более, чем в иных ее губерниях.

Как свидетельство поддельности Списка Дабелова рассматривалось даже время его обретения — первая часть XIX в. Действительно, конец XVIII — начало XIX в. часто называют эпохой романтизма в историографии. Это время ознаменовано появлением ногочисленных знаменитых фальсификаций. Макферсон в Англии, Ганка, Линда и Коварж в Чехии,

Сулакадзев и Бардин в России — имя им легион, едва ли не каждая страна, каждая нация стремилась обзавестись в ту пору собственными древностями и на этом поприще подвизались многие великие поддельщики.

Однако при внешних различиях в творениях названных мистификаторов четко выделяются и общие, присущие им все черты. Это проявляется, в первую очередь, в выборе объектов фальсификации — эпических памятников древнейшей истории народов. (Увлечения эпосом был не чужд даже А. И. Бардин — наиболее «коммерческий» мистификатор: им было изготовлено не менее четырех списков «Слова о полку Игореве». Впрочем, справедливости ради надобно сказать, что московский купец не изобретал новых памятников, а всего лишь «тиражировал» уже известные). Избранный объект подделки диктует и соответствующий стиль — «открытие» непременно подлинника, в крайнем случае максимально древнего списка фальсифицированного памятника. А этим уже определяется и совокупность средств и приемов подделки: пергамен как носитель текста, имитация древнего письма, нарочитая архаизация языка и т. п. Общими, наконец, являются и мотивы, в силу которых тот или иной субъект решался мистифицировать учебный и политический мир: это обостренная потребность удовлетворения честолюбивых (подчас на редкость даже тщеславных) личных устремлений, не имеющих выхода в других сферах деятельности и стимулируемых общественными «настроениями».

В процессе становления национального самосознания, как это было в Чехии, в условиях быстрого роста патриотических настроений, как это было в России, интерес к прошлому своей страны, охватывающий широкие слои общества, способствовал формированию той нравственной атмосферы, того духа «оссианизма», в которых появление подделок вроде «Краледворской рукописи» или «Бояновой песни» было не только возможным, но и неизбежным. (Определенные аналогии этой ситуации можно видеть в настоящее время, когда практически каждое национальное движение порождает свою эпическую мифологию). Для фальсификатора-романтика характерна своя методика (свой «почерк», как определили бы криминалисты) — в наиболее общем выражении это подражание древности. Степень достоверности подражания при этом определялась личным талантом фальсификатора («Сочинения Оссиана» после того, как была установлена принадлежность их Макферсону, отнюдь не утратили выдающихся художественных достоинств, разве лишь рассматриваться стали в качестве памятника романтической, а не эпической поэзии), уровнем его знаний об имитируемой в подделке эпохе (А. И. Бардин в некоторых своих работах артистически имитировал беглый полуустав XIV столетия и — совмещал его с вязью поморского стиля). На этом фоне Аноним Дабелова резко выделяется: если это и подделка романтического периода, то подделка абсолютно нетипичная, не характерная, не стандартная. Литературно-исторические мистификации, как правило, довольно скоро разоблачаются. Уже в 1820-х гг. В. Копитар и Й. Добровский — виднейшие слависты того времени — признали неподлинность находок В. Ганки и И. Линды. Замечательный русский палеограф А. Н. Оленин утверждал, что «Боянова песня» подложна, уже на следующий

год после ее обретения. Тогда как дабеловский Аноним не вызывал серьезных подозрений и аргументированных возражений вплоть до конца XIX столетия, а сведения его с доверием принимались такими авторитетами, как С. П. Шевырев, И. Н. Жданов, В. С. Иконников, А. И. Соболевский...

В рассмотрении объектов, вызывающих подозрение, полезно бывает подойти к ним «от противного». Попробуем допустить, что Записка Анонима является фальсификацией Дабелова, кого-либо из его современников или ближайших предшественников. Что должен был учесть автор подделки, чтобы обеспечить своему творению успех и в тоже время застраховаться от возможного разоблачения?

В отношении технического исполнения документа мистификатор должен был как минимум: продумать вопрос о форме документа и из всех возможных избрать именно вид памятной записки, как вызывающий наименьшие подозрения (а), знать, что пастор-немец второй половины XVI столетия скорей всего составил бы документ подобного рода на своем родном языке (б), предусмотреть черновой характер документа, создающий впечатление частного его происхождения (в), в соответствии с отмеченным написать документ небрежным языком, подходящим по орфографии и лексике XVI в., и сделать такие отступления от грамматики, которые убеждали бы в черновом характере документа (г).

Человек вдумчивый, наблюдательный, склонный к исследовательской деятельности и систематизации и — едва ли не главное из условий — имеющий значительный опыт работы с архивными документами соответствующего периода мог без особых усилий выполнить три первых условия. Однако исполнение четвертого условия — дело значительно более сложное: даже большая начитанность в старых текстах и практическое знание старого языка, приобретенные в результате занятий в архивах, не гарантируют от ошибок в письме, поскольку чтение текста на вышедшем из употребления языке и письмо на этом языке — процессы качественно различные. Уместно напомнить, что Вацлав Ганка, филолог по образованию и один из лучших знатоков древнеславянской письменности в своей «Краледворской рукописи» допустил огромное количество именно грамматических ошибок. Для того, чтобы избежать явных анахронизмов в языке подделываемого памятника, фальсификатору недостаточно практического владения языком, ему нужно быть лингвистом-профессионалом, причем достаточно высокого уровня. Дабелов, как известно, лингвистом не был.

Для придания убедительности содержательной стороне текста мистификатору следовало знать, что Грозный допускал пленных немцев к осмотру некоторых книг своей библиотеки (а), ограничиться минимумом информации и удержаться от жесточайшего соблазна более подробно охарактеризовать упомянутые в документе рукописи (б), подобрать для указания в тексте такие памятники, которые представляли бы собой действительно выдающиеся явления в истории науки и литературы и — обязательное условие — переводы которых могли бы действительно интересовать Грозного (в), указать на работу по переводу как раз

тех сочинений, которые могли вызвать наибольший практический интерес царя и его историографов (г).

Нетрудно установить, что о первом условии фальсификатор мог узнать из Хроники Ниенштедта либо из работ прибалтийских историков XVIII столетия, базировавшихся на этой Хронике в изложении событий XVI в. Сложней со вторым пунктом — для его исполнения автору Анонима нужно было основательно вжиться в роль, усвоить особенности психологии человека XVI в., причем не асбтрактного представителя той эпохи, а священнослужителя, имевшего контакты с окружением Грозного, достаточно образованного, чтоб ориентироваться в литературе, однако не проявлявшего к ней горячего влечения, человека, не связанного какими-либо общими интересами с московским правящим домом и в то же время достаточно объективного, чтобы отметить культурно-просветительские интересы и устремления царя. Для разработки легенды предполагаемого автора фальсификатору нужно было иметь изрядные познания в бытовой истории ливонского общества XVI в.; для воплощения же ее в жизнь, в текст документа,— осторожность и предусмотрительность. Надо особенно подчеркнуть, что чувство меры было архинеобходимо при упоминании в тексте таких памятников, новые списки которых были открыты именно в эти годы — в первой четверти XIX в. Малейшее излишество здесь уже могло навести на подозрения: знания автора-пастора уже превышали бы уровень, реально достижимый в XVI в. Между тем начало XIX в.— это время существования не только романтической, но и скептической школы в науке. Школы, подозревавшей и подлинные древности...

Для человека, мало-мальски знакомого с древней историей, не представляло большого труда из массы античных авторов выбрать десяток-другой известных имен и дополнить их (для большего впечатления) несколькими именами, науке того времени неизвестными. (Впрочем, и здесь есть свои пределы: если о сочинениях Цицерона, Цезаря, Тацита и других знал каждый образованный человек, то уже имена Кальвуса, Кордуса и им подобных авторов, чьи сочинения не дошли до наших дней, мистификатор мог почерпнуть только из серьезнейших и специальных историко-литературных разработок). Но ведь перечень имен, в особенности авторов произведений, которые царь «желал видеть переведенными», должен был соответствовать реальным интересам Грозного. Для познания же этих интересов фальсификатору следовало очень обстоятельно изучить социально-политическую историю России той поры, достаточно хорошо представлять себе общественно-культурную среду, в которой формировалась личность царя Ивана, читать сочинения Грозного и современных (впрочем, в равной мере и предшествовавших ему) публицистов. Дабелов был основательным, но узким специалистом в области истории права (похоже, что он не получил в свое время необходимой подготовки в области палеографии, о чем свидетельствуют многократные отточия тех мест документа, которые он не смог разобрать), и, насколько известно, к истории России он никогда профессионально не обращался. (Нет даже данных: знал ли Дабелов в должной мере русский язык,

чтобы свободно читать если не источники, то хотя бы литературу по истории соответствующего периода). Открытие Анонима было достаточно случайным эпизодом в его научной деятельности. Правда, рядом с Дабеловым работал Эверс, один из крупнейших специалистов именно по русской истории, капитальное сочинение которого «История руссов» ко времени обретения Анонима было уже опубликовано, однако научные интересы Эверса лежали в плоскости, достаточно отдаленной от истории идеологии и литературы.

Если суммировать все вышесказанное, очевидно будет, что Дабелова нельзя считать фальсификатором Анонима хотя бы потому, что для изготовления подобного документа он не располагал соответствующими познаниями. Да и в житейском плане Дабелову также не было резона ставить под сомнение всю свою дальнейшую карьеру и научное имя изготовлением подделки; как исследователь Дабелов и до открытия Анонима пользовался достаточной известностью в ученых кругах и России, и Европы. А в среде немецкой профессуры наряду с развитым корпоративным духом традиционно культивировалась щепетильность в выборе средств и методов научных разработок.

Но кто же тогда? С. А. Белокуров допускал как альтернативу, что отличавшийся изрядной доверчивостью Дабелов (именно таким образом он охарактеризован своими первыми оппонентами в «Галльской всеобщей литературной газете») был введен в заблуждение кем-то из предприимчивых мистификаторов. Как установлено ранее, автору подделки были необходимы знания лингвиста, историка-источниковеда широкого профиля, психолога, причем во всех этих отраслях он должен был проявить себя не дилетантом, а специалистом высокой квалификации. Мне лично неизвестен такой человек, живший в конце XVIII — начале XIX в. в прибалтийских пределах и столь счастливо сочетавший в себе все названные качества, да еще вдобавок и тесно связанный с архивами (а без этого весьма затруднительно было бы «организовать» находку). Думаю также, что следует исключить и мысль о «кооперативе» из нескольких лиц, объединившихся для изготовления подделки: одно дело соединение усилий при фальсификации национальных древностей для подогрева националистических устремлений (как то было в Чехии) и совсем иное — для создания фальсификата из любви к искусству.

Более того, я склонен полагать, что на рубеже XVIII — XIX вв. «убедительная» фальсификация такого памятника, как Записка Анонима, была вообще невозможна; развитие науки к 1820-м гг. еще не достигло того уровня, который позволил бы и правильно подобрать материал, должным образом его интерпретировать, и, наконец, синтезировать текст, где отсутствовали бы явные нонсенсы, текст, вызывающий доверие не только у современников подделываемого памятника, но и в достаточно отдаленное время. Вероятность случайного совпадения всех выведенных выше граничных условий достоверности представляется совершенно ничтожной. Попытка же всякого иного объяснения неизбежно сведется либо к допущению существования некоего гениального фальсификатора, способного на многие десятилетия вперед

предвидеть как тенденции развития критики источников, так и новые открытия памятников истории и литературы, либо к доказательствам сложным и избыточно громоздким. Применительно же к источниковедческой гипотезе чрезмерная сложность не тождественна достоверности. (Уместно сказать, что именно внешняя простота суммы гипотез С. А. Белокурова относительно царской библиотеки, подкрепленная к тому же авторитетным свидетельством многих источников, способствовала широкому распространению его воззрений. Иное дело, что простота гипотез С. А. Белокурова покоилась на целом ряде ложных посылок и тенденциозной интерпретации источников. К слову, собственно источниковедческая «кухня» С. А. Белокурова, простая и открытая на первый взгляд, на деле достаточно трудна для понимания даже специалистом.)

Но если конец XVIII — начало XIX столетия как время составления Записки Анонима отпадает, то не могла ли она быть сфабрикована в более ранний период, например, в том же XVI в.? (Период от первых десятилетий XVII в. и вплоть до последней четверти XVIII в. я склонен исключить из рассмотрения сразу же, поскольку слишком узки были возможности получения необходимой для изготовления подделки информации). Не был ли автором подделки кто-либо из немцев — современников Грозного?

При таком допущении автоматически отпадают два из четырех граничных условий технического исполнения документа — именно условия (б) и (г) и легко объясняются оставшиеся. Современник Грозного мог узнать о допуске ливонцев в царскую библиотеку хотя бы со слов Веттермана и его спутников (пусть даже через третьи-четвертые руки). Причастность автора к дипломатическим сферам, знакомство его с русскими пленными или эмигрантами, контакты с западными авантюристами типа Таубе и Крузе, Штадена и другими позволили бы ему получить достаточно многообразную информацию о России той поры, о личности царя, о его запросах. Возможность получения подобных сведений значительно облегчалась бы при сравнительно долгом пребывании самого автора подделки в России, что вероятно. В этом случае наиболее сложным для исполнения оставался должный подбор авторов и сочинений для включения в текст Записки. Здесь фальсификатору XVI в. действительно требовались незаурядные филологические познания (ибо одно дело зафиксировать, хотя бы и по памяти, однажды увиденное и совсем иное — составить подобный список «на пустом месте»). Т. е. выведенные выше граничные условия обеспечения достоверности были для автора XVI в. (если принять ряд оговоренных допущений) вполне достижимы.

Значит ли это, что фальсификация Записки Анонима в XVI столетии была не только принципиально возможной, но и практически осуществленной?

В доказательстве подложности средневековых памятников особое место принадлежит выяснению мотивов фальсификатора. По справедливому суждению Д. С. Лихачева, «подделка — это такой же памятник, как и всякий другой, но сделанный с особыми целями. Вот почему, чтобы окончательно доказать поддельность памятника, необходимо ясно и убедительно доказать цель, ради

которой была эта подделка совершена. До тех пор, пока не выяснены цели и побудительные причины, заставившие прибегнуть к обману, всегда может оказаться необходимость в пересмотре вопроса о поддельности».

По отношению к воспроизводимым в них фактам все многообразие документальных подделок феодальной эпохи можно разделить на две группы. Подделки первой группы — их можно условно назвать подлогами — являются как бы квинтэссенцией фальсифицированности, поскольку в них воспроизводились не только не имевшие места в действительности факты и сопутствовшие этим фактам процедуры, но ложным воспроизводством этих фактов и процедур порождались без реальных к тому оснований и соответствующие правоотношения. Подделки второй группы, или — условно — легенды, имеют в основе своей реальные факты и события, но освещение этих событий, истолкование связанных с ними обстоятельств и, как следствие, предлагаемые прямо или между строк выводы имеют настолько выраженную тенденциозность, что в части достоверности отражения реальности смыкаются с подлогами.

История составления подлогов показывает, что составители их были людьми прежде всего практическими и, фальсифицируя не имевшие места в прошлом факты, преследовали в общем и целом вполне материальные интересы. Это относится как к подложным актовым памятникам (равно как русским, так и западноевропейским), оформлявшим права на земельные владения или иммунитетные привилегии, так и к текстам, содержавшим обоснования тех или иных политических и религиозных притязаний. Даже в происхождении такого, казалось бы, чисто «идеологического» подлога, как «Деяние на еретика Мартина», сфабрикованного уже в новое время, материальный интерес занимает далеко не последнее место: необходимость борьбы со староверием в петровскую эпоху было обусловлено не столько обрядовыми расхождениями, сколько стремлением укрепить финансовую систему страны, заметно подтачиваемую побегами старообрядцев. Цель составления подлогов довольно четко вырисовывается из их содержания — это охрана интересов соответствующей корпорации. При этом численность корпорации могла быть самой различной — от узкой родовой группы, как, например, это было в подлогах русских бояр Протасьевых, и до преставительной международной организации, какой выступала римско-католическая церковь с «Константиновым даром». На этом фоне Записка Анонима, если считать ее подлогом XVI в., выглядит явным и резким диссонансом и, следовательно, утверждение ее в таком качестве было бы, как представляется, слишком большой натяжкой.

Но не воспользовался ли Аноним реальным фактом, каким было, например, посещение царской библиотеки пастором Веттерманом, и, уже отталкиваясь от этого, не придумал ли он фантастический перечень авторов и сочинений? Иными словами: не является ли записка подделкой-легендой?

К легендотворчеству во второй половине XVI в. оказались причастны самые различные писатели. Целая цепочка подделок-легенд (в изложенном понимании термина) появилась из-под пера самого московского государя или по его непосредственным указаниям. Не уступал ему в этом отношении и извечный

идеологический оппонент князь А. М. Курбский, приводивший в своих писаниях оценки, прямо противоположные мнению государя. Целое собрание легенд возникает в 1570-х гг. в интересующей нас сейчас среде немецких авторов. Таубе и Крузе, Шлихтинг, Штаден, Одерборн, Гофф — их произведения, документальные в основе (написаны по личным впечатлениям, свидетельствам очевидцев, с использованием письменных источников), достоверны по излагаемым в них фактам бытия и легендарны по проводящимся тенденциям. Общим их свойством является плохо скрытая, а порой и откровенная и явная враждебность к России и лично к Грозному. При всем разнообразии содержания этих произведений, при всех расхождениях стиля авторов, портрет московского царя рисуется ими в удивительном согласии в одной цветовой палитре. В их освещении Грозный — тиран, самодур, непросвещенный и невежественный властитель, человек гордый, заносчивый, жестокий, безусловно враждебный западному цивилизованному миру и т. п. Записка Анонима была создана в этой же среде, но по отношению к Грозному она являет собой прямую противоположность: московский самодержец в ней представлен не просто хранителем огромных культурных богатств, но хранителем просвещенным, желающим ознакомиться с творениями классиков и организующим работы по их переводам.

Сочинения Шлихтинга и подобных ему памфлетистов создавались в условиях повышенного спроса на литературу именно такого содержания. Затянувшаяся Ливонская война, обременительная для всех её участников, требовала использования не только чисто военных, но и идеологических средств противоборства. Таким образом, легенды немецких памфлетистов являются как бы ответом на социальный заказ, выдвинутый широкими кругами ливонского и польского (а возможно, в какой-то мере, также и германско-имперского) дворянства. Авторы подобных посланий, составляя их, полагали (и, вероятно, не без оснований) получить вполне реальное вознаграждение и потому не случайно адресовали свои труды высокопоставленным лицам. Не следует, впрочем, исключать и более далеких устремлений ряда авторов (достаточно напомнить хотя бы проект военной оккупации России, составленный Штаденом). Их сочинения объективно были направлены к разжиганию противоборства России и Запада (и такой писатель, как Одерборн, несомненно, осознавал это), а в любых дипломатических и военных столкновениях джентльменам удачи типа Таубе и Крузе всегда находилось должное дело. Условий же возникновения социального заказа на подделку, подобную Дабеловскому списку, в Прибалтике в ходе ливонской войны явно не было. Вообще на протяжении второй половины XVI в. был, по-видимому, лишь один сравнительно краткий период, когда в сближении с Россией были заинтересованы действительно широкие слои политически активных сословий. Я имею в виду время бескоролевья в Польше, когда вполне серьезно рассматривалась кандидатура Ивана IV на вакантный польский трон. Однако в этом случае социальный заказ на идеализацию Ивана мог исходить, по-видимому, в первую очередь от православных магнатов и шляхты Великого княжества

Литовского. Следовательно, и на фоне легенд Записка Анонима представляется диссонансом, выпадающим из типического ряда.

Необходимо, наконец, отметить и то обстоятельство, что средневековые подделки (как подлоги, так, равным образом, и легенды) были рассчитаны на публичное использование. Записка же Анонима, как уже отмечено выше, имеет все свойства частного документа. (Здесь Записка сближается с рассказом пастора Веттермана, представляющим также сугубо частное повествование. Именно в таком качестве рассказ Веттермана воспринял и Ниенштедт, поместивший его в своей Хронике лишь как более или менее любопытный случай. Напомню, что рассказ Веттермана современными исследователями признается вполне достоверным.) Личные отношения двух лиц, о которых к тому же почти ничего не известно,— слишком зыбкая почва для построения сколько-нибудь обоснованных предположений. Однако и здесь можно сформулировать граничное условие, без выполнения которого изготовление фальсификации теряет смысл.

Таким условием является наличие достаточно глубокого общего интереса автора и адресата к предмету обсуждения (=предмету мистификации), при этом автор должен быть, во-первых, более информированным об адресате, нежели адресат об авторе, и, во-вторых, иметь личную заинтересованность в мистифицировании адресата именно по данному поводу. Оговорюсь сразу же, что истории известны и иные мотивы взаимных мистификаций частного характера, облекавшиеся в разного рода шутки. Однако для мистификаций такого рода (от шутливых писем времен Возрождения и до потешных учреждений Петра I) является обязательным наличие момента игры, признаваемой всеми участниками, равно как и соблюдение известных правил, так же выполняемых всеми, и мистифицирующими и мистифицируемыми. Избрание в качестве объекта подобной игры библиотеки московских государей представляется по меньшей мере странным и вряд ли этому можно было бы подыскать какое-то объяснение. С учетом всего сказанного я вынужден заявить, что не знаю, были ли в Европе в конце XVI в. двое (или более) лиц, в деятельности которых поставленное обязательное условие могло иметь место.

В признании реальности какого-либо исторического события важное место занимает установление связей данного события с рядом последующих. Занятия с книгами великокняжеской библиотеки инока-святогорца Максима Грека отражены в его собственных сочинениях и переводах (по словам самого Максима, оригиналы для некоторых его переводов были получены от великого князя), дошедших до нас в прижизненных списках, а в какой-то мере, возможно, и в авторских или авторизованных рукописях. Труды Максима Грека зафиксированы в Сказании о нем, составленном «по горячим следам» князем А. М. Курбским. Знакомство с библиотекой Грозного царя пастора И. Веттермана зафиксировано Францем Ниенштедтом со слов самого пастора и его спутников.

Выше была показана весьма вероятная связь допуска Веттермана к некоторым книгам царской библиотеки с историографическими замыслами московских книжников. И здесь проявляется исключительно интересное наблюдение, сделанное в свое время Р. Г. Скрынниковым: в корреспонденции А. М. Курбского

фигурирует некий Иван Многоученый — по мнению ученого, это не кто иной, как Веттерман. Если принять данное предположение и тем самым признать факт знакомства Курбского и Веттермана (хотя бы даже и заочного), то допуск ливонского пастора в царское книгохранилище получает совершенно новые оттенки.

Так или иначе, но два важнейших события из истории царской библиотеки были известны современникам уже при жизни главных персонажей данных событий, свидетельства о них не являются изолированными в общем потоке информации. Можно ли утверждать аналогичное применительно к Записке Анонима?

В 1600 г. неожиданную заинтересованность в античных рукописях, принадлежавших московским государям, проявил папский престол. Не довольствуясь поручением польскому канцлеру Сапеге, отбывавшему в Россию с официальной миссией поздравления Бориса Годунова, Ватикан снарядил и специального посла, главной задачей которого был сбор сведений о греческих и латинских рукописях, хранящихся, по слухам, в Москве. Обращает на себя внимание личность посла — Петр Аркудий был не только известным дипломатом, специалистом «по восточным делам», но и широко образованным ученым-филологом. Никогда ранее святейший престол не предпринимал подобных акций, и данное действие представляется вдвойне неожиданным, если учесть, что главный и наиболее заслуживающий доверия информатор о России — Антонио Поссевино — ни в одном из своих сочинений не упоминал о наличии в Москве сколько-нибудь серьезных культурных ценностей. Между тем рассказы высокопоставленного дипломата и квалифицированного шпиона, соединявшего «борьбу на тайном фронте» с профессиональной библиографической работой, пользовались полным доверием: его главное сочинение о России «Московия» в 1580—1590-х гг. не менее семи раз издавалось на латинском и итальянском языках. Правда, среди неизданных в свое время бумаг Поссевино сохранился список книг, «которыми пользуются русские», однако в него включены лишь 27 названий книг на славянском языке. Подлинные причины столь горячего и неожиданного интереса католического Рима к книжным богатствам далекой Москвы остаются до сих пор неустановленными. (Объяснение С. А. Белокурова, сводившего суть дела к собирательским традициям Ватиканской библиотеки и общекультурным запросам римских пап, не представляется убедительным в должной мере.)

Примечательно, что инициатором посольства явился именно папа Климент VIII, а организатором миссии Петра Аркудия был кардинал Сан-Джорджо. Климент VIII (до интронизации — Ипполито Альдобрандини) был не только умным и тонким политиком, образованным богословом, но человеком, весьма не чуждым светских наук и искусств. Время его понтификата характерно некоторой либерализацией в области культурной политики папства, периодом, когда после нескольких десятилетий внешнего аскетизма Рим снова стал притягательным центром для поэтов и ученых. Примечательно и то, что в сфере наук и искусств проявили себя многие члены семейства Альдобрандини. Так, в середине XVI в. были хорошо известны

юридические сочинения отца будущего понтифика Сильвестро Альдобрандини. Труды по юриспруденции оставили и два брата Климента VIII — Джованни и Пьетро. Однако наибольшие научные заслуги принадлежали по праву Томмазо Альдобрандини — исследователю, комментатору и переводчику на латинский язык сочинений Диогена Лаэртского. Рано умерший Томмазо не успел издать свои труды; это сделал его племянник Пьетро Альдобрандини-младший, получивший от своего дяди-понтифика на 22-м году жизни титул кардинала Сан-Джорджо и всю свою жизнь (умер он в 1622 г.) пользовавшийся славой покровителя наук.

Нетрудно представить, что известие о хранении в далекой Москве кодексов Вергилия и Аристофана, Цицерона и Полибия, Феодосия и Юстиниана, попавшее к издателю комментариев и перевода Диогена Лаэртского, вполне могло явиться стимулом для организации экспедиции Петра Аркудия. А именно эти имена и значились в Записке Анонима. Разумеется, нельзя настаивать, что в распоряжении Пьетро Альдобрандини-младшего или его царственного дяди находился список или беловик Записки Анонима. Однако и полностью игнорировать данное предположение также нельзя, тем более, что никакой иной возможный источник информации о библиотеке московских государей, доступный в конце XVI в. окружению святейшего престола, в настоящее время не известен. (Хроника Ниенштедта была завершена несколькими годами позднее - в 1604 г.; Сказание о Максиме Греке не раскрывало конкретно состава библиотеки, да и бытовало лишь на русском языке.)

Для подтверждния предположения о возможной связи Записки Анонима и экспедиции Петра Аркудия 1600 г. был бы желателен поиск информации в итальянских архивах и прежде всего в бумагах семейства Альдобрандини. Отмечу, кстати, что многие из членов этого семейства в последней четверти XVI в. бывали (и неоднократно) в Польше и Германии, т. е. в тех странах, где антигрозненская агитация производилась с наибольшим размахом и последовательностью, но тем не менее не разуверились в существовании у политических наследников Грозного богатого античного рукописного фонда. Не разуверился, судя по всему, даже при неудачном исходе своей миссии и Петр Аркудий: его ближайшим учеником был следующий искатель библиотеки — Паисий Лигарид.

Комплексное рассмотрение вопроса об источниках по истории Великого искомого — античной библиотеки Грозного — позволяет констатировать:

1. Анализ содержания и обстоятельств открытия Записки Анонима приводит к убеждению, что данный документ не является фальсификацией второй половины XVI или конца XVIII — начала XIX столетий, но представляет остаток реального факта, имевшего место, по-видимому, в 1560—1570 гг. (близко к рубежу их); следовательно, информация его может быть признана в общем достоверной.

2. Признание Записки Анонима достоверной в основе не означает, однако, утверждения аутентичности приведенного в ней списка книг с реальным составом царской библиотеки? причины сего суть: Записка Анонима представляет собой

выборку из более общей совокупности (а), не исключена возможность ошибочного определения Анонимом некоторых из названных книг (б), не исключена возможность ошибочного прочтения неразборчивого текста первооткрывателем Записки Дабеловым (в).

3. Отсутствие оригинала дабеловского списка в настоящее время не дает возможности установить, был ли в руках Дабелова подлинный черновик или позднейший список, следовательно, нет возможности уверенно говорить о времени возможного искажения первоначальной информации.

4. Все известные источники, повествующие об «античном» книжном фонде библиотеки московских государей, как отечественные (сочинения Максима Грека и Сказание о нем А. М. Курбского), так и иноязычные (Хроника Ф. Ниенштедта и Записка Анонима), укладываются в систему, не содержащую принципиальных и неразрешимых противоречий; информация всех названных источников не только согласуется, но и взаимно подтверждается; ряд непроверенных прежде показаний и некоторые не обнаруженные ранее несоответствия при современной интерпретации источников находят удовлетворительное объяснение.

Тем самым мысль академика М. Н. Тихомирова, что «библиотека московских царей с греческими и латинскими рукописями... факт, не подлежащий сомнению», приобретает не только новые подтверждения, но начинает наполняться и новым реальным содержанием.

Великое искомое — не миф.

Итак, почтеннейший читатель, надеюсь, мне удалось живые струны твоей души затронуть сухим словом источниковеда. Встает законный вопрос: если «античная» библиотека Грозного существовала, то почему она до сих пор не найдена? Если ее столько раз пытались отыскать, то почему все попытки не увенчивались успехом?

Что можно сказать по этому поводу? Только разве лишь, что тайна сия велика есть... И стражем великой тайны является Российский Чиновник, Его Неподобие БЮРОКРАТ.

Без большого труда можно определить причины неудач старателей XVII в.: и Петр Аркудий, и Паисий Лигарид, и Никлас Витсен (он тоже пытался собирать сведения о царских книгах) были обречены на неудачу — они были НЕ НАШИМИ, иноверными, иноязычными, и уже этим — подозрительными (Лигарид был формально православным, но его католические симпатии были достаточно известны спецслужбам царя Алексея Михайловича).

Такой же подход практиковался и чиновными лицами при надзоре за работами Конона Осипова в XVIII в. Разумеется, Осипов не был иноверцем, напротив, был не просто православным, но даже церковнослужителем, хотя и низшего ранга. Однако на своей скромной ступеньке Осипов отстоял слишком далеко от властителей: для Чиновного мира он был социально НЕ НАШИМ. А коли так, то и ходу ему не было.

XIX в. Ф. Клоссиус и Э. Тремер. Представители вполне добропорядочной немецкой профессуры, если и не из верхов общества, то уж при всех прочих условиях стоявшие на ступенях гораздо выше средних.

Для просвещенного XIX в. конфессиональные различия перестали быть труднопреодолимым препятствием: на государственной службе инославные и иноверные столь же обычны, как и приверженцы ортодоксального православия. Тем не менее как тот, так и другой немецкий профессор для Бюрократов были НЕ НАШИМИ, не вписывавшимися в этот круг по своим профессиональным интересам.

Н. С. Щербатов. Носитель княжеского титула и обладатель весьма высокого общественного статуса, он, казалось бы, самой судьбой был предназначен для занятия одной из верхних ячеек системы, а начинание его должно было привести к гарантированному успеху. Однако... Видный археолог оказался слишком образованным и умным для того, чтобы оставаться НАШИМ для мира канцелярии. Сам факт заинтересованности чем-то малопонятным, малоизвестным уже ставил титулованного археолога в компанию людей подозрительных: зачем это ему, что получит от этого Чиновная сфера? Ничего,— тогда НЕ НАШ.

И. Я. Стеллецкий. Тоже НЕ НАШ? Безусловно, ибо не кто иной есть, как осколок империи, «недобитый попутчик», как тогда любили говаривать...

Да полно, можно ли так? Ведь старый Чиновный мир с его психологией и традициями «держать и не пущать» был сметен социальным ураганом 1917-го и последующих... Сметен, верно. И у Стеллецкого был шанс: единственный, наверное, шанс ухватить заветную Синюю птицу — начать свою эпопею в те месяцы, когда новая власть только лишь формировалась, пока новые структуры представляли собой зыбкие, колеблющиеся и меняющиеся образования, пока можно было бы энергичному человеку вклиниться в эту формирующуюся власть и использовать открывшиеся возможности для благого дела. Злоупотребить властью в общественных интересах Стеллецкий не успел: непредсказуемость обстоятельств гражданской войны не допустила его вхождения во власть... А позднее — шансов уже не было. Ибо власть развивается по своим внутренним законам, непостижимым для нормальных смертных. И если главная прерогатива власти — разрешительные действия, то уважающая себя власть просто обязана «не разрешить». А как иначе?

Неистовый археолог опоздал. И тем большего преклонения заслуживает то, что он все-таки успел сделать, успел без малейшего шанса на успех начатого дела, ибо власть со всеми ее новыми атрибутами ни при каких обстоятельствах не допустила бы подкопа под свою обитель со стороны непроверенного попутчика. Можно считать, что И. Я. Стеллецкому повезло: он остался живым в безумной мясорубочной круговерти 1930-х, хотя по всем признакам должен был получить как минимум один акт высшей меры «социальной защиты». Посудите сами: Вождю писал, под Кремль копал, казенные средства невесть на что тратил, с врагами народа (будущими) контактировал... За несравненно меньшие прегрешения множество людей исчезли без возврата.

Верил ли Стеллецкий в свою миссию? Чтение его дневниковых записей наводит на мысль, что ученый уже тогда жил как бы вне реального мира, «знал одной лишь думы власть...». Попытки получить разрешение на раскопки в Кремле, предпринимавшиеся им на протяжении нескольких лет и весьма напоминав-

шие бесконечное восхождение по лестнице, ведущей вниз,— это и путь подвижничества, и борьба «надмирного» Дон Кихота. Чем рассчитывал археолог привлечь власть имущих? Культурными сокровищами? Но что значили старые книги для властителей, тысячами взрывавших старые храмы? Надеялся ли Стеллецкий пробудить тщеславные устремления у потенциальных покровителей? Но что могли дать для самоутверждения безграничных владык какие-то неведомые еще (да и непонятные для новых Чинов) белокаменные фундаменты и выложенные кирпичом туннели? Одним росчерком пера отправлявшие в небытие тысячи и сотни тысяч сограждан, что могли получить ОНИ от раскопок в Кремле? Знал ли ученый, что нельзя, безнадежно, бессмысленно было вступать в переговоры с теми, кто дорвался тогда до власти? (И ведь не ведал он, что острая полемика, которую он вел со своими оппонентами на страницах периодики, в заявлениях и посланиях разным инстанциям, для власть имущих важна была отнюдь не в интересах истины, а всего лишь как дополнительный источник компрометирующих материалов на потенциальных обитателей ГУЛАГа.) Ставить эти вопросы нужно лишь для того, чтобы лучше уяснить тернистый путь ученого в нашем мире. Это было, от этого не уйти, это надобно помнить.

Искать ли библиотеку Ивана Грозного? Для И. Я. Стеллецкого такого вопроса просто не существовало: всей своей жизнью он доказал верность идее, хотя средства для достижения цели были подчас и заведомо негодными, а убежденность в собственной правоте и покоилась на ошибочных посылках. То, что в недрах Боровицкого холма вплоть до наших дней могут покоиться крупнейшие культурные ценности, допускал академик М. Н. Тихомиров, крупнейший знаток истории Москвы. То, что в археологическом и историко-архитектурном отношении территория Московского Кремля до сих пор в значительной степени остается «белым пятном» (или — если угодно — «черным ящиком»), можно принять за данность. При всех условиях серьезная работа принесет и серьезные результаты, независимо от того, будут ли найдены остатки легендарной библиотеки или — в очередной раз — укроются от пытливых поисковиков. Библиотека Грозного царя несет с собой некую ауру, способную притягивать людей определенного склада характера. Стоит лишь однажды углубиться в лабиринт тайн, с нею связанных, чтобы затем до конца дней своих не ведать покоя. Это сродни той тяге, что ведет альпинистов на заоблачные пики и гонит спелеологов в земные глубины. Это сродни той неудовлетворенности, что вынуждает на поступки, непонятные благополучным обывателям, побуждает ввязываться в безнадежные — с точки зрения «здравого смысла» — предприятия, не обещающие ничего, кроме неприятностей. Это сродни тому духовному настрою, носители которого вслед за героем известного произведения могут заявить: «Я знаю, что эта задача не имеет решения, именно поэтому я и хочу ее решить». И если решится кто вновь требовать развертывания работ по поискам грозненских сокровищ, если найдется столь отважный, что решится ударять собственной головой в каменную стену чиновных бастионов, то я, пожалуй, составлю ему компанию, ибо дело это святое.

А то, что главным препятствием, как и прежде, окажется Его Неподобие

Чиновник, можно утверждать почти со стопроцентной уверенностью. Ибо при всех позитивных сдвигах последних лет Чиновник в нашем обществе все еще остается силой, все еще остается распорядителем, для которого «держать и не пущать» есть первая заповедь. Ибо вплоть до той поры, пока наукой и культурой у нас будут управлять (вместо того чтобы помогать ее саморазвитию) — поиски библиотеки Ивана Грозного будут уделом Дон Кихота. А Рыцарь Печального Образа, как известно, не мог, просто не умел отступать. Таким рыцарем и был автор книги, послесловие к которой и предложено твоему вниманию, почтеннейший читатель.

А. А. АМОСОВ,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела рукописной и редкой книги
Библиотеки Российской Академии наук.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя 3

И. Я. СТЕЛЛЕЦКИЙ. МЕРТВЫЕ КНИГИ В МОСКОВСКОМ ТАЙНИКЕ

Предисловие 19

ТОМ 1

Введение. Книжные предки либереи
Мертвые книги Востока 21
Мертвые книги Греции 23
Мертвые книги Киевской Руси 27
На заре печати 30
Книжная Византия 35
Книжный Запад 41
Часть I. Век Ренессанса (Царевна София)
Глава I. Последние 43
Глава II. Королева русская 50
Глава III. В Москву! На трон! 57
Глава IV. На троне 64
Глава V. Московский тайник 67
Глава VI. Генеральный архитектор Москвы 77
Глава VII. Либерея с неба 87
Глава VIII. Шемякин суд 91
Глава IX. Ищите женщину 95
. . . .
Глава XV. Спор о мертвых книгах . . 97
Глава XVI. Франц Ниенштедт 105
Глава XVII. Книги подземной либереи . . 107
Глава XVIII. Архив Грозного 111
Глава XIX. Драма жизни Ивана Друкаря . 113

ТОМ II

Часть I. Во мгле
Глава I. Девятый вал 117
Глава II. Безлюдье 119

Глава III. Молва 121
Глава IV. Разведчики 122
Глава V. Загадочная личность 125
Глава VI. Дьяк в тайнике 128
Глава VII. «Поклажа» 132
Глава VIII. Камень в воду 141

Часть II. Глазами спелеолога
В канун революции
Глава IX. Поднятая нить 152
Глава X. Тайны архивных башен . . . 156
Глава XI. По ступенькам вглубь . . . 160
Глава XII. «Сезам, отворись!» 165
. . . .
Глава XIV. Секретарь одного архива . . 167
В советские дни
Глава XV. Новая Москва 169
Глава XVI. По ступенькам вверх 177
Глава XVII. Голос общественности . . . 181
Глава XVIII. Немецкий трюк 182
Глава XIX. ЦК ВКП(б) 185
Из дневниковых записей И. Я. Стеллецкого о раскопках в подземельях Московского Кремля 187
Приложение 221
Комментарии 224
А. Амосов. Слово о Великом искомом 243

Игнатий Яковлевич
СТЕЛЛЕЦКИЙ

МЕРТВЫЕ КНИГИ В МОСКОВСКОМ ТАЙНИКЕ

Научно-популярное издание

Редактор *Л. Д. Полиновская*
Художник *Н. А. Пашуро*
Художественный редактор *И. Д. Лопатина*
Технический редактор *М. В. Гречнева*
Корректоры *Т. А. Сёмочкина, Л. Т. Царская*

ЛР № 006364. Сдано в набор 17.02.92. Подписано к печати 21.10.92. Формат $60 \times 84^1/^{16}$. Бумага книжно-журнальная № 2. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,74. Усл. кр.-отт. № 17,20. Уч.-изд. л. 18,93. Тираж 10000 экз. Заказ № 1908. С. 42.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий»,
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28. Областная типография.

МЕРТВЫЕ КНИГИ В МОСКОВСКОМ ТАЙНИКЕ

Московский
рабочий